

ОЛЕГ ПЛАТОНОВ

ВОЙНА С ВНУТРЕННИМ ВРАГОМ

Олег Платонов

Война с внутренним врагом

«Алгоритм»
2012

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Платонов О. А.

Война с внутренним врагом / О. А. Платонов — «Алгоритм», 2012

Война с внутренним врагом была главным содержанием русской жизни в последние десятилетия. В этой схватке, хотя и огромной ценой, победили русские. Поддерживаемому Западом внутреннему врагу не удалось опрокинуть Россию. В представленной книге впервые открываются неизвестные страницы тайной войны против нашей страны. После долгих лет молчания, вызванного необходимостью соблюдать конспирацию, автор получил возможность опубликовать важные сведения о деятельности подрывных антирусских организаций, финансируемых правительством США и их западноевропейскими сателлитами. Большое внимание в книге уделено отражению событий, связанных с подрывной деятельностью внутренних врагов России и прежде всего либералов, масонов, сионистов и еврейских экстремистов, сеющих национальную рознь и пытающихся возвыситься над народами России. Автор приводит многочисленные факты чудовищных преступлений в разных регионах страны, собранные им во время многолетних исследований тайных обществ и сект.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

© Платонов О. А., 2012
© Алгоритм, 2012

Содержание

Предисловие 6
Война с внутренним врагом. История и идеология русского патриотизма 9
Глава 1 9
Глава 2 13
Глава 3 15
Глава 4 17
Глава 5 19
Глава 6 23
Глава 7 27
Глава 8 32
Глава 9 51
Глава 10 63
Глава 11 73
Глава 12 78
Глава 13 96
Глава 14 101
Глава 15 103
Глава 16 107
Глава 17 114
Глава 18 121
Глава 19 136
Глава 20[74] 145
Битва за Россию. Воспоминания 152
Предисловие 152
Глава 1 158
Глава 2 165
Глава 3 172
Глава 4 178
Глава 5 189
Глава 6 199
Глава 7 211
Глава 8 221
Глава 9 224
Глава 10 228
Конец ознакомительного фрагмента. 231

Олег Платонов
Война с внутренним врагом

Посвящается памяти Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева; †20.10/2.11.1995), благословившего мой труд.

Посвящается моим детям и всей русской молодежи, которым предстоит сделать то, что не успели мы

В оформлении переплета использована икона «Единородный Сыне». 1668–1669 гг. Москва. Оружейная палата. Государственная Третьяковская галерея.

Икона выражает жизнеутверждающую идею противостояния Бога смерти и тайне беззакония, триумф Божественного добра над мировым злом. Направляемый Богом Архангел Михаил уничтожает сатану и всех идущих за ним внутренних врагов человечества.

© Платонов О. А., 2012

Предисловие

С принятия христианства до 1917 года Русская Церковь подвергала анафеме внутренних врагов России. Правители православного царства постоянно настаивали на включении в чин анафематствования поименного упоминания внутренних врагов страны, борьбу с которыми они считали патриотическим долгом всех русских подданных. Петр I в своих выступлениях неоднократно проводил мысль о том, что у каждой великой державы наряду с внешним врагом существует не менее опасный внутренний враг, стремящийся изнутри подточить могущество страны. Внутренний враг, считал он, всегда выступает в союзе с внешним врагом. Поэтому бороться с ним надо не менее решительно, чем с иностранным агрессором.

В разные эпохи у России были разные внутренние враги, но всех их объединяло несколько общих стремлений – подорвать Русскую Церковь и государство, поколебать духовное единство народа и расчленить страну.

Если в первые века существования Русского государства внутренние враги были ничтожной величиной, то с XV века они начинают представлять опасность для развития страны. Такою опасностью, например, были ереси стригольников и жидовствующих, имеющие свои корни в тайных иудейских сектах.

В XVI–XVII веках внутренние враги России были преимущественно порождениями тайной экспансии католицизма. Заговор против Ивана Грозного, организованный западнорусскими феодалами, а впоследствии католическая агрессия против Руси породили множество внутренних врагов, с которыми царь боролся с помощью опричнины, а русский народ – объединившись в патриотическое ополчение Минина и Пожарского.

В XVIII веке главными внутренними врагами России становятся члены масонских лож и тайных иудейских сект, сплотившие вокруг себя все антирусские силы. С этой опасностью боролись русские цари от Петра I и Елизаветы до Екатерины II и Павла I, запретившие преступную деятельность вольных каменщиков и тайных иудейских сект.

С начала XIX века армия внутренних врагов России под влиянием враждебной деятельности западных стран приобретает невероятные размеры. Декабристы, революционеры, нигилисты, масоны, террористы, члены многочисленных антирусских организаций, подкармливаемые западными правительствами, тайными масонскими и иудейскими организациями, превратились в могучую силу, перевернувшую страну в 1917 году.

На 20 лет Россия оказалась под властью внутренних врагов. Еврейский большевизм, опиравшийся на масонские ложи, тайные иудейские секты и целую армию космополитической либеральной интеллигенции, был уничтожен Сталиным. В России начинала возрождаться национальная власть.

После смерти Сталина процесс возрождения замедлился. Возникла новая когорта внутренних врагов России, не только расширивших свои ряды, но и упрочивших свои позиции. Мечтающие о реванше наследники еврейских большевиков объединились с масонами, агентами влияния западных стран, космополитической интеллигенцией, еврейскими экстремистами и сионистами всех мастей, находясь на содержании правительства Соединенных штатов Америки и его западноевропейских сателлитов.

Эта когорта внутренних врагов России и сейчас находится в состоянии войны с Россией. И противостоять ей могут только патриотические силы.

С древнейших времен, наряду с верой в Бога, патриотизм являлся высшим духовно-нравственным чувством коренного русского человека. В душе русского народа патриотизм был связан с верой, выражаясь словами русского святого Иоанна Кронштадтского: «Отечество земное с его Церковью есть преддверие Отечества небесного, поэтому любите его горячо и будьте

готовы душу за него положить, чтобы наследовать жизнь вечную». Ни один народ, кроме русского, не вкладывал в понятие «патриотизм» столь сокровенный и глубокий смысл.

Для русского народа характерно раннее осознание своего национального «я». Это осознание начинается с чувства принадлежности человека не просто к племени или месту рождения, но к государству или большой территории, которая понимается им как его земля, земля его предков, за которую он готов положить свою голову.

Уже в «Повести временных лет» отчетливо проявляется патриотическое сознание наших предков. Это осознание единства славянского народа (под которым подразумевается русский народ), стремление к единению Руси, а также провозглашение богоизбранности славянского народа (но не в плане противопоставления другим народам, а в моральном смысле первенства борьбы с мировым злом).

Русские князья в XII в. клянутся именем земли Русской. Даниил Паломник в Иерусалиме возжигает на Гробе Господнем лампаду «за всех христиан земли Русской». Лучше на Родине костьми лечь, чем на чужбине быть в почете, – говорит Ипатьевская летопись.

Вера и соборные чувства русского народа – добротолюбие, любовь к Родине, нестяжательство, община – объединяли его в единый организм. В отношении посторонних влияний общество было замкнуто, не допуская духовных чужаков, энергично отстаивая свои тенденции и идеалы. Бескровно ассимилируя в своей толще множество племен и народностей, русские в духовном отношении оставались единым народом, тесно сплоченным вокруг Православной Церкви и Родины. Покровителем и руководителем патриотического движения на Руси была Православная Церковь, которая начиная со свв. Антония и Феодосия Печерских благословила русских патриотов на борьбу за Родину, ее традиции, обычаи и идеалы.

Св. Феодосий Печерский стал первым русским идеологом, призывающим к борьбе с внутренними врагами. В своем Поучении о казнях Божиих он учил, что нужно жить мирно «не токмо с други, но и с враги, но со своими враги, а не с Божиими. Свои же нам врази суть: аще кому кто или сына, или брата заклал бо пред очима, все тому простится и отдати. А Божий суть врази: жидове, еретицы, держаще кривую веру и прящейся по чужой вере». Впоследствии эту мысль еще более определенно выразил митрополит Московский Филарет (Дроздов): «Гнушайтесь врагов Божиих, поражайте врагов Отечества, любите враги ваша».

Внутренних врагов, писал Иосиф Волоцкий, «подобает не только ненавидеть или осуждать, но и проклинать и наносить им раны, освящая тем свою руку… Если же придется и побить его, не отвращайся – ударь его по щеке, сокруши его уста, освяти руку свою раной… пусть узнают и жиды, и поганые еретики, что христиане – спасители государства, строители, заступники и учителя. Пусть узнают необузданные и развращенные жиды и еретики, что им подобает бояться Божиих рабов. Если и захотят они когда-либо говорить что-нибудь неподобное – пусть повсюду следят друг за другом, пусть и теней трепещут и пугаются, едва заслышав христиан».

«Сколько внутренних врагов у нашего Отечества?» – вопрошал святой Иоанн Кронштадтский в 1907 году. – «Царство русское колеблется, шатается… Если в России так пойдут дела и безбожники и анархисты не будут подвергнуты праведной каре закона… враги уничтожат и само имя Россия. Русские люди, – говорил святой праведник, – должны объединяться для борьбы с внутренними врагами».

В числе первых Иоанн Кронштадтский вступил в главную патриотическую организацию того времени – Союз Русского Народа, тем самым показав всем русским людям пример истинного патриотизма.

* * *

В настоящем томе я собрал свои труды, посвященные истории и идеологии русского патриотического движения. Прежде всего, я включил в него в сокращении свою книгу о русском

национальном движении, написанную еще в 1990-е годы, но вышедшую в свет только в 2006 году.

Основу тома составляет книга «Битва за Россию», состоящая из моих воспоминаний и дневниковых записей о событиях, в которых я участвовал в 1970-е – 2012 годы. Так уж сложилась моя жизнь, что я всегда стремился в гущу событий, пытался сам оценить все происходящее, критически относясь ко многим общепринятым авторитетам. Я никогда не пытался играть политической роли, рассматривая себя как национального летописца. Хотя, может быть, в этом и была моя политическая роль.

Заключительную часть тома составляет книга «Ответы на вызовы времени», состоящая из моих выступлений, бесед и интервью, касающихся главных тем, волновавших русских патриотов последние 40 лет.

Олег Платонов

Война с внутренним врагом. История и идеология русского патриотизма

Глава 1

Андрей Боголюбский. – Появление жидовствующих и «западников». – Борьба против них. – Москва – Третий Рим

Святой князь Андрей Боголюбский был первым русским патриотом, который успешно боролся с внутренним врагом. В его правление складываются начала, которые в дальнейшем получили развитие в Московском государстве: укрепление Самодержавия и единовластия Православного Царства, борьба с сепаратизмом боярства, единение Церкви с государством, распространение русского народа на восток. Великий князь Андрей объединяет всех, кто противостоял языческим, иудейским и католическим элементам. Святой пал жертвой заговора антипатриотов, но своей мученической смертью только укрепил русскую власть, против которой выступали заговорщики. На владимирский престол пришел брат Андрея Михаил, а после его смерти – Всеволод Большое Гнездо. Великие князья стали называться владимирскими. Великий князь Всеволод был дедом св. Александра Невского и родоначальником великих князей и царей, создавших единую Русь.

Татарское иго не смогло сломать патриотическое единство Руси, а напротив, только укрепило его, мобилизовав русский народ на борьбу с врагом. В годы татарщины Православная Церковь была истинно патриотической организацией. Под ее покровительством народ восстал против оккупантов. Великий русский святой Сергий Радонежский, его последователи и ученики благословляли русских патриотов на борьбу с захватчиками. Св. Сергий Радонежский лично благословил монахов Пересвета и Ослябю на поединок в начале Куликовской битвы, победа в которой стала одним из высших выражений русского патриотизма.

Антипатриотические тенденции внутри общества сначала незаметно, исподволь начинают проявляться по мере укрепления русского централизованного государства и возвращения в его состав западнорусских земель, ранее оккупированных Речью Посполитой. За период оккупации значительная часть западнорусских феодалов интегрировалась в католическо-иудейский мир современной им Польши. Эта часть феодалов стала своего рода «новыми русскими», у них сформировался иной, нежели у их соотечественников в Центральной России, западный менталитет. Духовные ценности христианства они воспринимали поверхностно, в католическо-иудизированной форме, практически начисто отрицая такие основополагающие духовные ценности Святой Руси, как добротолюбие, соборность, любовь к Родине, община. Именно западнорусские феодалы стали главным источником проникновения на Русь антипатриотической идеологии.

Первым, самым серьезным вызовом русским традициям, обычаям и идеалам стало проникновение на Русь идеологии жидовствующих. Целью еретиков было иудизировать Русь. Начало ереси относится к 1471 г., когда в Новгород в свите западнорусского кн. Михаила Олельковича из Киева прибыл жидовин Схария, князь Таманский.

Жидовствующие отвергали апостольские и святоотеческие писания и все христианские догматы, учили соблюдать закон Моисеев, хранить субботу и праздновать иудейскую пасху. Они отрицали церковные установления: таинства, иерархию, посты, праздники, храмы, иконопочитание, все священные предметы, службы и обряды. Особенно ненавидели они монашество.

Жидовствующие надругались над Честным Крестом, святыми иконами и мощами, совершая над ними бесчинства, невообразимые для человека, выросшего в Православной вере. По свидетельству св. Иосифа Волоцкого, глумясь над святынями, они говорили: «Надругаемся над этими иконами, как жиды надругались над Христом».

Продолжением этого глумления над всем святым были блуд и разврат. Жидовствующие священники совершали Божественную литургию, наевшись и напившись, после блуда, кощунственно ругались над Святым Телом и Честной Кровью Христовой и совершали другие осквернения, о которых, по словам прп. Иосифа Волоцкого, «нельзя и написать».

Жидовствующие возбуждали в малодушных и маловерных сомнение в некоторых местах Священного Писания, и прежде всего Нового Завета; соблазняли и с помощью распространяемых ими отреченных, т. е. осужденных Церковью, книг – пособий по тайным наукам – и искаженных списков Священного Писания; пользовались и всем доступным им арсеналом иудейского чернокнижия и колдовства.

В организации секты жидовствующих многое напоминало будущее масонство: строгая законспирированность, проникновение в высшие слои правительства и духовенства; ритуал, включающий «обряд» поругания святыни; формирование системы «учитель – ученик» вне традиционных православных представлений.

Являясь непримиримыми врагами христианства, жидовствующие скрывали ненависть к нему, втайне рассчитывая постепенно разрушить его изнутри. Перед людьми твердыми в вере еретики представляли себя «добрыми христианами» и «образцовыми ревнителями Православия».

Примерно в 1480 г. еретики проникают в Москву. Здесь они расширяют свою организацию за счет видных государственных деятелей из окружения самого Царя Ивана III. Кроме священников главных соборов Кремля еретики привлекли к себе многих бояр, руководителя русской внешней политики дьяка Федора Курицына и даже ближайшее окружение наследника Русского престола. Негласно поддерживает жидовствующих и глава Русской Церкви (с 1490) митр. Зосима.

Фактически жидовствующие поставили вопрос о самом существовании Святой Руси – русской цивилизации. И тогда все русские патриоты поднялись против еретиков. Во главе движения стали русские свв. Иосиф Волоцкий, Геннадий Новгородский и Нил Сорский.

Деятельность секты была разоблачена в 1487 г. архиеп. Геннадием, сообщившим о ней Царю и митр. Геронтию. По указанию Царя несколько еретиков, названных Геннадием, были арестованы и подвергнуты «градской казни» (наказание кнутом на торгу) за надругательство над иконами. Однако многие покровители жидовствующих избежали наказания. Русские патриоты не смирились и продолжили борьбу против жидовствующих. Прежде всего были просмотрены церковные книги и из них изъято все чуждое русской православной традиции, ликвидированы иудейские синагогальные тексты, все сомнительные места, которыми еретики прельщали православных священников. По инициативе архиеп. Геннадия была полностью переведена Библия. Этот перевод окончательно обезоруживал еретиков, которым в своих аргументах против христианства оставалось прибегать только к открытому обману.

Архиеп. Геннадий организовал также перевод полемических сочинений, в которых представлялось систематическое опровержение иудейских сект. Были переведены сочинение магистра Николая Делира, «чина меньших феологии преследователя, прекраснейшие стязания, иудейское безверие в Православной вере похуляще»; сочинение «учителя Самоила Еврейна на Богоотметные жидове, обличительно пророческими речьми» и др. сочинения против иудеев.

Преступления жидовствующих против христианства были раскрыты в сочинении Иосифа Волоцкого «Просветитель». Большую роль в борьбе против еретиков сыграл составленный Нилом Сорским сборник житий, куда он включил, в частности, жития Федора Студита и Иоанна Дамаскина, осуждавших иконоборчество.

После Собора 1490, осудившего ересь жидовствующих, борьба с ними продолжалась еще почти 15 лет. Только в 1504 г. Царь Иван III принял решение созвать новый Собор. На нем еретики еще раз подверглись решительному осуждению, а их руководители после суда казнены.

Долгая борьба закончилась победой патриотов, Святая Русь была спасена.

В XVI в. русские патриоты выражают свое понимание русского патриотизма, которое выражается в формуле «Москва – Третий Рим». По этой формуле Москва – главный мировой оплот христианства и добра. Старец Филофей писал: «Первый Рим – пал от нечестия, второй (Константинополь) – от засилия мусульманского, Третий Рим – Москва, а четвертому не бывать». Русский народ принял миссию Третьего Рима не по принципу национализма, а исключительно в силу уверенности в своем Православии, в святости Руси. Царство Русское борется против мирового зла, оно есть последнее мировое царство, за которым наступит Вечное царство Христа. Русские патриоты гордятся своей мировой миссией, но в этой гордости нет греховной гордыни, а бескорыстие и жертвенность, готовность положить свою жизнь в борьбе с мировым злом. Чем яснее русские люди понимали свое высшее предназначение и вселенскую миссию, тем больше врагов ополчалось на Русь. Влияние внешних врагов на Русь осуществлялось прежде всего через «пятую колонну» западнорусских феодалов, не понимающих вселенской миссии русского народа.

Опасный конфликт между патриотами и антипатриотами развивается в правление Ивана Грозного. Часть правящего класса, князья и бояре, прежде всего из западнорусских земель, вынашивает планы реформирования Московского царства на западный лад. Для Святой Руси это реформирование было равнозначно гибели, ибо именно в этот период западная цивилизация фактически отказалась от христианства, а западное общество подверглось иудизации.

Кризис западной церкви и христианских монархий в Европе, начавшийся с отпадения Рима от Православия, перешел к сер. II тысячелетия во всеобщую катастрофу западнохристианской цивилизации. С этого момента, по справедливому замечанию русского философа А. Ф. Лосева, осуществляется развертывание и оформление сатанинского духа, ступенями которого были капитализм и социализм. Западный мир вошел в полосу деградации и одичания. Этому способствовало и развитие научно-технического прогресса, который в условиях упадка веры превращал человека в раба возрастающих материальных потребностей. Западный мир становился все более одномерным. Духовная доминанта человечества, ранее определяемая христианством, ценностями Нового Завета, перемещалась на периферию общественного сознания, а на авансцену истории выходили бездушие, эгоизм и ограниченность человека, живущего только потребительскими, плотскими интересами. Живший по правде Божьей человек Святой Руси не мог принять эту убогую шкалу жизненных ценностей Запада. Столкновение между Русью и западными странами было не простым межгосударственным конфликтом, но борьбой двух противоположных цивилизаций – русской духовной христианской и западной потребительской антихристианской.

К сер. XVI в. на Руси сформировалась своего рода «пятая колонна» представителей правящего класса, ориентировавшегося на Запад, явно или неявно отвергающая духовные ценности Святой Руси и готовая пойти на предательский сговор с Римом и др. историческими противниками Руси. «Пятая колонна» формировалась преимущественно из князей и связанных с ними служилых людей, выходцев из западнорусских земель, оказавшихся в составе Великого княжества Литовского, с их землями, княжествами. Так, напр., в посл. четв. XV в. к Москве перешли «верховские» (т. е. владевшие землями по верховьям Оки и Десны) князья Воротынские, Белевские, Одоевские, Вяземские, княжество в Смоленской земле, княжества по рекам Десне и Сожу до самого Днепра.

«Западники» зачастую ставили свои личные интересы выше русских государственных интересов, а когда встречали отпор со стороны Царя, бежали на Запад. Во 2-й пол. царствования Ивана Грозного в его окружении зреет измена.

Реакция Ивана Грозного и всех русских патриотов в этих условиях была адекватна опасности, которая стояла перед страной. Чтобы победить изменников-антипатриотов, Иван Грозный из числа преданных ему патриотически настроенных людей создает опричнину («опричный узел») и опричный полк. Русь разбивается на две части: патриотическую опричнину и земщину, в которой наряду с честными русскими людьми существовала и группировка антипатриотов.

Царь начинает «перебирать своих людишек», «искоренять крамолу». Князья и бояре, замешанные в крамоле, подвергаются казни, их земли отбираются в казну или раздаются опричным дворянам. Всего, по оценкам историков, казнено было 3–4 тыс чел Опричнина серьезно подорвала позиции крупной земельной аристократии, ориентировавшейся на Запад, не позволила осуществиться многим преступным замыслам. Так, по данным польских летописцев, в 1568 г. приближенные к Ивану Грозному изменники-бояре устроили заговор и задумали схватить Царя и передать его польскому королю. Изменники были казнены. Решительные действия Ивана Грозного по искоренению крамолы имели важнейшие последствия после пресечения династии Рюриковичей и воцарения Бориса Годунова. Последствия Смутного времени были бы для России гораздо серьезнее, если бы Иван IV не ослабил влияния «западников». Верхушка самых активных сторонников перехода в подданство к польскому королю была уничтожена Иваном Грозным, а оставшиеся «западники» не имели достаточно влияния, чтобы заставить русское общество отречься от Православия и идеалов Святой Руси и принять католичество. Поддержанные Римом и польскими королями, антиправославные замыслы Лжедмитрия I не нашли поддержки влиятельных сил на Руси, хотя часть русского правящего класса была склонна сделать этот шаг.

Вера в Святую Русь и патриотизм сплотила русский народ во время польской оккупации. Патриотическое движение Козьмы Минина и кн. Дмитрия Пожарского объединило лучших людей России. Интервенты были изгнаны из России. Земский собор 1613 призвал на царство Михаила Федоровича Романова. Возникла новая династия, опиравшаяся на патриотизм русского народа.

Первые цари из этой династии правили, опираясь на Земский собор, согласуя с его членами многие важные решения. Патриотизм был мощным фактором развития общества на протяжении всего XVII в. Первые Романовы, опираясь на патриотические чувства, укрепили страну, постепенно реформируя ее в национальном духе.

Глава 2

Черная сотня. – Высшая форма объединения русских людей. – Черносотенство – выражение коренного русского духа

Патриотизм был нормальным состоянием широких народных масс. Еще в XII веке понятие «патриотизм» отождествлялось с самым массовым слоем русских людей – «черной сотней», впоследствии ставшим синонимом русского патриотического движения.

По свидетельству В. О. Ключевского, первые известия о черных сотнях приводятся в русских летописях еще в XII в. В допетровские времена, отмечает Ключевский, «общество делилось на два разряда людей – “служилые” и “черные”. “Черные” назывались еще земскими. Это были горожане и сельчане – свободные крестьяне. Из этих “черных” или “земских людей” и образовались “разряды или местные общества”, которые назывались “черные сотни”. В столице “люди черных сотен” составляли массу торгово-промышленного населения, соответствовавшую позднейшему мещанству». Таким образом, черные сотни объединяли в своих рядах всех русских людей, за исключением тех, кто состоял на государственной службе.

В Древней Руси понятие «черная сотня» было тождественно понятию мира, или общины. В терминах того времени «черносотенцами», «черными» назывались люди, жившие в условиях общины. Как отмечал историк И. Д. Беляев, черные люди разделялись на общины, которые в городах назывались улицами, слободами, а вне города – селами, деревнями и починками. Об общественном устройстве этого класса свидетельствуют те факты, что слободы, села и деревни черных людей всегда имели общинное устройство, т. е. свои веча и сходки и своих начальников. К черным людям в городах относились: во-первых, торговцы, не записанные ни в какую купеческую общину, во-вторых, ремесленники, в-третьих, разные чернорабочие люди. В селах же к черным людям принадлежали земледельцы и сельские промышленники, жившие на землях, принадлежавших общинам или частным владельцам. Черные люди в городах если занимались торговлей, то причислялись к купеческой общине и ведались купеческими старостами. Но принадлежность их к купеческой общине основывалась только на единстве их занятий с купцами. К управлению ими и купеческими старостами присоединялся еще тысяцкий, который был один на весь город. Кроме того, они имели общинные сотни, управлявшиеся сотниками, избиравшимися из своей среды. Черные люди, как городские, так и сельские, непременно тяготели к какой-либо городской черной сотне или сельской общине и непременно должны были иметь оседлость, т. е. дом и известную долю городской или сельской земли, что в городах называлось двором, а в селах – обжею или вытью. Люди же, не имевшие определенной доли общинной земли или не причисленные ни к какой общине, назывались изгоями и оставались в этом положении до тех пор, пока не получали определенной доли земли и не причислялись к какой-либо общине. Черные люди считались полноправными людьми в русском обществе, имели своих представителей и свой голос на вече, в селах точно так же крестьянские общины имели своих старост, свое земское управление и суд. Каждый член общины имел голос на сельском вече, участвовал в выборе начальников, раскладке податей и др. общественных делах; но черные общины, как городские, так и сельские, будучи «молодшими», подчинялись почти всегда «старейшим», т. е. боярам и купцам, и шли за ними: так, напр., в Новгороде и пригородах каждая улица и каждый конец имели своих бояр и своих купцов, с которыми в общественных делах заодно действовали и черные люди. По закону черные люди были поставлены в некоторую зависимость от своих старших уличан; в уличанских общинах они не имели выборных своего класса старост, а подчинялись тысяцкому, выбираемому на весь город. В селах же большая часть крестьянских поселений была на землях богатых землевладельцев – бояр или купцов; следовательно, такие черные общины были уже в большей или меньшей зависимости от

своих вотчинников. Впрочем, юридические права меньших, или черных, людей относительно общественных дел были почти одинаковы с правами старших, или вящих, людей, и на вече они также имели свою силу и голос.

Объединение подавляющей части русского народа в черные общины и сотни делало его хорошо организованной силой, способной противостоять любому врагу. Недаром огромную роль черные сотни сыграли в формировании народного ополчения 1612 г. под руководством черносотенца Козьмы Минина и князя Пожарского.

Многовековая жизнь русского народа в условиях общины и черной сотни сделала черносотенство чертой национального характера коренных русских людей, выражая непоколебимую любовь к народным традициям, обычаям и идеалам, в XIX в. воплотившимся в формулу «Православие – Самодержавие – Народность». Черносотенство как чувство патриотической мощи и единения многие русские люди сумели сохранить и после космополитических реформ XVIII–XIX вв. Враги России смертельно ненавидели черносотенство как выражение коренного русского духа, понимая, что, пока оно живо, русский народ им не победить.

Начиная с сер. XIX в. враги исторической России – революционеры и масоны всех мастей – стремятся дискредитировать высокое чувство черносотенства, унизить его, придать ему ругательный смысл. В устах революционеров, масонов и связанных с ними либералов слово «черносотенец» становится тождественным выражению «враг революции». А так как главными революционерами были евреи, то понятие «черносотенец» отождествляется революционерами также со словом «антисемит».

Русские патриоты – противники революции, конечно, не возражали, что их называют славным именем «черносотенцы». Один из миллионов русских черносотенцев, оставшийся неизвестным, выразил дух черной сотни в стихотворении:

Кто, молитву творя,
Чтит народ и царя,
В ком ни сердце, ни ум не шатаются,
Кто под градом клевет
Русь спасает от бед, —
Черносотенцем тот называется.

Глава 3

Национальное реформирование при Петре I. – Партия русских патриотов в противостоянии засилью иноземцев. – А. Волынский. – Ф. Ростопчин. – Патриотизм русских в войне 1812 г. – Разгром антипатриотического восстания декабристов-масонов

При Петре I национальное реформирование продолжалось. Сам Царь был великим русским патриотом и рассматривал свои реформы как общенародное дело. Однако большое количество западных специалистов, привлеченных Петром I к национальному реформированию, нарушило баланс сил в руководстве страной. Царь мог сдерживать рост антипатриотических сил. Своей державной волей он умело использовал технические достижения Запада на благо России. Вместе с тем он не всегда понимал огромную духовную и патриотическую роль Русской Церкви и в отношении к ней допустил большие ошибки, имевшие после его смерти трагические последствия.

Ближайшие наследники Петра – Екатерина I и Анна Иоанновна – были чужды России и не понимали ее. В их царствование русским патриотам приходилось трудно, их преследовали и казнили. Во время «бироновщины» была казнена «партия» русских патриотов во главе с Артемием Волынским. Вина последнего заключалась в том, что он выступал за привлечение к управлению государством русского дворянства и ограничение количества иностранцев в составе высшего чиновничества.

При Елизавете, Екатерине II и Павле I русский патриотизм, как и при Петре I, снова становится мощным фактором развития страны. Громкие победы русского оружия в войнах с Турцией, Пруссией, возвращение Крыма и западнорусских земель, оккупированных Польшей, усиливают патриотические чувства русских людей.

Именно в это время в русском обществе возникло национальное общественное движение, выступавшее против масонских и космополитических кругов российского чиновничества и дворянства. Ярким выразителем этого движения был гр. Ф. В. Ростопчин, ставший для того времени одним из идеологов русского национализма. Ростопчин выступал за проведение внешней политики, соответствующей национальным интересам России. В 1800 г. он подал Павлу I записку, в которой обосновывал русскую политику ослабления Англии и раздела Турции, переход под юрисдикцию России православных территорий. Планы эти были одобрены Павлом I, однако сам он вскоре пал жертвой масонского заговора, которым руководили английские ложи.

В течение ряда лет Ростопчин находился в опале по наговору членов масонских лож. Однако в 1811 г. он сумел передать Александру I свою «Записку о мартинистах», в которой вскрывал преступную деятельность масонов в русском обществе. Масоны, писал Ростопчин, мечтают о поражении России, они «возбудили мысль о необходимости изменить (в ней) образ правления». Наполеон, продолжал Ростопчин, покровительствует русским масонам, которые «поставили своей целью произвести революцию, чтобы играть в ней видную роль, подобно негодяям, которые погубили королевскую Францию».

Записка Ростопчина оказала заметное влияние на Александра I, который перед самой Отечественной войной 1812 г. произвел некоторые перемещения в государственном аппарате и, в частности, отправил в отставку видного масонского конспиратора и сторонника реформирования России на западных началах М. М. Сперанского.

В знак доверия к Ростопчину и в поддержку русского национального направления Александр I назначил Ростопчина генерал-губернатором и главнокомандующим Москвы. Это назначение сыграло большую роль в борьбе против французов, в поднятии русского национального духа.

Величайший патриотизм русских людей был проявлен в войне 1812 г., справедливо получившей название Отечественной. Император Франции Наполеон вынашивал планы завоевания России, расчленения ее территории, отторжения от нее некоторых земель и создания на оставшейся части марионеточного режима, возглавляемого одним из родственников императора. Своим союзникам по агрессии Наполеон обещал значительные территориальные приобретения: Австрии – часть Малороссии, Пруссии – часть Белоруссии и русской Прибалтики. В свои союзники Наполеон взял «пятую колонну» внутри России – иудеев и членов масонских лож из правящего класса.

Однако надежды Бонапарта разбились о патриотизм русского народа и искусство русских военачальников. Уже на первых этапах войны русский Царь обратился к народу с манифестом о народном ополчении. На всех оккупированных территориях разгорается партизанская война. Крестьяне объединяются в вооруженные отряды и беспощадно громят французов, уничтожают их снабженцев и связных. Патриотический подъем охватил все слои русского общества, предатели, лица, заподозренные в сотрудничестве с врагом, карались без суда и следствия. Патриотический подъем опрокинул надежды масонов на победу Наполеона и установление в России угодного им режима. На Русской земле полегло 550 тыс оккупантов, был развеян миф о непобедимости Бонапарта. Русская армия с триумфом прошла всю Европу, взяла Париж и окончательно низложила Наполеона.

Однако в это же время начинают сказываться ошибки Петра I, ослабившего главный патриотический центр страны – Православную Церковь, что проявилось в падении духовности и патриотизма части правящего класса (той самой «пятой колонны», на помощь которой рассчитывал Наполеон). Ослабление Церкви вело к деградации патриотических чувств среди российской знати и дворянства. Многие из них становятся антипатриотами, умножают ряды «вольных каменщиков» и иудейских сект. В подполье этих антипатриотических организаций готовится заговор декабристов-масонов. В планы заговорщиков входила ликвидация русской монархии и убийство Царской семьи, замена Православия «религией разума», расчленение страны на несколько республик, т. е. декабристы-масоны, как и жидовствующие в XV в., планировали гибель России и русской цивилизации. План восстания декабристов-масонов предполагал захват Зимнего дворца, арест и истребление Царской семьи. Масоны готовили солдатский бунт на Сенатской площади.

Однако решительными действиями русских патриотов, которыми руководил сам император Николай I, бунт был подавлен, его организаторы трусливо разбежались по стране, были разысканы и преданы суду. Эта победа патриотов обуздала внутренних врагов, обеспечила России тридцать лет спокойного развития. «Пятая колонна» антипатриотов ушла в глубокое подполье.

Глава 4

Укрепление русской партии. – А. Аракчеев. – А. Шишков. – Н. Карамзин. – Серафим Саровский благословляет патриотов. – С. Уваров. – Православие – Самодержавие – Народность

Именно в годы зарождения и разгрома антирусского декабристского заговора возникает общественное движение, своего рода русская партия, осознававшая опасность преступной деятельности масонских реформаторов. Душой русской партии был гр. А. А. Аракчеев, сумевший объединить вокруг себя целый ряд государственных деятелей, стоявших на твердых патриотических позициях. Среди них были государственный секретарь А. С. Шишков, председатель Комитета министров Вязьмитинов, генерал-адъютант Балашов, кн. Багратион, вел. кн. Екатерина Павловна. Все эти люди последовательно отстаивали национальные интересы России. В 1822–1824 гг. русской партии удалось осуществить ряд важнейших мероприятий. Прежде всего в 1822 г. были запрещены масонские ложи, а с государственных чиновников стала браться обязательная подписка о неучастии в тайной деятельности масонских лож. Аракчееву вместе с А. С. Шишковым, М. Л. Магницким, митр. Серафимом (Глаголевским) и архим. Фотием удалось убедить отправить в отставку крупного масонского мракобеса министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына, который способствовал разложению Православия, насаждению экуменизма, масонского мистицизма и сектантства. После отставки Голицына духовная атмосфера в России очистилась, прекратились гонения на православных подвижников. Своего рода духовным водителем русской партии был св. Серафим Саровский, отвергавший западнический путь, который навязывали России масоны. В своем послании святой подвергал масонство анафеме. Масонов, приходивших к нему на благословение, св. Серафим прогонял.

В Государственном архиве Российской Федерации сохранилась докладная записка Н. А. Мотовилова Государю Императору Александру II, в которой исчерпывающе излагается отношение великого русского святого Серафима Саровского к масонам и другим внутренним врагам России: «… батюшкой отцом Серафимом священно тайно, но для меня вполне ясно повелено от лица Господня ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ всеподданнейше доложить, что по поводу Восьмого Вселенского Собора крайне насущно в настоящее время как, во-первых, для соединения Святых Божиих Церквей под Единую Главу Христа Жизнодавца и под Единый Покров Пресвятыя Богородицы, так, во-вторых, и всецелое анафематствование всей мерзости отступления от Святой Вселенской Веры Христовой или аболиционистического нивелирования всего на свете, то есть по-русски – декабризма, а по-вселенски – масонства, франкмасонства, иллюминатства и всей их якобинской, престолов церковных и монастырей святых разорительной и цареубийственной, баргонительной правительственности, всеподло безбожной, антихристианской, сосредоточенной преимущественно в ложах – Симбирской, Московской, Санкт-Петербургской – по России…»[1]

На обличительные речи святого Серафима Саровского внутренние враги ответили кампанией лжи и клеветы. Десятилетиями они не уставали очернять старца, объявляя его полупомешанным крестьянином, безграмотным и корыстным человеком.[2] Масоны всячески препятствовали канонизации святого, глубоко почитаемого в народе еще при жизни.

К активным деятелям русской партии следует также отнести Н. М. Карамзина. Примерно в одно время с Ростопчиным Карамзин направляет Александру II «Записку о древней и новой

[1] Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 109, оп. 1, 1854, д. 93.

[2] Архив Свято-Троицкого монастыря (Джорданвилль, США). Архив Н. Ф. Степанова (Свиткова).

России», где доказывает ему, что Россия имеет свой особый путь развития. Благополучие страны зависит от сохранения народного духа и исторических традиций. Подобно Ростопчину Карамзин резко критикует деятельность тогда еще всесильного масона М. М. Сперанского, справедливо обвиняя его в попытках подорвать начала русской жизни. Реформы, предлагаемые Сперанским, чужды России и оторваны от реальной жизни. Как известно, совместными усилиями членов русской партии Сперанский был отстранен от власти, а его западнические реформы остановлены. Величие России, писал Карамзин, в развитии Самодержавия. При сильной монархической власти Россия процветала, при слабой – приходила в упадок.

Духовные победы русской партии над «западниками» и масонами в годы царствования Николая I привели к созданию качественно нового государственного курса, который впервые с разработки государственной теории «Третьего Рима» выразился в создании государственной идеологии, нашедшей свое выражение в триаде «Православие – Самодержавие – Народность».

Эта триада была впервые сформулирована Николаем I в указаниях, данных министру просвещения гр. С. С. Уварову.

Уваров посвятил свою жизнь осуществлению реформы народного просвещения на русских национальных началах. Он считал необходимым ввести в преподавание, имевшее прежде во многом космополитический характер, «дух русский под тройственным влиянием Православия, Самодержавия и Народности, возбуждая в умах уважение к Отечественной истории, к Отечественному языку, к Отечественным учреждениям». Образование должно носить общественный характер, из него следует удалить частное воспитание и иноземных воспитателей.

Главное для России – сохранить Православие, творческая духовная сила которого определяет всю русскую культуру. «Без любви к вере предков народы, как и частный человек, должны погибнуть; ослабить в них веру – то же самое, что лишить их крови и вырвать сердце. Это было бы готовить им низшую степень в моральном и политическом предназначении». Самодержавие является определяющей формой нашего державного бытия, «представляет главное условие политического существования России». Любое, даже малозаметное поползновение к его ограничению неминуемо повлечет снижение могущества, ослабление внутреннего мира и спокойствия страны. «Русский колосс упирается на Самодержавии, как на краеугольном камне; рука, прикоснувшаяся к подножию, потрясает весь состав Государственный. Эту истину чувствует неисчислимое большинство между Русскими; они чувствуют оную в полной мере, хотя и поставлены между собой на разных степенях и различествуют в просвещении, и в образе мыслей, и в отношениях к Правительству. Эта истина должна присутствовать и развиваться в народном воспитании».

По мнению Уварова, главным предметом в воспитании гражданственности и патриотизма является история, преподавание которой есть дело государственное. «История образует граждан, знающих цену правосудию, воинов, умирающих за Отечество, опытных вельмож, добрых и твердых Царей».

Реформа Уварова вызвала переполох в масонско-космополитических кругах. Против него организуется кампания травли и клеветы. Тем не менее многие достижения реформы образования успели укорениться, воспитав поколение людей, которые «лучше знали Русское и по-русски».

Формула «Православие – Самодержавие – Народность», стала идеологической основой для творчества многих выдающихся деятелей русской культуры: писателей В. Н. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Н. Загоскина, Н. В. Кукольника, Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча, О. В. Сеньковского, композитора М. И. Глинки, архитектора А. К. Тона и др.

Новая государственная идеология, выраженная в формуле «Православие – Самодержавие – Народность» развивалась преимущественно сверху, снизу же навстречу ей шла другая половина идеологии русского патриотизма – славянофильство.

Глава 5

Славянофилы. – Выразители идей Святой Руси. – Главные идеологии русского патриотизма

Славянофилы – русские общественные деятели и выразители идей Святой Руси, сыгравшие большую роль в развитии русского национального сознания и формировании национально-патриотической идеологии. Славянофилы обоснованно и твердо объявили об особом пути России, утвердились в мысли о спасительной роли Православия как единственно истинного христианского вероучения, отметили неповторимые формы общественного развития русского народа в виде общины и артели. «Все, что препятствует правильному и полному развитию Православия, – писал И. В. Киреевский, – все то препятствует развитию и благоденствию народа русского, все, что дает ложное и не чисто православное направление народному духу и образованности, все то искажает душу России и убивает ее здоровье нравственное, гражданское и политическое. Поэтому, чем более будут проникаться духом Православия государственность России и ее правительство, тем здоровее будет развитие народное, тем благополучнее народ и тем крепче его правительство, и вместе тем оно будет благоустроеннее, ибо благоустройство правительственное возможно только в духе народных убеждений».

Славянофилы И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, Н. Я. Данилевский и еще целый ряд русских мыслителей стали последовательными защитниками Православия и национальных основ жизни, творчески трактуя формулу исторической России – «Православие – Самодержавие – Народность». Общинность и артельность, по их мнению, является основой государственного и общественного строя России. Община гарантирует равенство жизненных условий массе народа, земледелец является и землевладельцем. В то время как Запад обманывает низшие классы призраком формальной свободы, Россия обеспечивает их лучше, а именно – фактической свободой и самостоятельностью в рамках традиций и обычаев самоуправляемой общины. Так как русский народ, благодаря общине, навеки обеспечил для себя землю, то в противоположность разъедаемым социальной болезнью западноевропейским народам он является юным носителем будущего. Община – самое ценное наследие, удержанное русским народом от древнейших времен своей истории. С ним народ вступил на мировую сцену, чтобы выполнить свою историческую миссию: установить общественную организацию на место общественной анархии, которую оставит сходящая со сцены Европа.

Главная заслуга славянофилов в том, что они с полной определенностью поставили вопрос об использовании национальных особенностей и самобытности народа, выражаемых в его традициях, обычаях и идеалах, как обязательном условии успешного культурного и социально-экономического развития страны.

Славянофильство зародилось в конце 1830-х, а в 1840–1850-х гг. собрало вокруг себя самые мощные национальные силы. Круг единомышленников-славянофилов был широк и объединял вокруг себя выдающихся русских писателей и ученых. Наиболее крупными выразителями славянофильских идей были И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин. Вокруг них группировались И. С. Аксаков, И. Д. Беляев, Д. А. Валуев, А. Ф. Гильфердинг, Н. Д. Иванишев, П. В. Киреевский, А. И. Кошелев, В. И. Ламанский, В. Н. Лешков, Н. А. Попов, В. А. Черкасский, Ф. В. Чижов. Славянофилов поддерживали и являлись выразителями их идей русские писатели С. Т. Аксаков, В. И. Даль, А. А. Григорьев, А. Н. Островский, Ф. И. Тютчев, Н. М. Языков и др. Мировоззренческие учения славянофилов оплодотворяли научную деятельность русских ученых Ф. И. Буслаева, О. М. Бодянского, Г. П. Галагана, В. И. Григоровича, И. И. Срезневского, М. А. Максимовича, Н. А. Ригельмана.

Славянофилы чаще всего собирались в московских литературных салонах А. А. и А. П. Елагиных, Д. Н. и Е. А. Свербеевых, Н. Ф. и К. К. Павловых. Здесь в горячих спорах со своими либерально-космополитическими противниками славянофилы пропагандировали идеи русского возрождения и славянского единства.

Космополитические силы в правительственных кругах долгое время препятствовали деятельности славянофилов. Им не позволяли иметь свой печатный орган.

Статьи славянофилов выходили в «Москвитянине», а также в различных сборниках – «Симбирский сборник» (1844), «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных» (1845), «Московские сборники» (1846, 1847, 1852). Свои газеты и журналы славянофилы стали издавать только с середины 1850-х, но и тогда подвергались разным цензурным ограничениям и притеснениям. Славянофилы издавали журналы: «Русская беседа» (1856–1860), «Сельское благоустройство» (1858–1859); газеты: «Молва» (1857), «Парус» (1859), «День» (1861–1865), «Москва» (1867–1868), «Москвич» (1867–1868), «Русь» (1880–1885).

Своим творчеством славянофилы создали мощное общественное и интеллектуальное движение, сильно пошатнувшее идущие еще с эпохи Петра I космополитическое мировоззрение и низкопоклонство перед Западом. Славянофилы показали тупиковый, ущербный, бездуховный характер западноевропейской цивилизации. Призывая людей обратиться к своим историческим основам, традициям и идеалам, славянофилы способствовали пробуждению национального сознания. Много ими было сделано для собирания и сохранения памятников русской культуры и языка («Собрание народных песен» П. В. Киреевского, «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля). Славянофилы-историки (Беляев, Самарин и др.) заложили основу научного изучения русского крестьянства, в т. ч. его духовных основ. Огромный вклад славянофилы внесли в развитие общеславянских связей и славянское единство. Именно им принадлежала главная роль в создании и деятельности славянских комитетов в России в 1858–1878.

Исследуя главные черты славянофильского учения, прежде всего следует отметить его глубоко православный характер. Христианская вера и Церковь – фундамент человеческой жизни. Они одухотворяют жизнь, придают ей смысл, определяют историю, мораль, мышление, быт. И. В. Киреевский развил философскую систему, ставшую духовной основой славянофильства. Согласно Киреевскому, существуют две формы познания – рационалистическая (свойственная западному миру) и «живая», включающая в себя религиозные, этические и эстетические элементы. Совокупность элементов «живого знания» определяется религиозной верой. Эта форма познания присуща православно-славянскому миру. Жизнь человека, народа основана на вере, которая определяет тип образованности и характер общества. Еще более последовательно система положительного влияния христианства на общественную жизнь развита в трудах другого основателя славянофильства А. С. Хомякова. Церковь есть первореальность, духовный организм – «единство благодати», живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати. «Даже на земле, – пишет Хомяков, – церковь живет не земной человеческой жизнью, но жизнью божественной и благодатной, живет не под законом рабства, но под законом свободы». Свобода принадлежит церкви, как целому, а не каждому члену в отдельности. «Если свобода верующего не знает никакого внешнего авторитета, – отмечает Хомяков, – то оправдание этой свободы – в единомыслии с церковью». Такое понимание свободы исключает индивидуализм, изолирующий отдельную личность. Лишь в Церкви, в братской любви с другими, личность обретает силу и полноту бытия.

Все славянофилы сходились на том, что только христианское мировоззрение и Православная Церковь способны вывести человечество на путь спасения, а все беды в мире происходят от того, что люди отошли от истинной веры и не построили истинной церкви.

Из догматов Православной Церкви вытекает другое важное понятие в учении славянофилов – соборность, понимаемая ими в христианской традиции единения в любви, вере и жизни. Соборность в учении славянофилов – целостное сочетание свободы и единства на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям. Идея соборности наиболее глубоко разработана в трудах А. С. Хомякова.

Православие и соборное единение в любви, вере и жизни неизбежно ведут к целостности духа, служащей обязательным условием полнокровной деятельности людей, их воспитания и познания окружающего мира. Только через Церковь и соборность дух в его живой цельности способен вместить истину во всей ее полноте.

Как отмечал прот. В. Зеньковский, у славянофилов с особой силой развиваются идеи о целостности в человеке. Руководящей мыслью здесь было построение цельного мировоззрения на основе церковного сознания, как оно сложилось в Православии. Целостность в человеке есть иерархическая структура души: существуют «центральные силы нашего богообразного разума», вокруг которого должны располагаться все силы нашего духа. Эта иерархическая структура неустойчива: тут есть противоборство центральных и периферических сил души; особенное значение Хомяков придает уходу от свободы, который обусловливает тот парадокс, что, будучи призваны к свободе, будучи одарены этой силой, люди вольно ищут строя жизни, строя мысли, в котором царит необходимость. В этом весь трагизм человеческой жизни – нам дано лишь в Церкви находить себя, но мы постоянно уходим из Церкви, чтобы стать рабами природной или социальной необходимости. Дело здесь не в «страстях», как обычно думают, а в извращении разума. «Разумом все управляется, – обронил однажды в письме мысль Хомяков, – но страстью все живет». Беда поэтому не в страстях, а в утере «внутренней устроенности» в разуме и неизбежной потере здоровой цельности в духе (В. Зеньковский).

Цельность в человеке позволяет преодолеть отвлеченную рассудочность, присущую западной мысли. Собрав в неделимую цельность все силы тела, души и духа, разум возвышается до сочувственного согласия с верой. Рассудок и чувство согласуются с требованиями духа и подчиняются открываемому в душе «внутреннему корню разумения, где все отдельные силы сливаются в одно живое и цельное знание ума» (И. Киреевский).

Славянофилы верили в высокое предназначение, особую миссию русского народа в борьбе с мировым злом. Большинство из них считали, что русским суждено заложить новые основы духовного просвещения, опирающегося на Православие. Именно в Православии, сохранившем в чистоте святоотеческое предание, возможно проявление высших потенций человека – любви, добротолюбия, соборности, свободной стихии духа, устремленности к творчеству. Высокие потенции духовного развития русского народа славянофилы противопоставляли духовному упадку Запада. Они справедливо считали, что преобладание на Западе материальных интересов жизни над духовными неизбежно ведет к потере веры, социальной разобщенности, индивидуализму, противостоянию человека человеку. Чтобы спасти мир от духовной катастрофы, Россия должна встать в центре мировой цивилизации и на основе Православия принести свет истины западным народам. Однако это сможет произойти только тогда, когда сам русский народ проявит свои духовные силы, очистится от наносного псевдопросвещения и построит в своей стране жизнь по учению Нового Завета. Хомяков считал, что Православие через Россию может привести к перестройке всей мировой культуры. История, говорил он, призывает Россию встать впереди всемирного просвещения – история дает ей право на это за всесторонность и полноту ее начал. «Логика истории, – писал он, – произносит свой приговор над духовной жизнью Западной Европы». К подобному же выводу приходит и И. В. Киреевский. Гибель западной цивилизации, пораженной язвой рационализма, неизбежна, ее может спасти только восприятие православно-славянской цивилизации, наиболее полно раскрывающейся в духе русского народа.

Впрочем, не все славянофилы разделяли идею о великой миссии русского народа. Данилевский, напр., в соответствии со своей теорией культурно-исторических типов считал, что русским, как и всем другим народам, не «суждено разрешить общечеловеческую задачу» в силу того, что одна замкнутая цивилизация не способна конструктивно повлиять на другую замкнутую цивилизацию.

Вместе с тем и Данилевский, и многие другие славянофилы верили в возможность и необходимость создания Всеславянского союза или Всеславянской федерации – добровольного объединения всех славянских государств и народов. Объединение славян должно осуществляться вокруг России, государства, обладавшего мощной государственностью. Однако цель федерации не поглощение славян Россией, а союз, учитывающий интересы всех народов. По мнению некоторых славянофилов, столицей федерации должен стать не Петербург, не Москва, не Прага, не Белград, не София, а бывшая столица Византийской империи – Константинополь, «пророчески именуемый славянами Царьградом».

Несмотря на огромный вклад в развитие русского самосознания, славянофилы не смогли выработать целостного мировоззрения, что в значительной степени объяснялось характером той космополитической среды, из которой многие из них вышли и которая толкала их в сторону либерализма.

Как писал русский мыслитель, митр. С.-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев): «Несмотря на стремление вернуться в лоно чистой русской церковности, слиться с истоками народной жизни, основами бытия России – ясного понимания сущности русского пути, русского служения славянофильство в целом так и не достигло. По-разному понимали члены кружка природу и цель самодержавия, по-разному оценивали современные события. Эта разноголосица мешала движению, а с кончиной его основоположников оно окончательно утеряло мировоззренческое единство, распавшись на несколько самостоятельных, весьма различных между собой течений, частично выродившись в чистый либерализм».

Тем не менее все, что было создано славянофилами в 1840–1850-е, до сих пор продолжает оставаться важным фактором русской национальной жизни и мысли, оплодотворяя все новые и новые ее течения. Именно славянофильская мысль дала миру учение о цивилизациях Н. Я. Данилевского.

Глава 6

Охранительная идеология. – Стремление «подморозить» Россию. – Контрреформы. – Вера в Россию

Развитие русского патриотизма со 2-й половины XIX в. осуществлялось в рамках т. н. охранительной идеологии, главными действующими лицами которой были Д. А. Толстой, К. П. Победоносцев, М. Н. Катков, кн. В. П. Мещерский, Е. М. Феоктистов, Р. А. Фадеев. «Охранитель» Н. П. Гиляров-Платонов, сформулировавший жизненное кредо русского человека:

«Жизнь есть подвиг, а не наслаждения.

Труд есть долг, а не средство своекорыстия.

Верховный закон междучеловеческих отношений есть всеотдающая любовь, а не зависть.

Люби ближнего, как самого себя: вот в двух словах все начало должных общественных отношений, истинно христианских и истинных во всяком другом значении этого слова.

Лицо, сохрани свою инициативу, владей своей свободой, какой одарено, употребляя всю энергию, к какой способно, но клони все свои действия на благо человечества, на пользу братьев.

Представьте, что это соблюдается всеми, и никакого противоречия, никакого неудобства нет: общество сохраняется, труд увеличивается, счастье всех и каждого достигается».

Охранительная идеология ставила своей целью сохранить традиционные основы России и удержать ее от сползания на западный путь развития, который грозил ей катастрофой. Однако охранительная идеология была неэффективна, потому что ставила своей целью «подморозить» Россию, а не творчески развивать ее духовные начала (как это, например, предлагали славянофилы). Эта идеология порой наносила России вред не меньший, чем деятельность ее прямых врагов, ибо останавливала развитие многих традиционных ценностей России, обрекая их на превращение в этнографический материал. Более того, представители охранительной идеологии нередко смотрели с глубоким подозрением на любые проявления живой народной жизни (например, общину, артель), часто пытаясь втиснуть их в узкие рамки официальной церковности и примитивно понимаемого Самодержавия. Государственные мероприятия по поддержанию «народности» нередко сводились к строительству церквей в русском стиле (что само по себе, конечно, было неплохо).

Вместе с тем у сторонников охранительной идеологии были и значительные победы над противниками самобытного пути развития России.

В 1863 блестящий русский публицист и государственный деятель М. Н. Катков решительно выступил против антирусского восстания в Польше и добился от Александра II, уже готового пойти на уступки мятежникам, подавления восстания. В Северо-Западный край был направлен генерал М. Н. Муравьев, решительными действиями усмиривший восстание. Территории, которые могли отпасть от России, остались в ее составе. И в дальнейшем М. Н. Катков смело обличал высших государственных чиновников, если их политика противоречила национальным интересам России.

Александр II в 1860–1870 гг. осуществил ряд либеральных реформ, в значительной степени ослабивших самодержавные начала России. Венцом этих реформ должна была стать западническая конституция, подготовленная либеральными реформаторами во главе с М. Т. Лорис-Меликовым.

Предполагалось нарушить традиционные основы устройства Российского государства и по западному типу созвать выборных представителей земств и городов. После убийства Александра II представители охранительной идеологии, и прежде всего К. П. Победоносцев, 8 марта

1881 г. сумели убедить нового царя в пагубности этого шага. В результате западные реформаторы потерпели поражение и были отправлены в отставку.

Тем не менее либеральные реформы, проведенные Александром II, довлели над Россией, нарушая традиционные основы, и даже без конституции способствовали сползанию страны к «порядкам, России не свойственным». Последователи охранительной идеологии мобилизовали патриотические силы и провели т. н. контрреформы, значительно ослабившие отрицательное воздействие либеральных реформ Александра II.

Проект контрреформ был подготовлен министром внутренних дел Д. А. Толстым. Одной из первых мер стало введение «временных правил» о печати от 27 авг. 1882 г., вводивших цензуру на печатные издания, подрывавшие православное вероучение и духовно-нравственные устои России. Восстанавливались сословные принципы в начальной и средней школе, росло число церковно-приходских школ, был принят циркуляр от 18 июня о гимназиях. Коренному переустройству подвергалась высшая школа. По новому уставу 1884 г. была упразднена университетская автономия. В 1885 г. был учрежден Государственный дворянский земельный банк, ограничены семейные разделы для крестьян (1886), введен закон о найме сельскохозяйственных рабочих (1886) и т. д. Все эти акты явились отдельными звеньями контрреформ. В середине 1880-х был поставлен вопрос об общем пересмотре законодательства 1860–1870 гг.

Программа контрреформ была отражена в статье предводителя дворянства Алатырского у. Симбирской губ. А. Д. Пазухина «Современное состояние России и сословный вопрос» (Русский вестник. 1885, т. 175, кн. 1; отд. изд. – М., 1886). Пазухин, назначенный правителем Канцелярии министра внутренних дел, возглавил подготовку контрреформ и стал автором первоначальных проектов преобразования земства и крестьянского управления (нач. 1886).

В цикле контрреформ особенно важен закон о земских начальниках от 12 июля 1889 г. Земские начальники назначались министром внутренних дел по представлению губернатора и предводителя дворянства из числа местных дворян, обладавших определенным имущественным и должностным цензом. Земский участковый начальник сочетал административную власть с судебной. В административной сфере ему полностью подчинялось крестьянское сельское и волостное самоуправление. Судебные функции земского начальника были очень обширны. Мировые суды в уезде упразднялись. Большая часть рассматривавшихся ими дел перешла непосредственно в ведение земских начальников, другая же часть – в ведение волостного суда, целиком подчиненного земскому начальнику. Ряд решений земских начальников являлся окончательным, другие могли быть обжалованы. Второй инстанцией как в административных, так и в судебных отношениях был уездный съезд земских начальников под председательством уездного предводителя дворянства, решения которого могли быть пересмотрены губернским присутствием. Закон 1889 г. создал в уезде институт, сословный по составу и по функциям. Он возвращал дворянству значительную долю его прежней власти над крестьянством.

Вторым по значению актом в цикле контрреформ было земское положение от 12 июня 1890 г. Новый закон ввел сословные курии для избирателей, усилил представительство дворянства, заменил выборность крестьянской курии назначением губернатором гласных от крестьян из числа избранных крестьянами кандидатов. В целом по 34 губерниям процент дворян в уездных земских собраниях вырос с 42,4 % в 1883–1886 гг. до 55,2 % в 1890 г., в губернских – с 81,6 % в 1883–1886 гг. до 89,5 % в 1897 г. Существенно усиливалась государственная опека над земством, создавался новый орган – губернское по земским делам присутствие.

Дальнейшим шагом явилась городская контрреформа 1892 г. Из состава городских избирателей были исключены низшие слои – приказчики и мелкие торговцы. Первенствующее место отводилось владельцам городской недвижимости (стоимостью от 300 до 3 тыс руб.). Эти меры увеличили влияние малочисленного в городах дворянства. Контроль администрации над городским самоуправлением усилился.

Изменения вносились и в судебную реформу 1864 г. Так, в 1887 г. был изменен ценз для присяжных заседателей с целью усиления дворянских элементов и отстранения представителей наименее состоятельных буржуазных слоев. В 1889 г. из ведения суда присяжных была изъята часть дел, и в первую очередь все виды дел о «сопротивлении властям».

Либерально-космополитические элементы государственного аппарата и дворянства тормозили проведение контрреформ и не позволили довести их до логического конца. Тем не менее уже проведенные контрреформы усилили традиционные позиции Русского Православного Царства, приостановили введение порядков, России не свойственных.

К концу XIX в. в России временно сложился относительный баланс между патриотическими и космополитическими, либерально-западническими силами. Однако баланс этот был только внешним. Внутри общества происходило перераспределение сил не в пользу исторической России. Если последователи охранительной идеологии рассчитывали прежде всего на мощь Русской армии и полиции и почти не работали среди самого русского народа, то либералы и «западники» вели среди народа подрывную пропаганду, создавали тайные организации и общества, ориентированные на свержение традиционных устоев России.

Эпоха Николая II – не только период национального и патриотического подъема, но и время энергичной организации антирусских сил, проникновения их в государственный аппарат, систему образования и в другие жизненно важные центры страны. Многие русские патриоты начинают понимать огромную опасность, нависшую над Россией, осознают необходимость срочной консолидации и мобилизации всех патриотических сил.

В конце XIX в. русские патриоты были настроены достаточно оптимистично. Несмотря на заметную духовную деградацию значительной части русского общества (прежде всего образованных слоев), экономика страны развивалась очень динамично, заметно увеличивался уровень жизни населения.

По темпам роста промышленной продукции и производительности труда Россия вышла на первое место в мире, опередив стремительно развивающиеся США. Специалисты предсказывали России мировое лидерство в экономике. Расширялись и ее границы, в конце века в нее вошел ряд среднеазиатских территорий. Ожидалось и дальнейшее приращение территорий страны. Русским патриотам казалось, что не за горами восстановление славянского единства в рамках Российской империи, переход под власть русского народа православных святынь бывшей Византийской империи (и прежде всего Константинополя и Палестины). Геополитическое будущее России виделось в розовых тонах. Для многих патриотов очень характерны были идеи, высказанные великим русским мыслителем и публицистом С. Ф. Шараповым в его политико-социальном романе «Через полвека». В этом романе человек, заснувший в 1899-м, чудесным образом проснулся в 1951 г. Перед его лицом проходили картины новой преображенной России, о которой в конце XIX в. мечтали русские патриоты.

Рост могущества России естественным образом привел к расширению ее границ за счет включения в нее дружественных славянских территорий и земель бывшей Византийской православной империи, а также принявших русское покровительство земель Маньчжурии, Афганистана и Персии. Чудесно проснувшийся человек так описывает карту новой, преображенной России 1951 г.: «Во-первых, не было привычных делений на губернии, которые так запомнились еще со школьных времен. Во-вторых, западная граница шла совсем не там, где в мое время. Теперь эта западная граница начиналась у Данцига, крупными буквами обозначенного “Гданьск”, охватывала всю Восточную Пруссию и Познань и упиралась в крошечную тоже нашу русскую область с крупно отпечатанным городом “Будышин”. Я узнал маленькую, поэтическую Лужицу. Далее государственная черта переходила в прежнюю Австрию, охватывала всю Чехию с Моравией и, мимо Зальцбурга и Баварии, спускалась к Адриатическому морю, окружая и включая Триест.

В этой новой части Российской Империи определялись яркими красными границами следующие области: Царство Польское со столицею Варшавой, напечатанной крупно, и двумя главными городами Краковом и Познанью, отмеченными помельче. Червонная Русь со Львовом, Лужица с Будышином, Чехия с Веной в качестве столицы, Прагой и Оломуцем, напечатанными помельче. Маленькая, обрезанная со всех сторон Венгрия с Будапештом, Сербо-Хорватия со столицами Белградом, Дубровником и Загребом, Румыния с Бухарестом, Болгария с Софиею и Андрианополем и, наконец, Греция, охватывающая прежнее королевство, острова и часть побережья, с Афинами в качестве главного города.

Очень крупно был обозначен Царьград, четвертая столица Империи, по-видимому, не принадлежавший ни к какой области.

Но крупнее всех сверкал Киев. Здесь была первая столица России, перенесенная с Севера. Мне припомнились вещие стихи Тютчева:

…в славянской мировой громаде
Строй вожделенный водворится,
Как с Русью Польша примирится.
А примирятся эти две
Не в Петербурге, не в Москве,
А в Киеве и Царе граде.

Итак, значит, сон поэта исполнился! Россия объединила славянские племена, “славянские ручьи” “слились в русском море”, а это море разлилось на половину Европы и Азии, от Северного до Индийского океана и от Великого Тихого океана до Архипелага и Адрии.

С западной границы от этой новой славянской России взгляд мой перешел на наш старый центр и на Восток. Как изменилось административное деление России!

Губерний, как я заметил, не было. Широкою красной полосой были очерчены новые, более крупные области: на севере правее Финляндии, оставшейся в старых очертаниях, крупно выделялся Петербург. Он был главным городом Северной области, огромного пространства, охватывавшего бывшие в мое время губернии Петербургскую, Новгородскую, Псковскую, Олонецкую, отчасти Вологодскую и Архангельскую. Восточная половина этих двух губерний соединялась с прежними губерниями: Вятской, Пермской и Казанской и во главе области крупным шрифтом стояла Казань. Далее шла группа губерний – Смоленской, Тверской, Ярославской, Костромской, Калужской, Московской и Нижегородской с Москвой в качестве областного центра. Киев служил центром значительной области из прежних губерний Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и Черниговской с Холмщиной, выделенной из состава Польши.

Средние черноземные губернии: Орловская, Тульская, Курская, Харьковская, Воронежская, Тамбовская, Пензенская и Симбирская с частью губернии Рязанской и области Войска Донского группировались вокруг Воронежа, ставшего центром. Далее шло Заволжье с Оренбургом, Новороссия с Одессой, Северный Кавказ с Ростовом-на-Дону, Закавказье с Тифлисом, Сибирь, обозначенная на отдельной карте сбоку, разделялась на четыре области с городами Омском, Томском, Иркутском и Владивостоком. К ним примыкала “оккупированная”, должно быть, область “Маньчжурия”. Таким же цветом были закрашены области, вошедшие в состав Империи, на особых правах, как Бухара, Афганистан, Персия. Сквозь всю последнюю, начиная от Астары, шла железная дорога, упираясь в порт Чахбар на Индийском океане».

Такой виделась грядущая Россия русским патриотам в конце XIX в.

Глава 7

«Русский труд» С. Ф. Шарапова. – Русское собрание. – Идеи русских патриотов. – С. Нилус

Патриотическое движение России конца XIX – начала XX века носило здоровый характер, было порождено чувством самосохранения русской нации. Оно не было направлено на угнетение или подавление других народов, а лишь отстаивало хозяйские права русских на своих территориях. «Мы, русские, – писал М. О. Меньшиков, – долго спали, убаюканные своим могуществом и славой, – но вот ударил один гром небесный за другим, и мы проснулись и увидели себя в осаде – и извне, и изнутри. Мы видим многочисленные колонии евреев и других инородцев, постепенно захватывающих не только равноправие с нами, но и господство над нами, причем наградой за подчинение наше служит их презрение и злоба против всего русского». Меньшиков, как и многие другие выдающиеся представители русского патриотического движения, не был против культурного самоопределения народов России на их исторических территориях, но выступал решительно против захвата представителями этих народов хозяйских прав на этнических русских территориях. И тот же Меньшиков высказывал общую для многих русских патриотов позицию самосохранения нации – «долой пришельцев». «Если они хотят оставаться евреями, поляками, латышами и т. д. на нашем народном теле, то долой их, и чем скорее, тем лучше… Допуская иноплеменников, как иностранцев… мы вовсе не хотим быть подстилкою для целого рода маленьких национальностей, желающих на нашем теле размножаться и захватывать над нами власть. Мы не хотим чужого, но наша – Русская земля – должна быть нашей».[3]

Русское патриотическое движение ополчалось против антирусской крамолы, против всех врагов Русской цивилизации. В конце XIX – начале XX века это движение было еще слабо организовано и развивалось в виде различных собраний возле русских церквей, благотворительных купеческих чайных, читален, народных домов, кружков, вокруг патриотических органов печати, например, газеты «Русский труд».[4]

Великим событием русской жизни начала двадцатого века стали труды выдающегося русского богослова и духовного писателя С. А. Нилуса, сыгравшего большую роль в формировании православно-патриотического сознания русских людей. Следуя народной духовной традиции, Нилус доходчиво и убедительно предостерегал русский народ о деяниях грядущего антихриста, на конкретных примерах показывал, что спасение Отечества возможно только на путях твердой беззаветной веры и покаяния в грехах. Наряду со святым Иоанном Кронштадтским С. А. Нилус в своих книгах «Близ есть, при дверех», «Великое в малом», «На берегу Божьей реки» наиболее зримо представил будущие испытания России и раскрывал перед всеми ее злейших врагов.

В 1901 году ему была передана рукопись на французском языке, рабочие документы – не то тайной масонской ложи, не то съезда сионистов (Нилус сам не знал точно). Смысл и характер документов раскрывался в их содержании – до мелочей разработанная программа достижения мирового господства неким тайным правительством. В планы тайного правительства входили полный контроль над финансовыми центрами мира, создание послушных закулисе марионеточных «демократических» правительств, ликвидация всех национальных движений, кроме еврейского, манипуляция средствами массовой информации, развязывание мировых

[3] Меньшиков М. О. Из писем к ближним. М., 1991. С. 175–176.

[4] Хотя следует напомнить, что еще с 1881 года в Москве существовала «Московская Добровольная Охрана» (впоследствии «Добровольная дружина»), главной целью которой была организация сил общественности по борьбе с подрывными элементами (ГАРФ, ф. 1467, д. 847, л. 74).

войн для разрушения национальных государств, подмена Христианской Церкви суррогатами веры и сатанинскими культами.

Обнародование этого документа, получившего впоследствии название «Протоколы сионских мудрецов», имело огромное значение для информирования русских людей и всего православного мира об опасности, которая нависла над ним и Россией.

Впервые документ[5] был широко опубликован русским писателем П. А. Крушеваном в 1903 году в петербургской газете «Знамя» (28 августа – 7 сентября) под названием «Программа завоевания мира евреями», а затем перепечатан русским ученым Г. В. Бутми в 1905 г.

Однако широкий общественный резонанс документы тайного правительства получили только после их публикации в книге С. А. Нилуса «Великое в малом», вышедшей в декабре 1905 года в Царском Селе при содействии фрейлины Императрицы Е. А. Озеровой (впоследствии жена писателя). Книгу эту прочитала Царская семья, она хранилась в библиотеке Николая II, а отправляясь в тобольскую ссылку, Царь взял ее с собой. Издание С. А. Нилуса оказалось наиболее влиятельным и впечатляющим, так как было органично связано с русской православной традицией – ставило замыслы тайного правительства в прямую связь с «деющейся тайной беззакония» – с библейскими и церковными пророчествами о конце мира и истории и наступающем царстве антихриста.[6] События XX века явили собой наглядную и убедительную иллюстрацию исполнения программы тайного правительства, в свете чего не имеет никакого смысла вступать в полемику о степени подлинности этих документов.

С. А. Нилус внес огромный вклад в исследование роли и значения масонства в борьбе сил тьмы против Русской Церкви. В книге «Близ есть, при дверех» он дает определение масонства с позиции православной веры:

«1) франкмасонство есть тайное общество христиан-отступников вместе с язычниками, негласно руководимое вождями еврейского народа и имеющее целью разрушение Церкви Христовой и монархической государственности, преимущественно же христианской;

2) франкмасонство есть анти-Церковь, или церковь сатаны, преддверие церкви грядущего антихриста;

3) франкмасонство есть “Вавилон”, “блудница великая, сидящая на водах многих” (Ап. 12 и 13 гл.);

4) франкмасонство есть “тайна беззакония” (2 Сол. 2, 7 ст.);

5) франкмасонство есть продолжение на земле начатого на небе бунта сатаны против Бога».

Одним из ярких выразителей русского патриотического движения конца XIX века (понимавшим, подобно Нилусу, корни зловещего заговора против России) был уже упомянутый мной С. Ф. Шарапов, русский мыслитель и публицист, издатель ряда печатных органов, и в частности «Русского дела» и «Русского труда», автор многочисленных книг и статей. Шарапов выступал за сохранение и развитие коренных начал русского народа и прежде всего общины, артели, местного самоуправления, отстаивая плодотворную идею приходского самоуправления, которое должно прийти на смену городским и земским учреждениям. Большое место в деятельности Шарапова занимали борьба с чужеродным засильем и противостояние откровенно антирусским силам.

26 января 1901 г. товарищ министра внутренних дел сенатор П. Дурново утвердил устав патриотической организации «Русское собрание», поставившей своей целью «содействовать

---

[5] Незначительным тиражом в очень узком кругу документ этот распространялся и ранее. Первые сто экземпляров были отпечатаны на гектографе московской синодальной конторы Ш. П. Сухотиным уже в 1895 или 1896 году. Годом позже его размножили в московской губернской типографии по заказу А. И. Клеповского, состоявшего тогда чиновником особых поручений при великом князе Сергее Александровиче. Однако для широкой публики документ этот оставался неизвестен вплоть до 1903 года (Неизвестный Нилус. Т. 2. М., 1995. С. 347).

[6] Нилус С. На берегу Божьей реки. Часть 2. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. С. 193.

выяснению, укреплению в общественном сознании и проведению в жизнь исконных творческих начал и бытовых особенностей Русского народа».

В процессе деятельности «Русского собрания» кристаллизуются и приобретают завершенную форму основополагающие принципы русской патриотической мысли, давшие толчок развитию всего русского общественного движения и ставшие основой программы многих патриотических организаций.

Принципы эти были таковы:

– Православная Церковь должна сохранить в России господствующее положение. Ей должна принадлежать свобода самоуправления и жизни. Голос ее должен быть выслушиваем законодательной властью в важнейших государственных вопросах;

– в основании церковного и государственного строительства должно быть положено устройство прихода как правоспособной и дееспособной церковно-гражданской общины;

– Царское Самодержавие, будучи главным залогом исполнения Россией ее всемирно-исторического призвания, в то же время является залогом внешнего государственного могущества и внутреннего государственного единства России. Российское Самодержавие основывается на постоянном единении Царя с народом. Царь не тождественен в глазах русского народа с правительством, и последнее несет на себе ответственность за всякую политику, вредную Православию, Самодержавию и Русскому народу;

– верховным мерилом деятельности государственного управления под самодержавным Царем в единении его с народом должно быть народное благо, причем государство, открывая достаточный простор для местного самоуправления, должно блюсти, чтобы это самоуправление нигде не клонилось к ущербу русских народных интересов – религиозных, умственных, хозяйственных, правовых и политических;

– просвещение в России должно расти и крепнуть на тех же началах, на которых выросла русская государственность, а поэтому и государственная школа, не посягая на культурное самоопределение народностей России, должна быть русской школой;

– русский язык есть государственный язык, и все правительственные учреждения обязаны пользоваться государственным языком;

– вооруженные силы и оборона границ должны быть доведены до совершенства, соответствующего величию России, причем, все необходимое для государственной обороны должно создаваться внутри страны ее средствами и трудом ее народа, а бремя содержания военных сил должно лечь равномерно на население всего государства;

– национальные вопросы в России разрешаются сообразно степени готовности отдельной народности служить России и русскому народу в достижении общегосударственных задач. Управление окраинами должно ставить на первое место общегосударственные интересы и поддержку законных интересов русских людей. Все попытки к расчленению России под каким бы то ни было видом не должны быть допускаемы. Россия едина и неделима. Еврейский вопрос должен быть разрешен законами и мерами управления особо от других национальных вопросов, ввиду продолжающейся стихийной враждебности еврейства к христианству и нееврейским национальностям и стремления евреев к всемирному господству;

– финансовая и экономическая политика должна быть направлена на освобождение России от зависимости иностранных бирж и рынков и должна покровительствовать возникновению промышленных предприятий и содействовать производительному труду. Сельскохозяйственная политика предполагает благоустройство крестьянства путем улучшения культуры земледелия, развития кустарных промыслов и увеличения площади крестьянского землевладения. Особенное внимание должно быть обращено на подъем коренного русского центра.

Первоначальная численность «Русского собрания» составляла не более двухсот человек, однако уже к 1906 году его ряды выросли до 4,5 тыс человек. Кроме Москвы и Петербурга отделения «Собрания» имелись в 15 городах (Пермь, Харьков, Одесса, Варшава, Вильно, Казань и

др.). «Собрание» избирало Совет из 17 человек, в состав которого входили князь Д. П. Голицын (председатель), граф П. Н. Апраксин, князь В. В. Волконский, камергер И. С. Леонтьев (товарищ председателя), граф Н. Ф. Гейден, Н. А. Энгельгардт.

Ближайшими задачами общества стало изучение явления русской и славянской народной жизни, разработка вопросов русской словесности, художеств, народоведения, права и народного хозяйства, а также сохранение чистоты и правильности русской речи.

«Русское собрание» устраивало заседания, вечера, разные зрелищные мероприятия, выставки. Проводились конкурсы и присуждались награды, издавались книги и сборники, организовывались путешествия по России.[7] Истинные русские патриоты, естественно, основывались на идеях нерушимого царского Самодержавия и отрицания западноевропейского парламентаризма, так называемого «Самодержавия народа».

Одна из плодотворных идей русского патриотического движения конца XIX в. – движение за возрождение приходского самоуправления, которое должно было заменить собой «власть толпы» – городское и земское управление.

Приход, бывший в допетровские времена одной из главных форм общественного самоуправления, позднее превратился в чисто административную единицу духовного ведомства, место соединения населения для молитвы и регистрации гражданского состояния. Патриотические силы предлагают вернуть приходам, прежде всего в городах, их прежнее всеобъемлющее значение. Одними из главных органов, в которых обсуждались идеи возрождения приходского самоуправления, стали газеты «Русское дело» и «Русский труд», выпускаемые С. Ф. Шараповым, ставшим, в свою очередь, одним из ведущих идеологов этого движения.

В круг единомышленников С. Ф. Шарапова входили также такие замечательные русские ученые, как А. Фролов и Г. В. Бутми.

А. Фролов стоял на позиции финансово-хозяйственной независимости России от Запада. Валютный курс рассматривал как отражение устойчивости экономического строя страны. Считал, что для России валютный курс определяется преимущественно ценами на хлеб, предлагал организацию государственных хлебных запасов, за счет которых могли бы поддерживаться устойчивые цены на хлеб в неурожайные годы. Предлагал создание внутренней кредитной валюты, независимой от зарубежных рынков.

Бессарабский землевладелец Г. В. Бутми активно выступал против финансовой политики С. Ю. Витте. В своих работах он раскрывал сущность паразитического капитала, создавшего такой мировой хозяйственный порядок, который позволяет группке банкиров управлять абсолютным большинством человечества.

Патриотические силы выдвигают и свой вариант решения рабочего вопроса. В отличие от предлагаемых либералами и леворадикалами планов объединения рабочих в тред-юнионы по западноевропейскому образцу русские патриоты выдвигают идею сплочения и развития рабочих путем создания рабочих общин.

Аналогичные мысли разделял и Д. И. Менделеев, мечтавший творчески использовать навыки русского человека к общинному и артельному труду.

Для врагов России патриотическое движение служило постоянным объектом нападок. Делалось все, чтобы дискредитировать и извратить в глазах общества цели и дела патриотов. Леволиберальные круги не гнушались никакой ложью и клеветой. Особенно изощрялись еврейские, польские и финские националисты. Но не отставала и русская интеллигенция. Журналы и газеты русского национального направления интеллигенцией не читались, так как считались реакционными. Слой истинно русской патриотической интеллигенции был очень узок и постоянно подвергался травле.

[7] ГАРФ, ф. 1467, д. 861, л. 181.

Либеральное российское дворянство и аристократия в силу своего западного воспитания и образования относились к русскому патриотическому движению неприязненно или просто враждебно. Для них оно было «примитивно и грубо, некультурно» и «вредно-реакционно».[8] Правда, многие из них считали себя тоже патриотами, только их патриотизм состоял в том, чтобы сделать Россию похожей на Запад.

Антирусские силы стремятся перевести работу патриотического движения с творческих начал в русло сутяжничества и склок. Против патриотов нанимаются продажные адвокаты, засыпающие суды заявлениями со вздорными обвинениями. Патриотов обвиняют в подготовке еврейских погромов, утверждают, что через них правительство проводит антисемитскую политику.

Позднее комиссия Временного правительства с большим пристрастием изучала материалы, касающиеся патриотического движения в России, пытаясь найти доказательства организации еврейских погромов царским правительством. Но, несмотря на старания, не было получено ни одного доказательства чему-либо подобному. Напротив, все материалы свидетельствуют, что антиеврейское движение шло снизу и имело не столько национальный, сколько социальный характер, выражая ненависть простого народа к презиравшим его угнетателям.

Выступления против евреев чаще всего были средством самозащиты простого народа. Более того, власти большей частью не только не контактировали с патриотическими организациями, но находились с ними в напряженных, а часто даже враждебных отношениях. Местным властям патриоты мешали жить спокойно своими постоянными жалобами на еврейский произвол и требованиями навести порядок. Но власти по разным причинам предпочитали не связываться с евреями и зачастую закрывали глаза на нарушения закона с их стороны. Патриоты об этом говорили прямо, зачастую в резкой форме. Сохранилось много жалоб патриотически настроенных граждан на попустительство властей еврейской буржуазии.

В начале XX века еврейская печать ведет кампанию травли русского писателя-патриота П. А. Крушевана, выпускавшего журнал «Бессарабец», на страницах которого он смело боролся против еврейского засилья в Южной России. На публициста клевещут, пытаются убить (серьезно ранив из-за угла). Подобные же методы используются против министра внутренних дел Плеве. Во многих изданиях леворадикальной еврейской печати публикуется письмо, согласно которому Плеве якобы поощряет еврейские погромы. При проверке письмо оказывается фальшивкой. Но эффект достигнут, а опровержение мало до кого доходит. В июле 1904 года подстрекаемые еврейскими националистами террористы убивают русского министра.

Патриотические силы предприняли ответные шаги. К концу 1904 года активизирует работу «Русское собрание». В его недрах рождаются контуры будущих патриотических партий, и прежде всего Союза Русского Народа.

[8] Трубецкой С. Е. Минувшее. М., 1991. С. 52–53.

Глава 8

Отечественная война. – Народный подъем. – Русские против бесов. – Ужас преступного сообщества. – Союз Русского Народа. – Патриотические организации – православные братства. – Крамола побеждена

Поднимая антирусское восстание, преступное сообщество либерально-масонского подполья и революционных партий полагало, что в борьбе против правительства оно будет обладать моральным и численным превосходством. В свой актив преступное сообщество включало всю интеллигенцию, лишенную национального сознания (а она составляла большинство), земское и городское самоуправления, всю печать, организации врачей, юристов, еврейское, польское и финское население. Но, подсчитав все, оно не учло главного – самого русского народа, ибо для него он был чем-то пассивным, зависимым только от того, какое начальство над ним поставлено. Русское государство в глазах преступного сообщества отождествлялось с государственным аппаратом. Враги русской власти не понимали, что корни ее уходят в народную массу. Как справедливо отмечал И. Л. Солоневич, Царская власть в России была функцией политического сознания народа, и народ устанавливал и восстанавливал эту власть совершенно сознательно, как совершенно сознательно ликвидировал всякие попытки ее ограничения.[9]

В начале XX века политическое сознание русского народа еще не было повреждено, и в ответ на антирусское восстание возникла естественная охранительная реакция, выразившаяся в патриотическом объединительном движении русских людей для уничтожения общего врага.

Русский народ, писала в те дни газета «Киевлянин», «свято верит в Бога, его земная путеводная звезда – Русский Царь, он глубоко любит свое отечество. Не касайтесь его святынь и уважайте его народное чувство. Не говорите, что русский народ – раб. Это великий и любящий народ. Вы не понимаете его веры, вы не понимаете его любви, как он не понимает вас. Но вы заставили его понять, что значит революционное насилие, вы заставили его понять, что вы предаете поруганию его святейшие верования…»[10]

На защиту Самодержавия встали лучшие русские люди. Они пользовались всеми разумными возможностями, чтобы доказать сомневающимся органичный характер власти русских Самодержцев, вытекающий из народного духа и сознания.

«А вы, друзья, – обращался к русским людям святой праведный Иоанн Кронштадтский, – крепко стойте за Царя, чтите, любите его, любите святую Церковь и Отечество, и помните, что Самодержавие – единственное условие благоденствия России, не будет Самодержавия – не будет России; заберут власть евреи, которые сильно ненавидят нас». Русский святой постоянно повторял, что только монархический строй дает прочность России, при конституции она вся разделится на части.

То же самое говорил и епископ Волынский Антоний (Храповицкий), будущий Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей. В слове, произнесенном в Исаакиевском соборе в Санкт-Петербурге 20 февраля 1905 года, епископ пророчески предостерегал русский народ, чтобы он не попустил разрушить Самодержавие в России, чтобы он хранил свою преданность Самодержавию, как «единственной дружеской ему высшей власти»; чтобы народ помнил, что в случае ее колебания он будет несчастливейший из народов, порабощенный уже не прежними суровыми помещиками, но врагами всех священных и дорогих ему устоев его тысячелетней жизни – врагами упорными и жестокими, которые начнут с того, что отнимут у него возможность изучать в школах Закон Божий, а кончат тем, что будут разрушать святые храмы и

[9] Солоневич И. Народная монархия. М., 1991. С. 402–403.

[10] Киевлянин, 19.10.1905.

извергать мощи святых угодников Божиих, собирая их в анатомические театры. После отмены Самодержавия Россия перестала бы существовать как целостное государство, ибо, лишенная своей единственной нравственно-объединяющей силы, она распалась бы на множество частей, начиная от окраины и почти до центра, и притом даже от руки таких народностей, как татары казанские, крымские и кавказские. Такого распадения нетерпеливо желают наши западные враги, вдохновляющие мятежников, чтобы затем, подобно коршунам, броситься на разъединенные пределы нашего Отечества, на враждующие его племена и обречь их на положение порабощенной Индии и других западноевропейских колоний.

Вот то печальное будущее, которое, по мнению владыки Антония, ожидало Россию, если бы она доверилась внутренним врагам своим, желающим сдвинуть ее с вековых устоев.

Святой Тихон, будущий патриарх Московский и всея Руси, в эти трагические дни поучал русских людей, что Самодержавная власть в России не зависит от другой человеческой власти (прежде всего власти денег), не почерпывается от нее, не ограничивается ею, а в себе самой носит источник бытия и силы своей. По Священному Писанию, доказывал святой Тихон, власть Царя существует для того, чтобы он судил и защищал свой народ.

Царская власть должна стоять на страже права и справедливости, защищая от насилия подданных и особенно сирых и убогих, у которых нет других помощников и защиты. А для этого она и должна быть самодержавна, неограниченна и независима ни от сильных, ни от богатых. Иначе она не могла бы выполнить своего назначения, так как ей приходилось бы постоянно трепетать за свою участь и, чтобы не быть низвергнутою, угождать богатым, сильным и влиятельным, служить правде, как понимают ее эти последние, творить суд человеческий, а не Божий.

Такая Самодержавная Царская власть, говорил святой Тихон, и есть в нашем Отечестве, которое пришло к ней путем долгих мучений от внутренних междоусобиц князей и от тяжкого рабства под гнетом иноверных врагов. Царь в России владеет силой и свободой действий в такой мере, какая только возможна для человека. Ничто и никто не стесняет его: ни притязания партий, ни выгоды одного какого-нибудь сословия в ущерб другим. Он стоит неизмеримо выше всех партий, всех званий и состояний. Он беспристрастен, нелицеприятен, чужд искательства, угодничества и корыстных побуждений, ни в чем этом он не нуждается, ибо стоит на высоте недосягаемой и в величии его никто ничего не может ни прибавить, ни убавить. «Не от рук подданных своих угожденья приемлет, а, напротив, сам дает им плоды»; не о своих интересах заботится, а о благе народа, о том, чтобы «все устроить к пользе врученных ему людей и к славе Божией». Ему одинаково дороги права и интересы всех подданных, и каждый из них имеет в нем защитника и покровителя. Царь есть «батюшка» для народа, как трогательно называет его сам народ. Самодержавие и основано на чувстве отеческой любви к народу, и любовь эта устраняет всякую тень деспотизма, порабощения, своекорыстного обладания, что теперь иные стараются набросить на русское Самодержавие. Да и как не стыдно говорить о деспотизме Царской власти, когда носители ее – возьмем ближайших к нам Государей – великого Царя-освободителя Александра III, кроткого и доброго Николая II – составляют предмет удивления и восхищения благомыслящих людей даже и вне России! Не странно ли говорить о тирании Царской власти, когда «с молоком матери» всасывает русский человек любовь к Царю своему, когда потом любовь эту он воспитывает в себе до восторженного благоговения, когда к Царю своему он проявляет полное повиновение и преданность, когда разные смутьяны даже обманывают его и подбивают на бунты именем Царя, когда за Царя он всегда готов и умереть? Нет, деспотов и тиранов боятся и трепещут, но не любят.

Но говорят, и в последнее время особенно часто, – полемизировал с сомневающимися архиепископ Тихон, – что Царская власть в России только по идее самодержавна, а на самом деле самодержавными являются органы ее – чиновники-бюрократы, которые всем правят – и правят плохо, которые создают средостение между Царем и народом, – голос и нужды народа

не доходят до Царя («до Бога высоко и до Царя далеко»). Народ больше знает свои нужды, чем чиновники и Царь, лучше понимает свое благо и пользу, и посему самому народу и надлежит ведать все это и управлять, как и делается это в других государствах.

Конечно, у Царской власти, соглашался владыка, есть свои органы, и органы эти, как человеческие, не чужды недостатков, несовершенств и возбуждают против себя подчас и справедливые нарекания. Но, спрашивал он, где же это не бывает? Пусть нам укажут такую блаженную страну! Существуют государства, где народ сам управляет и сам выбирает своих чиновников. А всегда ли они на высоте? И разве здесь не бывает крупных злоупотреблений? Говорят, что при Царской власти таких злоупотреблений больше, потому что при ней остается широкое поле для бюрократии, которая захватила теперь в свои руки все бразды правления. На бюрократию особенно нападают, хотя горький исторический опыт и показывает, что порицатели бюрократии, как скоро получают власть в свои руки, превращаются в тех же бюрократов, иногда даже и горших. Но ведь бюрократия к существу самодержавной власти не относится, и Царь помимо ее входит в непосредственное соприкосновение с народом, выслушивает голос народный по вопросам государственного благоустройства, принимает депутации даже от забастовщиков (что не всегда бывает и в республиках) и в неустанном попечении о благе и улучшении государства «привлекает достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений».

А что касается так называемого народоправительства, то, по мнению архиепископа Тихона, это одно заблуждение, будто сам народ правит государством. Предполагается, что весь народ в народных собраниях вырабатывает законы и избирает должностных лиц, но это только так по теории и возможно было бы в самом маленьком государстве, состоящем из одного небольшого городка. А на деле не так. Народные массы, угнетаемые заботами о средствах к жизни и незнакомые с высшими целями государственными, не пользуются своим «самодержавием», а права свои передают нескольким излюбленным людям, выборным. Как производятся выборы, какие средства практикуются, чтобы попасть в число избранных, известно всем. Итак, народ не правит, а правят выборные, и так как избраны они не всем народом, а частью его, партией, то и, управляя, они выражают волю не всего народа, а лишь своей партии (а иногда чисто свою волю, так как забывают даже об обещаниях, которые они расточали перед выборами) и заботятся о благе и интересах своей партии, а к противной относятся деспотически, всячески ее утесняя и оттирая от власти.

И вот такой несовершенный строй революционеры желают ввести в России, часто потому только, что он есть у других народов. Забывают, однако, говорил владыка, что каждый народ имеет свои особенности и свою историю и что может быть хорошо для одного, для другого оказывается непригодным. Прочны и действительны только те учреждения, корни которых глубоко утвердились в прошедшем известного народа и возникли из свойства его духа. Правовой порядок (конституция, парламентаризм) имеет такие корни у некоторых западных районов, а в России из недр народного духа возникло Самодержавие, и оно наиболее сродно ему. С этим необходимо считаться всякому, и производить опыты по перемене государственного строя – дело далеко не шуточное: оно может поколебать самые основы государства вместо того, чтобы помочь делу и исправить некоторые недочеты. «Имеяй уши слышати, да слышит!»

«Мы же, братья, – говорил архиепископ Тихон, – будем молить Господа, дабы Он и на далее сохранил для России Царя Самодержавного и даровал ему разум и силу судить людей в правде и державу Российскую в тишине и без печали сохранити».

Русское патриотическое движение осуществлялось в самых разнообразных формах – от стихийных взрывов возмущения русских людей до хорошо отлаженной работы в рамках патриотических организаций. Накал движения был пропорционален напору антирусских сил,

достигнув своего пика в конце 1905 года – начале 1906 год, превратившись тогда в настоящую отечественную войну русских людей против врагов исторической России.

Первые случаи патриотического подъема отмечаются еще летом 1905 года. Так, в Нижнем Новгороде портовые рабочие собрались и разогнали революционную демонстрацию под красными флагами.[11] В Москве же патриотически настроенные граждане по-своему учили революционный сброд уважению к Царю, пинками заставляя смутьянов снимать шапки при выносе царских портретов. Известно множество случаев, когда простые горожане и жители окрестных деревень предлагали свою помощь властям для поимки революционных бандитов.

7 августа 1905 года казачий патруль столкнулся в лесу с бандой революционеров. Казаков обстреляли из-за кустов, один был убит. Рабочих окрестных фабрик этот случай так возмутил, что они попросили у губернатора разрешить им в следующее воскресенье сделать облаву на эту шайку, которая тревожит их покой и творит всякие непотребства.[12]

После амнистии государственных преступников, которую правительство провело по настоянию Витте, возмущенные русские люди стихийно собирались возле тюрем, протестуя против освобождения бандитов. Освобожденные по амнистии выходили из тюрем с большой осторожностью (а некоторые даже просили пока подержать их в тюрьме), так как боялись самосуда.

На Кубани, в Армавире, русские люди, уставшие от бандитских вылазок революционеров, начали самостоятельно разделываться с главарями революционного движения.[13]

После выхода в свет Манифеста 17 октября все коренные русские были оскорблены в своих лучших чувствах. Их политическое сознание подсказывало им, что Манифест навязан Царю силой, что он, по сути дела, отменяет Русское Самодержавие, заменяя его чем-то чужим и непонятным. Волна крайнего возмущения прошла по всей России. В большинстве городов и населенных мест прокатились стихийные патриотические манифестации в поддержку Царя. После многих таких манифестаций русский народ превращался в грозную силу, по-своему разделывавшуюся со всеми, кто пытался разрушить Русское государство. Самосуд над революционерами, избиение интеллигентов, лишенных национального сознания, и евреев были вполне естественной и оправданной реакцией русского народа против произвола и кровавых бесчинств антирусских сил. Это было массовое, многомиллионное движение русских людей, которое своей творческой силой и предрешило исход антирусского восстания 1905 года.

В Архангельске несколько тысяч русских рабочих с царскими портретами и иконами, с пением «Боже, Царя храни», «Спаси, Господи» прошли по городу, где столкнулись с революционной демонстрацией. Отставив в сторону портреты и иконы, рабочие засучили рукава и крепко поколотили «демократов». А над зачинщиками, в частности неким профессором Гольдштейном, призывавшим к свержению Царя, расправились самосудом. Как сообщали газеты: «Много раненых политиков, ранены мореходные техники и гимназисты… Толпа хотела убить Переверзева (революционера. – *О. П.*), но тот успел убежать с Ивановым, а на другой день они уехали в Петербург. Тартаковского, присяжного поверенного, поймали и заставили встать на колени перед портретом, поцеловать его, пропеть “Боже, Царя храни”. Побито много евреев».[14]

В Ярославле патриотическая манифестация столкнулась с революционной. Революционные боевики стали стрелять в безоружных, ранив четырех русских людей. Ударили в набат, на который сбежалось большое количество горожан с камнями и кольями. К вечеру все револю-

[11] Известьев Ю. В. Россия в XX веке. Нью-Йорк, 1990. С. 49.

[12] ГАРФ, ф. 826, д. 47, л. 59.

[13] ГАРФ, ф. 1467, д. 851, л. 49.

[14] Набат, 27.10.1905.

ционеры и их сторонники попрятались, а улицы патрулировали группы патриотической общественности, занимавшиеся серьезной воспитательной работой с интеллигенцией и евреями.

«Демократический» митинг во Владимире во второй день после опубликования Манифеста был разогнан патриотической общественностью, возмутившейся преступными выпадами против Царя. Патриотическая манифестация, проходившая по улицам города, немедленно расправлялась со всеми, кто объявлял Царя своим врагом. В одной из колонн несли самодельное белое знамя, на котором красной краской от руки было написано: «Долой республику!» Разбившись на группы, патриоты стали по отдельности разбираться с зачинщиками местного революционного движения. Были разгромлены квартира, снятая революционерами для проведения собраний, и публичные дома, содержавшиеся родными и близкими еврейских революционеров.

В Твери революционные смутьяны, засевшие в здании городской управы, были осаждены возмущенной патриотической общественностью. Возбужденные русские люди закидали управу камнями и с улицы и со двора, выбили окна и двери, ворвались в нижний этаж и, не имея возможности проникнуть в верхний этаж, где забаррикадировались и отстреливались революционеры, подожгли здание управы со всех сторон. Когда революционеры стали выбегать из горящего здания, их встречали русские люди с поленьями в руках и хорошенько колотили. После этого случая революционная интеллигенция ушла в подполье.

В Сызрани революционные бесы 19 октября пытались взять власть в городе. Небольшая толпа в 200–300 человек, включавшая и вооруженных революционеров, с красными флагами и под пение «Марсельезы» пошла насильно закрывать предприятия, магазины, лавки, почту и телеграф, угрожая оружием всем неподчинившимся. На мельнице Пережогина, который отказался выполнять распоряжения революционных громил, толпа бандитов выломала ворота, спустила пар из котлов, выключила электричество. К вечеру город был полностью парализован, нигде нельзя было купить съестного и даже вызвать врача, так как извозчики боялись ездить. Власть проявила полную нерешительность. И тогда порядок в городе восстановили сами горожане. На следующее утро, когда толпа интеллигентов, учащейся молодежи и разных полупролетариев под руководством революционеров двинулась по городу вторым кругом, жители, собравшись в несколько групп, палками и камнями разогнали демонстрацию. Горожане бежали за смутьянами вдогонку, сшибали с ног, колотили кольями, некоторых революционных заводил просто изуродовали. Всю ночь до утра горожане восстанавливали порядок в городе, обыскивая каждого проходящего интеллигента или еврея.

В Саратове стихийное народное движение в защиту Царской власти развивалось 19–20 октября. Поводом послужил революционный митинг на Театральной площади, на котором обнаглевшие революционные громилы призывали к немедленному свержению Царя, оскорбляя православные святыни, глумились над Русской Церковью. Пока шел митинг, недалеко, на Верхнем базаре, стал собираться русский народ, прослышавший, что «революционеры и жиды» хотят, «чтобы не было Царя и церквей». Возмущенная оскорблением своих святынь, патриотическая манифестация в несколько тысяч человек двинулась на митинг, не сближаясь с ним, а выражая только протест. Но при приближении к митингу вооруженные революционные боевики стали палить по патриотам из револьверов, убив несколько человек. Патриотическая колонна отхлынула, а затем, схватив камни и дубины, снова двинулась на врагов Отечества. И опять революционные громилы стреляли в безоружный народ. Однако численный перевес был на стороне народа, и революционеры с позором бежали, многие бросали свои револьверы, боясь быть схваченными с оружием в руках. Тем более что к месту беспорядков подходили войска.

Одним из центров народного протеста стала площадь возле редакции газеты «Приволжский край», бывшей одним из штабов революционной бесовщины, регулярно публиковавшей погромные лозунги, призывавшие к свержению законной русской власти и к всеобщей заба-

стовке против правительства. Патриоты буквально осадили редакцию и с возгласами «Вот забастовщики!», «Бей их!» начали выворачивать камни из мостовой и бросать камнями в окно редакции. Революционные агитаторы с позором бежали задним ходом; от окончательной расправы представителей «революционной прессы» спас отряд казаков, присланный саратовским губернатором Столыпиным.

Однако возмущение русских людей не утихало еще два дня. Патриоты отлавливали интеллигентов и евреев, обыскивали их и, если находили оружие, сильно избивали и отпускали уже безоружных. Разгромлен целый ряд домов и лавок, преимущественно еврейских, в которых жили революционеры или те, кто был против Царя. Как правило, разгромив лавку или магазин, русские люди ничего оттуда не брали, а выкидывали все на улицу в грязь.

На следующий день отряд боевиков, собранный партийцами из революционеров других мест, напал на патриотическую демонстрацию русских людей, используя бомбы и револьверы. Революционные изверги убили и ранили около 30 человек. Бомбой, брошенной в гущу толпы, было разорвано несколько патриотов. Такое злодейство еще больше взбудоражило город, участились случаи самосуда. Некоторых революционеров, захваченных с оружием в руках, возбужденная толпа казнила на месте. Евреи и революционеры в панике бежали из города. Узнав между прочим, что многие евреи и революционеры садятся на пароход, стоявший у пристани, толпы русских людей с кольями и камнями кинулись в порт, желая совершить самосуд над ними, однако судно успело отойти от берега.

Порядок в городе в конце концов был восстановлен решительными действиями губернатора Столыпина, который приказал повсюду расклеить объявления: «Объявляю населению, что публичное произнесение мятежных речей и дерзких возгласов против Особы Государя Императора, составляя государственное преступление, будет прекращаться силою и виновные немедленно подвергаются аресту. В случае производства, как это было сегодня, из толпы выстрелов и бросания бомб, – войска откроют огонь. Если повторится стрельба из домов – будет действовать артиллерия…» Все два дня Столыпин разъезжал по городу с большим конвоем казаков, обращаясь к возбужденным людям с речами, требуя успокоиться и разойтись. В толпе русских людей об этих речах Столыпина говорили: «Сказал, успокойтесь, все будет по-вашему. А жидов я выселю из Саратова в три дня – такие получены мною сегодня правила».[15]

Казань после объявления Манифеста была захвачена революционерами, образовавшими революционные отряды, полностью контролировавшие город. Губернатор стал игрушкой в руках политических бандитов. Но русские люди не выдержали чуждой им диктатуры. 21 октября на главную площадь стихийно стекаются тысячи жителей и, собравшись в колонны с государственными флагами, портретами Царя и иконами, идут по улицам Казани. А тем временем в городской думе, ставшей центром революционных сил, выдавалось оружие.

Патриоты, подойдя к Думе, разогнали охранные отряды революционеров и заставили оркестр, игравший недавно революционные песни, исполнить «Боже, Царя храни».

Но тут революционеры, укрывшиеся в Думе, попытались разогнать толпу выстрелами в воздух, а затем и в саму толпу. Вооруженные жители, поддержанные солдатами, кинулись на штурм здания. Укрывшиеся в нем бандиты забаррикадировались и стали отстреливаться. Солдаты и патриоты-жители совместными усилиями подавили вооруженных громил, заставив их сдать оружие, а некоторых зачинщиков в ожесточении забили до смерти.

В Стародубе Черниговской губернии местные революционеры, преимущественно из евреев, организовали вооруженный отряд, который стал терроризировать жителей. Евреи устроили демонстрацию, на которой призывали к свержению Царя и топтали его портрет. Возмущенные горожане пытались их увещевать, тогда революционеры стали стрелять, а безоружные люди кинулись бежать из города. Еврейский отряд преследовал их до пригородов. Возле

[15] Самарская газета. 1905, № 202.

застав стояли городовые и умоляли жителей вернуться и «не дать городу погибнуть от жидов». Ударили в набат, призывавший жителей к «сбору». Крестьяне, оставив лошадей на выгоне, стали толпами возвращаться обратно, вооружившись кольями, топорами, ломами, железными палками. Так как еврейские революционеры, прогнавшие жителей из города, были родственниками разных городских лавочников, то возмущенные люди попутно разбили лавки и выкинули товары в грязь, заставив уже евреев бежать из города.

В Ростове-на-Дону сразу после объявления Манифеста революционеры, преимущественно евреи, соединились в банду, вооруженную ружьями и револьверами, 30 из них были на конях. Эти бандиты попытались захватить власть в городе. Патриотическая манифестация, протестовавшая против бесчинств революционеров, была расстреляна, и тогда горожане восстали против бесов, заставив их бежать из города, были вместе с тем разгромлены многие еврейские магазины и избиты представители местной революционной интеллигенции. Против вооруженных ружьями и пистолетами революционных громил русские люди действовали ломами, топорами, палками и металлическими прутьями, не оставив в живых ни одного стрелявшего по людям революционера.

В Томске 21 октября проходила мирная патриотическая манифестация под национальными флагами и с портретами Царя. Возле дома архиерея манифестанты остановились, просили отслужить в соборе благодарственный молебен о здравии Государя. Затем процессия подошла к Соборной площади, но здесь ее ждали «революционные реформаторы», встретившие русских людей градом выстрелов. Сначала толпа дрогнула, а затем тысячные массы одним духом поднялись и буквально смели стрелявших, которые стали отступать, забаррикадировавшись в театре и близлежащих домах. Из окон революционеры стреляли в участников шествия. Тогда разбушевавшаяся толпа подожгла здание под крики: «Навсегда истребим крамолу!» Вместе с преступниками погибло немало случайных людей, но в городе не осталось ни одного политического бандита.

В Симферополе около 300 вооруженных револьверами революционных бандитов подкараулили патриотическую манифестацию с царскими портретами. Когда колонна поравнялась с ними, революционеры, скрывавшиеся за деревьями, закричали: «Вот несут портреты хулигана!», «Долой самодержавие!», «Долой полицию!»; а затем начали стрелять в безоружную толпу. Первым залпом ранили семь человек и убили двух, причем метили в тех, кто нес царский портрет.

Но безоружные патриоты не испугались, более того, они стали вырывать колья, ломать заборы, поднимали камни с земли и с таким «оружием» кинулись на вооруженных бандитов. Как пишут очевидцы, свершилось страшное кровавое дело. Крики ужаса и смятения смешались со стонами не ожидавших такого отпора бандитов, падающих под ударами дубин. В несколько минут было убито 47 бандитов, а остальные в паническом страхе бросились бежать во все стороны, стреляя на бегу куда попало. Улицы Симферополя были залиты кровью. «Но кто же виноват? – спрашивает очевидец. – Кто вызвал эту дикую саморасправу? Те ли, которые мирно, с пением молитв и гимна, несли портреты Царя, или те, что имели безумную дерзость бросить кровавый, смертельный вызов всему русскому народу, начав стрелять в безоружную, мирную патриотическую манифестацию?»[16]

Левая печать представила это событие как еврейский погром по той причине, что убитые бандиты были еврейской национальности. В газетном изложении факты извращались, журналисты не стеснялись самых грубых лжесвидетельств. Террористов, схваченных с оружием в руках, хранивших большое количество оружия и бомб дома, представляли невинными овечками, пострадавшими от рук черносотенцев. Левая печать так запугала местные власти, что все 35 бандитов, схваченных с оружием в руках, полицией были отпущены на волю. Этот

[16] ГАРФ, ф. 1467, д. 851, л. 28.

шаг вызвал взрыв возмущения среди простого народа. Начались разгромы лавок и магазинов. На процессе дело было повернуто против патриотов: судили не бандитов, а горожан, случайно схваченных при разгромах еврейских лавок, и несколько полицейских, участвовавших в отпоре бандитам. Боевики же остались без возмездия.[17]

В Киеве революционные бесы уже 18 октября организовали налет на городскую думу. Шли под красными флагами, а затем возле здания митинговали, понося все русское, призывая убивать полицию и солдат. В здании Думы был совершен погром, рвали царские портреты, крушили символы Самодержавия, разбили мраморную доску в память о посещении Думы Царем. Заправляли беспорядками революционеры Шлихтер и Ратнер. В Думе стали записываться в революционные бандгруппы, раздавали оружие, собирали деньги на приобретение боеприпасов. Прямо из Думы стреляли в солдат. По рассказу очевидца, один революционер «с рыжей, носатой физиономией еврейского типа», прорвав полотно в портрете Государя и просунув голову, заорал: «Долой Николку! Теперь я могу быть Царем!» Толпа в зале кричала: «Ура!»[18]

Такое кощунство и осквернение русских святынь вызвало страшное негодование русских людей.

Стихийно поднялась мирная патриотическая манифестация. Тысячи людей с пением «Боже, Царя храни» шли колоннами к Думе. Из Думы был вынесен разорванный накануне портрет Государя. С пением народного гимна, с обнаженными головами русские люди пришли к Софийскому собору. Портрет Государя и царскую корону внесли в собор, до тесноты переполненный молящимися. После молебна начался крестный ход. При колокольном звоне и пении народного гимна шествие вышло из собора. Впереди несли хоругви и национальные флаги, затем шли священник и хор певчих, и далее – несли восемь портретов Государя, царскую корону и поломанное в думском зале зерцало. Шествие шло по всему городу, а по ходу к нему присоединялось все больше и больше русских людей, из учреждений выносились царские портреты, которые встречались криками «Ура!». В некоторых местах шествие останавливалось: русские люди обращались к согражданам с речами.

У революционеров патриотические манифестации вызвали чувство злобной ненависти. В некоторых местах революционные провокаторы из-за угла стреляли в мирное шествие. В ответ охранявшие город солдаты открыли стрельбу по домам, из которых раздавались выстрелы.[19]

К вечеру ситуация обострилась. То тут, то там раздавались звуки перестрелки. Как писала патриотическая печать, «на евреев обрушилась месть за оскорбление народных чувств революционерами».[20] В Лыбедском участке появились возбужденные группы простых людей, возмущенных поведением революционеров, начались нападения на еврейские лавки. Товары выбрасывали на улицу, топтали, уничтожали. Мостовая была усеяна разбросанными кусками тканей, обломками развороченной мебели, часов, а в некоторых местах сплошь покрыта пухом.

В Нежине толпа студентов, гимназистов, главным образом евреев, отправилась закрывать административные учреждения, учебные и торговые заведения. Причем везде, где им попадались царские портреты, они рвали их в клочья.

И тогда простые люди решили поучить студентов и гимназистов, еще раз привести их к государственной присяге. 21 октября, после молебна о восшествии на престол Государя, трехтысячная масса крестьян с портретами Царя, хоругвями и иконами направилась к зданию филологического института, где укрывались многие революционеры. Перетрусившие студенты

[17] Там же.

[18] Киевлянин. 1905, № 311.

[19] Киевлянин. 20.10.1905.

[20] Там же.

наглухо заперлись. И тогда крестьяне потребовали: «Отворите, а то разнесем, камня на камне не оставим». Двери открыли, крестьяне вошли и потребовали установить царский портрет.

Как рассказывают очевидцы, несколько студентов немедленно принесли большой портрет Государя и вместе с ним направились к Соборной площади. Беспрекословно исполнили студенты все требования. Усердно пели «Боже, Царя храни». Особенно старались евреи, за которыми толпа старательно следила. Шествие тронулось. Остановки производились у тех учреждений, где были растерзаны портреты Государя. Под грозным оком крестьянства пение гимна в этих местах было особенно громким.

«По мере приближения к собору толпа все росла и росла. Портрет Царя был установлен на площади; раздалась команда: “Бунтовщики, на колени!” Без малейшего колебания все студенты и евреи опустились на колени прямо в грязь. “Присягать! Жиды особо!” Студенты, стоя на коленях и подняв правые руки, громко произносили требуемую от них клятву: “Не бунтовать, Царя поважать”. Затем поодиночке они подходили к портрету, становились на колени и целовали его. Тем же порядком приводились к присяге и евреи, но для этого был вытребован раввин и принесен особый еврейский балдахин.

“А давайте сюды список усих демократив!” (об этом списке говорилось на революционном митинге, а сотни раз произнесенное слово “демократы” прочно укрепилось в памяти крестьян). Подали и список. Стали делать проверку; как только не оказывалось налицо занесенного в список “демократов”, немедленно отряжалось на поиски несколько крестьян, разыскивали и приводили к присяге; евреи требовались все, независимо от того, фигурировали ли их имена в списке; множество евреев массами заперлись в нескольких домах; эти дома открывались, евреев чинно вели на площадь и по установленному ритуалу приводили к присяге». [21]

В Одессе революционеры образовали «Временное правительство». Из-за преступной халатности местных властей город оказался в руках вооруженных бандитов. На улице находились посты революционной милиции, на окраинах сформировались еврейские заставы, которые никого не пропускали без обыска. Убивали городовых, стоявших на своих постах. Убивали «обычно ночью, подкрадываясь в темноте и поражая в спину ни в чем не повинную жертву». Войска и полиция бездействовали.

Тогда безоружные люди с портретами Государя, иконами и национальными флагами, отслужив молебен, пошли по городу через еврейские заставы, среди вооруженной революционной милиции. Террористы решили, что «мятежников и бунтовщиков под национальным флагом и с эмблемой царской власти» нужно встретить решительно, разогнать и уничтожить. В этом решении открыто проявился антирусский характер революционных бандитов. В безоружных русских людей под царскими портретами и знаменами стали стрелять, два простых человека, несших царский портрет, были убиты наповал, а потом в процессию бросили бомбы.

И тогда русские восстали. Началась беспощадная отечественная война невооруженных русских людей «с поголовно почти вооруженными евреями и революционерами». Массовый подъем привел в ужас в общем-то трусливых преступников. Они разбежались, попрятались по разным щелям, то тут, то там стреляли в спину патриотам из-за угла. К вечеру больницы приняли до 200 раненых русских и всего 70 евреев. Таков был итог противоборства безоружных и вооруженных.

Практически все случаи народного протеста против антирусского террора внутренних врагов интерпретировались леволиберальной печатью как погромы и хулиганские выходки. Российская интеллигенция, молчавшая, когда революционеры убивали русских людей, истерически завопила, когда русские люди стали по-своему расправляться с революционными бандами, посягнувшими на их святыни. Да, евреям тогда досталось тоже. Но били их не как евреев, а как зачинщиков и участников революционного движения, более чем наполовину состояв-

[21] Киевлянин, 1905, № 298.

шего именно из евреев. Гнев русского народа справедливо поразил всех, кто стремился к разрушению Русского государства. Руками народа были казнены люди, лишенные всего святого, национально невежественные, поднявшие восстание против законной русской власти, против самого русского народа. Всего в результате отечественной войны русского народа против внутренних врагов численность революционных террористов и агитаторов снизилась примерно на 4 тыс человек, а около 20 тыс в панике бежали за границу.

«Результат случился понятный и обыкновенный… – писал Государь своей матери 27 октября 1905 года. – Народ возмутился наглостью и дерзостью революционеров и социалистов, а так как 9/10 из них жиды, то вся злость обрушилась на тех – отсюда еврейские погромы. Поразительно, с каким единодушием и сразу это случилось во всех городах России и Сибири. В Англии, конечно, пишут, что эти беспорядки были организованы полицией, как всегда – старая, знакомая басня! Но не одним жидам пришлось плохо, досталось и русским агитаторам: инженерам, адвокатам и всяким другим скверным людям. Случаи в Томске, Симферополе, Твери и Одессе ясно показали, до чего может дойти рассвирепевшая толпа, когда она окружала дома, в которых заперлись революционеры, и поджигала их, убивая всякого, кто выходил…» [22]

Стихийный народный подъем 1905–1906 годов стал школой патриотического объединения русских людей, создавших на его основе целый ряд массовых общественных организаций в защиту Царя и Русского государства.

Повсюду идут патриотические собрания и съезды. Только в 1906 году проходят три монархических съезда в Москве, Петербурге и Киеве. Инициатором их было «Русское собрание».

В декабре 1905 года к русскому народу обратился сам Царь:

> «Объединяйтесь, русские люди. Я рассчитываю на вас. Я верю, что с вашей помощью Мне и Русскому народу удастся победить врагов России. Возложенное на Меня в Кремле Московском бремя власти Я буду нести Сам, и уверен, что русский народ поможет Мне. Во власти Я отдам отчет перед Богом. Поблагодарите всех русских людей, примкнувших к Союзу Русского Народа.
> *Николай II*
> *23 декабря 1905 г.»*

Союз Русского Народа возник как массовое народное движение, форма организации русских людей против организованной антирусской смуты. Возник он стихийно в 1905 году и первое время существовал безо всякой регистрации, и только 7 августа 1906 года получил официальный статус.

Во главе учредителей Союза встало 47 человек, преимущественно купцы и крестьяне.

Руководил Союзом Главный Совет под председательством статского советника, доктора медицины А. И. Дубровина. В Совет также входили Н. Е. Марков, А. И. Коновницын, Э. И. Коновницын, Е. Д. Голубев, А. И. Тришатный, В. М. Пуришкевич, Б. В. Никольский, И. О. Оборин, С. И. Тришатный, А. А. Майков, В. А. Андреев, С. Д. Чекалов, Е. А. Полубояринова. Членами Союза могли быть только природные русские вне зависимости от пола, возраста, сословий и состояния, но обязательно христиане – православные, единоверцы, старообрядцы. Вступление в члены Союза лиц некоренного русского происхождения и инородцев могло быть разрешено по единогласному постановлению членов руководящего Союзом Совета. Категорически запрещался прием в Союз евреев, даже в том случае, если они принимали христианство.[23]

---

[22] Красный архив. Т. 22.

[23] Устав общества под названием «Союз Русского Народа». СПб., 1906.

Верховной целью Союза было развитие национального русского самосознания и прочное объединение русских людей всех сословий и состояний для общей работы на благо Отечества – России единой и неделимой. В программе Союза провозглашалось, что благо Родины – в незыблемом сохранении Православия, русского неограниченного Самодержавия и Народности. Русский народ, говорилось в программных документах Союза, народ православный, а потому Православной Христианской Церкви, которая, по мнению членов Союза, должна быть восстановлена на началах соборности и состоять из православных, единоверцев и воссоединенных с ними на одинаковых началах старообрядцев, должно быть предоставлено первенствующее и господствующее в государстве положение. Самодержавие русское создано народным разумом, благословлено Церковью и оправдано историей; Самодержавие – в единении Царя с народом.

В документах Союза специально подчеркивалось, что члены Союза не отождествляют Царскую власть и современный бюрократический строй, который заслонил светлую личность русского Царя от народа и присвоил себе часть прав, составляющих исконную принадлежность Русской Самодержавной власти. Именно этот бюрократический строй привел Россию к тяжелым бедствиям и потому подлежит коренному изменению.

При этом члены Союза стояли на той точке зрения, что изменения действующего строя должны совершаться не путем ограничения прав Царской власти в форме каких бы то ни было конституционных или учредительных собраний, а посредством создания Государственной думы, как органа, осуществляющего связь между Державной Волею Царя и национальным сознанием народа. Причем Государственная дума не должна пытаться ограничить Верховную Царскую власть, а обязана правдивым осведомлением о действительных нуждах народа и государства помогать Царю – Верховному законодателю – осуществлять назревшие преобразования во благо русскому народу. Для этого Государственная дума должна быть чисто совещательной и национальной – русской.

Важно подчеркнуть, что Союз Русского Народа, говоря о Государственной думе, вкладывал в нее значение чисто русской организации Земского собора. Думу, которая существовала в 1906–1907 годы, Союз Русского Народа считал чужеродной и не признавал; свое присутствие в Государственной думе, руководство которой осуществляли преимущественно масоны, русские патриоты рассматривали как работу в стане врага, считая необходимым упразднение этой чужеродной России организации и создание на ее месте представительного органа русского духа – Земского собора.

В документах Союза Русского Народа проводится мысль о господствующем значении русского народа в строительстве, развитии и сохранении государства.

Русской народности (объединяющей великороссов, белорусов и малороссов), собирательнице земли Русской, создавшей великое и могущественное государство, принадлежит первенствующее значение в государственной жизни и в государственном строительстве. Все учреждения Российского государства объединяются в прочном стремлении к неуклонному поддержанию величия России и преимущественных прав русской народности, но на строгих началах законности, «дабы множество инородцев, живущих в нашем Отечестве, считали за честь и благо принадлежать к составу Российской Империи и не тяготились бы своей зависимостью».

По земельному вопросу Союз Русского Народа стоял на позиции расширения крестьянского землевладения на началах неприкосновенности земельной собственности.

Союз предлагал целый ряд мероприятий для улучшения положения крестьян, в том числе:

1. Уравнение имущественных и семейных прав крестьянского и прочих сословий без осуществления при этом каких-либо насильственных мер ни против общины, ни против иных местных бытовых особенностей устройства крестьян.

2. Передача земли малоземельным крестьянам на выгодных для них условиях и по доступным ценам, в том числе путем покупки за счет государства у частных владельцев.

3. Увеличение помощи переселенцам для переезда на новые места.

4. Устройство государственных зернохранилищ для покупки крестьянского хлеба и выдачи под него ссуд.

5. Учреждение и развитие мелкого государственного сельского кредита для поддержки мелких землевладельцев.

6. Создание условий для облегчения крестьянам приобретения скота и улучшения сельскохозяйственных орудий.

По рабочему вопросу Союз Русского Народа стремился всеми мерами способствовать облегчению труда и улучшению быта рабочих, сокращению рабочего дня, страхованию рабочих на случай смерти, увечий, болезни и старости. Союз настаивал на необходимости организации Русского государственного промышленного банка с целью облегчения образования рабочих и промышленных артелей и товариществ и снабжения их дешевыми продуктами.

Свою программу деятельности Союз Русского Народа имел и в области народного хозяйства. Здесь он ставил своими задачами всеми мерами способствовать развитию русской торговли и промышленности, освобождению их от иностранной зависимости и засилья евреев и переводу в русские руки. В числе главных экономических мероприятий, предлагаемых Союзом, в частности, значились:

– увеличение количества денежных знаков путем уничтожения золотой валюты и введения национального кредитного рубля;

– освобождение русских финансов из подчинения иностранным рынкам;

– организация русских капиталистов на борьбу с еврейским и иностранным капиталом для стимуляции притока государственных капиталов на арену борьбы русских предпринимателей с еврейскими и иностранными;

– уничтожение частных земельных банков, служащих эксплуатации населения, и образование общегосударственного земельного банка;

– создание такой хозяйственной системы, при которой все без исключения государственные заказы исполнялись бы в России, а не за границей, и предотвращение участия иностранцев в промышленных и мореходных предприятиях, получающих государственную поддержку;

– упорядочение внешней торговли посредством учреждения русских арбитражных комитетов и посреднических контор.

Союз Русского Народа требовал введения бесплатного всеобщего народного образования и прежде всего земледельческого и ремесленного. Школа в России должна быть национально русской и воспитывать юношество в духе православных христианских начал: любви к Царю, Отечеству и преданности долгу.

В части осуществления русского порядка Союз ставил себе задачу добиваться всеми возможными методами устранения служебного произвола, судебной волокиты и восстановления правосудия.

Союз настаивал на введении смертной казни за преступления против государства, против жизни, грабеж, недозволенное приготовление, хранение, перевозку, ношение и употребление взрывчатых веществ и снарядов революционерами, укрывательство террористов-боевиков, насильственное снятие с работ и закрытие промышленных и торговых заведений, порчу мостов, путей и машин с целью прекращения движения или остановки работы, вооруженное сопротивление властям и революционную пропаганду в войсках.

Союз Русского Народа, признавая, что русский суд находится иногда под влиянием евреев и, благодаря этому, весы правосудия пристрастно наклоняются в их пользу, брал на себя обязательство отстаивать интересы русского правосудия и русского народа на суде.

Союз настаивал на том, чтобы в судебном ведомстве прекратились случаи покровительства революции. Поэтому члены Союза настаивали на устранении от должности тех чинов судебного ведомства, которые принимали участие в политических партиях, враждебных Православию, Самодержавию и русской народности.

Особое значение Союз Русского Народа придавал решению так называемого еврейского вопроса.

«Евреи, – отмечалось в 1906 году в одном из документов Союза, – в течение многих лет, и особенно в последние два года (1905–1906. – *О. П.*), вполне высказали непримиримую ненависть к России и ко всему Русскому, свое невероятное человеконенавистничество, свою полную отчужденность от других народностей и свои особые иудейские воззрения, которые под ближним разумеют одного только еврея, а в отношении христиан допускают всякие беззакония и насилия, до убийств включительно.

Как известно и как заявляли неоднократно сами евреи в своих “манифестах” и прокламациях, переживаемая нами смута и вообще революционное движение в России – с ежедневными убийствами десятков верных долгу и присяге слуг Царя и Родины, – все это дело рук почти исключительно евреев и ведется на еврейские деньги.

Русский народ, сознавая все это и имея полную возможность, пользуясь своим правом хозяина земли Русской, мог бы в течение одного дня подавить преступные желания евреев и заставить их всех преклониться перед его волей, перед волей Державного хозяина земли Русской, но, руководствуясь высшими задачами христианского вероучения и слишком сознавая свою силу для того, чтобы отвечать им насилием, избрал другой путь для решения еврейского вопроса, являющегося одинаково роковым вопросом для всех цивилизованных народов». [24]

Чтобы решить еврейский вопрос мирным путем, Союз Русского Народа предлагает способствовать организации еврейского государства в Палестине и всячески помогать евреям переселиться в «свое государство».

Руководствуясь этим и веря в успешное осуществление данного проекта, идущего навстречу желанию самих евреев, Союз Русского Народа полагал, что близкая возможность осуществления этой задачи несомненно бы отразилась на нормальном выполнении евреями их гражданских обязанностей в странах, оказавших им гостеприимство, и не во вред народам, среди которых они живут.

А потому Союз Русского Народа обязал своих представителей в Государственной думе требовать, чтобы все проживающие в России евреи были немедленно признаны иностранцами, но без каких бы то ни было прав и привилегий, предоставляемых всем прочим иностранцам. Такая мера, в связи с другими ограничительными мерами, несомненно, поддержала бы энергию евреев в деле скорейшего переселения в собственное государство и обзаведения собственным хозяйством.

Союз Русского Народа настаивает на введении целого ряда ограничений для евреев. С трибуны Государственной думы члены Союза требуют следующего:

1. Чтобы евреи не могли быть допущены ни в армию, ни во флот, ни военнослужащими, ни по вольному найму, ни в интендантство. Чтобы евреи не могли быть военными врачами, фельдшерами и фармацевтами. (С другой стороны, справедливо и необходимо заменить для евреев отбывание воинской обязанности – денежной; непрерывное же поступление этой денежной повинности возложить на еврейское население с круговой порукой.)

2. Немедленного восстановления строгой черты еврейской оседлости в прежних пределах, с предоставлением подлежащим обществам, входящим в черту оседлости, права делать постановления о недопущении евреев в свои пределы, а равно и о выселении из них.

---

[24] Избирательная платформа Союза Русского Народа во II Государственную Думу, утвержденная Первым съездом уполномоченных отделов СРН (сентябрь 1906).

Отмены всех законов, расширяющих черту оседлости евреев, дабы были восстановлены законы, действовавшие по ограничению евреев до 1903 года.

Отмены привилегий для евреев по образованию, ремеслам, предоставляющим им право повсеместного жительства.

Воспрещение евреям проживать и пребывать в портовых городах.

3. Недопущение евреев во все учебные заведения, где обучаются дети христиан, и лишения их права основывать учебные заведения высшие и средние.

Воспрещение евреям быть преподавателями и начальниками (директорами, инспекторами и т. п.) в казенных, общественных и частных учебных заведениях.

Воспрещение евреям быть домашними и сельскими учителями (воспрещение это распространяется и на евреек).

4. Недопущение евреев на государственные и общественные службы.

Воспрещения евреям получать какие бы то ни было концессии и участвовать в каких бы то ни было общественных и казенных подрядах и постав ках.

Воспрещения евреям быть судовладельцами и судоводителями и вообще службы в торговом флоте и на железных дорогах.

Воспрещения евреям принимать участие в выборах в общественные учреждения и самоуправление, а равно иметь в оных своих представителей по назначении административной власти.

5. Недопущение евреев под каким бы то ни было видом в Государственный Совет и Государственную думу, ни к выборам в оные.

6. Воспрещение содержать аптеки и аптекарские магазины, быть провизорами, управлять и служить в оных.

Воспрещение евреям производить торговлю медикаментами и медицинскими продуктами.

7. У евреев, уличенных в участиях в революционных действиях, – конфискации всякого имущества, каковое поступает в казну.

8. Недопущение евреев ни в редакторы, ни в издатели периодических изданий.

Воспрещения евреям иметь книжные магазины, типографии, литографии.

9. Воспрещение евреям – иностранным подданным пребывать в России.

Союз Русского Народа даже предлагал еврейским организациям оказать материальную поддержку, чтобы ускорить процесс переселения евреев в Палестину. Представители Союза обращались к правительству с просьбой – войти в сношение с иностранными правительствами о всяческом содействии евреям в переселении.

Идеи Союза Русского Народа приобрели широкую популярность.

В короткий срок Союз превратился в самую большую партию в России с собственной газетой «Русское знамя» (выходила с ноября 1905 года). Делая упор на массовую просветительскую работу путем открытия школ, устройство чтений, собраний, бесед, распространение книг и брошюр, издания своих газет и журналов, Союз, вместе с тем, превратился в активную, наступательную политическую силу. Для борьбы с революционерами члены Союза объединяются в вооруженные дружины, участвуют в подготовке выборов в Государственную думу и органы местного самоуправления. Союз участвует в строительстве церквей, открывает больницы и приюты, дома трудолюбия, учреждает кассы взаимопомощи и промышленно-сберегательные товарищества для материальной поддержки своих членов.

К концу 1907 года Союз Русского Народа насчитывал около 400 местных отделений, половина которых приходилась на сельскую местность. Число членов Союза доходило до

400 тыс человек,[25] но это был только патриотический актив. Общее число русских людей, связанных с деятельностью Союза Русского Народа, составляло не менее 2 млн человек.

Союз Русского Народа был достаточно хорошо организован: в самом низу люди объединялись в десятки со своим десятником, десятки соединялись в сотни со своим сотником, а сотни формировались в тысячи, возглавляемые тысячниками. Руководил всем Совет Союза. Система оповещения была построена просто: Совет извещал тысячников, тысячники извещали своих сотских, сотские – десятских и так доходило до рядовых членов. В Петербурге, например, город делился на участки, примерно по 800–1000 человек в каждом.

Многие отделения Союза имели свои боевые дружины по наведению порядка. В Петербурге их возглавлял Н. М. Юскевич-Красовский. Во время антирусского восстания в Москве в декабре 1905 года руководитель московской организации Союза князь Щербатов предложил властям создать особую народную милицию для борьбы с революционерами. Было сформировано несколько добровольных отрядов, которые энергично помогали войскам и полиции ликвидировать революционных бандитов.[26] Боевые дружины Союза Русского Народа хорошо проявили себя при разгроме антирусского восстания в других городах страны, в частности, в Севастополе и Одессе.

В Одессе боевая дружина Союза Русского Народа несла охрану порта и состояла из шести сотен во главе с атаманом по прозвищу Ермак. В сотне насчитывалось 50–70 человек. Каждой сотней командовали свой атаман и его помощник – есаул. Боевая дружина имела двадцать револьверов «смит-вессон», но они выдавались дружинникам только в дежурство, а по увольнении в город отбирались. Дружинники имели форму и носили фуражки офицерского образца с синими околышами и белыми кантами, взамен кокард у дружинников на верхней тулье – знак Союза Русского Народа, а у атаманов этот знак на околыше.[27]

В Астрахани дружинники Союза Русского Народа имели форму: белую папаху и синий кушак. С самого начала они заслужили в народе большое уважение, а революционеры их просто боялись.[28]

На некоторых заводах боевые дружины Союза Русского Народа были очень значительны и насчитывали сотни человек. Так, на Петербургском заводе Леснера эта дружина составляла 500 человек.[29] Дружинники занимались разоблачением подрывных революционных элементов, отбирали у них оружие, уничтожали их партийные листовки и брошюры.

Со студенческими революционными организациями дружины Союза Русского Народа разбирались особо, ограничиваясь, как правило, резиновыми дубинками. Обычно дело было так. Наблюдатели от Союза Русского Народа доставляли руководству дружины сведения, что в таком-то университете намечаются революционные мероприятия («разные освободители» проводят «опасные для государства сходки»). Руководители собирали дружины и «принимали энергичные меры для очистки университета от крамольных поползновений». В 1906 году эти меры сводились к следующему:

1. Члены боевой дружины и все единомышленники, пожелавшие действовать активно, обязаны ежедневно собираться к 12 часам дня на ближайших к университету улицах, причем не группировались, а держались друг от друга на некотором расстоянии.

2. По данному («членами-наблюдателями») сигналу все быстро входили в здание и следовали в аудиторию, где происходила «освободительная сходка».

---

[25] Программы политических партий России. М., 1995. С. 438.

[26] ГАРФ, ф. 826, д. 47, л. 140–145. Ранее, в ноябре, Московское отделение Союза Русского Народа помогло городским властям преодолеть забастовку почтово-телеграфных работников, призвав своих членов взяться за разбор корреспонденции на Московском почтамте.

[27] ГАРФ, ф. 1467, д. 849, л. 18.

[28] Там же, л. 11.

[29] ГАРФ, ф. 1826, д. 7, л. 52.

3. «Предводитель» непременно в категорической форме «предлагает» «освободителям» немедленно разойтись, те, как правило, тушуются. Перед тем как разойтись, «освободителей» переписывают, а списки передаются в компетентные органы для расследования.

4. Председатель сходки задерживается и препровождается под контролем дружинников в ближайший полицейский участок.

5. Если же «освободители» выкажут нежелание разойтись и попытаются оказать сопротивление, то дружина немедленно приступает к употреблению физической силы.

6. При применении физической силы рекомендовалось действовать специальными резиновыми дубинками, которые выдавались в штабе Союза Русского Народа (огнестрельное оружие применять разрешалось только в крайних случаях).

7. Для проникновения на территорию университета в штабе Союза можно было получить студенческий билет и форменное студенческое одеяние: шапку и тужурку. [30]

Изучение архива Союза Русского Народа показывает, что это была воистину массовая народная организация. По ее адресу шло множество писем от простых людей, преимущественно рабочих и крестьян, с просьбой помочь, поддержать, объяснить. [31] И Союз оказывал посильную помощь. Особое внимание уделялось семьям и детям убитых революционерами русских людей. [32]

Местные отделения Союза Русского Народа содействовали правоохранительным органам в борьбе со спаиванием народа. В посаде Клинцы Суражского уезда Черниговской губернии члены Союза с разрешения полиции совершали обходы для выявления беспатентных, преимущественно еврейских, шинков и конфисковывали там водку, которую тут же выливали. Бывали случаи, когда шинкари использовали против членов Союза оружие и наемных бандитов. [33]

В 1907 году Главный Совет Союза Русского Народа распространяет циркулярное письмо, в котором сообщалось, что со всех концов необъятной России, особенно из мест черты еврейской оседлости, от местных отделов Союза поступают в Главный Совет жалобы на вызывающе нахальное поведение евреев, позволяющих себе оскорблять членов Союза и сам Союз, возводя на них всевозможную клевету. «Отделы Союза, в лице уполномоченных своими Советами лиц, обращались лично и письменно к надлежащим властям об обуздании евреев, но хлопоты их по каким-то неведомым причинам успехом не увенчались, благодаря чему евреи подняли голову и, опираясь на безнаказанность и поддержку со стороны властей, оказались господами России, а русские люди рабами, не имеющими ни возможности, ни права воздать этим “господам” должное по их заслугам». [34]

Союз Русского Народа предпринимает ряд решительных шагов. В частности, всем отделам предлагалось выносить на собраниях постановления «О выселении евреев, являющихся вредными для русских интересов, из данной местности». Отделы Союза возбуждают ряд уголовных дел против еврейских клеветников. Во многих случаях приговоры о выселении евреев за преступное поведение направлялись от имени целых волостей, городов или посадов.

Главный Совет Союза Русского Народа постоянно напоминал своим отделам, что ни один отдел Союза не имеет права вступать в блок ни с какими партиями, стремящимися к ограничению Самодержавия (от Партии правового порядка и левее). Решение это считалось бесспорным и согласно партийной дисциплине не могло быть нарушено. Главный Совет предлагал всем своим отделам на местах исполнить волю Государя – выбирать в Государственную думу преданных Престолу и Родине людей, членов Союза Русского Народа. В обращении Глав-

[30] ГАРФ, ф. 1467, д. 849, л. 17.

[31] Там же, ф. 116, оп. 1, д. 620, 625.

[32] Там же, ф. 117, оп. 1, д, 163, л. 8.

[33] ГАРФ, ф. 1467, д. 848, л. 38.

[34] ГАРФ, д. 1, л. 11.

ного Совета подчеркивалось, что Союз Русского Народа будет расходовать на выборы в Государственную думу только специальные средства частных лиц, но не будет пользоваться средствами, предоставляемыми правительством. «Правительство не имеет нравственного права тратить народные деньги, дабы создать при помощи Союза Русского Народа Октябристскую думу. Если средств нет, то лучше неудача на выборах, чем соглашение с октябристами…»[35]

3 июня 1907 года Государь направил в адрес председателя Союза Русского Народа телеграмму, в которой благодарил его членов за верное служение Родине:

«Передайте всем председателям отделов и всем членам Союза Русского Народа, приславшим Мне изъявления одушевляющих их чувств, Мою сердечную благодарность за их преданность и готовность служить Престолу и благу дорогой Родины. Уверен, что теперь все истинно верные Русские, беззаветно любящие свое Отечество, сыны сплотятся еще теснее и, постоянно умножая свои ряды, помогут Мне достичь мирного обновления нашей святой и великой России и усовершенствования быта великого ее народа. Да будет же Мне Союз Русского Народа надежной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка. Николай».[36]

Самым веским словом против революции было для патриотов слово великого русского святого Иоанна Кронштадтского, который решительно и бескомпромиссно напоминал власти ее долг подавить смуту. Святой Иоанн обращался к правительству со словами из Послания к римлянам: «Начальник не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему зло». Авторитет святого был очень высок, и его проповеди и обращения сыграли большую роль в борьбе со смутой и политическим бандитизмом. Иоанн Кронштадтский, так же как и Государь, считал себя членом Союза Русского Народа и даже имел членский билет за номером «один».

Кроме Союза Русского Народа в 1905–1906 годах создан целый ряд других патриотических организаций. Самая крупная из них – Русская монархическая партия, насчитывавшая в 1906 году около 60 местных отделений с 10 тыс членов. Партия эта носила преимущественно дворянский характер. Органом ее была газета «Московские ведомости», которую в разное время издавали русские патриоты Л. А. Тихомиров и В. А. Грингмут. Союз имел вспомогательную организацию Русское Монархическое Собрание. Характер работы Союза – преимущественно практический, в рамках организованных им Общества трезвости, Общества для содействия патриотическому воспитанию детей и борьбы с улицей, Грингмутовских школ и других учебных заведений. Была создана типография, которая печатала собственные газеты и книги с целью противодействия революционной пропаганде. Широкой популярностью пользовались Грингмутовская библиотека и обширный книжный склад.

Основная практическая задача формулировалась Русским Монархическим Собранием как постоянная поддержка законной русской власти. В документах Собрания говорилось, что его члены оказывают «посильное содействие местным властям в деле водворения повсюду порядка и законности, а равно и во всех предначинаниях, направленных к улучшению тех народно-бытовых условий, которые, устраняя причины народного недовольства, предоставили бы возможность каждому, любящему Царя и Родину, надлежаще развивать дарованные ему Богом способности и с наибольшей пользой применять их на благо собственное и благо Отечества».

В апреле 1905 года патриотическая группа «Кружок москвичей» организовала Союз русских людей, позже слившийся с Союзом Русского Народа. Продолжало свое существование и Русское собрание, которое после выхода из него патриотов, основавших Союз Русского Народа, стало преимущественно элитарной организацией, объединяющей примерно 2 тыс знатных дворян, высших чиновников, офицеров, богатых купцов. Созданы также «Общество активной

[35] ГАРФ, д. 3, л. 1.

[36] ГАРФ, ф. 116, оп. 1, д. 3, л. 1.

борьбы с революцией и анархией» (насчитывавшее более 8 тыс членов), Клуб русских националистов (Киев), Союз русских рабочих, Союз русских женщин, Всероссийский национальный союз. В Киеве возникла молодежная патриотическая организация «Двуглавый Орел» (руководители Д. Е. Куделенко и другие), имевшая свой печатный орган и отделения в Екатеринославе и Запорожье-Каменском. В Курске – «Партия народного порядка» (под руководством Н. Е. Маркова). Многие патриотические организации имели свои органы печати, а некоторые даже и издательства. На начало 1906 года в России выходило около 90 патриотических газет и журналов. Патриотические издательства печатали и распространяли в городах и деревнях летучие листки, прокламации, брошюры, доклады, раскрывающие антирусскую суть революционных бесов и либерально-масонской «прогрессивной общественности», сплачивали русских людей в борьбе против общего врага.

Кроме крупных общероссийских и региональных организаций существовали еще сотни самостоятельных провинциальных патриотических движений и союзов. Многие из них действовали в деревне. Орловская губерния, например, стала ареной мощного крестьянского патриотического движения, направленного против революционной интеллигенции. Ее руководители распространяли по всем уездам печатные и переписанные от руки воззвания, гласившие, что между Царем и народом стоит интеллигенция, которую нужно сокрушить, и что Царь в своих заботах о народе возложит эту задачу на крестьянство, которому не могут помешать никакие власти, большие и малые, потому что они «заодно с интеллигенцией и против Царя». К интеллигенции вожди этого крестьянского движения отнесли многих дворян, которым сильно досталось за их революционные убеждения, а некоторым «закоренелым демократам» из дворян даже пожгли усадьбы.

Одной из форм народного движения против антирусской смуты стали православные братства. После антирусской революции 1905 года их в России образовалось более 700, они объединили около 3 млн человек. Братства были союзами православных духовных единомышленников и носили названия православных праздников или имена святителей – «Братство Животворящего Креста Господня», «Братство Христова Воскресения», «Братство Николая Чудотворца». В Москве действовало «Братство Святителей московских», в Чернигове – «Братство св. Михаила, князя Черниговского». Регулярно проводились съезды братств. Огромным авторитетом среди русского народа пользовалось Общество Хоругвеносцев, которое существовало во многих православных приходах как «живая Христова рать» в защиту Царя и Родины. Члены Общества носили особые белые кафтаны и утвержденный Синодом особый нагрудный знак, на котором изображена церковная хоругвь с восьмиконечным крестом. Хоругвеносцы были настоящими русскими патриотами, принимавшими участие во всех патриотических демонстрациях, манифестациях и, конечно, торжественных богослужениях и крестных ходах. Общество Хоругвеносцев стало массовой общественной организацией, охватывавшей многие сотни тысяч человек. По одной Московской губернии насчитывалось около 40 тыс хоругвеносцев. Большую пользу в воспитании рабочего населения крупных городов имели созданные Православной Церковью общества трезвости. В Петербурге, например, действовало «Александро-Невское общество трезвости», имевшее 14 отделов и ряд своих печатных органов, например, «Родная речь» и «Отдых христианина». В рамках мероприятий, которые проводило это общество, открывались чайные, столовые, читальни, организовывались крестные ходы. «Александро-Невское общество трезвости» организовало при себе «Содружество христианской молодежи», которое работало среди учащихся и студентов. В целом ряде русских городов существовали также отделения «Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников», прославившегося на всю Россию своими чайными читальнями, откуда взашей гнали революционеров.

С августа 1907 года стал издаваться журнал выдающегося русского мыслителя-патриота С. Ф. Шарапова «Свидетель», пришедший на смену его газете «Русское дело». Возобновляет деятельность и его издательство, выпускавшее патриотическую литературу.

Постепенно и неотвратимо русские люди преодолевали последствия той великой смуты, в которую их ввергло преступное сообщество либерально-масонского подполья и революционных партий, всех внутренних врагов России.

Глава 9

10 заповедей российских. – Союз Михаила Архангела. – «Книга русской скорби». – За права русского народа. – Торжество государства Российского. – Предложения патриотов

Подъем русского патриотического движения после победы над антирусской революцией продолжался примерно до 1912 года. Никогда, наверно, еще не было столь бурных и массовых проявлений патриотических чувств, как в эти годы. Росли ряды членов патриотических обществ и партий, организовывались массовые народные празднества и церковные ходы. Все это проходило в духе торжества Православия и мощи русского народа. За 1906–1912 годы было открыто около 6 тыс новых церквей и 3 тыс часовен.

Число монастырей за 1905–1913 годы выросло с 860 до 1005, а число монашествующих в них – с 63 до 92 тыс человек. Сотни патриотических организаций в столицах и на местах, представлявших разные оттенки русской мысли и национального самосознания, в порыве соборного творчества выработали общую идеологию русского движения, которая выражалась в «10 заповедях российских», опубликованных во многих патриотических изданиях:

10 заповедей российских

1. Возлюби Родину – Русь больше себя, ибо она есть мать и кормилица предков твоих, тебя самого и ближних твоих, ибо она для тебя есть путь к совершенству.

2. Защищай, не щадя жизни своей, единство, целость, свободу и честь Руси, ибо она есть священное твое Отечество, твоя милая Родина; ибо она – это ты сам.

3. Благоговейно чти и оберегай Веру Православную, Самодержавие Царское и первородство народа Русского, ибо три они создали Русь.

4. Помни о любви к брату твоему русскому и помогай ему – ты обязан помочь, ибо одной с ним плоти, крови и духа.

5. Стремись всеми силами твоими к выполнению и применению первородства русских, власть и богатство России должны принадлежать нам.

6. Будь нравственен и не посягай на имущество брата твоего.

7. Будь дисциплинирован и соблюдай законы и правила русской власти.

8. Помни о врагах Родины: противодействуй им всеми твоими помыслами и силами, не имей с ними никакого дела и помни, что даже копейка, перешедшая от тебя к врагам, усиливает их, ослабляет русских и есть измена Отечеству.

9. Работай, трудись и учись; стремись к познанию природы и окружающего тебя мира и к владычеству над ним.

10. Помни, что без единой Верховной власти – нет единого государства; без господствующей нации – нет крепкого неделимого государства; без силы – нет господства; без борьбы – нет жизни».

* * *

Патриотическое движение объединило в себе цвет русской нации.

В работе патриотических организаций принимали участие выдающиеся общественные и государственные деятели, ученые, писатели, люди искусства. Среди них сам Царь Николай II, святые Иоанн Кронштадтский, митрополит Владимир (Богоявленский) и будущий патриарх Тихон, архиепископ Никон (Рождественский), архимандрит Антоний (Храповицкий), прото-

иерей И. Восторгов, протоиерей Михаил Алабовский, архимандрит Почаевской лавры Виталий, архимандрит М. Гневушев; государственные деятели (министры, члены Государственного Совета и Государственной думы) – И. Г. Щегловитов, Н. А. Маклаков, А. А. Римский-Корсаков, князь А. А. Ширинский-Шихматов, Н. П. Муратов, Е. К. Климович, князь В. М. Волконский, А. С. Стишинский; ученые – академики Д. И. Менделеев и А. И. Соболевский, профессора – Б. В. Никольский, А. В. Стороженко, А. С. Вязигин, Д. И. Иловайский, В. Ф. Залесский, С. В. Левашов, Ю. А. Кулаковский, И. П. Сазонович, С. Ф. Шарапов, И. Е. Забелин, Г. В. Бутми, А. Фролов, Г. Г. Замысловский, Л. А. Балицкий, А. Будилович; писатели и публицисты – С. А. Нилус, В. В. Розанов, Л. А. Тихомиров, М. О. Меньшиков, П. Ф. Булацель, К. Н. Пасхалов, П. А. Крушеван, Н. Д. Жевахов, Н. Д. Тальберг, И. И. Дудниченко, А. П. Липранди, А. Муратов, Н. Д. Облеухов, В. А. Балашов, Н. П. Тихменев, С. А. Кельцев, Д. Е. Куделенко, М. А. Орфенов («Рязанец»), С. К. Глинка-Янчевский; художники – В. М. Васнецов, М. В. Нестеров, П. Д. Корин. И еще тысячи и тысячи лучших русских людей: крестьян, рабочих, купцов, истинной народной интеллигенции.

В марте 1908 года рядом с Союзом Русского Народа возникла еще одна крупная патриотическая организация – Русский Народный Союз имени Михаила Архангела. Основу его составила часть бывших членов Союза Русского Народа. Выделились они по идейным соображениям – отношению к Государственной думе и столыпинской реформе. Преобладающая часть патриотов, составлявших ядро Союза Русского Народа, не поддерживала идею Государственной думы в том виде, в каком она была претворена в жизнь, предлагая сделать ее только совещательной. Не одобрила она и столыпинскую аграрную реформу, справедливо рассматривая ее как средство разрушения одного из главных устоев русской жизни. Другая, сравнительно небольшая часть патриотов, вышедшая из Союза Русского Народа и объединившаяся в Союз Михаила Архангела, поддержала идею Государственной думы как законодательного, а не совещательного органа с тем, чтобы только ее состав формировался из истинно русских людей. Она же одобрила и столыпинскую реформу, уничтожавшую крестьянскую общину.

Руководящим органом Русского Народного Союза имени Михаила Архангела стала Главная палата из 12 человек, в первый состав которой вошли: В. М. Пуришкевич, И. И. Баранов, Г. В. Батулин, С. А. Володимеров, П. П. Сурин, Г. А. Шечков и другие. Новый патриотический союз выпускал газету «Вестник Русского Народного Союза имени Михаила Архангела», журнал «Прямой путь». Среди книг, изданных Союзом, были такие, как «Воцарение Дома Романовых» и «Умученные от жидов». Однако общая численность Союза Михаила Архангела была значительно меньше, чем Союза Русского Народа, и не превышала 20–25 тыс человек.

Благо Родины, говорилось в программе Союза Михаила Архангела, зависит от сохранения в чистоте Православной Веры, русского неограниченного Царского Самодержавия и русской самобытности. В примечаниях к Программе Союза особо отмечалось, что, принимая во внимание, что народности, покоренные русским оружием (обитатели Кавказа, Польши и др.), а главное евреи, не желают, как показал уже опыт Государственных дум первого и второго созывов, проникаться чувством русской государственности и шлют своих представителей в Думу не в целях созидательного труда на пользу общего Отечества России, а в целях ослабления таковой, как единого государственного целого, Русский Народный Союз имени Михаила Архангела будет прилагать все усилия к тому, чтобы права этих народностей в смысле государственном и общественном были поставлены у нас в пределы, не препятствующие увеличению значения и государственной мощи великого русского народа.[37]

В 1907 году с Союзом Русского Народа слилась другая патриотическая организация – Союз русских людей, но в 1909 году выделилась из него.

[37] Русский Народный Союз имени Михаила Архангела. Программа и Устав. 1909. С. 5.

1910 году Союз Русского Народа разделился на две организации. Одну из них под прежним названием возглавил Н. Е. Марков, который считал возможным частичное реформирование русского государственного строя и в этом смысле во многом смыкался с Союзом Михаила Архангела. Новый Союз Русского Народа стал издавать газету «Земщина». Вторую организацию составили наиболее последовательные защитники русского государственного строя, бескомпромиссно выступавшие за упразднение Государственной думы и превращение ее в законосовещательное учреждение. Вторая организация получила название – Всероссийский Дубровинский Союз Русского Народа. Возглавил ее А. И. Дубровин.

Русская монархическая партия, которую через полтора года после смерти ее основателя В. А. Грингмута с 1907 года возглавил протоиерей И. И. Восторгов (в 1913–1914 – В. В. Томилин, а затем С. А. Кельцев), в 1911 году была переименована в Русский Монархический Союз, который продолжал издавать газету «Московские ведомости».

Кроме того, существовали несколько региональных патриотических организаций, деятельность которых выходила далеко за местные рамки, – Астраханский Народный Монархический Союз (председатель Н. Н. Тиханович-Савицкий) и Одесский Союз русских людей (председатель Н. Н. Родзевич).

Союз Русского Народа, Союз Михаила Архангела, Русская монархическая партия, Астраханский и Одесский Союзы были организациями народными, массовыми, охватывая своим влиянием миллионы – преимущественно простых людей, крестьян, рабочих, ремесленников, мелких торговцев.

В 1908 году наряду с этими народными организациями возникает еще одно патриотическое объединение – «Всероссийский Национальный Союз» – партия националистов. Инициаторами ее создания стали публицист М. О. Меньшиков, член Госсовета С. В. Рухлов и тульский помещик, член Госдумы князь А. П. Урусов. Вначале это объединение носило чисто элитарный характер и действовало преимущественно в рамках Государственной думы. Настоящей партией оно стало после объединения с Партией умеренно правых (созданной в 1909 г. и возглавляемой такими видными деятелями русского патриотического движения, как подольский помещик П. Н. Балашев, бессарабский помещик П. Н. Крупенский, тульский помещик граф В. А. Бобринский). Председателем объединения партии стал П. Н. Балашев. К 1912 году в России было образовано 60 местных отделений «Всероссийского Национального Союза». В феврале 1912 года в состав Союза вошли еще 8 самостоятельных провинциальных организаций, в том числе Киевский клуб русских националистов и Подольский союз русских националистов. Общая численность ВНС достигла 3 тыс человек. Однако реальное число членов ВНС было больше за счет существовавших формально независимыми, но действовавших по одной программе с такими патриотическими образованиями, как Всероссийский национальный клуб, Галицко-Русское и Западно-Русское общества. Несмотря на патриотическую направленность, в деятельности «Всероссийского Национального Союза» просматривались либеральные тенденции, особенно в отношении Православия (Союз стоял за свободу веры и демократизацию церковной жизни), значения Государственной думы (признание законодательного характера) и столыпинской реформы (за разрушение общины). Впоследствии эти либеральные тенденции привели некоторую часть членов Союза (например, В. В. Шульгина) в лагерь врагов России.[38] Тем не менее в 1910–1914 годах ВНС сыграл положительную роль, сумев потеснить в Думе чувствовавших себя хозяевами октябристов.

[38] В 1911–1915 годах в партии происходит перерождение целого ряда ее влиятельных членов. В 1911 году П. Н. Крупенский образует фракцию независимых националистов, фактически сомкнувшись с октябристами, в 1914 году бывший председатель петербургского отделения ВНС А. Л. Горязин выступает с инициативой создания национал-демократической, а на самом деле либерально-демократической «Имперской народной партии»; в августе 1915 года либеральные националисты из числа депутатов Госдумы входят в масонско-либеральный Прогрессивный блок (Шульгин В. В., Бобринский В. А., Савенко А. И., Демченко В. Я. и др.).

Русские патриотические организации проводят широкую общественную работу. Большое значение приобретают сбор средств для помощи учебным заведениям, организация благотворительных патриотических лотерей, устройство бюро юридической помощи русским людям и т. п. Но главным, конечно, стало устройство своих учебных заведений. Прекрасный пример этому давал Одесский Союз русских людей, который сосредоточился на педагогической деятельности. Союз содержал за свой счет мужскую гимназию, женскую учительскую семинарию, две начальные школы и ремесленные классы, где детей воспитывали в правильном религиозно-нравственном и патриотическом духе.[39] Этот же Союз организовывал рабочие артели из членов патриотических организаций.

После победы народа над антирусской революцией патриотические силы стремятся увековечить память патриотов, погибших в борьбе за Россию. В 1906 году в Кремле закладывается памятник-часовня на месте убийства великого князя Сергея Александровича.

Летом 1907 года огромные, многокилометровые колонны патриотов двинулись крестным ходом из Кремля на Ходынское поле, где была совершена торжественная закладка храма в память о всех погибших в борьбе с революционерами. Подобные храмы-памятники закладываются тогда по всей России. В русских церквах устанавливаются специальные кружки для сбора средств в помощь семьям русских людей, убитых революционерами.

Русский Народный Союз Михаила Архангела создает «Книгу русской скорби» – многотомное издание, своего рода синодик, состоявший из биографий русских людей, убитых или замученных революционными бандитами. Специальная редакция собирала и обобщала присылаемые из всех губерний данные о жертвах антирусской революции.

Листая страницы этого издания, поражаешься чудовищности злодеяний лиц, боровшихся якобы «за правое дело» и заливших Россию кровью верных слуг Царя и Отечества.

Первый выпуск «Книги русской скорби» составили биографии и описания мученической кончины от рук революционных злодеев хороших русских людей всех сословий и состояний.[40] Одно перечисление свидетельствует о широкой террористической деятельности внутренних врагов. Великий князь Сергей Александрович и сын крестьянина из села Конотопа Волыревский. Штабс-капитан минной роты Лишин и генерал Мин. Петербургский градоначальник Лауниц и член Союза Русского Народа Журавель. Начальник штаба в Тифлисе Грязнов и генерал Полковников. Симбирский губернатор Старынкевич и крестьянин Рыжков, генерал граф Шувалов и городовой из Елатьмы Ганин. Акмолинский губернатор Литвинов и помощник пристава Шаталович. Министр внутренних дел Плеве и крестьянин Гусаков. Член Государственного Совета граф Игнатьев и крестьянин Петров. Жандармский полковник Иванов и крестьянин Мечия.[41]

Патриотические организации, и прежде всего Союз Русского Народа, по-прежнему всеми силами стремились поддержать Царя и правительство в их нелегкой борьбе с революционной бесовщиной. Так, в апреле 1907 года Союз Русского Народа разослал секретный циркуляр, в котором сказано, что II Государственная дума состоит почти вся из революционеров, занимающихся пустыми словопрениями, стремящихся во что бы то ни стало избегать конфликтов с правительством, чтобы дотянуть время до летних каникул. Каникулярное время они хотят употребить на противоправительственную агитацию среди народа, возбуждая и подготавливая его ко всеобщей забастовке, а осенью, собравшись вновь, устроить скандал в Думе, заставить этим правительство разогнать Думу и тогда начать всеобщее восстание. Чтобы не допустить этой интриги подрывных сил, Союз Русского Народа потребовал от своих отделений, как только появится крест в газете «Русское знамя», немедленно послать телеграмму Царю с просьбой

[39] ГАРФ, ф. 1467, д. 847, л. 6.

[40] ГАРФ, ф. 117, оп. 1, д. 146, л. 101.

[41] ГАРФ, д. 601, л. 1.

разогнать Думу и изменить выборный закон так, чтобы по нему могли попасть в Думу только действительные избранники народа.[42] Что и было успешно осуществлено. Этот акт патриотов поддержал Царя при принятии им решения об изменении избирательного закона.

Конечно, как и раньше, патриотические организации борются прежде всего за право русских людей быть хозяевами на своей земле. На имя председателя Совета министров от патриотических организаций и отдельных патриотов идут телеграммы с требованиями принятия мер для ограждения интересов русского работника. Патриотическая печать поднимает этот вопрос постоянно. Так, 18 марта 1910 года «Русская правда», выходящая в Астрахани, от имени собрания русских служащих обращается к правительству: «Положение получается невозможное и недопустимое ни в одном государстве. Коренное русское население, народ-хозяин, систематически вытесняется хищным пришельцем, а правительство не принимает должных мер против этого недопустимого явления, несмотря на неоднократные указания.

Когда же, вследствие нерадения правительства, русское население, доведенное до исступления непосильной борьбой с наглыми угнетателями, начинает расправляться с ними по-своему, то его хватают, сажают в тюрьму и ссылают на каторгу, как погромщика. Собрание русских служащих просит Вас или совершенно устранить евреев с промыслов, или же выдавать обреченным ими на голодовку русским служащим с их семьями пособия деньгами или натурой. Нельзя допустить, чтобы угнетатели благоденствовали за счет русского, умирающего с голода.

Необходимо озаботиться скорейшим изданием законов, ограждающих слабого, каковым является русский в экономической борьбе».[43]

Деятельность патриотических организаций встречала сочувствие и поддержку Царя и Царицы. Причем среди патриотических организаций Царь особо выделял Союз Русского Народа, соглашаясь с его программой.

14 февраля 1908 года Царь приветствовал съезд Союза Русского Народа. Обращаясь к руководителю Союза Дубровину, Царь сказал: «Передайте всем русским людям, собравшимся на Съезд, Мою искреннюю благодарность за их труды на благо Родины и за любовь ко Мне, в чем Я никогда не сомневался. Стойте на святых началах твердой веры, любви к Самодержавному Царю и своей Родине».

Чтобы выразить свое доверие Союзу Русского Народа, Царь принял и возложил на себя и на Наследника знаки Союза Русского Народа, став таким образом его почетным членом.[44]

1909 год становится годом торжества Православия и Русской государственности. Один за другим проходят торжественные празднования, носившие глубоко патриотический характер.

23 мая в Москве возле Храма Христа Спасителя в присутствии Царя и Царицы открывается памятник великому русскому патриоту, положившему всю жизнь возвышению России, Царю Александру III. По замечаниям современников, памятник выражал великую простоту и мощь, соединенную с непоколебимостью и величием. В том же году торжественно открываются памятники русскому первопечатнику Ивану Федорову и доктору Ф. П. Гаазу, прославившемуся своим добротолюбием.

5 октября 1909 года в Москве открыт Народный дом Цесаревича Алексея Николаевича. Обширная, с огромными окнами столовая вмещала около 100 обеденных столов черного полированного мрамора. Читальня-библиотека соединяла в себе бесплатную читальню и платную (с символическими ценами) библиотеку с выдачей книг на дом.

Полтавские торжества 27 июля 1909 года представляли собой грандиозный праздник единения русского народа, на котором не было отдельных национальностей, а один братский народ в трех его ветвях – великороссы, малороссы и белорусы. Демонстрируя силу и мощь

[42] ГАРФ, ф. 1467, д. 858, л. 75.

[43] Там же, д. 851, л. 32.

[44] ГАРФ ф. 116, д. 3, л.10.

единой русской нации, на торжество прибыли представители от всех полков, участвовавших в Полтавской битве, а полки Петровской бригады – Преображенский и Семеновский – пришли в полном составе. Город был очень наряден – арки, задрапированные цветами и материей, столбы и колонны зданий перевиты зеленью, повсюду государственные стяги. На торжества прибыли Государь со Двором. На самом поле битвы для Царя была устроена Ставка и отслужена торжественная панихида по павшим. При словах «вечная память» войска, построенные вокруг могилы, все присутствующие опустились на колени, выражая самое великое национальное единство – единство живых и мертвых, посвятивших себя служению государству Российскому.

В этот же день Царь имел множество встреч. Вечером, нарушив составленную для него программу, Царь вместе со Столыпиным и некоторыми великими князьями проехал на народный бивуак сельских выборных, которых там было около 4000 человек, по 15 крестьян от каждой волости. Беседа с крестьянами продолжалась до темноты, Царь интересовался их нуждами и был очень доволен, что крестьяне сохраняли местные особенности своих костюмов. После парада на следующий день Царь, обращаясь к присутствующим на торжественном завтраке, подчеркивал необходимость «веры в силу своего Отечества, любовь к нему и любовь к своей старине». Поднимая тост, Государь сказал: «Я пью за то, чтобы Россия развивалась в духе единения Царя с народом и в тесной связи всего населения нашей Родины со Своим Государем. Пью за потомство славных героев… за их здоровье, за всю армию и за великую нашу Матушку Россию».[45]

Празднование Столетия Бородинской битвы стало еще одним торжественным событием уходящей исторической России. Так же как и празднование юбилея Полтавской битвы, оно было организовано хорошо, собрало десятки тысяч народа со всех концов России. Военный парад, различные приемы, встречи с крестьянами проходили очень приподнято, на высокой патриотической ноте. На Бородинском поле депутация старейших крестьян Московской губернии поднесла Государю хлеб-соль на красивом деревянном блюде. «Я счастлив, – говорил Царь в ответ, – что вместе с вами провожу этот день знаменитой годовщины боя, где ваши деды бились с врагом и отстояли Родину, чему помогла вера в Бога, преданность Царю и любовь к Родине. Надеюсь, что и вы воспитаете ваших детей в тех же заветах преданности и любви к нашей Матушке России».[46] Позднее, уже в Москве, где торжества продолжались, Царь встречался с официальными представителями российского дворянства, депутация которых поднесла Государю торжественный стяг с изображением с одной стороны Нерукотворного Спаса, а с другой – Георгия Победоносца.

«С чувством глубокого умиления и признательности принял я из ваших рук этот стяг, – отвечал растроганный Царь, – он будет всегда служить мне воспоминанием о живой и неувядаемой связи между российским дворянством – первым сословием России – и его Царями. Я уверен, что в дворянстве будет вечно жить дух верности и преданности к своим Государям…»

Но, конечно, самым значительным торжеством стало празднование Трехсотлетия Дома Романовых, ознаменовавшее великую дату Российского государства. За период правления Романовых Россия резко раздвинула свои границы, создав могучую Православную державу. Празднование юбилея Дома Романовых стало великим торжеством русского духа и русской цивилизации. Празднества начались 21 февраля 1913 года одновременно в Петербурге и в Москве. В древней столице России состоялся крестный ход, собравший сотни тысяч людей, русские патриоты несли чудотворные иконы Владимирской, Иверской, Казанской Божьей Матери. Затем на Красной площади прошел военный парад. Весной Царская семья проехала по многим городам и местностям исторической России: Москва, Владимир, Суздаль, Боголюбово,

[45] ГАРФ, ф. 826, д. 49, л. 101–105.

[46] ГАРФ, ф. 826, д. 51, л. 133.

Нижний Новгород, Кострома, Ярославль, Ростов Великий. На всем пути следования Царской семьи собирались сотни тысяч русских людей, желавших увидеть своего Царя. В Костроме Царскую семью встречал весь город и жители окрестных селений, а когда она уезжала, толпы русских людей долго шли вдоль берега, провожая пароход, причем многие входили в воду по пояс. Выражение глубокой народной преданности еще больше укрепило Царя в его взгляде на Святую Русь, служению которой он посвятил жизнь.

Церковная жизнь в России в предвоенные годы проходила под знаком будущих русских святых, великих православных подвижников: Иоанна Кронштадтского, архиепископа Тихона (будущего патриарха), великой княгини Елизаветы Федоровны. Их личности олицетворяли всю полноту и глубину церковной жизни Святой Руси. Строились новые церкви, расширялись приходы, церковные праздники превращались в праздники торжества Православия. В июне 1909 года православная Россия с воодушевлением приняла решение о возобновлении почитания святой Анны Кашинской.

В городок Кашин, где жило всего 8 тыс человек, собралось 120 тыс паломников, приехала и великая княгиня Елизавета Федоровна. Образ святой княгини Анны Кашинской связывался в народном сознании с пониманием истинно русской женщины-подвижницы. Молодая женщина после гибели ее мужа, замученного врагами России в Орде в 1329 году, ушла в монастырь и посвятила свою жизнь православному служению. Ее канонизировали при царе Алексее Михайловиче, но через 27 лет почитание святой отменили решением Собора по вздорному поводу – на иконе она изображена с рукой, пальцы которой сложены в двуперстие, а не троеперстие, как было установлено церковной реформой Никона. Но ведь в древности так молились все русские люди. Даже после отмены канонизации святой княгини народ продолжал глубоко почитать ее. Знаменательным было присутствие на торжестве великой княгини Елизаветы Федоровны, судьбу которой уже тогда отождествляли с судьбой Анны Кашинской. Архиепископ Алексий, обращаясь к великой княгине, сказал: «Настоящее торжество в честь многострадальной Благоверной Княгини Анны, изволением промысла Божия, суждено разделить с нами именно лично Тебе, многострадальная, возлюбленная, благоверная Великая княгиня, – тебе, как близкой с нею по судьбе и родной по духу».

12 июня в 8 часов утра к Вознесенскому собору, где находилась гробница святой Анны, двинулись крестные ходы из всех кашинских деревень, а также из городов Бежецка, Твери, Корчева, Кимр, Калязина. Торжественную литургию совершал митрополит Владимир, архиепископы Тихон (впоследствии патриарх Московский и всея Руси) и Назарий.

Так же торжественно отпраздновали 200-летие святого Димитрия Ростовского, составителя свода житий святых, активного борца против раскола, католицизма и униатства.

Великим праздником всех русских патриотов стало торжественное перенесение мощей святой Полоцкой княгини Евфросинии из Киево-Печерской лавры в Полоцк, состоявшееся в 1910 году. Торжество продолжалось целый месяц. Мощи везли сначала по Днепру на специальном пароходе, а затем от Орши по железной дороге в особом поезде. По всему пути проходили массовые крестные ходы, а в Полоцке к моменту прибытия мощей собралось свыше 20 тыс человек, присутствовала и Царская семья.

В тот же год Русская Церковь канонизировала святого епископа Иоасафа Белгородского. Прославление святого проходило при огромном стечении народа, шествовали массовые крестные ходы, некоторые из них прошли по 300 километров.

8 апреля 1910 года состоялось посвящение на служение Богу и ближнем у великой княгини Елизаветы Федоровны и 18 сестер Марфо-Мариинской обители в Москве. Как описывают очевидцы, великая княгиня и все сестры стояли в светлых одеждах. На голове – апостольник – белый полотняный платок; на груди – кипарисовый восьмиконечный крест с изображениями – на лицевой стороне Спаса Нерукотворного и Богоматери с Омофором, простершей руки; на оборотной – изображение свв. Марфы и Марии и слова Господней заповеди о любви к Богу

и ближним. Поверх апостольника – длинное покрывало, спускающееся с головы до пояса, как в древние времена.[47]

Ужесточаются правила монастырской жизни. Обличение излишеств очищает атмосферу монастырей. В Москве митрополит Владимир стал строго преследовать за употребление спиртных напитков. Даже на торжественных обедах в дни праздников запрещается подавать не только водку, но и вино, а на столах стояли только квас и фруктовые воды.[48]

Издавались сотни православных журналов, газет, брошюр, книг. С 1908 года выходили православные журналы «Воин и пахарь», «К свету». Большое количество книг и журналов издавали русские монастыри: Почаевский, Киево-Печерский, Оптина пустынь. Троице-Сергиева лавра выпускала, например, «Троицкое слово», «Божья Нива», а для детей – журнал «Зернышки».

Святая Русь жила в Церкви полнокровной жизнью, но рядом с ней поднимала голову откровенная бесовщина. В 1910 году возникает скандальная история с епископом Гермогеном и иеромонахом Илиодором, как выяснилось, прожженными аферистами и карьеристами. Оба этих недостойных духовных лица начинают демагогическую и клеветническую критику правительства Столыпина, в которой в особо гнусной форме дискредитируют верховную власть. Саратовский губернатор, на территории которого действовали оба демагога, добивается перевода Илиодора в другую епархию. Илиодор объявляет себя «великим подвижником» и с толпой обманутых им людей запирается в Царицынском монастыре, заявляя: «Уморю себя голодом, если меня не оставят в Царицыне». Проголодав день, этот упитанный «подвижник» соглашается на перевод. Однако через некоторое время бежит из обители, куда его выслали, обратно в Царицынский монастырь, где снова начинает мутить народ. Покровительство епископа Гермогена, находившегося некоторое время даже в составе Синода, помогало Илиодору выходить из самых трудных положений. Но вот опала постигла и самого Гермогена, уличенного в неблаговидных делах. Решением царя его отставляют от Синода и направляют обратно в Саратов. Гермоген вступает в контакт с либерально-масонской прессой и начинает во всеуслышание критиковать правительство. В результате Гермоген попадает в Жировицкий монастырь, а Илиодор – во Флорищеву пустынь.

В 1912 году с участием этих «духовных лиц» разыгрывается странная история с чудотворной иконой Казанской Божьей Матери. Эта икона была похищена бандитом Л. Кораблевым и, по показаниям одного из участников ограбления, сожжена. И вот в тюрьме этот Кораблев вдруг заявляет, что икона цела и он готов ее вернуть, если его помилуют.

Как оказалось потом, Кораблев блефовал, а чтобы освободиться, он решил выдать за чудотворную другую икону. Но епископ Гермоген и иеромонах Илиодор, пытавшиеся реабилитировать себя каким-то громким делом, поддержали эту заведомо фальшивую версию. Им нужна была сенсация «возвращения» или «нового обретения» чудотворной иконы. В частных разговорах, например, Илиодор высказывал мысль, что в «сущности безразлично, будет ли икона подлинная, или поддельная, что важно лишь восстановить святыню».[49] Попытка выдать фальшивую икону за подлинную не удалась. А через несколько месяцев Илиодор, понявший, что его церковная карьера кончилась, публично отрекся от Православия и образовал собственную секту откровенно антихристианского характера. Его дальнейшая деятельность привела его на службу в большевистскую Чека. В конце 1912 – начале 1913 года Илиодор, по определению Новочеркасской судебной палаты, «а) возлагал хулу на славимого в Единосущной Троице Бога и на Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, говоря, что Иисус Христос не Сын Божий, а обыкновенный человек, родившийся от плотской связи плотника из Назарета

[47] ГАРФ, ф. 826, д. 51, д. 49, л. 252.

[48] Там же, л. 135.

[49] ГАРФ, ф. 826, д. 51, л. 183–189.

Иосифа с Марией, умерший впоследствии на кресте и не воскресший, что Духа Святого не существует, что Матерь Божья – простая женщина, имевшая, кроме Иисуса Христа, других детей; б) поносил Православную Церковь, ее догматы, установления и обряды, утверждая, что православная вера – колдовство, священники – колдуны, дурачащие людей, что таинств нет, а они выдуманы мракобесами, что в Православной Церкви случилась мерзость и запустение и что в ней нет Христа, Святейший же правительствующий Синод называл "Свинодом"; во 2-х, с целью возбудить между теми же своими посетителями неуважение к ныне царствующему Государю Императору, Государыне Императрице и Наследнику Цесаревичу, позволял себе… произносить следующие оскорбительные для Высочайших особ выражения: "На престоле у нас лежит кобель: Государь Император – мужичишка, пьяница, табачник, дурак; Императрица – распутная женщина; Наследник родился от Гришки Распутина; государством правит не Государь, а Саблер и Гришка Распутин"». Мы специально привели выдержку из этого судебного определения, ибо она в целом выражала стереотип антирусской, антиправославной, антисамодержавной пропаганды, которую примерно с этого времени и вплоть до 1917 года вели враги России.

Осквернение русских святынь приобретает невиданный прежде размах. Пожалуй, самой злобной и несправедливой была кампания клеветы против святого преподобного Иоанна Кронштадтского, которая велась со стороны либерально-масонской и леворадикальной печати. Выдумывались постыдные истории о его якобы распутной жизни, распускались фальшивые слухи о его якобы денежных махинациях, осквернялась огромная и искренняя любовь к нему православного народа. Конечно, кампания против истинных подвижников Православия имела главной целью дискредитацию Православной Церкви вообще и разрушение веры в простом народе.

Поколебать веру русского народа было нелегко. Когда возник вопрос о восстановлении патриаршества, первым народным кандидатом на этот пост назван именно Иоанн Кронштадтский. У русского народа появился великий шанс возродить Всероссийское Патриаршество, освятив его личностью Иоанна Кронштадтского, признаваемого святым еще при жизни. Но для некоторых руководителей Святейшего Синода личность Иоанна стала укором их жизни.

Вопрос о реформе русской церковной жизни и восстановлении патриаршества встал с особой остротой после Указа о свободе религиозных объединений. В результате его принятия неправославные вероисповедания оказались в более выгодном положении, чем Русская Церковь, по-прежнему подчинявшаяся бюрократическому Синоду и ограниченная в возможностях созыва своих съездов, совещаний и образования православных организаций. Казалось, что в интересах русского дела Царь должен способствовать восстановлению патриаршества, но он медлил и колебался. Главное, что удручало Царя и вызывало его сомнение, – состав высшей иерархии Русской Православной Церкви, значительная часть которого качнулась в сторону либералов и если не открыто, то тихой сапой поддерживала антигосударственные выпады кадетов и их окружения. Кроме того, в 1905–1906 годах большинство священников, избранных в Государственную думу, стояло отнюдь не на монархических позициях. Позднее, после запрета им присоединяться к левым партиям, многие священники, избранные в Думу, только формально числились сторонниками партий государственного порядка, а при голосовании отдавали голоса за левых или либералов. В годы войны часть священников в Думе присоединилась к Прогрессивному блоку, то есть заняла позицию против Царя.

В 1912 году делается попытка объединить священников в особый политический блок, фракцию для выдвижения кандидатов в Думу. Речь шла о создании духовной партии, поддерживающей идею русского Самодержавия. В Думе она могла иметь 50–60 голосов. Однако Евлогий, архиепископ Холмский, которому было сделано такое предложение, отказался под предлогом того, что не хочет изолировать духовенство от народа, выделяя его в одну партию. «Духовенство во всех партиях должно работать по совести». За формально правильными рас-

суждениями архиепископа чувствовалась духовная слепота. Допуская как должное существование партий, ставящих своей целью свержение существующего строя и разрушение Церкви, Евлогий и его единомышленники способствовали усилению и сплочению антирусских сил.

Были и священнослужители, подобные архимандриту Серапиону Машкину, «старцу» Оптиной пустыни, которые в своих идеях мало чем отличались от революционных радикалов, считая, что в борьбе с монархией и капитализмом оправданы все средства: «шпионаж, доносительство и даже тайные убийства». Были и статьи епископа Антония Грановского, в одной из которых он назвал Самодержавие сатанизмом.[50]

Значительная часть высшего и среднего духовенства приняла участие в травле Григория Распутина. Причем, нередко твердо зная, что обвинения, выдвигаемые против него, – клевета и ложь.

В общем и целом создание патриаршества и введение полного самоуправления Русской Церкви, предоставление ей независимости от Царя в тех условиях подрывало основы русской цивилизации, так как создавало что-то вроде еще одной Государственной думы, но в церковной жизни. Естественно, пойти на это Царь не мог.

31 марта 1905 года Государь начертал свою резолюцию на докладе Синода по вопросу восстановления патриаршества:

«Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне тревожное время столь великое дело, требующее и спокойствия и обдуманности, каково созвание Поместного Собора. Предоставляю себе, когда наступит благоприятное для сего время, по древним примерам православных Императоров, дать сему делу движение и созвать собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления».

Однако уже 27 декабря 1905 года Император обратился с рескриптом к митрополиту Антонию (Вадковскому): «Ныне я признаю вполне благовременным произвести некоторые преобразования в строе нашей отечественной Церкви… Предлагаю вам определить время созвания этого собора».

В марте—декабре 1906 года состоялось Предсоборное присутствие с участием как духовных лиц, так и мирян – ученых и общественных деятелей. Для Царя был подготовлен доклад, в котором предлагались переустройство Церкви и переход ее на начала самостоятельного соборного устройства. Однако далеко не все у частник и Присутствия поддержали восстановление патриаршества. Некоторые совершенно справедливо увидели угрозу принципу соборности в Церкви и ограничения традиционной роли русского Царя во взаимодействии с Церковью. Согласившись на созыв Государственной думы, Царь потерял часть своих самодержавных прав, введение патриаршества было бы продолжением этого катастрофического для национальной жизни процесса.

Несмотря на очевидный подъем патриотических и православных чувств в русском народе, враждебные ему силы любыми путями пытаются оклеветать патриотов. Либерально-масонская и леворадикальная печать постоянно стремится очернить благородную деятельность русских людей, представляя ее в самом извращенном виде. Тактика антирусских сил против Союза Русского Народа и других патриотических организаций обязательно включала бесконечные подачи в суд на их якобы незаконную деятельность. Одних только направленных против Дубровина таких попыток были десятки. Как правило, все эти обвинения рассыпались. Зато сам факт подачи в суд обыгрывался либерально-масонской и леворадикальной печатью как уже доказанное преступление, создавая отрицательное общественное мнение о деятелях Союза Русского Народа.

Отношение к патриотам в общественном мнении создавалось такое, что настоящим мужеством надо было обладать, чтобы стать не революционером, а патриотом. Антирусская

[50] Вопросы истории. 1993, № 1. С. 45.

печать травила все проявления истинного патриотизма, наклеивая на него ярлыки «реакционности» и «мракобесия».

В Союз Русского Народа стараются проникнуть враги «с целью учинять в Союзе всякого рода раздоры и подрывать доверие к Союзу среди русского населения. Были даже случаи, что с этой целью в Союз вступали завзятые революционеры».[51]

Для большинства дворян и интеллигентов членство в Союзе Русского Народа считалось признаком дурного тона. Настоящий человек – это тот, кто европейски образован, а «союзники», по их мнению, – люди «реакционные, невежественные, темные, да просто хулиганы». Поддерживать с ними связь предосудительно, все равно что дружить с дворником. Такой взгляд на членов патриотических организаций со стороны большинства дворян и интеллигенции выражал их отношение к простому народу вообще. Ведь патриотические организации состояли преимущественно из простого народа, интеллигентов, и «господ» там было крайне мало. Да что говорить – даже многие министры и ближайшее окружение Царя, например дворцовый комендант генерал-майор Дедюлин, считали членов патриотических организаций «хулиганами и реакционерами» и всяческим образом препятствовали их контактам с Царем и Царицей.[52] Дело дошло до того, что во время празднования 300-летия Дома Романовых монархическим организациям, несмотря на их просьбы, было отказано в отдельном приеме.

Еще хуже положение патриотических организаций становилось в провинции. Многие отмечают характерную черту государственной власти в провинции – губернаторы и должностные лица стремятся угодить левым и либералам (отчасти из страха перед террористами, отчасти из боязни прослыть «реакционерами»), придираются к деятельности патриотических организаций, не идут на контакт с ними, боясь, как бы их не осудила «прогрессивная общественность». Это была удивительно трусливая политика, совсем не вызывавшая уважение к власти.

Более того, она вызывали негодование не только слева, но и справа. Даже монархисты уже не боятся говорить о слабости власти. Как отмечается в полицейском донесении на имя товарища министра внутренних дел Курлова, «сейчас (1909 год. – *О. П.*) уже начинают обвинять не только первого министра. Еще год назад нельзя было и подумать о такой оценке действий Главы Монархии. То, что не могли сделать все усилия революционеров и их сторонников левых, может быть легко достигнуто Правящей Властью, как бы нарочно действующей себе в ущерб. Патриотические организации остерегают власти, что распадение монархических организаций повлечет за собой появление крестьянских, чисто народных сообществ со своими вожаками, которые, исповедуя русские начала, сметут всю интеллигенцию и произведут уже настоящую массовую революцию. Вожаки у них готовы, но пока еще подчиняются главарям-монархистам, хотя антагонизм между белой и черной костью начинает сказываться и здесь».[53]

Октябристы во главе с масоном Гучковым в 1908 году даже обращались к Царю, чтобы он «защитил представительный слой от напора черносотенцев»,[54] как по своему национальному невежеству многие интеллигенты называли патриотов, думая этим их оскорбить, не понимая высокого и почетного смысла этого слова. Исторически означая форму самоуправления трудовых людей в древнерусских городах, понятие «черная сотня» есть «народно-русское сплочение против крамолы и против всяких врагов исконной самобытности Святой Руси».[55]

---

[51] ГАРФ, ф. 116, д. 1, л. 9.

[52] ГАРФ, ф. 1467, д. 853, л. 29.

[53] ГАРФ, ф. 1467, д. 847, л. 78.

[54] Там же, д. 853, л. 2.

[55] Вашутин М. К. К возрождению славяно-русского самосознания. СПб., 1911.

Патриотическое движение, сумевшее разгромить антирусскую революцию в 1905 году, было надежным барьером русской власти вплоть до 1917 года. И не его вина, что многое из того, что предлагалось патриотами, не было услышано правительством.

Русские патриоты не оставляют идею изменить характер Государственной думы. В 1911 году, незадолго до гибели Столыпина, выдающийся русский мыслитель, автор капитального труда «Монархическая государственность» Л. А. Тихомиров направил Столыпину записку, в которой обращался к нему с просьбой взять на себя инициативу государственной реформы, которая вернула бы Царской власти свободу законодательного творчества, сделав бы Думу совещательным учреждением по образцу Земского собора.

Представители Союза Русского Народа, действовавшие на юге России, на совещании в городе Одессе перед войной обратились к Царю со своей программой. В ней отмечалось, что кажущееся затишье под влиянием подпольной работы внутренних и внешних врагов России может вспыхнуть пожаром новых волнений и смут. Чтобы не допустить этого, патриоты обращались к Царю с просьбой самому возглавить национальное движение. «Повели пастырям духовным, – писали они, – стать во главе народного национального движения, а не противодействовать ему, как ныне наблюдается во многих местах.

…Повели постановленным властям споспешествовать деятельности Тобою вызванного в жизнь Союза Русского Народа, не чинить препятствий ко вступлению в ряды этого Союза служилого Тебе люда…»[56]

Ядро программы составляли предложения об улучшении положения трудящихся крестьян и рабочих.

«Главный источник благосостояния русского народа – крестьянина заключается в земледелии, а потому молим Тебя, любвеобильный Монарх, прикажи поставленной Тобою власти: а) издать закон о наделении землею тех безземельных крестьян и мещан сел и деревень, которые занимаются хлебопашеством; б) издать строгие законы о воспрещении хлебного ростовщичества и покупки у крестьян их урожаев на корню; в) установить при каждой школе в деревне и при церковно-приходских школах участки земли для обучения детей на практике правильному земледелию; г) урегулировать арендные цены на землю, дабы она не служила предметом спекуляции; д) устроить в селах и деревнях ремесленные школы с широкой поддержкой правительством и покровительство кустарному производству; е) ускорить покупку для крестьян земли через Крестьянский банк; ж) облегчить крестьянам покупку земли от помещиков через Крестьянский банк с выдачей ссуд полностью по оценке неимущим крестьянам; з) улучшить быт и материальное положение верноподданных Тебе мещан».[57]

Особо рассматривались вопросы о прекращении утеснения простого русского люда со стороны некоторых паразитических слоев населения. Предлагались конкретные меры для их вытеснения.

Обращалось внимание на засилье в российской печати лиц, ненавидящих все русское, глумящихся над Православием и затрагивающих даже священную особу Царя. Но и это обращение патриотов не было услышано.

[56] ГАРФ, ф. 1467, д. 853, л. 41–42.

[57] Там же, л. 42.

Глава 10

Патриоты против крамолы. – Обращение к русским людям – готовность противостоять новой смуте. – Разоблачение планов заговорщиков. – Спасение страны – в решительных и твердых действиях

Русское патриотическое движение в годы Первой мировой войны представляло реальную и грозную силу, опиравшуюся на широкие массы русского народа. Полицейские донесения сообщают о большом количестве отделов и подотделов Союза Русского Народа (до сельских включительно), охватывавших всю территорию России. «Это, – говорится в одном из донесений 1916 года, – единственная политическая партия в России, которая имеет соприкосновение с действительной массою простого серого люда».[58] А кроме Союза Русского Народа существовало несколько десятков других патриотических организаций, охватывавших миллионы патриотов-активистов. «Внутренние интриги, личные счеты и погоня за рублем субсидий, – говорилось в том же донесении, – вот слабая сторона правых партий, но и в других политических организациях те же явления, с той только разницей, что в их рядах нет народных масс и они беспочвенны, монархисты же опираются на всем русским простым людям понятные слова: “Бог, Царь, Родина”».

Как показывает изучение документов, руководители патриотических организаций обладали всей необходимой информацией о характере развившегося в России антирусского движения и всеми возможными способами старались бороться с ним. Уже в августе 1915 года на совещании представителей монархических организаций было выработано обращение ко всем патриотам, в котором раскрывались тайные планы либерально-масонского подполья и германо-большевистского альянса.

В обращении говорилось, что в то время, как вся страна напрягается в борьбе с жестоким врагом, большинство интеллигенции и наиболее состоятельная часть торгово-промышленных классов, возглавляемые так называемым Прогрессивным блоком Государственной думы и поддерживаемые левой печатью, подняли в стране смуту с целью свержения законного правительства и захвата государственной власти.

Наряду с обычными требованиями левых внутренних преобразований, помилования политических преступников (в том числе пятерых членов Государственной думы, хотевших поднять бунт в армии), предоставления льгот еврейскому населению, смутьяны выдвигали ряд требований, свидетельствовавших об их причастности к германской подрывной работе.

Они требовали прекращения законных преследований вероотступников-штундистов, не стеснявшихся поддерживать Вильгельма, а также одобряли работу украинских самостийников-мазепинцев по выпуску газет и проведению собраний. Эта работа финансировалась из средств австрийского и германского штабов.[59]

Русские патриоты отчетливо понимают опасность, нависшую над страной в результате активизации либеральных и левых сил. В этих условиях Всероссийское совещание монархических организаций в Нижнем Новгороде (26–28 ноября 1915 года; председателем его избрали писателя К. Н. Пасхалова) призывает правительство обратить внимание на грозящую опасность и начать борьбу с антирусскими силами.[60]

Патриоты предлагают возбудить против лиц, входящих в состав Прогрессивного блока, уголовное обвинение, ибо «блок», по их мнению (оказавшемуся очень верным), является «ору-

[58] ГАРФ, ф. 1467, д. 847, л. 79.

[59] ГАРФ, ф. 1467, д. 858, л. 33.

[60] Там же, д. 853, л. 48–49.

дием международного заговора против России, и так как лица, входящие в состав блока, пользуясь переживаемыми нашей Родиной военными затруднениями и не останавливаясь даже перед сношениями с украинскими, руководимыми враждебной нам державой, организациями, задумали изменить существующий в России государственный строй».[61]

Совещание предлагает поставить вне закона «украинофильские» («мазепинские») организации, которые под руководством германского штаба стремятся расчленить единую Россию и создать «украинскую» народность.

Обращалось внимание на Общегородской и Общеземский союзы, которые проводили активную антигосударственную пропаганду и на своих собраниях обсуждали политические вопросы, выступая против русского государственного строя.

Отмечалось, что «военно-промышленные комитеты» практически не занимаются вопросами, для решения которых они были созданы (прежде всего снабжение армии боеприпасами), а ведут политическую работу по подготовке к захвату власти.

Те же особенности отмечались в работе городских и земских собраний, которые практическую хозяйственную работу подменяли политическими интригами против государственной власти. Совещание предлагало отменить автономию высших учебных заведений, ибо, пользуясь ею, они стали местом сборища подрывных, антирусских элементов.

Совещание постановило: «Для дальнейшей монархической работы, исполнения постановлений» и для созыва будущих съездов и совещаний образовать президиум из семи человек, в число которых вошли А. И. Дубровин, К. Н. Пасхалов, Н. Н. Тихановичч-Савицкий, Н. П. Тихменев, Н. Н. Родзевич, И. И. Дудниченко (секретарь), Е. А. Полубояринова.

В это же время в Петрограде проходило и другое совещание патриотических организаций. Его инициатором был Н. Е. Марков, а участниками – министр юстиции И. Г. Щегловитов и бывший министр внутренних дел Н. А. Маклаков. На совещании был избран Совет объединения монархических организаций под председательством И. Г. Щегловитова.

Проведение двух параллельных совещаний говорило о расколе в рядах русских патриотов, которому всячески способствовало либерально-масонское подполье. Оно препятствовало консолидации русских патриотов и через своих агентов в министерствах внутренних дел и юстиции добивалось запрещения общероссийских совещаний. Много усилий либерально-масонское подполье приложило, чтобы сорвать Общероссийский монархический съезд, который был намечен на ноябрь 1916 года. Под давлением темных сил сроки Съезда постоянно переносились, и в конце концов разрешение было получено только на февраль 1917 года.

Съезд, которого так ждали патриоты, должен был консолидировать монархические организации в единый консервативный (черный) блок, который работал бы на уровне Думы и Государственного Совета.

На Съезде планировалось создать Совет монархического единения, который, объединяя все организованные патриотические силы, пользовался бы популярностью, доверием и влиянием на государственные дела. По мнению одного из ведущих деятелей русского патриотического движения Н. Н. Тихановича-Савицкого,[62] он должен был состоять: 1) из выборных представителей патриотического крыла Государственного Совета и Государственной думы; 2) из выборных представителей патриотического дворянства; 3) из представителей Главных советов Союза Русского Народа и Русского собрания; 4) из виднейших государственных деятелей, занимавших патриотические позиции, избранных Съездом (предлагались, в частности, И. Г. Щегловитов, А. Ф. Трепов, Н. А. Маклаков, А. А. Бобринский, А. С. Стишинский, Н. П. Муратов); 5) из русских ученых и публицистов (предлагались – академик А. И. Соболевский и П.

[61] Там же.

[62] Исторический архив, 1994. № 5. С. 78–79.

Ф. Булацель); 6) из виднейших деятелей патриотического движения на местах (предлагались – архимандрит Виталий, К. Н. Пасхалов, Н. Н. Родзевич, В. А. Образцов, Р. М. Копылов, С. А. Кельцев).

Творческое развитие идей русского патриотизма кристаллизовалось в ясное, глубокое и истинно народное понимание будущих целей и задач России.

Народу, считали русские патриоты,[63] нужен Царь Самодержавный, богачи хотят конституцию и парламент.

Банки, синдикаты, богачи-промышленники при поддержке содержащихся ими газет, буржуазных классов общества и части так называемой интеллигенции, воспитанной на ложной науке, требуют конституции, т. е. ограничения власти Государя, подчинения Государя требованиям Думы при помощи ответственных перед нею министров, которые явятся уже не слугами Государя и страны, а слугами безответственного думского большинства.

Требование богачами конституции вполне понятно – она в их интересах: когда Государь будет ограничен и министры будут в зависимости от Думы, то банки, капиталисты и т. п. при помощи поставленных из своих людей или подкупленных членов Госдумы и Госсовета начнут проводить нужные им законы, поддерживающие их интересы и взгляды, совершенно противоположные интересам и взглядам средних и низших классов трудящегося населения, которое попадет в полную зависимость от богатых. Государь, лишенный власти, вынужден будет, уже в своих интересах, зависимых от Думы и Совета, не противиться решениям их. Скажут, что если Дума принуждает Государя утвердить нежелательные законы, то он может распустить Думу; но для чего он будет делать это и возбуждать против себя богачей, газеты и интеллигенцию, не имея поддержки в народе, если и новая Дума при помощи денег будет такая же? Этого обыкновенно и не делают. Банки и другие спекулянты будут всегда стремиться прижать и скупить за бесценок произведения земледельца; хозяева – дать меньшую плату служащему и т. д. Богатый класс, захватив власть через подставных и купленных членов Думы, никогда не позволит провести закон, который заставил бы их, например, щедро платить служащим или не теснить зависимых от них или, например, не спаивать народ, хотя это им и выгодно.

Чтобы оградить свои интересы, трудящиеся классы должны всеми силами поддерживать полноту власти Государя.

Почему? Слишком понятно: Государь, поддерживаемый трудящимся народом, всегда станет защищать его интересы от засилья капиталистов, которые стремятся захватить его власть и даже лишить его Престола. В народе Государь будет чувствовать свою опору и силу, не говоря уже про то, что быть защитником своего народа и улучшить его благосостояние лестно каждому Государю.

Народ без Государя беспомощен, так как богачи при помощи денег всегда обойдут его. И Государь без защиты народной беспомощен, так как капиталисты всегда сумеют прибрать его к рукам и заставить делать по-своему.

Господь Бог дал русскому народу большие земельные богатства, которые, будучи хорошо разработаны и обработаны, дадут большой достаток самому последнему теперешнему бедняку. В России не должно быть ни голодных, ни холодных. Не надо допускать, чтобы в России все богатства очутились, как в Америке, в руках нескольких богачей; надо, чтобы богатства возможно равномернее, без обиды предпринимателям, распространились среди всего населения. Россия, в отличие от всех европейских стран, – страна глубоко народная, или, как теперь говорят, демократическая; а потому все заботы управления должны быть прежде всего направлены

[63] Позицию русских патриотов по важнейшим государственным и общественным вопросам даю в своем изложении по документу, составленному в 1916 году одним из руководителей русского патриотического движения Н. Н. Тихановичем-Савицким (Минувшее. № 14. С. 190–196).

на высокое поднятие благосостояния народных масс, что совершенно противоположно интересам людей, требующих конституцию, и их нельзя допускать к власти.

Вот почему народные монархические союзы борются против конституции и парламентаризма и, осуждая бывший в России до 1905 года бюрократический строй, когда управление Россией находилось всецело в руках чиновничества, постоянно указывают на то, чтобы оно берегло власть Государя, как зеницу своего ока.

Русские патриоты разрабатывают основные положения русского государственного строя, который дает возможность широко и быстро развить благосостояние и порядок в стране, не поступаясь интересами трудящихся классов. Он освобождает Государя от всех мелких обычных забот по законодательству и дает ему возможность отдаться царственным заботам по верховному управлению страной, в чем и заключается вся сущность власти Царя, как хозяина страны и высшего судьи. В то же время этот строй, возлагая на выборные учреждения обязанности широкого участия в делах законодательства и надзора, не дает им возможности, как это делается в странах конституционных, воспользоваться своими большими правами для осуществления своих интересов и не дает им возможности помешать Государю во всякое время отменить ошибочно утвержденный, вредный для населения, закон. При этом строе борьба за власть делается бесполезной, вследствие чего работоспособность Госдумы и Госсовета поднимается, появляется желание работать и партийность вместо вреда начнет приносить пользу.

Русское государство в новых условиях, по мнению патриотов, должно основываться на следующих основных положениях:

1) Государство Российское должно быть могучим и сильным, дабы жизнь его духовная, политическая и экономическая могла развиваться свободно, не завися от принудительных иноземных влияний, и дабы миролюбивый русский народ мог внести блага мира и любви в среду своих народов.

2) Государство Российское есть достояние народа русского. Оно едино и нераздельно. Покоренные и добровольно вошедшие в него народы пользуются одинаковыми правами с народом русским, пока они живут с ним одними помыслами и интересами и не пытаются эксплуатировать его или другие более слабые народы Империи, или если это не причиняет в каком-либо виде вреда или опасности интересам русского народа и общегосударственным. Евреи этими правами не пользуются.

3) Численность других народов государства Российского, не принадлежащих к русскому племени, не должна превышать одной трети всего населения русского; если же новые завоевания и добровольные присоединения или естественный рост иноплеменного населения превысят отношение это, то излишек должен быть выделен в автономные области под властью государства Российского или признан владениями колониальными.

4) Верховная, Самодержавная власть в государстве Российском во всем ее объеме принадлежит наследственному Государю, особа которого священна и неприкосновенна.

5) Государство Российское управляется на строгом основании законов и уставов, от государственной власти исходящих.

6) В законодательстве и управлении Верховная власть Государя действует непосредственно; в делах же законодательства и управления обычного определенная степень власти вверяется Государем подлежащим местам и лицам, действующим его именем по его повелению.

7) Составление и обсуждение законов возлагается Государем на Совет министров и выборные учреждения Госсовета и Госдумы.

8) Ведению и обсуждению Госсовета и Госдумы подлежат дела, указанные в учреждениях Госсовета и Госдумы, а также и те, которые Государь найдет нужным на обсуждение их передать.

9) Никакой новый закон, проводимый в порядке обычного законодательства, не может последовать без одобрения Госсовета и Госдумы и восприять без утверждения Государя. В

случаях чрезвычайных Государь издает законы непосредственно в порядке верховного управления.

10) Ответственность министров. Если Госсовет и Госдума имеют веские основания подозревать кого-либо из министров в злоумышленных преступных деяниях, то через председателя своего представляют о сем на Высочайшее благовоззрение, ходатайствуя о назначении над подозреваемым следствия. Если следствие не подтвердит возведенного подозрения, то возбудившее вопрос учреждение должно принести неправильно заподозренному свое извинение.

11) Выборные учреждения Госсовета и Госдумы или им подобные учреждаются в помощь Государю, а не в противопоставление ему, как это сделано в странах конституционных.

12) Выборы в Госдуму должны быть организованы так, чтобы в нее как можно меньше попадало подкупных и корыстных людей, которые, выставляя себя на словах защитниками народных интересов, на самом деле продают их; особенно надо заботиться, чтобы в Госдуму и Госсовет не попали шпионы иностранных государств, что при большом количестве членов Думы и Совета и при участии всякого рода в выборах легко может случиться.

Возможно полнее должны быть представлены в Госдуме интересы крестьян и вообще рабочего класса населения, но только как истинными представителями, а не лицами, натасканными социалистами и трудовиками, этими слугами еврейского капитала и буржуазии.

13) Если Госдумой и Госсоветом, пренебрегшими высоким мирским доверием, будет проведен с корыстной целью закон, не соответствующий интересам большинства населения или могущий повредить интересам государства, и закон этот будет по недосмотру или по незнанию утвержден Государем, – ответственность за это падает на то лицо, которое представило этот закон на утверждение, без указания на его вредные стороны.

14) Если Госдумой или Госсоветом будут проведены законы, не соответствующие интересам большинства населения, то населению предоставляется право ходатайствовать перед Государем о пересмотре этого закона.

15) Судебная власть осуществляется от имени Государя установленными им судебными учреждениями, по усмотрению же Государя, им непосредственно.

16) Первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть христианская, православная, кафолическая, восточного исповедания.

17) Все не принадлежащие к господствующей Церкви подданные Российского государства пользуются каждый повсеместно, за исключением принадлежащих к вероучениям изуверным, свободными отправлениями – их веры и богослужения по собственным обрядам, но без права пропаганды их.

18) Все население должно быть грамотно и воспитано в уважении к труду, в благочестии, благонравии, уважении к старшим, в почитании воинского звания и безграничной любви к Царю и Отечеству.

19) Все поголовно население подлежит отбыванию воинской повинности. Калеки, больные и другие, непригодные для несения строевой службы, отбывают повинность в нестроевых специальных командах.

20) Все нужное для обороны государства и снаряжения войск должно изготовляться средствами страны. Все фабрики и заводы государства должны быть приспособлены для изготовления военных снарядов и снаряжения.

21) Железнодорожная сеть и другие пути сообщения, равно и подвижной состав, должны быть приспособлены к обороне в любое время.

22) Принимая во внимание возможность в будущем столкновения с монгольскими государствами, флот Тихого океана должен превышать таковые же соседних государств. Сибирь и восточная среднеазиатская граница должны быть охранены в полной мере.

23) Евреи по происхождению не должны быть допускаемы в войска, а в случае войны – выселены во внутренние губернии.

24) Необходимо пропагандировать понятия о высоком значении военного звания и уважения к нему.

25) Должны быть приняты меры для уменьшения смертности и значительного поднятия прироста русского населения.

26) Народные монархические союзы, будучи по составу своему преимущественно союзами простонародными, ставят в основу своей экономической деятельности прежде всего заботу о благосостоянии широких народных масс, как-то: крестьян, рабочих, мещан, разных служащих и вообще бедного малосостоятельного люда, интересы которых члены союзов должны поддерживать всегда, везде и во всем.

27) В первую очередь должно быть поднято благосостояние крестьянского хозяйства как основы развития промышленности и связанного с ним благосостояния и остальной части населения.

28) Путем соразмерного поощрения развития промышленности и земледельческого хозяйства должно стремиться к совершеннейшему внутреннему товарообмену, дабы предоставить весь русский рынок русскому производству.

В годы войны активно продолжал свою деятельность целый ряд влиятельных русских патриотических организаций и прежде всего Всероссийский Дубровинский Союз Русского Народа, Союз Русского Народа (Н. Е. Маркова), Русский Народный Союз имени Михаила Архангела, Русский монархический союз в Москве (С. А. Кельцева), Одесский Союз русских людей (Н. Н. Родзевича), Астраханский народный монархический союз (Н. Н. Тихановича-Савицкого), киевский «Двуглавый Орел» (Д. Е. Куделенко).

В 1915 году в Москве создается еще одна монархическая организация – «Отечественный патриотический союз». Ее основатели и руководители В. Г. Орлов и В. М. Скворцов менее чем за год создали отделения этой организации в Петрограде, Витебске, Саратове, Харькове, Нижнем Новгороде, Серпухове, Александрове, Астрахани, Самаре, Рязани. Однако деятельность этого Союза вызвала справедливые нарекания со стороны других патриотических организаций, не желавших согласиться с тем, что ОПС принимал в свои ряды не только русских, но и инородцев, и иноверцев, и даже евреев. В результате некоторые стороны деятельности Союза приобрели провокационный характер.

Русские патриоты всяческим образом стремились отделить себя от псевдопатриотов, выступавших с патриотическими лозунгами, но противопоставлявших себя Православию и Монархии. Этот псевдопатриотизм выражался в «материалистическом национализме». Как справедливо отмечал в 1916 году архиепископ Антоний Храповицкий, «современный “национализм” в русском обществе, в политической партии такого наименования и в литературе всячески старается совершенно отрешить себя от вероисповедного начала, от Православия и открыто провозглашает себя “зоологическим”, т. е. беспринципным национализмом, союзом государственной и племенной самозащиты – и только. Затем, впрочем, что, перенося свой патриотизм на почву такого безрелигиозного, а только юридического и экономического жизнепонимания, такие писатели, ораторы и деятели должны бы именоваться не националистами, но антинационалистами, строителями не исторической России, а Петроградской, не Святой Руси, а русской Англии или Германии, русского языческого Рима, т. е. сотрудниками евреев, Вильгельма, а не русского православного народа». Таким патриотом, по справедливому мнению монархистов, к примеру, был М. О. Меньшиков, который при своих благородных патриотических порывах был лишен православного чувства и в силу этого даже объявлял себя республиканцем.

Чтобы остановить подрывную работу антирусских сил, патриотические организации начинают сплочение всех русских патриотов из интеллигенции, дворянства, чиновничества, купечества, особенно тех, которые состояли городскими и земскими гласными членами бир-

жевых и родительских комитетов и т. п..[64] Патриоты стремятся реагировать на любые проявления подрывной деятельности, особенно в печати, разоблачая ложь и фальсификации, которыми были переполнены леволиберальные газеты и журналы.

В 1915–1916 годах круг патриотических изданий был достаточно широк, хотя им и не хватало финансовой поддержки. Самыми известными патриотическими изданиями были: «Русское знамя», «Земщина», «Волга», «Петроградские ведомости», «Голос Руси», «Русское чтение», «Сельский вестник», «Гроза», «Свобода и порядок» (последние две дешевые, по 1 копейке, все издавались в Петрограде), «Московские ведомости»; военные: «Русский инвалид», «Армейский вестник».[65]

Патриотическая печать требует распустить на время войны Думу, заменить слабых и колеблющихся министров твердыми патриотами и ввести военное положение в главных городах.[66] Монархические организации ежедневно разоблачают подрывную «работу» Земгора и военно-промышленных комитетов, которые «превратились в гнезда революционной наглой агитации». Особо патриотические организации печатали специальные разъяснительные листки, в которых раскрывали простым людям тайные замыслы антирусских сил. Листки эти рассылались в бандеролях в разные места, иногда даже по деревням.

Патриотические организации устраивали собрания, куда стремились пригласить как можно больше сторонних людей, объясняя им особенности текущего момента, на фактах рассказывая о предательских и изменнических действиях либералов и левых. Причем объяснения стремились вести как можно спокойнее, не допуская резких выражений.

В городских думах и других органах местного самоуправления патриоты постоянно поднимали вопросы о махинациях и подрывной работе Земгора и других леволиберальных организаций, следили за ценами на хлеб и другие продукты, не позволяя их спекулятивно повышать в угоду дельцам-«земгусарам».

Представители патриотических организаций посещали военные лазареты, помогали ухаживать за ранеными, вели с ними беседы, раздавали литературу, хлопотали за жен и детей раненых и погибших воинов.

Практическая работа чаще всего строилась так. Из числа старых членов организаций назначались старшины на каждый участок города или села. Старшины работали самостоятельно, собирали свои собрания, чаще всего связанные с приходскими советами. Председатели приходских советов обычно являлись руководителями и членами различных патриотических организаций.

Приходские старшины вербовали новых членов, собирали сведения о том, чем недоволен народ и чем организация может помочь. Старшины держали на примете всех лиц, ведущих в приходе революционную и пораженческую пропаганду, занимавшихся скупкой разменной монеты, меди, распускавших ложные слухи с целью встревожить и замутить народ. Каждый приход выписывал какую-нибудь патриотическую газету.

В отдельных исключительных случаях членам патриотических организаций разрешалось вступать в революционные общества. Особенно это рекомендовалось старшинам, как наиболее стойким и знающим. И они шли в образуемые левыми с революционными целями рабочие союзы, общества приказчиков, трудовой помощи, разные экономические общества, в которых обычно заправляли социал-демократы. Шли, чтобы следить за революционной пропагандой, раскрывая членам обществ ее подрывной смысл, поднимать свой разумный голос против вынесения революционных постановлений.[67]

---

[64] ГАРФ, д. 858, л. 34.

[65] Там же, л. 38–39.

[66] Там же, д. 773, л. 12–13.

[67] ГАРФ, ф. 1467, д. 773, л. 35–36.

Всем патриотам предлагалось получить свидетельство на право ношения оружия, чтобы в случае смуты быть готовым обуздать бесов, взяв под контроль улицу и особенно Соборную площадь, колокольни и церкви, в которых патриоты соберут народ для противодействия бунтовщикам.

В случае нового антирусского восстания русские патриоты были готовы по призыву Царя выступить в защиту государственного строя против Его врагов. На этот случай была даже разработана программа действий, учитывавшая опыт борьбы с революционной бесовщиной в 1905 г.:

а) взять под охрану средства сообщения и связи: телеграф, почту, железные дороги, пароходства;

б) поднять набатом с колоколен народ;

в) занять немедленно вооруженной силой Соборную площадь и церкви, куда монархисты соберут народ для противодействия бунтовщикам. Выступление народа произведет неизмеримо большее впечатление, чем выступление войск. Но при этом желательно, чтобы действия монархических организаций были бы согласованы с указаниями начальника губернии, о чем первые будут уведомлены;

г) занять вооруженной силой помещения городской думы, земств, биржу, Народные дома, аудитории, клубы, которые в 1905 году служили сборищами бунтовщиков;

д) выдать монархистам оружие;

е) арестовать по указаниям монархистов всех вожаков бунта, даже не принявших в беспорядке видимого участия.[68]

30 декабря 1916 года принятый лично Царицей председатель Астраханской Народной Монархической партии Нестор Тиханович-Савицкий просит предупредить Царя о готовящемся заговоре антирусских сил.

Его информация была удивительно точна. «Главный Комитет Союза земств и городов, руководимый Львовым, Челноковым, Астровым, открыто готовит государственный переворот. Городские Головы, Председатели Земских Управ и другие лица, заблаговременно и специально для того подобранные, получают на Московских съездах, явных и тайных, указания, как возбуждать местных гласных, а через них и население; порочат Царицу, а через нее и Царя; это опорочивание всего, что мешает замыслам левых, является самым верным орудием их, которое ими искусно применяется; все правое опорочено уже давно; Правительство опорочено окончательно недавно, и если правые или Правительство теперь поднимут голоса в защиту чего-либо, то будут встречены лишь насмешками; остается у них последняя преграда – авторитет Царя; на эту последнюю преграду теперь и направлены все усилия Союза желтого блока и печати».[69]

Тиханович-Савицкий предлагает Царю немедленно сместить верхушку Земгора, заменив ее должностными лицами, назначенными правительством, одновременно объявить все союзы на военном положении, чтобы избежать забастовок. Тиханович молит Царя окружить себя верными людьми, иметь рядом верные войска, а «гучковцев» в войсках «разогнать», Думу же не собирать вплоть до конца войны.

Патриоты предупреждают Царя о готовящемся заговоре против Него. Патриотическая печать неоднократно дает на своих страницах информацию о разных вариантах заговора против Царя, которые обсуждались в квартирах «общественных деятелей» Петрограда и Москвы. В начале 1917 года в газете «Земщина», издаваемой Н. Е. Марковым 2-м и Г. Г. Замысловским, разоблачаются подрывные планы А. И. Гучкова, Г. Е. Львова, Коновалова и других заговорщиков.

---

[68] ГАРФ, ф. 1467, д. 773, л. 25.

[69] Там же, д. 861, л. 1.

В январе 1917 года представители русских общественных кругов направляют Царю записку, в которой требуют привлекать к законной ответственности лиц, ведущих подрывную работу в Думе и разных союзах.

«Разрушительная работа темных сил – прогрессивного блока и вожаков общественных организаций, – говорилось в записке, – становится опасной для спокойствия народных масс и требует к себе самого серьезного отношения со стороны всех, кому дорога духовная мощь государства в столь критический момент».[70]

Последние телеграммы в правительство, идущие с мест от патриотов, сообщают о крайней активности подрывных элементов. Захватив многие общественные организации, антирусские силы берут под свой контроль и кооперативы. Телеграмма на имя А. Д. Протопопова от Н. Тихановича-Савицкого из Астрахани: «Революционеры захватывают кооперативы в свои руки, надеясь при помощи их, во-первых, – сплотить население для противодействия власти с целью государственного переворота; во-вторых, – проникнуть в выборные сельские и городские управления и, в третьих, – воспользоваться ими для выборов в Государственную думу. В местных кооперативных журналах ясно намекается, для чего нужны кооперативы. Надо принять немедленные меры, чтобы парализовать эту чрезвычайно опасную затею левых. Кооперативам должна быть дозволена исключительно хозяйственная деятельность. Открытие общеобразовательных школ, библиотек, клубов, синематографов и тому подобное не должно быть дозволено совсем… или взято под строгий правительственный присмотр».[71]

И вот одна из последних телеграмм патриотов к Протопопову от 25 февраля 1917 года: «Военно-промышленный комитет и его председатель Гучков открыто высказывают свою солидарность с арестованными вожаками рабочей группы этого комитета.

Почему Гучков не арестован? Если он прав, то надо отпустить и арестованных главарей; если же они виновны, то должен быть арестован и Гучков и все члены военно-промышленного комитета, открыто поощряющие мятеж.

Главари Земгора, готовившие временное правительство, не арестованы. Кравченко и Долгополов, оскорбившие в Астраханской Думе Царицу и Царя, суду до сих пор не преданы.

Высланные саратовским губернатором адвокаты (ведшие подрывную работу. – *О. П.*) по ходатайству Родзянки, возвращены в осмеяние губернатора для внушения другим губернаторам.

Позорящие Царственных особ картины свободно распространяются.

Революционирование населения и армии синематографами в самой столице Царя допускается безвозбранно.

Несмотря на разосланный циркуляр, города и земства продолжают свои революционирующие обращения.

Где правительство? Что оно делает? Дел нет – слова одни. Надежд не оправдываете.

Почему не просите у Царя увольнения, если чувствуете себя неспособными справиться с развалом и мятежом…»[72]

Огромную моральную поддержку Царю оказывала Церковь, ее священнослужители и старцы. Оптинский старец иеросхимонах Анатолий Младший (Потапов) при встрече с князем Н. Д. Жеваховым в 1916 году сказал со слезами на глазах: «Судьба Царя – судьба России. Радоваться будет Царь, радоваться будет и Россия. Заплачет Царь, заплачет и Россия… Как человек с отрезанною головою уже не человек, а смердящий труп, так и Россия без Царя будет трупом смердящим».

---

[70] ГАРФ, ф. 1467, д. 858, л. 9. «Записка, достойная внимания», – наложил Царь свою резолюцию.

[71] Там же, л. 65.

[72] ГАРФ, ф, 1467, д. 858, л. 65–66.

И Царь, и русское правительство не использовали возможность мобилизовать огромный потенциал русского патриотического движения. Прямое обращение Царя к народу с просьбой о поддержке в борьбе против изменников и предателей резко изменило бы ситуацию в стране в пользу законной власти. Чуждые русскому народу «общественные деятели» из либерально-масонского подполья, социалистических и националистических кругов были бы сметены русскими патриотами так же, как и в 1905 году. Но русские патриоты тщетно ждали призыва Царя. Его заслоняла от народа инертная масса интеллигентов и чиновников, лишенных русского национального сознания, ненавидящих патриотов больше, чем германских агрессоров.[73] Обволакивание Царской власти людьми, чуждыми русским национальным интересам, обрекало ее на гибель.

Отвергнув предложения черносотенцев, правительство фактически связало им руки, которые были так необходимы для борьбы с врагом. Черная сотня пала вместе с русским государственным порядком, который она защищала.

[73] Под влиянием «общественных деятелей» из либерально-масонского подполья и гражданские, и военные власти чинили русским патриотам всяческие препятствия. Не разрешали распространять листовки и другую литературу, запрещали собрания. Военная цензура намеренно задерживала разоблачение подрывной деятельности леволибералов.

Глава 11

Столкновение с еврейскими большевиками. – Уничтожение русских патриотов. – Попытки возрождения народных основ жизни

Антирусский заговор, революции и Гражданская война уничтожили национальных руководителей и большую часть национальной инфраструктуры России. Была зверски замучена подавляющая часть русских патриотов, членов монархических организаций. Проявление русского национального сознания считалось контрреволюционным преступлением. В своей национальной принадлежности русским можно было только каяться. Положительно воспринимались только отрицательные отзывы о русской истории и характере русского народа. Национальные культура, литература, искусство, являвшиеся отражением русского сознания, подверглись невиданному в истории погрому, на некоторое время замерли, затаились, ушли в подполье или были вытеснены на периферию общественной жизни. На освобожденном месте начинает возникать новый культурный феномен (имевший ростки еще до 1917 г.) – культура, литература, искусство малого народа. Однако духовные ценности Русской цивилизации хотя и были сильно разрушены, но не погибли. Так, начиная с 1917 года параллельно друг с другом, даже переплетаясь, развиваются две культуры: собственно русская и псевдокультура еврейских большевиков. Последняя, конечно, не могла утолить духовную жажду русских людей и существовала как эрзац духовности, проявления деятельности духов тьмы.

Уже в первые годы Русская Церковь призывает русский народ к покаянию за трагический соблазн, который посеяли в нем духи не от Бога.

Главным актом покаяния народа Русского стал Приамурский Земский Собор, проходивший во Владивостоке с 23 июля по 10 авг. 1922 г., почетным председателем которого был избран Святейший патриарх Тихон. Его участники признали, что «Верховная Всероссийская власть принадлежит Царскому Дому Романовых и должна осуществляться в порядке законного престолонаследия». Собор постановил «просить Царский Дом соблаговолить возглавить Приамурский Край и русское национальное движение Верховным Правителем из Членов Царского Дома по его усмотрению и воле».

В глубине простого русского люда сохранялось почитание Царя. Из уст в уста в народе передавались легенды о чудесном спасении Царя и его семьи. Народ хотел верить в избавление Самодержца. В Центральной России, на Севере, Урале и в Сибири старики еще в 80-х вспоминали рассказы своих отцов о Николае, скрывавшемся в лесах и монастырях, странствовавшем по Руси, переходившем от деревни к деревне, ночевавшем в простых крестьянских избах, отдающем свой последний золотой нуждающейся семье. По его следу идут чекисты, но он таинственным образом исчезает. Подобные рассказы бытовали и о спасшемся Царевиче, и о царских дочерях.

Уже в 20–30-е для некоторых православных людей Царь стал почитаемым священномучеником, ему молятся, с него пишутся иконы. Один из очевидцев (в 1932 г. он был в Святогорском монастыре (на р. Донце), в 18 верстах от г. Изюма Харьковской губ.) свидетельствует: «…Культработник показывал пещеры и потом подъем на высокую гору. На одной из площадок, где посетители могли передохнуть, вдруг взорам бросилась икона Царской Семьи. Размер приблизительно в два квадратных фута или несколько больше. Государь изображен в коронационной порфире – мантии, в окружении всего своего Семейства. Над головами всех нимбы святых. В смысле художественном – исключительно прекрасная работа, безукоризненно исполненная хорошим художником. Всякий увидевший эту икону не мог бы воспринять ее как кощунство. Культработник начал пояснения: “Вот Царь, обычный человек и грешник, но его еще при жизни считали божеством и при старом режиме этой иконе поклонялись”. Услышав-

ший это сказал ему: “Я был здесь в 1917-м, и этой иконы здесь не было”. <…> Надо полагать, что икона эта, столь прекрасной работы, была создана почитателем Царской Семьи и служила определенно не тем целям, которых добивалась советская пропаганда. Почитание Царственных Мучеников в советской России есть и хранится».

В 20-е во многих областях России ходят слухи о «спасенных царских детях». В Барнауле, Челябинске, Свердловске (Екатеринбурге) появляются «чудом оставшийся в живых» Наследник русского Престола Царевич Алексей (на самом деле сын бедного крестьянина А. И. Шитов) и «вел. княжны Мария Николаевна и Анастасия Николаевна». Вокруг них тайно возникает кружок почитателей царской власти, доверившихся самозванцам, некоторые распространяют даже антибольшевистские листовки. За это «преступление» чекисты арестовали 42 чел. Восемь из них (включая самого А. И. Шитова и женщину, выдававшую себя за вел. княжну Марию Николаевну) были расстреляны, остальные получили значительные сроки заключения (8 чел – на 10 лет) и ссылки.

Понимание антирусской сущности большевистского режима, вера в национальное возрождение России были сильны и неистребимы именно в крестьянской среде. И неудивительно, что выходцы из нее наиболее четко формулировали национальные задачи России. Таким был, напр., друг великого русского поэта Сергея Есенина Алексей Ганин, тоже поэт, родившийся в крестьянской семье в Вологодской губ. В начале 20-х он с группой единомышленников создал программу спасения России от ига еврейского интернационала, где выдвинул идею Великого Земского Собора, воссоздания национального государства и очищения страны от поработивших ее недругов.

При существующей государственной системе, говорилось в этой программе, Россия – это могущественное государство, обладающее неизбывными естественными богатствами и творческими силами народа, – вот уже несколько лет находится в состоянии смертельной агонии.

Ясный дух русского народа предательски умерщвлен. Святыни его растоптаны, богатства его разграблены. Всякий, кто не потерял еще голову и сохранил человеческую совесть, с ужасом ведет счет великим бедствиям и страданиям народа в целом.

Каждый, кто бы он ни был, ясно начинает осознавать, что так больше нельзя. Каждый мельчайший факт повседневной жизни – красноречивее всяких воззваний. Всех и каждого он убеждает в том, что если не принять какие-то меры, то России как государству грозит окончательная смерть, а русскому народу – неслыханная нищета, экономическое рабство и вырождение.

Но как же это случилось, спрашивали создатели документа, что Россия с тем, чтобы ей беспрепятственно на общее благо создать духовные и материальные ценности, обливающаяся потом и кровью Россия, на протяжении столетий великими трудами и подвигами дедов и пращуров завоевавшая себе славу и независимость среди народов земного шара, ныне по милости пройдох и авантюристов повержена в прах и бесславие, превратилась в колонию всех паразитов и жуликов, тайно и явно распродающих наше великое достояние?

Причина этого в том, отвечали составители документа, что в лице господствующей в России РКП мы имеем не столько политическую партию, сколько воинствующую секту изуверов-человеконенавистников, напоминающих если не по форме своих ритуалов, то по сути своей этики и губительной деятельности средневековые секты сатанистов и дьяволопоклонников. За всеми словами о коммунизме, о свободе, о равенстве и братстве народов – таятся смерть и разрушения, разрушения и смерть.

Составители программы выдвигали следующие предложения по борьбе с антинародным режимом:

1) на основании анализа русской действительности, опираясь на общеизвестные для всех очевидные факты хозяйственного и политического порядка, путем повседневных систематических разоблачений (речи, беседы, воззвания и прокламации) дискредитировать в глазах рабо-

чих масс не только России, но и всего мира деятельность современного советского правительства и III Интернационала;

2) пользуясь всеми данными русской коммунистической революции и ее последствиями, необходимо, показав ее несостоятельность, выдвинуть новые принципы государственности, общественности, личных прав человека. В противовес коммунистической ереси мы должны рассматривать историю не как борьбу классов, а как постоянное самоусовершенствование в борьбе с природой за культурные блага. Отсюда, в противовес марксистским теориям, рассматривать государство не как «организованную эксплуатацию» одного класса другим, а как широкую организацию для совместной более успешной борьбы с естественными препятствиями на общее благо и независимость;

3) признавая личность лишь как правовую, вполне самостоятельную единицу человеческого общества, мы должны признать в противовес марксизму и неотъемлемые права той личности на продукты труда, иначе говоря, признать право собственности как единственную гарантию роста культурных и экономических благ государства. Существенная причина всего краха современной России есть т. н. «государственный капитализм», он же является основной причиной и злейшей эксплуатации всего населения, и казнокрадства.

Вот отчего Россия, сельскохозяйственная страна, все время существования советской коммунистической власти терпит голод и всякие бесконечные кризисы. Разве не абсурд, что в 1921 году России привезли молока для всяких комиссаров и комиссарш почти на 9 млн руб. золотом;

4) ввиду этого недовольство существующей властью растет с каждым днем все больше и больше не только среди населения городов и деревень, т. н. беспартийных, но и среди рабочих и армии; необходимо, чтобы наша борьба с этой грабительской сектой была успешна; все лучшие силы России перенести на пропаганду государственно-национальных идей, с тем чтобы вовремя и заблаговременно недовольству масс дать в противовес большевизму и жидовскому III Интернационалу ясные формы и лозунги национального правового государства;

5) для того чтобы окончательно свергнуть власть изуверов, подкупивших себе всех советских пройдох и авантюристов, наряду с пропагандой национальных идей и прав человека необходимо, учитывая силы противника, в каждом промышленном месте коренной России и Малороссии путем тщательного отбора и величайшей осмотрительности во всех семьях и кругах русского общества собирать всех крепких и стойких людей, нежно любящих свою Родину. Необходимо объединить все разрозненные силы в одну крепкую целую партию, чтобы ее активная сила могла не только вести дальнейшую работу и противостоять не за страх, а за совесть враждебной нам силе, но сумела бы в нужный момент руководить стихийными взрывами восстания масс, направляя их к единой цели. К великому возрождению Великой России;

6) выдвигая идею Великого Земского Собора, русские люди должны зорко смотреть, чтобы тайные враждебные силы раз и навсегда потеряли охоту грабежа и бесчинства народа в целом и не помешали бы в дальнейшем развернуть в России еще неисчерпанные силы на путь духовного и экономического творчества.

Документ вызвал у большевистских верхов состояние шока. Схваченные чекистами по делу «Ордена русских фашистов» Ганин и многие его единомышленники были расстреляны без суда.

В 20-е – начале 30-х в Москве, Ленинграде и ряде других городов существовали группы русских ученых-славистов, сохранивших свое национальное сознание. Среди них были академики М. Н. Сперанский, Н. С. Державин, В. Н. Кораблев и целый ряд других, менее известных ученых. Хотя они и не создавали партии (как это им впоследствии инкриминировалось ГПУ), взгляды их можно обобщить в следующем виде:

– стремление к созданию национального русского правительства;

– культивирование русского национального чувства, борьба за сохранение самобытной культуры, нравов, быта и исторических традиций русского народа;

– сохранение Православия как силы, способствующей подъему русского национального духа;

– поддержка развития «славянской расы»;

– стремление к будущему объединению славян в единый народ.

То, что ученые обсуждали в теоретическом плане, агентами ГПУ было квалифицировано как функционирование «Российской национальной партии», и ее «члены» были репрессированы.

Однако в самой большой степени самосознание русского народа проявлялось в литературе и искусстве. Ярким примером этому был союз русских художников и поэтов «Искусство и жизнь» (1921), впоследствии получивший название «Маковец» по имени горы, на которой, по преданию, Сергий Радонежский основал Троице-Сергиеву лавру. В манифесте участников «Маковца» говорилось о возрождении духовной сущности русского искусства, о новом реализме, который будет отражать не иллюстративные подробности, а гармонию и порядок, заложенные в мире и человеческой душе. Среди членов Союза были такие художники, как М. Ларионов, С. Герасимов, В. Рындин, В. Чекрыгин, Л. Жегин, Н. Чернышев, А. Фонвизин, А. Шевченко.

Основой художественного осмысления жизни у маковцев были традиции Русского Православия, обращенные к библейским сюжетам. Это и нервные, резкие графические листы В. Чекрыгина, рисующие путь на Голгофу, и нежные, чистые иконы Р. Флоренской «Воскресение Христово», «Преподобный»; одухотворенные, невесомые фигуры в работах Л. Жегина; ощутимо напряженная борьба света и тьмы в евангельских рисунках С. Романовича. Пережив антирусский кошмар Гражданской войны, каждый член «Маковца» вкладывал в эти работы свои тревоги и надежды, свое понимание добра и зла, свое видение дороги к Церкви. В условиях правления еврейского интернационала совместный путь к православным святыням Маковца для многих художников этого объединения превратился в путь на Голгофу.

В 20-е – начале 30-х, несмотря на ужасные условия существования, продолжали работать на родине замечательные русские художники А. и В. Васнецовы, Н. Касаткин, В. Бакшеев, В. Мешков.

Не иссякла мощная струя русского реалистического искусства, представленная именами М. Нестерова, П. Корина, П. Кончаловского, К. Петрова-Водкина, В. Мухиной, С. Коненкова.

П. Корин на похоронах Св. патриарха Тихона делает рисунки, которые впоследствии стали подготовительными материалами для работы над картиной «Уходящая Русь», отразившей духовную мощь коренной русской жизни вокруг Православной Церкви. Однако выполнить свой замысел полностью художнику не дали.

В литературе самыми яркими и выдающимися выразителями русских народных начал стали С. Есенин, М. Шолохов, М. Булгаков, Л. Леонов, К. Федин, М. Пришвин, П. Бажов.

Трагическим символом русской литературы времен правления еврейского интернационала был С. А. Есенин, не только великий русский поэт, художник, пророк, но и национальный герой, совершивший гражданский подвиг, сродни воинскому. Создав величайшие в русской поэзии образцы стихотворной лирики, он не замкнулся на них, как это сделали многие поэты его времени, но бросил бесстрашный вызов силам тьмы иудейской власти. В поэмах «Пугачев» и «Страна негодяев» гневными устами своих героев он как бы ударил в набатный колокол о грозящей русскому народу опасности полного уничтожения. Русские люди любили Есенина, переписывали его стихи от руки, тайно передавали друг другу.

Самым замечательным национальным русским романом этого времени стал «Тихий Дон» М. Шолохова. Писатель сумел отразить в нем трагедию Гражданской войны, расказачивания, разрушения русских общественных отношений, роль во всем этом еврейских большевиков.

В русле идеалов русской литературы роман Шолохова пронизан духом героического пафоса, утверждения народной жизни, величия народного подвига, неизбежности победы национальных начал русского народа. Как и С. Есенин, М. Шолохов подвергался преследованиям и травле еврейских большевиков и литераторов малого народа. Только личное вмешательство Сталина несколько раз спасало писателя от неминуемой гибели в застенках НКВД.

Патриотическом ответом на события, происходившие в России этой эпохи, были произведения М. А. Булгакова. В романе «Мастер и Маргарита», написанном в 1920-х, но так и не увидевшем свет при его жизни (напечатан только в 1966–67), Булгаков, опираясь на православные традиции, используя евангельские образы, создает удивительную по своей достоверности и конкретности картину борьбы Божественных и сатанинских начал, добра и зла, света и тьмы в современной России. Художественным языком он раскрывает перед читателем правду о сатанинской сущности еврейского большевизма, манипулирующего террором и соблазнами, чтобы подавить православную душу русского человека. Главный вывод романа – только Бог может спасти людей от наглого вторжения сатаны.

В повести «Собачье сердце» (1925, опубл. в 1987) Булгаков показывает невозможность построения нового мира на партийных началах и отрицании христианской культуры. Союз Швондеров – еврейских большевиков и Шариковых – деклассированных элементов, отбросов общества не имеет будущего, ведет к окончательному крушению России.

В романе «Белая гвардия» (1925–27), пьесах «Дни Турбиных» (пост. в 1926), «Бег» (1926–28; пост. в 1957) писатель прощается с Великой Россией, показывая историческую обреченность и белых, и красных, одинаковую чуждость их русскому народу.

Глава 12

Патриотизм в русской эмиграции. – Сохранение Святой Руси

После октябрьского переворота до 2 млн русских людей покинули Россию. Состав эмигрантов был неоднороден. Значительная часть беженцев принадлежала к либерально-масонскому лагерю, покинувшему страну после поражения от еврейских большевиков в борьбе за власть над русским народом. Вождями этой части эмиграции были масоны П. А. Милюков, В. А. Маклаков, А. Ф. Керенский и др., продолжавшие и за границей сводить свои счеты с русским народом, присвоившие денежные средства, лежавшие на валютных счетах государственных учреждений бывшей Российской империи.

Однако уже в начале 20-х в противовес либерально-масонскому лагерю в эмиграции создается русское патриотическое движение. Ядром его стали остатки белой армии. В тяжелых условиях русские офицеры и солдаты сумели сорганизоваться и сделать то, что казалось невозможным, – создать сплоченную военную организацию, способную противостоять враждебному окружению и заставившую считаться с собой. На берегу Мраморного моря, в турецком городе Галлиполи, возник своего рода орден русских людей, духовный, моральный опыт которого лег в основу фундамента лучших патриотических традиций русской эмиграции. Как писали очевидцы, «совершилось русское национальное чудо, поразившее всех без исключения, особенно иностранцев, заразившее непричастных к этому чуду и, что особенно трогательно, не сознаваемое теми, кто его творил. Разрозненные, измученные духовно и физически, изнуренные остатки армии генерала Врангеля, отступившие в море и выброшенные зимой на пустынный берег разбитого городка, в несколько месяцев создали при самых неблагоприятных условиях крепкий центр русской государственности на чужбине, блестяще дисциплинированную и одухотворенную армию, где солдаты и офицеры работали, спали и ели рядом, буквально из одного котла, – армию, отказывающуюся от личных интересов, нечто вроде нищенствующего рыцарского ордена, только в русском масштабе, – величину, которая своим духом притягивала к себе всех, кто любит Россию».

Тем не менее интригами западных правительств и их масонских вождей Русская армия была вытеснена из Галлиполи и нашла дружественную поддержку в славянских землях Югославии и Болгарии. Впоследствии ее основные структуры были сохранены в организациях Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) в различных странах мира.

Православная Церковь стала главным патриотическим центром, вокруг которого формировалась национальная жизнь русских эмигрантов. Организационным началом ее явился Всезарубежный Собор Православной Церкви, состоявшийся в Сремских Карловицах с 21 ноября по 3 декабря 1921 г. В нем приняли участие все члены Высшего Церковного Управления: пребывавшие за границей русские епископы; члены Всероссийского Церковного Собора, а также делегаты: а) от русских православных приходов в разных странах; б) от военно-морских церковных кругов; в) от Штаба Главнокомандующего Русской армией; г) от монашествующего духовенства. В общем, это был достаточно представительный съезд православных русских людей, разбросанных антирусской революцией по всему миру.

Главным документом Собора стало Обращение о восстановлении в России династии Романовых. Докладчик по этому вопросу Н. Е. Марков предложил заявить от имени всего русского народа, что Дом Романовых продолжает царствовать. «Если мы здесь не вся Церковь, то мы часть ее, которая может сказать то, чего сказать не может оставшаяся в России Церковь. Монархическое движение в России растет. Это подтверждается теми многочисленными письмами, которые получаются из России… Письма эти – голая правда, и скоро заплачет тот, кто

им не поверит. Русский народ ждет Царя и ждет указания этого Царя от Церковного собрания… Мысль обращения: Дом Романовых царствует, и мы должны его отстаивать…»

Обращение предлагалось направить в Лигу Наций и правительствам многих государств. При голосовании две трети высказались за Обращение и одна треть – против. Таким образом, Собор призвал эмиграцию молиться за восстановление в России «законного православного Царя из Дома Романовых».

Вторым документом Собора стало Обращение к международной Генуэзской конференции – призыв к борьбе с большевизмом:

«Народы Европы! Народы мира! Пожалейте наш добрый, открытый, благородный по сердцу, народ Русский, попавший в руки мировых злодеев! Не поддерживайте их, не укрепляйте их против наших детей и внуков! А лучше помогите честным русским гражданам. Дайте им в руки оружие, дайте им своих добровольцев и помогите изгнать большевизм – этот культ убийства, грабежа и богохульства из России и всего мира. Пожалейте русских беженцев, которые за свой патриотический подвиг обречены среди вас на голод и холод, на самые черные работы… Они в лице доброй своей половины офицеров, генералов и солдат готовы взяться за оружие и идти походом в Россию, чтобы выручить ее из цепей постыдного рабства разбойников. Помогите им осуществить свой патриотический долг, не дайте погибнуть вашей верной союзнице – России, которая никогда не забывала своих друзей и от души прощала тех, кто временно был ее врагом. Если поможете восстановиться исторической России, то скоро исчезнут те, пока не разрешимые, политические и экономические затруднения, которые по всему миру сделали жизнь столь тяжелой; тогда только возвратится на землю желанный для всех людей мир».

Единственной страной, которая без всяких ограничений принимала русских патриотов и гостеприимно устраивала их, была Сербия. Сербский король Александр, получивший образование в России, с большой симпатией относился к русским. В отличие от другой славянской страны – Чехословакии, где эмиграцией заправляли масонские лидеры, Сербия стала национально-религиозным центром русской эмиграции. Именно здесь вплоть до конца 1940 г. было установлено постоянное местопребывание Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви.

После злодейского погрома русских национальных лидеров-монархистов массовое возрождение русского монархизма происходит только во время эмиграции на базе остатков разгромленного Белого движения. Причем в возрождении участвуют не только старые монархисты, но и бывшие эсеры и социал-демократы, понявшие бесплодность Белого движения.

Первый крупный съезд русской патриотической общественности состоялся в мае—июне 1921 г. в немецком городе Рейхенгалле под названием «Съезд хозяйственного восстановления России». На нем собралось 106 русских эмигрантов, представлявших русский монархический лагерь, в т. ч. бывшие члены царского правительства, Государственной думы, Государственного Совета, известные военачальники. Духовным главой Съезда стал руководитель Высшего Церковного Управления Зарубежной России митр. Антоний (Храповицкий), а председателем – А. Н. Крупенский. С церковным обоснованием монархии на Съезде выступил архиепископ Волынский Евлогий.

Однако даже среди монархистов уже тогда проявились космополитические колебания. Они не позволили победить единственно верной в тех условиях политической линии – немедленному провозглашению Царя и всемерной организации поддержки ему как Национальному Вождю в борьбе за общерусское дело. Голоса последовательных русских патриотов заглушались шумной молвой различных сторонников конституционной монархии на западный лад и «непредрешенцев». Эти «монархисты» готовы были идти на любые соглашения и уступки и даже признать законными многие результаты антирусской революции, в т. ч. расчленение России и выделение из нее «независимых государств». Эта фактическая капитуляция большей

части монархистов перед антирусской революцией и боязнь идти за свое дело последовательно, до конца, сильно подрывали их авторитет и лишали массовой общественной поддержки. Съезд не принял каких-либо серьезных решений и, ограничившись обсуждениями, разъехался. Единственным действенным результатом его стало создание Высшего Монархического Совета под председательством Н. Е. Маркова, в который входили Н. Д. Тальберг, А. М. Масленников, А. А. Ширинской-Шихматов, А. В. Свистунов.

Серьезные разногласия среди русских монархистов возникли в связи с вопросом о престолонаследии. Летом 1921 г. мать Царя Николая II Императрица Мария Федоровна не верила известиям о гибели своего сына, считая их ненадежными, ходили упорные слухи (распускаемые агентами большевиков), что Государь жив и находится в одном из русских монастырей, а его брат Михаил скрывается в Шанхае. Такая позиция Марии Федоровны, которая отказывалась даже служить панихиду по убиенным, затрудняла решение вопроса о престолонаследии, хотя среди русских монархистов уже сложилась определенная позиция.

Прежде всего совершенно справедливо отмечалась незаконность отречения Государя от Престола, которое было фактически насильственным, революционным актом. Согласно российским законам (п. 38 Основных законов), отречение Царя только тогда имеет силу, если Правительствующий Сенат, который, согласно Конституции, собирает Царь, опубликует его и тем самым придаст ему силу закона. А так как Временное правительство (точнее, Временный комитет) самовольно и незаконно произвело изменение в составе Сената без изменения закона, то акт отречения юридически является недействительным. Соответственным образом незаконен акт о провозглашении России демократической республикой.

Наследником Николая II и его сына являлся брат Царя вел. кн. Михаил Александрович. Женитьба его на разведенной Вульферт, позднее гр. Брасовой, согласно Основным законам, лишала его потомство права на Престол, так как брак был морганатическим, неравным.

Законными претендентами на Престол были братья отца Николая II – вел. князья Владимир и Павел. Как известно, вел. кн. Владимир умер еще до революции, а вел. кн. Павел был убит большевиками; следовательно, претендовать на Престол могли их старшие сыновья – Кирилл Владимирович и Дмитрий Павлович.

Приверженцы Кирилла Владимировича стояли собственно не за него, а за его сына. Они призвали Кирилла Владимировича отречься от права на Престол в пользу сына. Причиной такой позиции было прежде всего предательское поведение Кирилла Владимировича, который еще до отречения Царя пришел присягать Временному правительству и привел с собой вверенные ему Государем военные части. Кроме того, существовало еще и юридическое основание отвергать этого великого князя. Еще перед рождением Наследника Престола Алексея (1904) Царь назначил юридическую экспертизу, которая установила, что потомки вел. кн. Владимира (отца Кирилла Владимировича) не могут претендовать на Престол, потому что супруга великого князя Владимира Мария Павловна, урожденная вел. кн. Мекленбург-Шверинская, при вступлении в брак не перешла в Православие. Ей это Царь Александр II разрешил при условии, что она и ее муж откажутся от прав на Престол. Хотя позднее, после рождения детей, она все же приняла Православие, по закону ее дети, как рожденные от матери-лютеранки, претендовать на царскую власть не могли.

По поводу прав на российский Престол вел. кн. Дмитрия Павловича тоже существовали серьезные возражения, главное из которых состояло в том, что он принял участие в убийстве Г. Е. Распутина. Как проливший кровь, он не может быть главой Русской Церкви, каковым традиционно со времен Петра I являлся русский Царь. Кроме того, после убийства Распутина Царь наложил на Дмитрия Павловича опалу, которая не была снята.

Несмотря на столь серьезные аргументы против, оба претендента не отказались от прав на Престол и продолжали интриговать, стараясь воздействовать на общественное мнение, Кирилл Владимирович – из Парижа, Дмитрий Павлович – из Лондона (позднее он тоже пере-

ехал в Париж из-за отрицательного отношения к нему английского короля Георга). На съезде в Рейхенгалле партию приверженцев Дмитрия Павловича возглавляли генералы М. В. Половцев и М. В. Голеевский. К приверженцам его принадлежал и генерал Бискупский.

Монархисты надеялись на третейский суд матери убитого Царя Марии Федоровны, хотя не было ясно, согласятся ли с ним претенденты.

Уже в следующем году в монархическом движении произошел окончательный раскол, в результате чего в русской эмиграции образовалось два монархических центра. Виновником раскола стал вел. кн. Кирилл Владимирович, самочинно провозгласивший себя сначала (в 1922 г.) Блюстителем Престола, а затем (в 1924 г.) и Императором. Многие члены Дома Романовых сочли заявление Кирилла Владимировича несвоевременным и согласились с мнением вдовствующей Императрицы Марии Федоровны, что «Государь Император будет указан Нашими Основными Законами в союзе с Церковью Православной, совместно с Русским народом». Это мнение поддержало большинство членов Высшего Монархического Совета во главе с Марковым, избрав позицию поддержки в качестве монархического вождя русской эмиграции великого князя Николая Николаевича. Борьба между двумя монархическими центрами «за Кирилла Владимировича» и «за Николая Николаевича» обессиливала и дискредитировала монархическое движение.

Вел. кн. Кирилл Владимирович не отличался принципиальностью. В 20-е он предлагал совместить свое монархическое правление с американской моделью государственного устройства, а в 30-е – с системой Советов. Сотрудничал он и с папой римским, и с масонами. Однако за неимением более «законного» претендента на Престол после смерти вел. кн. Николая Николаевича влияние Кирилла Владимировича стало возрастать, чему способствовало признание его Первоиерархом Зарубежной Церкви митр. Антонием. Однако в широких патриотических кругах авторитет монархии от этого сильно пошатнулся.

Для абсолютного большинства православных русских людей было совершенно неприемлемо видеть на Престоле, который совсем недавно занимал свщмч. Царь Николай I I, человека, предавшего, изменившего ему, своим позорным поведением 1 марта поправшего законы Российского государства. Нравственное чувство русского народа никогда не могло принять предателя своим Государем.

Русское патриотическое движение сумело создать за границей ряд влиятельных, хотя и небольших, органов печати, выражавших мировоззрение коренного русского человека. Конечно, эти газеты и журналы не имели такого щедрого финансирования, как масонско-космополитические, и существовали, как правило, на скудные средства русских патриотов за границей.

В 1920 начали выходить связанные с Высшим Монархическим Советом журнал «Двуглавый Орел» (1920–1922, 1926–1931; Берлин, Париж), с 1921–1922 газеты «Новое время» (1921 – н. 1930-х; Белград), «Русь» (1922–1928; София). Как орган связи русского воинства за рубежом выпускался журнал «Часовой» (1929–1941, 1947–1988; Франция, Бельгия). С 1928 по 1941 г. издавался «Царский вестник», а с 1931 по 1941 г. – «Русский голос». Особо хотелось бы выделить «журнал волевой идеи» – «Русский колокол», выходивший с 1927 по 1930 г. под редакцией великого русского мыслителя И. А. Ильина.

Русский патриот кн. М. К. Горчаков основал в Париже издательство «Долой зло», специализировавшееся на издании книг, раскрывавших «опасную для человечества работу темных сил масонства, сектантства, социализма, иудаизма».

Русская патриотическая мысль за рубежом анализирует происшедшую в России катастрофу, ищет пути выхода из нее. Замечательным трудом в этом направлении стали «Воспоминания» (1923–1928) товарища обер-прокурора Синода князя Н. Д. Жевахова. Жанр этой книги не точно отражает ее настоящее содержание. На самом деле это глубочайшее историче-

ское и религиозно-философское осмысление одной из самых трагических эпох жизни русского народа, пророческое предвидение многих событий 20–30-х гг.

Революция, справедливо утверждал Жевахов, не была выражением «народного гнева против Царя и его правительства», а лишь плодами безверия, самомнения и гордости людской. Осмысливая свою эпоху, Жевахов отмечает, что люди настолько ушли от правды, что перестали узнавать ее.

«Если (люди) в явлениях повседневной жизни не прозревают промыслительных путей Божьих, ведущих к предопределенным Господом целям; если ниспосылаемые Богом испытания для пробуждения и вразумления людей всегда застают их врасплох и кажутся тем более неожиданными, чем более они ужасны, то кто не способен рассмотреть признаки приближения кончины мира, явления антихриста и Суда Божия над миром?! И кто же поверит пророку, если бы он даже явился в наше время?!»

Такие пророки, пишет кн. Жевахов, есть, один из них – С. А. Нилус. Каждый православный человек обязан знать наизусть его книгу «Великое в малом» и опубликованные там документы тайного правительства.

Темные силы иудейства и масонства стремятся господствовать над миром. На пути к этому стоит православная Россия. «Великая столько же пространством, сколько и своей духовной мощью, но смиренная и кроткая, Россия прозревает грядущие судьбы Европы, видит неумную и близорукую игру Англии и Франции, но не осуждает ни той, ни другой, ибо знает, что эти несчастные страны обречены на гибель, в порядке очереди, установленной интернационализмом, так же, как и Россия, что программы интернационала столь же необъятны, как и гениальны, и сводятся к одной цели – ликвидации христианства как единственного препятствия для завоевания мира…» Нужно пристальнее всмотреться в грядущие перспективы, пророчески писал Жевахов, чтобы содрогнуться от ужаса при мысли о возможности порабощения христиан иудаизмом и масонством, которым чужда и ненавистна христианская мораль.

Кн. Жевахов раскрывает сокровенные планы врагов русского народа. Задача антирусской революции 1917 г. заключалась в «уничтожении России» и образовании на ее территории «царства» антирусского интернационала как опорного пункта для последующего завоевания др. христианских государств. Планы темных сил «имели в виду развалить Россию в наикратчайший срок».

«Программа развала России разыгрывалась как по нотам. Сначала мобилизация преступников с их штабом – Государственной думой, которая должна была выдавать революционные вожделения своих членов за подлинный голос народа и, дискредитируя Царя и министров, парализовать государственную деятельность правительства. Затем штурм правительства и свержение Царского трона, образование из глупых честолюбивцев и сознательных масонов нового, т. н. “временного правительства” и рядом с ним специального контрольного аппарата в виде “Совета солдатских и рабочих депутатов” с Лейбом Бронштейном во главе, затем еще шаг вперед – отчаянная борьба между ними, победа Бронштейна, упразднение Думы и “временного правительства”, сыгравших свою роль и переставших быть нужными… и в заключение предопределенное заранее к разгону “Учредительное собрание” в Москве… Все это были этапы давно намеченного пути, выполнение давно задуманных и тщательно разработанных программ, сводившихся к одной цели – истреблению Русского народа».

Русские патриоты ни на один день не прекращали борьбу против безбожного режима, используя в ней все возможные средства. Существовало множество монархических организаций и групп, настроенных очень решительно.

Русские монархисты чтили память Царя Николая II. В 1923 г. возник Союз верных памяти Императора Николая II. Возглавили его гр. В. Коковцов, Н. Шебеко и А. Кауфман-Туркестанский. С 1931 г. действовало Общество памяти Императора Николая II. В его руководя-

щий орган входили: князья С. Долгоруков и Никита Романов, графы А. Шувалов и Н. Шереметев.

В 1926 г. образовалось Объединение русских монархистов-легитимистов под руководством Н. Лохвицкого, П. Крупенского, Б. Фомина и И. Вонича.

Монархический характер носили также Союз русского дворянства (осн. 1926; руководители – В. Трубецкой, П. Менделеев, Г. Алексеев, кн. В. Тенишев) и Союз русской дворянской молодежи (осн. 1930; руководитель – кн. Никита Романов).

Существовал целый ряд русских монархических клубов. В Берлине, например, в 20-е действовал Русский клуб, куда принимали по заявлению с рекомендацией. В уставе этого клуба, в частности, говорилось, что членами его могут быть только «подлинные русские граждане». «Лица, принадлежащие к погубившим Россию социалистическим и кадетским партиям, а также евреи вовсе не допускаются в национальный клуб». Возглавлял клуб Г. Новицкий, выпускавший газету «Что делать?».

28 марта 1922 г. на одном из эмигрантских собраний в Берлине двое русских офицеров-патриотов – С. В. Таборицкий и П. Н. Шабельский-Борк – решили самочинно казнить масона Милюкова, но вместо него застрелили другого видного «вольного каменщика» В. Д. Набокова. История эта вызвала панику в рядах российского масонства, увидевшего в ней своего рода продолжение русской Гражданской войны за рубежом.

В 1923 г. в Лозанне русские патриоты М. Конради и А. Полунин убили одного из большевистских вождей – Воровского. Суд над ними обратился в процесс обличения большевистских зверств, и «виновные» были оправданы.

В 1927 г. был казнен один из участников убийства Царской семьи еврейский большевик Пинхус Войков. Русский патриот Б. С. Коверда подошел к нему на вокзале в Варшаве и со словами: «Это за национальную Россию, а не за Интернационал» – застрелил преступника.

Были также совершены покушения на большевистских функционеров в Польше и Японии.

Патриотическая работа русских монархистов всячески тормозилась масонскими ложами, которые в самом начале 20-х сумели овладеть многими жизненными центрами русской эмиграции.

Уже в январе 1921 г. в Париже проходил съезд 32 бывших членов Учредительного собрания. Инициаторами его были масоны из правых эсеров и левых кадетов. Председательствовал высокопоставленный масон Авксентьев, пытавшийся объединить в интересах масонского подполья всех членов Учредительного собрания, оказавшихся за рубежом. Однако объединения не получилось.

Летом этого же года, опять же по инициативе масонов, для «обуздания» патриотического движения, был проведен Съезд национальных объединений, «душой» которого стал известный масон Набоков. Сформировался «национальный комитет», в который, кроме масонских активистов П. Б. Струве и И. В. Гессена, вошли А. В. Карташов, И. Бунин, А. Куприн. Однако «обуздать» патриотическое движение масонам не удалось.

Масонские ложи пытаются взять под свой контроль Русскую Церковь Заграницей. В 1922 г. они способствуют углублению раскола между Высшим Церковным Управлением Русской Церкви за рубежом и митр. Евлогием. Они подталкивают последнего на противостояние с патриотическим русским духовенством и добиваются своего. Многие организации, созданные при приходах, подчинявшихся митр. Евлогию, и в частности знаменитый Богословский институт, финансировались на масонские деньги.

Представителю Русской Зарубежной Церкви еп. Тихону в 1924 г. масоны сделали предложение вступить в ложу. Вербовщик утверждал, что «его ложа состоит только из христиан и монархистов… есть люди с высоким иерархическим положением. Клятв от Вас не требуется, только не боритесь против нас».

Русская Церковь за рубежом выступила против масонства. В специальном послании ко всем православным людям Собор архиереев Русской Православной Церкви за рубежом высказался очень определенно:

«Одним из самых вредных и поистине сатанинских лжеучений в истории человечества является масонство. О нем мы и намерены по архипастырскому долгу нашему поведать православному русскому миру. Масонство есть тайная интернациональная мировая революционная организация борьбы с Богом, с христианством, с Церковью, с национальной государственностью.

В этой интернациональной организации первое место по силе влияния принадлежит еврейской нации, которой присуще богоборничество со дня распятия Христа Спасителя. Иудаизм исторически связан с масонством самыми тесными узами в своей ожесточенной борьбе с христианством и в мессианских устремлениях к мировому господству».

Признание СССР западными сторонами и крушение многих надежд на возвращение в «свободную» Россию резко изменили настроение русских эмигрантов, вызвав у многих из них состояние безысходности и даже паники. Требовалась новая жизненная программа, которая придала бы смысл вынужденному пребыванию за границей такой большой массы русских людей. Масонские политики быстрее всех уловили это настроение и уже в 1925 г. начали вести агитацию за созыв Русского Зарубежного съезда, который бы консолидировал все течения эмиграции (конечно, под контролем масонских лож). Агитация за Съезд начинается в созданной в этом же году газете «Возрождение», редактором которой тогда состоял П. Б. Струве. Главная цель этого масонского конспиратора заключалась в том, чтобы объединить всю русскую эмиграцию вокруг «вождя» – вел. кн. Николая Николаевича, выдвигая его не как претендента на Престол, а как символ национальной России. Агитаторы пользовались тем, что абсолютное большинство русских эмигрантов и не подозревало о принадлежности вел. кн. Николая Николаевича к масонским ложам и о его связях с масонскими центрами.

Устроителям Зарубежного съезда, прошедшего в Париже в апр. 1926 г., удалось собрать около 450 представителей от 200 русских организаций эмиграции, среди которых были, например, члены Высшего Монархического Совета во главе с Н. Е. Марковым; глава Зарубежной Церкви, митр. Антоний; генералы Кутепов, Миллер, Деникин. Наиболее одиозные масонские политики типа Милюкова—Керенского на Съезде вообще не появились (видимо, убоявшись расправы). Не была приглашена на Съезд и группа вел. кн. Кирилла Владимировича, самочинно провозгласившего себя Императором в изгнании.

Вопреки ожиданиям съезд не решил намеченных задач. Цель – «организация и мобилизация Зарубежной России: ради воскрешения и воссоздания национальной России» – достигнута не была. Патриотическая часть съезда, естественно, не смогла найти общего языка с либерально-космополитической. Масонам не удалось поставить под свой контроль русское патриотическое большинство, хотя какую-то его часть им удалось дезориентировать. Представленная на Съезде русская общественность раскололась на две главные части – и уже после Съезда объединилась в две группировки: Русское Зарубежное Патриотическое Объединение (руководитель И. П. Алексинский) и Российское Центральное Объединение (руководитель масон А. О. Гукасов, издатель газеты «Возрождение»). Причем монархистами считали себя не только представители «патриотической» группы, но и большинство «центральной». Однако монархизм последних имел чисто декоративное значение, не выходя за рамки конституционной монархии.

Многие документы Зарубежного съезда имели либерально-масонский дух. Прежде всего это касалось той мысли, что России нужна не реставрация, а возрождение. Вместо ориентации на возвращение к национальным основам, традициям и идеалам Святой Руси предлагалось руководствоваться либерально-масонскими трактовками идей свободы и собственности, при-

знать законным расчленение России и даже простить предателей, сотрудничавших с большевиками в деле геноцида русского народа.

Вместе с тем патриотической части съезда удалось поднять вопрос об антинациональном характере большевистской власти. В докладе С. С. Ольденбурга говорилось:

«Мировая коммунистическая партия… является по отношению к России внешней силой, а не русским национальным (хотя бы и скверным, жестким, варварским) правительством». «Интересы России противоположны интересам Интернационала», поработившего ее. «Отношение к советской власти как к плохому, но русскому правительству означает непонимание ее существа.

…Советская власть (псевд. диктатуры коммунистов) упразднила самое имя "Россия", заменив его не связанным с каким-либо территориальным признаком названием Союза Советских Социалистических республик. Она разбила Россию на разноязычные штаты… Этим она преследует двоякую цель: уничтожение русской национальной государственности, традиция которой ей глубоко ненавистна, и привлечение симпатий некоторых слоев нерусского населения.

…Власть антинациональной секты, по существу, губительнее и отвратительнее господства другой нации. Под татарским игом русская самобытность менее искажалась, нежели под игом коммунистическим. Оно внешне менее заметно, т. к. коммунист говорит на том же языке… и поэтому сопротивление коммунистическому разложению требует большей сознательности, нежели противодействие простому иностранному засилью».

20-е стали временем расцвета национальной русской интеллигенции, но произошел он не на Родине, а в эмиграции. Пройдя через горнило горького опыта братоубийственной брани, русская интеллигенция сумела подняться выше своего обычного уровня и разглядеть с его высоты то, чего не могла увидеть раньше: глубину духовных ценностей Святой Руси и неисчислимые полчища ее внешних врагов, ждавших момента, чтобы растерзать ее. Конечно, не все они избавились от интеллигентского высокомерия в отношении традиционных духовных ценностей русского народа.

Признавая огромную вину российской интеллигенции в гибели исторической России, философ Г. П. Федотов писал в 1926 г.: «Мы не хотели поклониться России-Царице, венчанной Царской короной. Гипнотизировал политический лик России – самодержавной угнетательницы народов. Вместе с Владимиром Печериным проклинали мы Россию, с Марксом ненавидели ее. И она не вынесла этой ненависти… Государство русское, всегда пугавшее нас своей жестокой тяжестью, ныне не существует. Мы помогли разбить его своей ненавистью или равнодушием. Тяжко будет искупление этой вины».

Через страдания, гонения и смерть многие русские интеллигенты пришли к тем простым истинам, которые русский народ исповедовал многие столетия. Понятия «Православие», «Самодержавие», «Народность» снова стали для многих из них родными и близкими.

В эмиграции к значительной части русской интеллигенции, бежавшей от большевиков, начинает возвращаться национальное сознание. Недавние враги исторической России, ненавидевшие Царя и Самодержавие, – марксисты, либералы, демократы – приходят к осознанию своих грехов перед Родиной и Государем. Характерно раскаяние писателя И. Наживина, в свое время допускавшего в своих книгах грубые и клеветнические выпады против Царской семьи. Частые беседы с людьми, которые хорошо знали жизнь Царского Села, убедили его в том, что «мы, "общественники", были непроходимыми ослами (один Милюков с его подлой "глупостью или изменой" чего стоит…) и что на нас лежит ответственность за гибель несчастной, затравленной нами Царской семьи…»

Тяжело сожалея о своей ужасной ошибке, писатель публично заявил: «Я считаю долгом своей совести теперь же покаяться в своей грубой и жестокой общественной ошибке – не Царь был виноват перед нами, а мы перед Ним, за нас пострадавшим. За нашу ошибку мы постра-

дали очень строго, но все же нет тех страданий, которыми мы могли бы до конца искупить наше преступное легкомыслие и смыть с наших рук и душ кровь наших жертв, бедного Государя и его близких».

Только после отречения Царя многие уже в эмиграции поняли, что Великая Россия не смогла существовать вне Царя и Самодержавия. «И мысль, что нет на Руси у нас Государя, – писал В. В. Розанов еще в конце 1917 г., – так обняла мою душу, охватила тоской <…> что болит моя душа, болит и болит. <…>. Люблю и хочу любить Его. И по сердцу своему я знаю, что Царь вернется на Русь, что Русь без Царя не выживет. <…> Страшно сказать: но я не хочу такой России, и она окаянна для меня. Для меня “социал-демократическая Россия” – проклята».

Некоторые русские философы и мыслители, ранее придерживавшиеся социал-демократических и либеральных взглядов, приходят к теоретическому обоснованию невозможности полноценного существования России вне Самодержавия. Сформулировал это о. Сергий Булгаков: «… Каким-то внутренним актом, постижением, силу которого дало Православие, изменилось мое отношение к Царской власти, воля к ней. Я стал, по подлому выражению улицы, царист. Я постиг, что Царская власть в зерне своем есть высшая природа власти, не во имя свое, но во имя Божие… Я почувствовал, что и Царь несет свою власть, как Крест Христов, и что повиновение ему тоже может быть Крестом Христовым и во Имя Его. В душе моей, как яркая звезда, загорелась идея священной Царской власти, и при свете этой идеи по-новому загорелись и засверкали, как самоцветы, черты русской истории; там, где я раньше видел пустоту, ложь, азиатчину, загорелась Божественная идея власти Божией милостью, а не народным позволением».

Еще более определенно высказался о русской монархии С. Л. Франк: «Замечательной, в сущности общественной, но во всем своем значении неоцененной особенностью русского общественного и государственного строя было то, что в народном сознании и народной вере была непосредственно укреплена только сама Верховная власть – власть Царя; все же остальное – сословные отношения, местное самоуправление, суд, администрация, крупная промышленность, банки, вся утонченная культура образованных классов, литература и искусство, университеты, консерватории, академии, – все это держалось лишь косвенно, силой Царской власти, и не имело непосредственных корней в народном сознании».

В 20-е возникают десятки патриотических организаций, ставящих своей целью освобождение России от большевизма. «Братство русской правды» (осн. в 1921 г.) под руководством генерала П. Н. Краснова, герцога Г. Н. Лейхтенбергского, писателя С. А. Соколова-Кочетова выдвигало перед собой национальные цели: «Всероссийская Национальная Революция», «Земля крестьянам», «Православная христианская Русь», «Всероссийский Земский Собор». Члены «Братства» вели партизанскую борьбу в России.

Особую роль в работе русских эмигрантов против большевизма играл «Русский Обще-Воинский Союз», основанный генералом Врангелем в 1924 г. и объединивший вокруг себя около 30 тыс офицеров и солдат белой армии, бежавших от большевиков. Верховным главнокомандующим этой армии за рубежом считался вел. кн. Николай Николаевич, он же был фактическим руководителем РОВС вплоть до своей смерти. До 1926 г. центр РОВС находился вместе с Архиерейским Синодом Русской Зарубежной Церкви в Сремских Карловицах в Сербии, а затем переместился в Брюссель, откуда после смерти Врангеля в 1929 г. был переведен в Париж. «Воинский Союз» имел свой неофициальный печатный орган, журнал «Часовой», множество отделений в разных странах. Активисты РОВС пытались наладить связи с представителями командования Красной армии (многие из которых были в прошлом царскими офицерами) для организации военного переворота. При «Союзе» существовал ряд строго законспирированных боевых групп, осуществлявших террористическую деятельность в России. В

частности, одной из таких групп в 1927 г. удалось взорвать партийный клуб в Ленинграде (от взрыва пострадало 26 чел).

Возможности РОВС парализовались подрывной работой ГПУ и масонов. В руководстве этой организации, в частности, состояли несколько агентов ГПУ и масон адмирал М. А. Кедров.

К середине 20-х в Германии сформировался русский эмигрантский «Союз младороссов» – многочисленная молодежная организация, имевшая свои печатные органы, проводившая шумные съезды под девизом «Лицом к России». Младороссы признали большевизм как движение, сохранявшее территориальную целостность и международные интересы России. Торжество большевизма, справедливо заявляли младороссы, подготовили либеральная демократия и масонство, и именно этим силам необходимо сопротивляться. Подрастающее поколение русских людей, считали младороссы, должно готовиться к практической созидательной работе и строительству, а не к политике. «Мы знаем, – говорил в 1929 г. руководитель младороссов А. Л. Казем-Бек, – что никакой зарубежной России нет. Нет и двух России. Есть одна живая Россия. Та Россия, единственная, которая теперь перерождается в мучительных схватках, и есть молодая Россия».

Младороссы отвергали конспиративную и террористическую деятельность и занимались лишь «воспитанием кадров для будущей России». Однако в 30-х они выдвигают лозунг «Царь и Советы!», проча на Престол вел. кн. Кирилла Владимировича. Делается противоестественная попытка соединить русский монархизм и «национальные результаты» большевизма. Движение младороссов резко идет на убыль, когда в 1937 г. открывается вполне реальная связь руководства младороссов с советским посольством и НКВД.

В 1930 г. на основе различных патриотических объединений, существовавших в Болгарии, Нидерландах, Китае, Чехословакии, Франции, Югославии, возникает новая патриотическая организация – Национальный Союз Русской молодежи (с 1931 г. – Национальный Союз Нового поколения; с 1936 г. – Национально-Трудовой Союз Нового поколения – НТСНП). «Нацмальчики» (новопоколенцы, солидаристы), руководимые проф. М. А. Георгиевским, ставили своей целью осуществление национальной революции силами народа изнутри России путем создания сети подпольных групп и подготовки кадров национальных революционеров.

Одним из идеологов этого движения был русский философ И. А. Ильин, подготовивший книги, ставшие настольными для многих русских людей: «Творческая идея нашего будущего» и «Основы борьбы за национальную Россию». Делу российского освобождения, учил И. Ильин, нужно служить «как делу Божьему; не кривя, не торгуясь и не исчисляя Божьих сроков».

Формировался Союз на основе строгого отбора, был установлен строгий возрастной ценз (принимались кандидаты лишь 1895 или более поздних годов рождения).

С 1932 г. Союз стал выпускать ежемесячную газету «За Россию», осуществлять издание патриотической литературы. «Борьба за Россию, – говорилось в публикациях НТСНП, – выливается в наше время… в борьбу за душу русского народа. Главным и основным оружием является в ней – новая, зажигающая идея справедливого и праведного устроения жизни». В Союзе особо почитались два выдающихся деятеля России: генерал Корнилов и П. А. Столыпин. Известные слова последнего «нацмальчики» переиначили по-своему: «Нам нужна великая Россия – мы должны быть достойны ее». «Да возвеличится Россия, да погибнут наши имена» – было девизом членов НТСНП. Идея жертвенного служения Родине через идеализм, национализм, активизм. «Преодоление зла начинается с очищения себя, с нового отбора людей, отбора “русского национального рыцарства”, верующего, любящего, одержимого, готового к смерти». Десятки членов этой организации погибли в застенках большевистских тюрем.

Из др. эмигрантских организаций следует упомянуть и «Российский Имперский Союз-Орден» (осн. в 1929 г.), который возглавлял Н. Н. Рузский. Этот союз имел свой печатный орган «Имперский клич». Его деятельность ограничивалась проведением собраний, докладов,

распространением листовок. Одно время «Имперский Союз» действовал солидарно с РОВС и НТСНП, но позднее стал выступать против последнего, усматривая в его деятельности масонское влияние.

В 20-е советскую разведку за рубежом возглавлял еврейский большевик М. А. Трилиссер, ставший организатором широкомасштабных чекистских операций против русских патриотов. Акции эти, включавшие в себя провокации, убийства, запугивание, распространение клеветы, как правило, осуществлялись при поддержке секретной подрывной организации Коминтерна (своего рода Чека), руководимого другим еврейским большевиком, И. А. Пятницким.

В 1921–1922 гг. советские спецслужбы затевают провокационную игру с русскими эмигрантскими организациями с целью их дискредитации и ликвидации. Для этого чекистами создается вымышленная подпольная организация под названием «Трест», якобы ставившая своей целью свержение большевизма. Представители «Треста» выходят на связь с руководителями русского зарубежья. К операции было привлечено большое число бывших деятелей царской России, в том числе заместитель министра внутренних дел, масон В. Ф. Джунковский. В результате чекистам удалось выявить многие связи антисоветских организаций, арестовать ряд русских патриотов, а под конец значительно дискредитировать эмигрантское подполье. В частности, чекисты организовали тайную поездку монархиста В. В. Шульгина по СССР. Агенты ГПУ водили его по многим местам и якобы конспиративным квартирам, внушая ему мысль, что в стране зреет антибольшевистское подполье, но не все еще готово к перевороту, нужно ждать и до поры до времени не вмешиваться. Таким образом чекисты убедили боевые эмигрантские организации не прибегать к активным действиям, а ждать.

По возвращении из СССР Шульгин написал книгу «Три столицы», которая редактировалась представителями «Треста» (т. е. самими чекистами), «чтобы не повредить членам организаций, находящимся в России», в выгодном для большевиков духе. В 1927 г. «Трест» разоблачается как провокационная чекистская операция (по-видимому, по инициативе самого ГПУ). В результате скандала дискредитируется деятельность многих эмигрантских организаций, в т. ч. Высшего Монархического Совета и РОВС. Русские эмигранты разочаровываются в своем руководстве. Шульгин, считавший себя героем, становится всеобщим посмешищем.

С конца 20-х совершенно парализованной оказалась деятельность «Русского Общевоинского Союза». Советские спецслужбы вербовали в качестве своих агентов руководителей этого «Союза», в т. ч. адмирала Крылова, генералов Монкевича и Штейфона, а позднее и генерала Скоблина (помогавшего за деньги большевикам на пару со своей женой, известной певицей Плевицкой). При помощи другого агента ГПУ масона С. Н. Третьякова чекисты установили микрофоны в парижской штаб-квартире РОВС и прослушивали все тайные собрания этой организации. С помощью подобных методов ГПУ ликвидировало многие боевые дружины, арестовало 17 агентов и террористов, заброшенных в СССР, раскрыло 11 явочных квартир в Москве, Ленинграде и Закавказье. Самыми успешными операциями чекистов оказались похищения руководителей РОВС: сначала в 1930 г. генерала Кутепова, а через 7 лет генерала Е. К. Миллера. Генералы исчезли бесследно, вызвав среди части эмиграции панику из-за «всемогущества ГПУ». Последнее похищение сопровождалось разоблачением генерала Скоблина как агента ГПУ, внезапно тоже бесследно исчезнувшего. Случаи эти психологически деморализовали русских эмигрантов.

В целях дискредитации русских патриотов за рубежом ГПУ проводит в 1932 г. специальную операцию, подбив на убийство французского президента Думера психически неуравновешенного эмигранта Горгулова, на дому которого при аресте обнаруживаются материалы русских патриотических организаций.

Жизнь на чужбине была величайшим унижением для коренных русских людей. Главным чувством многих из них в 20–30-е стало ожидание возвращения на Родину. Ностальгические переживания по России и вместе с тем постепенная потеря надежды на возвращение делали

бесплодными многие труды и начинания русских эмигрантов. Русская культура на чужбине остановилась в своем развитии и жила ностальгическими образцами прошлого. Выдающиеся писатели и поэты Бунин, Шмелев, Зайцев, Ремизов, Цветаева создавали трогательные и глубокие произведения, имевшие на себе печать обреченности и безнадежности. Тем не менее именно за границей ощущение «национального русского» приобрело для них особое значение. Весьма характерным в этом смысле стало творчество писателя И. С. Шмелева. Современники называли его «русским из русских». Как писал И. А. Ильин: «Русский дух ответил в нем на восстание тьмы – негодованием, духовно-художественным обличением, национальным самоутверждением и мировой скорбью. Шмелев познал тьму и назвал ее по имени, заклиная ее». Написанные в эмиграции его романы «Лето Господне» и «Богомолье» в буквальном смысле по-новому открыли Россию, на которую писатель глядит глазами ребенка, «младенца», познавая ее сущность, «ласку родного слова», «живого слова», «роднящую стихию». В «Солнце мертвых» Шмелев создает образ народного характера, обманутого народа, который не виноват в братоубийственной войне. «Воспользовались, как дубиной! Убили лучшее, что в народе было… поманили вас на грабеж… а вы предали своих братьев!.. Теперь вам же на шею сели! Заплатили и вы!.. и платите!»

Сходные чувства и переживания русских патриотов отражаются в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева» и многочисленных его рассказах, написанных за границей.

Присуждение Бунину Нобелевской премии осенью 1933 г. было воспринято патриотической частью русской эмиграции как ее победа над нищетой и унижением. В передовой статье в газете «Возрождение» так и заявлялось – «Победа эмиграции».

В области философского осмысления действительности русская патриотическая мысль характернее всего проявилась в трудах И. А. Ильина и И. Л. Солоневича.

В своем докладе «Творческая идея нашего будущего», сделанном в Белграде и Праге в 1934 г., русский мыслитель И. Ильин формулирует назревающие проблемы русской национальной жизни. Мы должны сказать всему остальному миру, заявлял он, что Россия жива, что хоронить ее – близоруко и неумно; что мы – не человеческая пыль и грязь, а живые люди с русским сердцем, с русским разумом и русским талантом; что напрасно думают, будто мы все друг с другом «перессорились» и пребываем в непримиримом разномыслии; будто мы узколобые реакционеры, которые только думают сводить свои личные счеты с простолюдином или «инородцем».

В России грядет всеобщая национальная судорога, которая, по мнению Ильина, будет стихийно мстительной и жестокой. «Страна вскипит жаждой мести, крови и нового имущественного передела, ибо поистине ни один крестьянин в России ничего не забыл. В этом мнении встанут десятки авантюристов, из коих три четверти будут “работать” на чьи-нибудь иностранные деньги, и ни у одного из них не будет творческой и предметной национальной идеи».

Чтобы преодолеть эту национальную судорогу, русские национально мыслящие люди должны быть готовы генерировать эту идею применительно к новым условиям. Она должна быть государственно-исторической, государственно-национальной, государственно-патриотической. Эта идея должна исходить из самой ткани русской души и русской истории, из их духовного лада. Эта идея должна говорить о главном в русских судьбах – и прошлого, и будущего, она должна светить целым поколениям русских людей, осмысливая их жизнь и вливая в них бодрость.

Главное – воспитание в русском народе национального духовного характера. Из-за его недостатка в интеллигенции и массах Россия рухнула от революции. «Россия встанет во весь рост и окрепнет только через воспитание в народе такого характера. Это воспитание может быть только национальным самовоспитанием, которое может быть проведено самим русским народом, то есть его верной и сильной национальной интеллигенцией. Для этого нужен отбор людей, отбор духовный, качественный и волевой».

Процесс этот, по мнению Ильина, уже начался «незримо и бесформенно» в России и более или менее открыто за рубежом: «отбор несоблазненных душ, противопоставивших мировой смуте и заразе – Родину, честь и совесть; и непреклонную волю; идею духовного характера и жертвенного поступка». Начиная с меньшинства, возглавляемого единоличным вождем, русский народ в ближайшие 50 лет должен одолеть и перешагнуть все преграды совокупным, соборным усилием духа.

В конце 30-х был создан опубликованный во время войны труд И. Л. Солоневича «Народная монархия». «Никакие мерки, рецепты, программы и идеологии, заимствованные откуда бы то ни было извне, – неприменимы для русской государственности, русской национальности, русской культуры». Русская политическая мысль, по мнению Солоневича, может быть русской политической мыслью тогда и только тогда, когда она исходит от русских исторических предпосылок. Отсюда вывод: «Политической организацией Русского народа на его низах было самоуправление, а политической организацией народа в его целом было Самодержавие». Это исключительно русское явление – не диктатура аристократии под вывеской «просвещенного абсолютизма», не диктатура капитала, подаваемая под соусом «демократии», не диктатура бюрократии, реализуемая в форме социализма, а «диктатура совести, диктатура православной совести». Предложенное Солоневичем понятие «соборная монархия» обозначало «совершенно конкретное историческое явление, проверенное опытом веков и давшее поистине блестящие результаты: это была самая совершенная форма государственного устройства, которая только известна человеческой истории. И она не была утопией, она была фактом». По справедливому выводу Солоневича, превосходство Царской власти неоспоримо: «Царь есть прежде всего общественное равновесие. При нарушении этого равновесия промышленники создадут плутократию, военные – милитаризм, духовные – клерикализм, а интеллигенция – любой “изм”, который только будет в книжной моде в данный исторический момент». Таким образом, русская общественная мысль возвращалась к идее монархии.

Монархическая интеллигенция была слаба и разрозненна. Тем не менее ее лучшие представители продолжали сохранять русскую монархическую идеологию. В трудах Н. Д. Тальберга, Б. Л. Бразоля, И. К. Кириенко, И. С. Ланского, Н. Е. Маркова, В. Д. Мержеевского, А. Д. Нечволодова, Н. А. Степанова, Н. Ф. Степанова (Свиткова), П. Н. Шабельского-Борка и др. русских монархистов давались трезвые оценки происшедшего в России, определялись пути преодоления национальной катастрофы.

Самое главное, что монархическую идеологию сохранила Русская Церковь за рубежом.

В обращении архиеп. Иоанна (Максимовича) на II Всезарубежном Архиерейском Соборе в Югославии в 1938 г. (отражавшем позиции всей Зарубежной Церкви) справедливо заявлялось:

«Русский народ весь в целом совершил великие грехи, явившиеся причиной настоящих бедствий, а именно: клятвопреступление и цареубийство. Общественные и военные вожди отказали в послушании, верности Царю еще до Его отречения, вынудив последнее от Царя, желавшего внутреннего кровопролития, а народ явно и шумно приветствовал совершившееся, нигде громко не выразив своего несогласия с ним. Между тем здесь совершилось нарушение присяги, принесенной Государю и Его законным наследникам, а кроме того, во главу совершивших это преступление пали клятвы предков – Земского собора 1613 г., который постановления свои запечатлел проклятием нарушающих их.

В грехе цареубийства повинны не одни лишь физические исполнители, а весь народ, ликовавший по случаю свержения Царя и допустивший Его унижение, арест и ссылку, оставив беззащитным в руках преступников, что уже само собою предопределяло конец.

Таким образом, нашедшее на Россию бедствие является прямым последствием тяжелых грехов и возрождение ее возможно лишь после очищения от них. Однако до сих пор нет насто-

ящего покаяния, явно не осуждены содеянные преступления, а многие активные участники революции продолжают и теперь утверждать, что тогда нельзя было поступить иначе.

Не высказывая прямого осуждения Февральской революции, восстания против Помазанника, русские люди продолжают участвовать в грехе, особенно когда отстаивают плоды революции».

В 30-е гг. продолжал выходить монархический журнал «Двуглавый Орел». Со 2-й пол. 20-х до 1944 г. издавался православно-монархический, духовно-нравственный журнал «Хлеб небесный». Выходил он при Казанском Богородицком мужском монастыре в Харбине по благословению архиепископа Харбинского и Маньчжурского Мефодия. Монархический характер носил и богословский факультет (осн. в 1934 г.) Института св. Владимира в Харбине. Факультет этот стал преемником российских духовных академий.

Практические дела русской монархии обстояли трагично. Вел. кн. Кирилл Владимирович, присвоивший себе императорский титул, своей неразборчивостью в средствах и интригами, связью с католическими и масонскими кругами дискредитировал монархию. С их помощью этот предатель последнего русского Царя надеялся взойти на русский Престол. «Император Кирилл I» через своего личного представителя установил контакт с представителями Ватикана. За практическую помощь со стороны католиков Кирилл обещал после занятия Престола Романовых «даровать официальное признание русского католицизма в виде русского экзархата и признать возможную католическо-православную унию». В 1929 г. «Император» обещает предоставить католицизму в России свободу религиозной пропаганды в случае падения советского режима и занятия трона Романовых. За это Кирилл Владимирович просил у папы поддержки его делу и признания его как «легитимного и ниспосланного провидением наследника Российского трона».

Особые виды у «Императора Кирилла I» были и на масонов. Как отмечал в секретной записке генералу П. Н. Врангелю И. А. Ильин: «Особое место занимает сейчас признание заграничного масонства, русские ложи работают против большевиков и против династии. Основная задача: ликвидировать революцию и посадить диктатуру, создав для нее свой, масонский антураж. Они пойдут и на монархию, особенно если монарх будет окружен ими или сам станет членом их организации… по-прежнему их главная задача – конспиративная организация своей элиты, своего тайноглавенствующего масонского “дворянства”, которое не связано ни с религией, ни с политической догмой, ни с политической формой правления (“все хорошо, если руководится нашей элитою”)».

Масоны готовы были поддержать Кирилла Владимировича и деньгами. «Появившийся манифест вел. кн. Кирилла, – продолжает И. А. Ильин, – не был для меня полной неожиданностью. Еще в мае я узнал, что группа лиц французско-швейцарского масонства, установив, что за вел. кн. Кириллом числится большая лесная латифундия в Польше, еще не конфискованная поляками, но подлежащая в сентябре 1924-го конфискации, работает очень энергично и спешно над приобретением ее у вел. кн. (он не знал о ней!). На нужды “Императора” должно отчислиться от этой продажи около 150 млн франков золотом. Сведения были абсолютно точные… Расчеты у масонов были двоякие: или повредить русскому монархизму верным провалом нового начинания, или повредить русскому монархизму возведением на Престол слабого, неумного и, главное, кооптированного масонами и окруженного ими лица. Должен сказать от себя, что менее популярного в России претендента на Престол нельзя было бы выдумать… К сожалению, вокруг вел. князя стоят люди или находящиеся под фактическим влиянием масонства (мне известны подробности от недостаточно конспиративных масонов), или же рассуждающие так: “Вопрос трона есть вопрос хлеба и денег”.

«Император Кирилл» был готов пойти и на сотрудничество с советской властью, которое он мыслил в категориях американского еврейского капитала. Он выдвигает идею «демократи-

ческой монархии» с сохранением советских учреждений (Советов), в которых половина мест принадлежала бы космополитическим элементам.

Со смертью в 1938 г. вел. кн. Кирилла Владимировича многие противоречия, раздиравшие русских монархистов, ослабли. Его сын вел. кн. Владимир Кириллович не осмелился воспользоваться самозванным императорским титулом своего отца и с согласия большинства членов Дома Романовых объявил себя «главой Династии».

В этом же году в Париже состоялось собрание русских монархистов, высказывавшихся за широкое объединение возможно большего числа монархически настроенных русских организаций, а также за привлечение к монархической работе отдельных лиц, ранее не входивших в эти организации.

За основу объединения приняты два начала: 1) «вера в монархическое, императорское будущее России» и 2) «объединение вокруг имени вел. кн. Владимира Кирилловича как олицетворения будущей национальной России». Выработка каких бы то ни было партийных или надпартийных программ была отвергнута как преждевременная. Собрание избрало временный Совет для руководства делами Российского монархического объединения, куда, кроме истинных русских патриотов Н. Н. Шебеко, В. В. Свечина, М. Д. Нечволодова и др., попал целый ряд масонских конспираторов высокого ранга – адмирал М. А. Кедров, А. С. Хрипунов, И. И. Тхоржевский, И. С. Лукаш, Ф. Ф. Макшеев. С таким составом руководящего органа монархическое объединение было обречено на внутреннее разложение, что и не замедлило произойти.

В авг. 1939 г. в резиденции «главы Династии» в Сан-Бриаке (Франция) собрались представители значительной части патриотического движения русской эмиграции – РОВС, РНСУВ, НТСПН, группы И. Солоневича, казачества, Русской Зарубежной Церкви. Несмотря на объединение, никакой творческой программы действий принято не было.

В 1938 по почину и трудами Союза Ревнителей памяти Императора Николая II в Александро-Невском храме Парижа воздвигается Крест-Памятник «Императору Великому Мученику, Его Царственной семье, его верным слугам, с ним мученический венец принявшим, и всем Россиянам, богоборческой властью умученным и убиенным».

Крест-Памятник покойному Государю был окружен в русском Париже ореолом горестного и любовного почитания: символ распятой, но втайне жаждущей воскресения Родины. Как справедливо отмечалось в эмигрантской печати, Крест-Памятник должен быть символом великодержавной Родины. «За время своего царственного служения, Государь наш облекался в походную форму солдата, и в величие блистательной Империи, и в сияние мученического венца. Найдем ли мы в изгнании лучший символ – России, дома, жертвы, преображения. И впредь – пусть каждое русское национальное дело, каждое наше изгнанническое торжество, все военные и культурные праздники сопровождаются очищающим душу паломничеством – к этому кресту без могилы».

Во Франции в бедноте и нужде доживали свой век представители многих известных княжеских и дворянских родов. В Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем на средства богатой американки открылся благотворительный пансион для престарелых, который был назван «Русским домом». А рядом с домом образовалось кладбище, ставшее местом последнего упокоения представителей старинных русских родов (уже к 1939 г. – более 400 могил). Возле кладбища воздвигли церковь «в новгородском стиле XV – н. XVI в. Это было очень красиво и идейно связывало нас с Матерью Родиной – Святой Русью». Храм вырос на пожертвования русских эмигрантов. Его проект и росписи стен принадлежали художнику-архитектору А. Бенуа, который до этого построил храм-памятник на могилах русских воинов на кладбище одного из местечек близ Мурмелона.

Новым патриотическим объединением стало «движение штабс-капитанов», которое резко выступало против «старческого режима» в руководстве русской эмиграции. Его возглавил И. Л. Солоневич. По мнению Солоневича, военная организация русской эмиграции была

обречена на неудачу вследствие ее «аполитичности» и неправильного подбора руководящих кадров. Солоневич требовал обновления и омоложения руководства РОВС и выработки ясной национальной программы действий. Его активность сразу же обеспокоила большевиков. В начале 1938 г. агенты НКВД направили ему по почте посылку с бомбой. Совершенно случайно сам Солоневич не пострадал, но погибли его жена и секретарь.

Во 2-й пол. 20-х – 30-е гг. в российской эмиграции возникает ряд организаций, ориентировавшихся на фашистские идеалы. Идеология этих немногочисленных организаций представляла собой эклектическое смешение принципов западного фашизма с лозунгами борьбы за Россию и даже монархию. Цели, которые ставили перед собой западноевропейские фашисты, и их «духовные» устремления – на ограбление славянских территорий – в корне противоречили национальным интересам России. Однако большая часть русских фашистов не понимала этого, искренне надеясь с помощью германского фашизма свергнуть власть еврейских большевиков.

Среди русских фашистских организаций следует отметить:

Российское Национал-Социалистическое Движение (РНСД) – действовало в Германии;

Российская Фашистская Организация (позднее Фашистский Союз) – руководитель К. В. Родзаевский, выпускала журнал «Нация» и еженедельную газету «Наш путь», выступала под девизом «Бог – Нация – Труд», действовала в Харбине;

Всероссийская Национальная Революционная партия, действовавшая в США под руководством А. А. Вонсяцкого и издававшая ежемесячный журнал «Фашист».

Интерес к фашизму некоторое время проявляли видные деятели русского патриотического движения И. Солоневич, генералы Миллер и А. В. Туркул. Однако интерес этот быстро пропал.

В 1936 г. генерал Туркул (преемник генерала Дроздовского) создает новую патриотическую организацию – Русский Национальный Союз Участников Войны (РНСУВ), выпускавший газету «Сигнал» (редактор полк. Н. В. Пятницкий). Девизом нового Союза стало: «Бог – Нация – Социальная справедливость». Отделения РНСУВ возникли в 8 странах Европы и Латинской Америки.

С 1938 г. в Шанхае издается русский журнал «Фашист». На первом листе он именовался официальным органом руководящего центра Всероссийской национал-революционной трудовой и рабоче-крестьянской партии фашистов. Редактором-издателем являлся Д. И. Кунле. Однако ведущая роль в органе принадлежала вождю Вонсяцкому. В речи, произнесенной на собрании в Шанхае, он заявил: «В готовящейся схватке против Советов с мировым фашизмом у Русского народа может быть только один ответ: национальная революция… В случае войны все русские силы должны быть отданы одному делу – делу собственной национальной революции». Вонсяцкий выступал против участия русских людей в иностранных армиях, «чтобы не стрелять в наших несчастных братьев, насильно мобилизованных в Красную Армию».

В 1936 г. в Шанхае начинает выходить газета «Русский Авангард» – еженедельный орган русской национальной мысли на Дальнем Востоке. Эта газета, так же как и «Фашист», призывала к национальной революции.

Вместе с тем русские фашисты плохо понимали обстановку в России и не знали, что национальная революция уже началась и успешно развивается под руководством Сталина, сумевшего уничтожить подавляющую часть еврейских большевиков и масонов. Осознание этого пришло к ним (и то только к части) уже в конце войны.

На 30-е приходится деятельность замечательных русских патриотов Н. Ф. Степанова (псевдоним Н. Свитков), генералов А. Д. и М. Д. Нечволодовых, генерал-лейтенанта Н. А. Степанова.

В 1932 г. в Париже в издательстве «Ла Либр Пароль» вышла небольшая книга Н. Ф. Степанова (Свиткова) «Масонство в русской эмиграции», составленная в 1932 г. на основании масонских документов. В этой книге впервые был широко обнародован факт принадлежности

всех членов Временного правительства к масонским ложам. Русским людям становилось ясно, что революция не была делом «Русского народа (козла отпущения), а является частью мирового заговора и масонского действа».

В Брюсселе русские патриоты возводят храм в память Царя-мученика Николая II.

В 1938 г. на II Всезарубежном Соборе Православной Церкви Заграницей были зачитаны доклады Н. Ф. Степанова, перевернувшие все бытовавшие представления касательно связи масонства с экуменизмом и сближения иудейства с католичеством.

После Второй мировой войны русская патриотическая мысль на чужбине продолжала существовать и развиваться в немногочисленных периодических изданиях и малотиражных трудах. Географически духовный центр этих изданий переместился из Европы в Южную Америку, где жизнь была относительно дешева и русские эмигранты могли просуществовать на свои скромные средства.

В Буэнос-Айресе (Аргентина) в 1948 г. И. Л. Солоневич создает международную русскую газету «Наша страна», лозунгом которой стало – «Только Царь спасет Россию от нового партийного рабства». Главной задачей этой русской газеты было «не просто патриотическое просветительство, а создание народной монархической интеллигенции, – писал еще в 1939 г. Солоневич. – И по ту сторону, и по эту сторону рубежа есть самая слабая сторона монархического движения и самая сильная угроза будущему российской монархии. Было бы преступлением закрывать глаза на тот факт, что этот участок монархического фронта оголен вовсе. Именно на этом участке следует ждать прорыва вражеских сил». Советская интеллигенция, считал Солоневич, в известных условиях может преобразоваться в монархическую. По его мнению, она поддержит монархию или под давлением народных масс, или в результате грядущих разочарований. На основе идей Солоневича во 2-й пол. 40-х возникает Народно-монархическое движение, ставшее одной из главных патриотических сил русской эмиграции.

Одновременно с появлением «Нашей страны» в Сан-Пауло (Бразилия) возникает другое русское патриотическое монархическое издание – журнал «Владимирский вестник» (издатель В. Д. Мержеевский). В отличие от газеты И. Л. Солоневича, отражавшей во многом своеобразие личных взглядов ее издателя, «Владимирский вестник» был более традиционным православно-монархическим изданием, многие его авторы состояли в православном Свято-Владимирском обществе. Если газета Солоневича обходила вопросы о масонстве и еврейском засилье в России, то «Владимирский вестник» поднимал их постоянно. Среди его авторов был, в частности, один из выдающихся русских исследователей масонства Н. Ф. Степанов (Свитков).

После войны в название Российского Имперского Союза добавилось слово «Орден». С 1948 г. Его последовательно возглавляли такие известные монархисты, как Н. К. Глобачев, Н. Н. Воейков, Н. И. Сахновский. Последний с 1954 г. издавал газету «Русское слово». В деятельности Имперского Союза-Ордена принимали участие писатель Б. Башилов и публицист Н. Кусаков. Были изданы книги Н. Соколова «Убийство царской семьи», Л. А. Тихомирова – «Монархическая государственность», «Протоколы Сионских мудрецов» и др.

В 1959 г. М. И. Туряница начинает издавать журнал «Свободное слово Карпатской Руси» (выходивший до сер. 90-х). Редакция журнала отстаивала идеи единой и неделимой России, выступала против разделения русских на три разных народа, давала решительный отпор иудейско-масонским идеологам и советским диссидентам.

Русским патриотическим организациям приходится отстаивать национальные интересы России в условиях сильнейшего давления ЦРУ США и других западных спецслужб, пытавшихся превратить русских патриотов в орудие разрушения родной страны. США не жалеют денег на создание организации, которая бы объединила все эмигрантские силы в борьбе против СССР. На конференции в Штутгарте в августе 1951 г. создается «Совет освобождения народов России», вскоре вступивший в постыдный альянс с откровенно антирусскими организациями,

ратовавшими за расчленение России. А в 1952 г. на базе этого объединения (исключая НТС и белорусских националистов) опять же на американские деньги формируется «Координационный центр антибольшевистской борьбы», возглавляемый Мельгуновым, имеющий собственную радиостанцию «Освобождение» (позднее переименованную в «Свободу»). Используя все возможные средства, и прежде всего радиовещание, этот «Центр», опираясь на кадровых идеологических работников американской разведки, стал рупором западного образа жизни, орудием очернения и фальсификации истории России, клеветы на ее народ.

Естественно, патриотическая часть российской эмиграции отвергла предложение участвовать в работе организации, ставившей целью расчленение России и установление в ней американского порядка. Для организованного противостояния космополитизму и русофобии русские патриоты собираются на Второй Всероссийский Зарубежный Съезд (апр. 1952 г., Нью-Йорк). На этом съезде, в котором приняли участие 103 делегата от разных русских организаций, был создан «Всероссийский Комитет Освобождения» (руководитель князь С. С. Белосельский-Белозерский). Параллельно Съезду в Нью-Йорке прошли совещания национальных русских организаций в Париже и Брюсселе, и в частности Европейский съезд Российского Национального Объединения, полностью поддержавший решения Зарубежного Съезда в Нью-Йорке. Возник даже «Фонд защиты правды о России и Русском народе и борьбы с русофобством».

В марте 1958 г. в Нью-Йорке состоялся Общемонархический съезд, на котором присутствовало 50 делегатов, представлявших 34 монархические организации. Главной целью Съезда было «объединение всех монархических группировок в одно русло». Однако все участники Съезда являлись сторонниками вел. кн. Владимира Кирилловича.

Основной доклад на Съезде сделал председатель организационного комитета Б. Л. Бразоль. Для «планомерной работы монархического движения» Съезд избрал Исполнительное бюро, куда вошли самые авторитетные монархисты, в том числе Б. Л. Бразоль, Н. Н. Чухнов, А. П. Волков, генерал Голубинцев, Н. К. Глобачев.

Начиная с 60–70-х, по мере того как редели ряды представителей 1-й волны эмиграции, русское патриотическое движение как организационная сила начинает затухать. Представители 2-й и 3-й волны эмиграции уже не несли в себе той мощной духовной идеи, которая вдохновляла и организовывала их предшественников. Патриотическое чувство стало уделом отдельных эмигрантов, потеряв значение широкого общественного порыва. В 80–90-е среди русской эмиграции только Имперский Союз-Орден, возглавляемый К. К. Веймарном, продолжал держаться краеугольных патриотических ценностей русского народа – «За Веру, Царя и Отечество».

Глава 13

Патриотизм в Великую Отечественную войну. – Победа русского народа над захватчиками

Патриотический дух русского народа проявился уже в первые месяцы войны. Только в Москве были сформировано 12 дивизий народного ополчения и 25 истребительных батальонов. Писатель-фронтовик К. Симонов сказал тогда о Москве: «Город, похожий на русского человека, такой же непобедимый, как и сам русский человек». «Московская сила, – говорили в то время, – врагу могила. Встанем как один, а Москвы не сдадим».

Патриотический порыв русских людей проявился в многочисленных случаях героизма в самых разных областях народной жизни – как среди военных, так и среди гражданских.

Самолет капитана Н. Ф. Гастелло 26 июня 1941 г. во время бомбежки вражеской танковой колонны на дороге Радошкевичи—Молодечно получил пробоину в бензобаке. Возник пожар. Тогда Гастелло вместе с экипажем (лейтенанты А. А. Буденюк, Г. Н. Скоробогатов и ст. сержант А. А. Калинин) приняли решение не покидать самолет на парашютах. Горящая машина была направлена на скопление танков, автомашин и бензоцистерн, которые взорвались вместе с самолетом, уничтожив многие десятки немецких солдат и большое количество военной техники.

Другой летчик, В. В. Талалихин, 7 авг. 1941 г. в воздушном бою произвел таран вражеского бомбардировщика, уничтожив его. Впоследствии сбил еще 5 самолетов врага. В октябре 1941 г. геройски погиб в воздушном бою.

Блестящий пример массового героизма русского солдата показали бойцы 316-й стрелковой дивизии под командованием генерала И. В. Панфилова. В битве под Москвой в октябре—ноябре 1941 г. воины этой дивизии вступили в тяжелые оборонительные бои с превосходящими силами противника западнее Волоколамска. 16 ноября, когда немцы начали новое наступление, чтобы захватить Москву, 28 бойцов-панфиловцев во главе с командиром В. Г. Клочковым занимали оборону в районе разъезда Дубосеково недалеко от Волоколамска. Перед боем командир обратился к солдатам со словами: «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва». В четырехчасовом бою герои-панфиловцы подбили 18 немецких танков, но почти все погибли, а 17 ноября погиб и их генерал. За героизм в бою дивизия получила наименование гвардейской с присвоением имени И. В. Панфилова.

Война давала все новые и новые примеры героического самопожертвования русских солдат. Курсант пехотного училища А. Матросов добровольно отправился на фронт рядовым. 23 февраля 1943 г. в бою за д. Чернушки (Калининский фронт) он прорвался к вражескому дзоту, сдерживавшему продвижение наших солдат, и закрыл своим телом амбразуру, пожертвовав собой, чтобы обеспечить успех своему подразделению. Матросов спас жизнь десяткам своих товарищей, оказавшимся под прицельным огнем врага. Воспользовавшись замешательством противника, русские солдаты пошли в атаку и опрокинули его.

Особой формой патриотического движения стала партизанская борьба в тылу врага, остановить которую не могли самые жестокие репрессии оккупантов. Еще до начала военных действий германское руководство подготовило приказ, предполагающий расстрел всех гражданских лиц, подозреваемых в преступлениях против немецких войск, без суда и следствия, а также освобождающий германских солдат от судебного преследования за преступления против гражданского населения на советских территориях. 23 июля фельдмаршал Кейтель издал приказ, в котором говорилось: «Учитывая громадные пространства оккупированных территорий на востоке, наличных вооруженных сил для поддержания безопасности на этих территориях будет достаточно лишь в том случае, если всякое сопротивление будет караться не путем судеб-

ного преследования виновных, а путем создания такой системы террора со стороны вооруженных сил, которая будет достаточна для того, чтобы искоренить у населения всякое намерение сопротивляться. Командиры должны изыскать средства для выполнения этого приказа путем применения драконовских мер». Безмерная жестокость германских оккупантов дала толчок всеобщей партизанской борьбе против завоевателей. За национальное унижение русских и жестокость по отношению к ним немецкие захватчики заплатили кровью десятков тысяч своих солдат, погибших от руки народных мстителей.

Уже к концу 1941 г. на оккупированной территории действовало несколько сотен подпольных организаций и более 2 тыс партизанских отрядов, оказывавших большую поддержку Русской армии. Партизаны громили штабы, нападали на гарнизоны, взрывали склады и базы, автомашины и поезда.

Уже в период зимнего наступления Русской армии в 1941/42 г. партизаны во взаимодействии с войсками наносили удары по коммуникациям, вражеским штабам и складам, участвовали в освобождении населенных пунктов, наводили русскую авиацию на вражеские объекты, содействовали воздушным десантам. В январе 1942 г. в районе Знаменки смоленские партизаны освободили 40 сел и деревень и оказали помощь 4-му воздушно-десантному корпусу при десантировании и ведении боевых действий, а в феврале осуществили наступление на Дорогобуж, изгнав из него оккупантов.

Во время летних боев 1942 г. партизаны отвлекли на себя 24 вражеские дивизии, 14–16 из которых постоянно использовались на охране коммуникаций. В августе было произведено 148 крушений воинских эшелонов с солдатами и техникой, в сентябре – 152, в октябре – 210, в ноябре – 238.

В отличие от Отечественной войны 1812 года в боевых действиях 1941–1945 гг. только небольшая часть партизанских отрядов сражалась стихийно, преобладающее же их число управлялось из Москвы. К 1943 г. партизанское движение было полностью централизовано, превратившись в оружие стратегических масштабов, – это стало возможным благодаря единому руководству, устойчивой связи между партизанскими штабами и отрядами и организованному взаимодействию с частями Русской армии.

Ярким примером успешного взаимодействия Русской армии с партизанскими отрядами стала Белорусская операция 1944 г., во время которой партизаны стали своего рода пятым фронтом наряду с четырьмя наступающими фронтами регулярной Русской армии.

В июне 1944 г. в белорусских лесах сосредоточились 150 партизанских бригад и 449 отрядов общей численностью более 143 тыс чел, не считая резерва в 250 тыс чел (в т. ч. 123 тыс вооруженных). Большинство резервов германских армий группы «Центр» было сковано борьбой с партизанами. При подготовке операции в мае—июне партизаны выявили и подтвердили сведения о расположенных в тылу 287 вражеских частях и соединениях, 33 штабах, 900 гарнизонах, оборонительных рубежах протяженностью 985 км, 130 зенитных батареях, 70 крупных складах; установили состав и организацию 108 воинских частей противника, обнаружили 319 полевых почтовых станций, 30 аэродромов и 11 посадочных площадок; зафиксировали прохождение и состав 1642 эшелонов, захватили 105 оперативных документов.

В ночь на 20 июня партизаны провели массовое нападение на все важнейшие железнодорожные коммуникации, взорвав свыше 40 тыс рельсов. Движение германских войск полностью прекратилось на участке Орша—Борисов, Орша—Могилев, Молодечно—Полоцк, Молодечно—Лида, Барановичи—Осиповичи, Барановичи—Минск и др. Партизаны непрестанно наносили удары по врагу и только за 26–28 июня подорвали 147 эшелонов. Партизанские отряды поддержали Русскую армию при форсировании рек Березина, Случь, Птичь, Друть, Лехва, Неман и др. Партизаны мешали врагу организовывать наступление, терроризируя его постоянными нападениями, вынуждая вражеские части сворачивать с дорог, бросать боевую технику и уходить мелкими группами через леса, неся большие потери. Народные мстители

освободили и удерживали до подхода Русской армии ряд населенных пунктов, а с подходом танковых частей действовали в качестве танковых десантов и участвовали в освобождении Минска, Слуцка, Борисова, Могилева, Пинска и других городов. С помощью партизанских отрядов проводилось очищение лесов от небольших группировок врага с полной ликвидацией противника. Всего только в Белорусской операции русские партизаны уничтожили свыше 15 тыс вражеских солдат и офицеров и более 17 тыс взяли в плен. Ими также были казнены тысячи изменников Родины, полицаев и прочих предателей, сотрудничавших с врагом. Масштабы народной партизанской войны против германских оккупантов отражали высокий патриотический подъем русского народа и его горячую ненависть к врагу, не имевшие аналогов в мировой истории. Имена таких героев-партизан, как З. Космодемьянская, А. Ф. Федоров, С. А. Ковпак и многие другие, приобрели широкую популярность в народе.

Для партизанки З. Космодемьянской война была подвигом, цель которого – уничтожить врага любой ценой, а если нужно, и пожертвовать своей жизнью. Схваченная немецкими оккупантами, она перед казнью выказывает высокое мужество и презрение к врагам. Обращаясь к русским крестьянам, согнанным оккупантами для публичного повешения героини, Зоя крикнула громким и чистым голосом: «Эй, товарищи! Чего смотрите невесело? Будьте смелее, боритесь, бейте фашистов, жгите, травите!» Стоявший рядом немец замахнулся и хотел то ли ударить ее, то ли зажать ей рот, но она оттолкнула его руку и продолжала: «Мне не страшно умирать, товарищи. Это счастье – умереть за свой народ!» Фотограф снял виселицу издали и вблизи и теперь пристраивался, чтобы сфотографировать ее сбоку. Палачи беспокойно поглядывали на коменданта, и тот крикнул фотографу: «Скорее!» Тогда Зоя повернулась в сторону коменданта и крикнула ему и немецким солдатам: «Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов. Всех не перевешаете. Вам отомстят за меня. Солдаты! Пока не поздно, сдавайтесь в плен, все равно победа будет за нами!» Палач натянул веревку, и петля сдавила Зоино горло. Но она обеими руками раздвинула петлю, приподнялась на носках и крикнула, напрягая все силы: «Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придет!»

Широкое распространение получило патриотическое движение по добровольному сбору денег и материальных ценностей на нужды фронта. Особую популярность приобрел сбор средств на строительство военной техники. Инициаторами его выступили русские крестьяне Тамбовской и Саратовской областей. В октябре 1942 г. в колхозе «Сигнал революции» Саратовской обл. за один день собрали 170 тыс руб. на постройку боевого самолета. К 10 декабря крестьяне этой области пожертвовали на авиационное строительство 33,5 млн руб. В Тамбовской области в течение двух недель крестьяне внесли на строительство танковой колонны «Тамбовский колхозник» 40 млн руб.

В начале декабря 1942 г. пчеловод Ф. П. Головатый с хутора Степного Саратовской области внес 100 тыс руб. на самолет для Сталинградского фронта. Там же 44 крестьянина внесли от 100 до 300 руб. каждый. Эти личные почины распространились по всей стране. С самого начала войны русские крестьяне посылали в армию посылки с различными подарками, в первую очередь – с теплыми вещами. Только за три месяца 1941 г. на фронт поступило от крестьянства 1,2 млн пар валенок, более 2 млн овчин, 2,2 млн пар шерстяных перчаток и рукавиц, свыше 2 млн полушубков.

В православных приходах в городах и на селе проводился сбор средств на нужды обороны, на подарки бойцам, на содержание раненых в госпиталях и сирот в детских домах. 30 декабря 1942 г. митр. Сергий (Страгородский) обратился к пастве с призывом собрать средства на сооружение танковой колонны им. Дмитрия Донского. В ответ на призыв Первоиерарха в Московском Богоявленском соборе духовенством и мирянами собрано было более 400 тыс руб. Вся церковная Москва собрала свыше 2 млн руб., а в блокадном голодном Ленинграде православные собрали 1 млн руб. на нужды армии; в Куйбышеве стариками и женщинами было пожертвовано 650 тыс руб. В Тобольске один из жертвователей принес 12 тыс руб. и поже-

лал остаться неизвестным. Житель с. Чебаркули Челябинской обл. М. А. Водолаев написал в Патриархию: «Я, престарелый, бездетный, всей душой присоединяюсь к призыву митрополита Сергия и вношу 1000 рублей из своих трудовых сбережений, с молитвой о скорейшем изгнании врага из священных пределов нашей земли». Заштатный священник Калининской епархии М. М. Колоколов пожертвовал на танковую колонну священнический крест, 4 серебряные ризы с икон, серебряную ложку и все свои облигации. Всего на танковую колонну собрано было более 78 млн руб. В Новосибирске православные клирики и миряне отдали 110 тыс на строительство самолетов сибирской эскадрильи «За Родину». В один ленинградский храм неизвестные богомольцы принесли пакет и положили его у иконы свт. Николая. В нем оказалось 150 золотых 10-рублевых монет царской чеканки. Всего за войну по приходам на нужды фронта собрано более 200 млн руб., а также теплые вещи для солдат: валенки, рукавицы, телогрейки.

В Великую Отечественную войну ко многим интеллигентам вернулись патриотические чувства, они осознали себя частью великой тысячелетней общности. Весьма знаменательным стало стихотворение К. Симонова: «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины», в котором он гордился тем, что «на свет родила» его русская мать. Для многих возвращением к первоистокам стали слова:

Ты знаешь, наверное, все-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Широчайшую известность приобрела пьеса К. Симонова «Русские люди», изобразившая героические черты русского народа, органически присущие ему чувство любви к Родине, высокое понимание своего гражданского долга, волю к победе, готовность к самопожертвованию.

Замечательным достижением отечественной литературы военного времени стала поэма А. Твардовского «Василий Теркин», создавшего эпический фольклорный образ удалого русского солдата, беззаветно любящего свою Родину, способного на подвиг без фальшивого пафоса, воспринимающего героизм как обыденный труд.

Во время войны писатель М. Шолохов создал рассказ «Наука ненависти» (1942), а в 1943–1944 гг. в «Правде» и «Красной звезде» начали печататься главы из романа «Они сражались за Родину», в котором автор поставил целью показать подвиг русского народа в Великой Отечественной войне.

У Л. Леонова в 1942 г. появляется пьеса «Нашествие», за ней последовали «Ленушка» (1943) и повесть «Взятие Великомушска». Все они пронизаны глубокой, непоколебимой верой в победу русского народа над немецкими захватчиками. В пьесе «Нашествие» писатель раскрыл глубину русского патриотического чувства, выжигающего в душе человека все мелкое и ничтожное.

Русские поэты-песенники создали новые массовые песни, проникнутые глубокой любовью к Родине, священной ненавистью к врагу, воспевающие непоколебимость и самоотверженность русского народа, бесстрашие и доблесть его прославленных героев. В песнях военных лет усиливаются черты собранности, суровой решимости, концентрированное выражение народной воли. Среди песенников тех лет прославились В. Лебедев-Кумач («Священная война»), М. Исаковский («Катюша», «И кто его знает», «В лесу прифронтовом», «Огонек», «Ой, туманы мои…», «Враги сожгли родную хату», «Снова замерло все до рассвета», «Летят перелетные птицы»).

Военная пора вызвала к жизни множество новых пословиц и поговорок. Написанные в такой форме призывы, рассказывают очевидцы, писались на щитах и выставлялись на перекрестках дорог: «Ползет гад на Ленинград и сам не рад; на Москву зенки пучит – еще крепче

получит»; «Не придется Гитлеру из Ленинграда сделать море, а из Москвы поле»; «Встретим германцев не пирогами, а батогами».

Особенно много пословиц о Москве: «Видит Москву фашистское око, да зуб неймет»; «Близко, Гитлер, Москва, да не укусишь»; «Не расти желудю в траве, не быть врагу в Москве»; «Москва – что гранит: никто ее не победит».

Ненависть к врагу выражалась в таких пословицах: «Фашист гадок – на убийства падок»; «Попал к фашистам в руки – натерпишься муки»; «На убийства и пытки фашисты прытки».

Восстановление в Русской армии гвардейских частей приветствовалось в народе так: «Суворовский завет свят: гвардейцы насмерть стоят»; «Лучший армеец – наш гвардеец»; «От гвардейской хватки фашист кажет пятки»; «Гвардейская слава – врагам отрава».

Появляются десятки новых крылатых выражений: «Фашисты хотели в Москве отдыхать, да пришлось под Москвой подыхать»; «Хотели фашисты в Москву в гости, да оставили под Москвой свои кости»; «К Москве – на танках, а от Москвы – на санках»; «Затевали фрицы в Москве парад, да из-под Москвы не вернулись назад»; «К Москве – “Хох!”, а от Москвы – “Ох!”»; «Шел к Москве Гитлер, а ушел Битлер» (т. е. битый); «Хотел Гитлер Россию проглотить, да Москвой подавился»; «Шел Гитлер к Москве с царской короной, а от Москвы полетел мокрой вороной».

Чувство патриотизма стало главным фактором в великой победе русского народа над творцами нового мирового порядка.

Глава 14

Возрождение после войны. – Возникновение «Русской партии»

Великая Отечественная война вызвала небывалый рост русского патриотизма, ставшего главным фактором победы русского народа над германскими захватчиками. Это особо отметил Сталин в речи на кремлевском приеме 24 мая 1945 г.

После войны отчетливо прослеживается изменение в положении русского народа, которому уже как бы официально возвращалась роль организующего и руководящего ядра. В широких слоях общества пробудилось русское национальное сознание, развитие которого стало главным фактором в жизни этой эпохи.

Сами внешние формы жизни приобретают старое, привычное содержание – в государственном гимне, символике, песнях, народных праздниках. В стране действовало 14,5 тыс церковных приходов и 89 монастырей, пропаганда атеизма прекращается. Русские люди снова получили право отмечать церковные праздники и Новый год. На улицах появились милиционеры в форме по образцу дореволюционной формы полицейских, восстанавливаются многие элементы форменной одежды, принятой в царской России, – и не только в армии, но и в государственном аппарате, на дипломатической службе и в школе. Вновь входят в употребление прежние названия чинов, званий и должностей (министр, генерал, советник и т. п.).

Подъем национального духа через немыслимые испытания, вынесенные русским народом, в значительной степени улучшил моральную атмосферу в обществе. Русскому человеку уже не приходилось бояться выказывать свои национальные чувства и гордость за свой народ.

Понимая, что стабильность Русскому государству может создать только русский народ, Сталин проводит последовательную политику преимущественной поддержки русских кадров не только в центре, но и в союзных республиках. Русские кадры составляли костяк всей системы управления СССР. Малейшие проявления местечкового национализма жестоко пресекались.

Многие духовно-нравственные постулаты русского народа становятся идеологическим ядром государственности и открыто провозглашаются в органах партийной печати. В развитие высказанного Сталиным в тосте «За здоровье Русского народа!» в редакционной статье журнала «Большевик» говорилось: «Русский народ как самый передовой по уровню культуры и экономического развития шел в авангарде всех народов СССР в деле социалистического строительства».

На повестку дня встал жизненно важный для Русского государства вопрос о трансформации правящей в СССР коммунистической партии в национально-российскую или даже национально-русскую партию. Есть основание утверждать, что на какое-то время Сталин сделал партию национально объединяющей силой, чувство патриотизма приобрело высокое гражданское звучание и стало мощным орудием укрепления государства. Причем патриотизм носил безусловно великорусский характер, чему способствовал прежде всего сам Сталин, который в 1947 г. писал, что «у нас еще не хватает достоинства, патриотизма, понимания той роли, которую играет Россия». Как рассказывал Молотов, Сталин говорил: будет Россия, будет и Советский Союз, и всем будет хорошо. Внимание Сталина к вопросам языкознания были обусловлено его уверенностью, что когда во всем мире победит советская власть, то главным языком на земном шаре, языком межнационального общения станет русский.

По сути дела, Сталиным предпринимается попытка из советской власти, основанной на диктатуре коммунистической партии, создать советскую национальную систему, от которой был всего лишь один шаг к полному возрождению национального Русского государства.

На этом пути Сталин делает ряд решительных шагов к очищению госаппарата от космополитических элементов, привлечению в него честных, работящих и бескорыстных русских людей, развитию чувства русского патриотизма, проведению традиционной русской внешней политики.

Сталин установил список должностей, которые предпочтительнее отдавать русским. Сюда входили должности командующих военными округами, начальников гарнизонов и пограничных отрядов, министров МГБ республик, министров внутренних дел, руководителей железных дорог и воздушных линий, министров связи, директоров предприятий союзного значения.

В партийных организациях союзных и автономных республик Сталин создал институт вторых секретарей партийных комитетов – русских, которые назначались из Москвы. Из числа русских подбирались люди на должности заведующих ведущими отделами ЦК.

Такое же правило распространялось и на Советы министров союзных и автономных республик, где первые замы непременно были русскими.

Однако Сталин не успел довести дело до конца. Более того, патриотически настроенные русские кадры, которые он привлекал к власти после Великой Отечественной войны, были разгромлены во время т. н. «ленинградского дела». Патриотизм Сталина и национал-большевиков, не сумев отбросить коммунистическую идеологию, оказался явлением тупиковым.

Глава 15

Ленинградское дело. – Разгром русских патриотов

Процесс над русскими национал-большевиками в рядах коммунистической партии был организован еврейскими большевиками в борьбе за власть над русским народом. Главной целью его было уничтожение «русской партии» в высших эшелонах власти СССР, а также разгром русских патриотов на местах.

Фактически «ленинградское дело» было антирусским, антипатриотическим заговором еврейских большевиков под руководством Берии, Хрущева, Маленкова и Кагановича с целью изгнать русские кадры, привлеченные Сталиным в государственный аппарат после Великой Отечественной войны.

После войны и вплоть до «ленинградского дела» формирование государственного аппарата шло на русской основе. Рядом со старой, сплоченной, преимущественно космополитической руководящей элитой возникла новая, состоящая из молодых людей, хорошо проявивших себя в годы войны. Центром создания кадров нового руководства становятся Совмин Российской Федерации и Ленинградский обком и горком. Душой нового руководящего слоя был Н. А. Вознесенский, председатель Госплана СССР, заместитель председателя Совета министров СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б). Образуется сплоченная группа лиц, куда кроме Вознесенского входили член Оргбюро, секретарь ЦК А. А. Кузнецов, председатель Совета министров РСФСР М. И. Родионов, кандидат в члены ЦК, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) П. С. Попков, второй секретарь Ленинградского горкома Я. Ф. Капустин, председатель Ленинградского горисполкома П. Г. Лазутин.

С 1946-го по август 1948 г. Ленинградская партийная организация подготовила для России около 800 чел новых русских руководящих кадров. П. С. Попков стал членом Президиума Верховного Совета СССР, бывший секретарь ЛГК(б) и зампред Ленсовета М. В. Басов – первым заместителем председателя Совмина РСФСР. В ЦК и на «центральную работу» были выдвинуты ленинградцы Т. В. Закржевская, Н. Д. Шумилов, П. Н. Кубаткин. Первыми секретарями обкомов и ЦК республиканских компартий стали М. И. Турко, Н. В. Соловьев, Г. Т. Кедров, А. Д. Вербицкий.

Во время войны наиболее приближенной к Сталину фигурой был Маленков, деливший свою близость к Сталину с А. С. Щербаковым. Второй ряд политиков высшего эшелона составляли Молотов, Берия, Вознесенский, Каганович. В третьем ряду стояли Андреев, Ворошилов, Жданов, Калинин, Микоян, Хрущев. Все они были членами Политбюро и только Маленков, Вознесенский и Берия – кандидатами в члены Политбюро. Как утверждал Молотов, Хрущев, Маленков и Берия во время войны были приятелями.

Сразу же после войны расстановка сил в высших эшелонах власти изменяется в пользу русских. Хотя Берия, Маленков и Вознесенский становятся членами Политбюро, их роль, особенно Маленкова и Берии, падает. Самым близким к Сталину лицом является Жданов, занявший второе место в государстве. Маленкова отправляют работать в Среднюю Азию (и он опасается ареста). Берию отстраняют от курирования органов безопасности и сосредоточивают только на деятельности Комиссии по атомной энергии. На должность министра МГБ вместо ставленника Берии Меркулова по рекомендации Жданова назначается Абакумов, бывший руководитель военной разведки СМЕРШ, находившийся с Берией в конфликтных отношениях. Хрущева понижают в его положении, пересадив с места первого секретаря ЦК Украины на менее значительную должность – председателя Совета министров этой республики.

В Совете министров СССР Жданов делает ставку на Вознесенского, а в ЦК – на секретаря ЦК А. А. Кузнецова, ответственного за подбор и расстановку руководящих кадров. Вплоть до смерти Жданова в 1948 г. такая расстановка сил имела стабильный характер.

Как в Средние века национально-освободительная борьба шла под видом религиозных войн, так и в высших эшелонах власти послевоенной России национально-патриотическое движение русского народа осуществлялось чаще всего под видом борьбы за чистоту партийных рядов, за правильный классовый подход. Выдвигая на передний план привычную марксистско-ленинскую фразеологию, оппоненты на самом деле преследовали свои скрытые цели. Как и до войны, продолжалась жестокая схватка двух непримиримых сил – русской национально-патриотической и антирусской космополитической. Ни та, ни другая не смели обозначить свои цели открыто.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют представить реальную расстановку национально-русских и космополитических сил в высших эшелонах власти.

Условно говоря, к «русской партии» в высшем руководстве принадлежали следующие лица: сам Сталин, кандидат в члены Политбюро А. С. Щербаков (умер в 1945 г.), член Политбюро А. А. Жданов, а также выдвинутые Ждановым председатель Госплана Н. А. Вознесенский, секретарь ЦК А. А. Кузнецов и руководители ленинградской партийной организации.

Им противостояла группа влиятельнейших руководителей – члены и кандидаты в члены Политбюро Маленков, Берия, Каганович, Микоян, а также ряд колеблющихся членов Политбюро, женатых на еврейках: Молотов, Андреев, Ворошилов.

В конце 40-х, вплоть до смерти Жданова, шансы «русской партии» на политическое руководство страной были очень велики. По многим свидетельствам, Сталин, думая о преемниках, хотел видеть на посту генерального секретаря ЦК сначала Жданова, а после его смерти Кузнецова, а на месте председателя Совета министров СССР – Вознесенского. Вождь все реже появлялся на заседаниях Совета министров, как правило назначая председательствовать вместо себя Вознесенского. Конечно, такое предпочтение вызывало у космополитической части руководства чувство тревоги и ненависти к «русской партии».

Смерть Жданова в 1948 г. резко изменила расстановку сил в высшем эшелоне власти. Фаворитом Сталина, как и во время войны, вновь становится Маленков. Вместо отстраненного по ложному доносу Кузнецова ключевой пост секретаря ЦК по подбору и расстановке кадров получает Хрущев. К альянсу Маленков—Хрущев присоединяется и Берия. Объединившись, они становятся самой влиятельной в государственном аппарате силой.

Как позднее вспоминал Каганович, за 2–3 года перед смертью Сталина сложился прочный политический союз Хрущева, Берии и Маленкова. Особенно тесная дружба существовала между Берией и Хрущевым.

К концу 40-х Сталин начал сдавать, часто находился в нервном, взвинченном состоянии и, что важнее всего, стал очень подозрителен. Как утверждал Молотов, «впадал в крайности некоторые». Это состояние Сталина было использовано космополитической группировкой в борьбе против «русской партии».

Жданов умер 31 августа 1948 г. Еще накануне он чувствовал себя хорошо. Есть данные, что он умер не своей смертью, возможно, отравлен какими-то ядами созданной Берией бактериологической лаборатории. Кроме уже известных нам показаний Тимашук о неправильном лечении, существуют показания горничной с валдайской дачи Жданова, которая незадолго до его смерти пришла к работнику местного исполкома и сказала, что секретаря ЦК «сознательно морят», просила принять меры. Человек этот позвонил в Москву, потом испугался и в ту же ночь, все бросив, уехал, спасая свою жизнь.

Смерть Жданова нарушила хрупкий баланс в расстановке сил. Антирусская группировка в руководстве страной получила преимущество. Лица, входившие в нее, были опытны в аппаратной борьбе, лучше знали поведение и настроение Сталина, а значит, и могли им

в известном смысле управлять. Берия, Хрущев и Маленков пытаются убедить Сталина, что «русские» в составе руководства подготавливают его отстранение от власти. В качестве доказательств Сталину сообщают факты самостоятельной экономической политики, проводимой российскими организациями (в частности, устройство без уведомления Сталина в январе 1948 г. Всероссийской торговой оптовой ярмарки), искажения итогов выборов в конце декабря 1948 г. в Ленинградской объединенной партийной организации, фальсификации государственной отчетности, а также сообщают о намерениях некоторых руководителей РСФСР создать компартию России (намерения эти никогда не шли дальше разговоров).

На этой основе возникает т. н. «ленинградское дело», которое правильнее было бы назвать «русским делом», ибо посредством него была разгромлена большая часть русских кадров, пришедших после войны на замену старым еврейско-космополитическим функционерам. Многие документы «ленинградского дела» были впоследствии уничтожены Г. М. Маленковым. Поэтому о деталях его приходится судить по косвенным свидетельствам. По всей видимости, дело началось с доноса, подписанного Маленковым и Хрущевым. В 1957 г., во время заседания июньского пленума ЦК КПСС, Маленков изъял из «ленинградского дела» целый ряд материалов, заявив, что уничтожил их как личные. И то, что ему позволили это сделать, говорит о том, что в этом был заинтересован и Н. С. Хрущев.

На основании указанного доноса в феврале 1949 г. Политбюро принимает постановление «Об антипартийных действиях членов ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.», в котором говорилось, что «их противогосударственные действия явились следствием нездорового, небольшевистского уклона, выражающегося в демагогическом заигрывании с Ленинградской организацией, охаивании ЦК ВКП(б), в попытках представить себя в качестве особых защитников Ленинграда, в попытках создать средостение между ЦК ВКП(б) и Ленинградской организацией и отдалить таким образом Ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б)».

Решением Политбюро А. А. Кузнецов, М. И. Родионов и П. С. Попков снимаются со всех постов. Для разборки их дела создается комиссия в составе Маленкова, Хрущева и Шкирятова (человека Берии). Допросы обвиняемых вели не следователи МГБ, а члены партийной комиссии.

Имея целью уничтожить все русские кадры в высшем руководстве, члены партийной комиссии уже на первом этапе «привязывают» к этому делу председателя Госплана СССР Вознесенского.

Как вспоминает Н. К. Байбаков, в качестве компромата против Вознесенского была использована докладная записка председателя Госснаба СССР М. Т. Помазнева о занижении Госпланом СССР, который в то время возглавлял Вознесенский, плана промышленного производства на 1-й квартал 1949 г. С этого начинается организованная травля Вознесенского.

Назначенный в Госплан на должность уполномоченного ЦК ВКП(б) по кадрам Е. Е. Андреев летом 1949 г. представил записку об утере Госпланом за период 1944–1949 гг. ряда секретных документов. В записке на имя Сталина, составленной Берией, Маленковым и Булганиным, было сказано: «Товарищ Сталин, по Вашему указанию Вознесенского допросили и считаем, что он виновен».

9 сентября председатель Комитета партийного контроля, член комиссии по «ленинградскому делу» представляет Политбюро решение КПК: «Предлагаем исключить Н. А. Вознесенского из членов ЦК ВКП(б) и привлечь его к судебной ответственности».

Сначала Сталин был против ареста Вознесенского и Кузнецова, но Маленков и Берия сумели убедить его в необходимости этого шага.

В 1949 г. проходят массовые аресты руководящих русских кадров в центре и на местах, в т. ч. секретарей обкомов и председателей исполкомов. В Ленинграде, Москве, Крыму, Рязани, Ярославле, Мурманске, Горьком, Таллине, Пскове, Новгороде, Петрозаводске и в других городах по приказу Маленкова арестовываются люди, преимущественно выдвиженцы Жданова,

бывшие в 40-е гг. в руководящем звене Ленинграда, их жены, родственники, друзья или просто сослуживцы. Только в Ленинградской обл. арестовано свыше 2 тыс чел.

Одним из первых был арестован (а впоследствии убит) первый секретарь Крымского обкома партии Н. В. Соловьев, энергично выступавший против создания на территории Крыма еврейской республики. Арестовывается и подвергается пыткам первый секретарь Ярославского обкома М. И. Турко.

Как впоследствии отмечалось в выводах специальной комиссии, изучившей это дело: «С целью получения вымышленных показаний о существовании в Ленинграде антипартийной группы Г. М. Маленков лично руководил ходом следствия по делу и принимал в допросах непосредственное участие. Ко всем арестованным применялись незаконные методы следствия, мучительные пытки, побои и истязания. Для создания видимости о существовании в Ленинграде антипартийной группировки по указанию Г. М. Маленкова были произведены массовые аресты… Более года арестованных готовили к суду, подвергали грубым издевательствам, зверским истязаниям, угрожали расправиться с семьями, помещали в карцер и т. д. Психологическая обработка усилилась накануне и в ходе самого судебного разбирательства. Подсудимых заставляли учить наизусть протоколы допросов и не отклоняться от заранее составленного сценария судебного фарса».

Антирусская группировка Маленкова—Хрущева—Берии превратила следствие по «ленинградскому делу» в сплошную череду пыток и издевательств над русскими кадрами.

Сразу же после заседания военной коллегии 30 сентября 1950 г. по показаниям свидетелей «были не расстреляны, а зверски убиты Н. А. Вознесенский, А. А. Кузнецов, П. С. Попков, М. И. Родионов, Я. Ф. Капустин и П. Г. Лазутин».

Чуть позже были убиты многие другие лица, проходившие по «ленинградскому делу»: Г. Ф. Бадаев, И. С. Харитонов, П. Н. Кубаткин, М. В. Басов, А. Д. Вербицкий, Н. В. Соловьев, А. И. Бурлин, В. И. Иванов, М. Н. Никитин, М. И. Сафонов, П. А. Чурсин, А. Т. Бондаренко. Всего расстреляли около 200 чел, несколько тысяч приговорили к длительным срокам заключения, а еще тысячи были отстранены от активной деятельности и назначены на низкие должности (среди последних, в частности, пострадал талантливый русский руководитель А. Н. Косыгин, сосланный на работу в текстильную промышленность).

Развязав руки антирусской группе Маленкова—Берии—Хрущева, позволив ей расправиться с ведущими русскими кадрами в руководстве страной, Сталин, по сути дела, подписал себе смертный приговор, ибо потерял опору для проведения твердой и последовательной национальной русской политики. Являясь главой Русского государства, он обрекал себя на неизбежное одиночество и гибель. Самые способные и энергичные, проверенные войной русские руководители были истреблены; требовались годы, чтобы воссоздать их. Но на это Сталин уже не имел времени.

Глава 16

Новое возрождение патриотизма. – Клуб «Родина». – ВООПИК. – «Молодая гвардия». – «Наш современник». – «Русский клуб»

Возрождение русского национального сознания в 50–70-е осуществлялось по нарастающей – от извращенных и усеченных форм отечественной идеологии в виде национал-большевизма и национал-либерализма к традиционным формам духовности, воплощенным в вечные ценности Православной Церкви, великодержавности и русской народности. Национальное сознание, отчужденное десятилетиями террора еврейских вождей и космополитов, по сути дела, заново рождалось, росло и зрело в душе многих русских людей. В условиях почти полного отсутствия правдивой информации о духовных корнях нашей Родины и запретов на выдачу в библиотеках сочинений отечественных мыслителей русским патриотам приходилось как бы впервые открывать многие очевидные национальные истины. Зато какую радость испытывали они, прорвавшись через все препятствия и запреты в сферу вечных ценностей Отечества!

Еще в 50-е возникают отдельные очаги русского сопротивления и национального возрождения. Они имели почти подпольный характер и существовали в форме небольших кружков единомышленников при православных храмах, в университетах, институтах, библиотеках, музеях и даже школах (среди преподавателей). Встречи проходили, как правило, на частных квартирах, обсуждались волнующие проблемы, из рук в руки передавались редкие книги русских мыслителей – Н. Данилевского, К. Леонтьева, И. Киреевского, В. Розанова и др., а также православная литература, труды отцов Церкви и святых русских подвижников. В домах русских людей начинают снова появляться иконы, сначала как модное увлечение, но отношение к ним перерастает в более глубокое чувство. В деревню двинулось множество молодых людей, собиравших иконы, церковные книги, предметы старого русского быта и одежды. Все больше русских людей стали там же проводить свои отпуска. У многих пробуждается интерес к русской старине.

В 1956–1958 гг. существует уже несколько подпольных патриотических кружков, носивших громкое название партий, – Народно-демократическая партия, Русская национальная партия, Российская национально-социалистическая партия. Были они очень малочисленны. На заседаниях этих кружков мечтали о возрождении исторической России и почти всегда обличали еврейское засилье. Участники кружков распространяли листовки против коммунистов и евреев, проводили разъяснительную работу. Все члены этих кружков были арестованы почти одновременно, многие из них получили длительные сроки заключения.

Возникновение в 1962 г. клуба любителей памятников истории и культуры «Родина» как бы легализовало этот широкий общественный интерес, узаконив тем самым некоторые процессы возрождения русского национального сознания. Инициаторами клуба «Родина» стали художник И. С. Глазунов (душа всего дела) и архитектор-реставратор П. Д. Барановский. Создание клуба поддержал целый ряд выдающихся деятелей русской культуры, и в частности художники П. Корин и А. Коробов, академики Н. Воронин и Б. Рыбаков, писатель Л. Леонов, архитектор П. Ревякин. Формальным председателем клуба был А. Садов. «Одной из важнейших задач клуба, – писал впоследствии Глазунов, – была пропаганда отечественного культурного и исторического достояния, привлечение как можно большего числа людей к его защите от окончательного большевистского разгрома. Эта тема постоянно звучала на наших вечерах, в организуемых нами газетных и журнальных публикациях. С этой же целью совершались экскурсии по историческим местам и древним русским городам». Кроме лекционной и экскурсионной работы члены клуба участвовали в реставрации памятников, и в частности, Крутицкого подворья в Москве и Болдинского монастыря под Смоленском. Вокруг П. Д. Барановского

сформировался круг архитекторов-реставраторов, искусствоведов, бывших не просто превосходными специалистами, но и прежде всего истинными патриотами России. Высокое духовное чувство, которое они несли в себе, стало своего рода катализатором пробуждения национального сознания сотен русских людей. К наиболее замечательным представителям круга Барановского следует отнести Л. И. Антропова, Н. И. Иванова, В. А. Десятникова, Н. Д. Глущенко, В. И. Федорова, Н. Н. Свешникова, А. И. Пономарева, М. П. Кудрявцева, О. И. Журина, В. А. Виноградова.

При клубе возникла первая в советской России общественная комиссия по охране памятников, председателем которой стал гл. редактор журнала «Техника – молодежи» В. Д. Захарченко. Клуб имел свой герб – на червленом щите сияла взятая из древней церковной рукописи буква «Р», которую, как свечу или меч, крепко держала рука. «Р» – Родина, Россия.

Клуб воспитал целую плеяду замечательных русских патриотов, сыгравших в будущем большую роль в возрождении русского национального сознания, – среди них В. Н. Ганичев, Ю. А. Бычков, Н. Д. Глущенко, Ю. П. Копусов, Н. И. Розов, В. Д. Ляпков. «Эти люди, – вспоминает Глазунов, – стали тогда основной ударной силой нашего, нового для тех лет, патриотического движения, вдохновляясь и загораясь ежедневно от все более открываемого нами мира русской культуры, а также встречаясь, как они говорили, с “последними из могикан”, исповедующими беззаветную стойкость не только в охране памятников, но и в каждом проявлении русской души». Клуб «Родина» просуществовал до ноября 1968 г. и был закрыт властями. Однако к тому времени его эстафету перехватили другие, еще более мощные патриотические организации, и прежде всего ВООПИК и «Русский клуб».

Хотя клуб «Родина» вобрал в свою орбиту сотни русских людей, сама по себе их организация не носила политического характера, а скорее была объединением по интересам. Параллельно деятельности этого клуба, практически не пересекаясь и не смыкаясь с ней, в середине 60-х начинает зарождаться русское политическое движение. Однако первые его ростки носили национал-либеральный характер, а немногочисленные деятели жили «тоталитарным отрицанием всей системы и породивших ее идеологических “корней”». Их кумирами стали мыслители преимущественно либерального направления – Н. Бердяев, В. Соловьев, С. Франк. К пониманию глубинных национальных ценностей многие из них по-настоящему так и не пришли, не сумев вырваться из плена либеральных интеллигентских представлений «западнической правизны», в духе Х. Ортега-и-Гассета, Ж. Маритана, Т. Эллиота, О. Хаксли, зачастую отождествляя поверхностную либеральную традицию XIX – начала XX в. с глубинными основами национального бытия. В этом смысле национал-либералы были неразрывно связаны с космополитическим леволиберальным диссидентством, отождествляющим коммунистический режим с тысячелетней российской традицией. По своей сути они являлись наследниками нигилистов XIX в. и были совершенно бесплодны для созидания национальной жизни. Отрицая коммунистический режим, они не могли противопоставить ему никакой положительной национальной программы.

Характерным примером такого движения был бердяевский кружок в Ленинграде, вошедший в историю под громким названием – Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа (ВСХСОН). Первоначальное ядро кружка, возникшего в феврале 1964 г., составили 4 выпускника Ленинградского университета – И. Огурцов, М. Садо, Е. Вагин и Б. Аверичкин, а также инженер Миклашевич, Г. Бочаров, химик А. Ивлев, востоковед В. Платонов, поэт М. Коносов, В. Ивойлов, Л. Бородин. Согласно Уставу ВСХСОН, каждый член был обязан вовлечь в организацию по крайней мере одного человека. В течение 3 лет подпольной работы количество членов ВСХСОН достигло 28–30 человек, а кроме того, примерно столько же входило в число кандидатов, среди которых были студент истфака Абрамов, смотритель музея в Соловках Осипов, переводчик Балоян, сын ленинградского вице-адмирала Кулаков, экономист Элькин, аспирант ЛГУ Паевский, студент-экономист ЛГУ Андреев, внук министра

Двора Николая II Фредерикс, аспирант Лисин, учитель Онуфриев, слесарь Статеев, студент Якимов.

Деятельность организации сводилась к распространению литературы и «самиздата» либерально-христианского направления, в большом обилии выпускаемых международной космополитической организацией ИМКА, прежде всего сочинений Н. Бердяева, ставших своего рода «евангелием» этого движения, а также пропагандистских материалов католической церкви и папских энциклик. Идеологически ВСХСОН основывался, с одной стороны, на полном отрицании коммунистического режима («марксизм-ленинизм – тотальная идеология коммунистической бюрократии»), с другой – видел себя наследником революционного движения русских рабочих, предшествующего событиям 1917 г. Свои собственные действия руководители Союза представляли как продолжение революционной борьбы русских рабочих, совершенно не понимая при этом ее характера. В стремлении объединить идеи либерально-космополитического учения Бердяева и революционного движения рабочих отражалась полнейшая идеологическая беспомощность ВСХСОН.

Тем не менее власти, узнавшие о существовании этой подпольной организации, восприняли ее как покушение на основы основ советского государства. Членов ВСХСОН обвинили в подготовке заговора с целью «вооруженного свержения советского государственного и общественного строя и установления в СССР буржуазного режима»; рядовых членов организации на следствии и во время суда стремились уличить в совершении (или подготовке) разного рода «подрывных акций». В конце 1967 г. руководителей организации судили закрытым судом и вынесли суровый приговор: Огурцов, «глава организации», получил 15 лет заключения; Садо, «начальник личного состава», – 13 лет; Вагин, «начальник идеологического отдела», и Аверичкин, «хранитель материалов организации», – по 8 лет каждый. Позднее, в 1968 г., осудили и рядовых членов – 17 чел из них получили от 10 мес. до 7 лет.

Уже в лагерях некоторые представители бердяевского движения ВСХСОН пересмотрели отношение к своему кумиру – произошел естественный сдвиг от либерально-космополитических социально-христианских воззрений в сторону традиционной патриотической русской идеологии.

В 1963–1968 гг. существовал также подпольный патриотический кружок, именовавший себя «Общество изучения теории систем» («Группа Фетисова»). На заседаниях этого кружка под прикрытием исследования научных проблем обсуждалось бедственное положение русского народа, искались пути его спасения в рамках национал-большевистской идеологии, поднимались вопросы о еврейском засилье в СССР. В кружок входили А. Фетисов (руководитель), М. Ф. Антонов, В. Быков, О. Смирнов, Э. Путинцев, А. Мазаев, В. Персиянов, О. И. Журин, В. А. Виноградов. В мае 1968 г. первые четверо были арестованы, признаны невменяемыми и помещены в психбольницы.

В середине 60-х огромный резонанс получил роман И. М. Шевцова «Тля». В нем мужественный писатель впервые в нашей стране показал сионистские силы, действовавшие в стране, раскрыл паразитизм и антирусский характер космополитической интеллигенции и ее покровителей из ЦК КПСС. Шевцов был подвергнут злобной травле, но выстоял, став героем русского сопротивления.

С 1963 г. мощным легальным центром русского духовного возрождения и сопротивления постепенно становится журнал «Молодая гвардия», возглавляемый 30-летним энергичным русским журналистом А. В. Никоновым. Новый редактор начинает помещать в журнале статьи по истории и культуре русского народа, материалы о его духовных деятелях, святынях и памятниках. В «Молодой гвардии» впервые увидели свет замечательные образцы русской национальной публицистики – «Письма из русского музея» В. А. Солоухина, записки-воспоминания художника И. С. Глазунова, статьи о русской духовной культуре М. П. Лобанова («Просвещен-

ное мещанство», 1968), В. Чалмаева («Великие искания», «Неизбежность», 1968), «Господин Великий Новгород» Д. Балашова, стихи В. Фирсова, Ф. Чуева, И. Савельева, В. Сорокина и др.

Через «Молодую гвардию» к русской молодежи с письмом-напутствием обращаются писатель Л. М. Леонов, художник П. Д. Корин, скульптор С. Т. Коненков, призывая беречь святыни нашего народа, любить свою землю. Публицисты журнала делают попытки осмыслить опыт прошедших десятилетий и с позиций современного патриотического сознания понять историю России до 1917. Чтобы как-то защитить себя от нападок властей и доносов «Нового мира», авторы «Молодой гвардии» использовали фиговый листок «марксизма-ленинизма». Это в некоторых случаях вело к досадным погрешностям в форме и изложении, которые были совершенно простительны ввиду национального подвига, совершаемого на страницах русского журнала.

«Молодая гвардия» необыкновенно смело (по тем временам) заговорила о трагической судьбе русской культуры, и прежде всего Православной Церкви, в эпоху еврейских большевиков. Авторы журнала предпочитали русских духовных подвижников Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского революционным демократам вроде Чернышевского. В русской деревне они видели основу русской духовности, явно симпатизировали национальной культуре XX в. (например, церковной живописи Врубеля и Нестерова), не боялись критиковать кумира либеральных демократов М. Горького, показывать «просвещенное мещанство» интеллигенции «малого народа». Журнал фактически призывал русских людей открывать, изучать, охранять и беречь свое великое духовное наследие, противостоять «американизации духа». В борьбе «Молодой гвардии» за сохранение русской культуры и против «американизации духа» главным оппонентом выступил леволиберальный «Новый мир». Еврейских авторов и редколлегию этого издания возмущала «наглость» русских патриотов, осмелившихся возрождать то, что, по «новомировским» взглядам, уже давно умерло и похоронено. Статьи «Нового мира» против русского возрождения напоминали обычные доносы, а по злости и концентрированной ненависти к русскому оставляли далеко позади официальные поношения журнала «Коммунист». Так, в статье против «Молодой гвардии» в «Новом мире» члена его редколлегии еврейского публициста А. Г. Дементьева чувствуется просто звериная злоба к «добрым храмам» и «грустным церквям», «пустынножителям и патриархам», к русской крестьянской культуре (ее ценителей критик называет «мужиковствующими»). Взамен всего этого еврейский большевик предлагает бодрое строительство коммунистического общества по директивам ЦК КПСС, симпатизируя на самом деле космополитизму и американизации духа.

На антирусский выпад Дементьева в июле 1969 г. последовало письмо 11 известных русских писателей, среди которых были – М. Алексеев, С. Викулов, А. Иванов, П. Проскурин, С. Смирнов, В. Чивилихин. Русские писатели отметили космополитический характер направления, заданного «Новым миром», стремление этого журнала извратить и очернить развиваемую «Молодой гвардией» программу воспитания русского патриотизма, беззаветной любви к Отечеству. В открытом письме показывалась лживость и фальшивость позиции Дементьева и, по сути дела, предсказывалась его будущая предательская роль, а фактически измена Родине в годы т. н. перестройки.

Несмотря на поддержку известных русских писателей, травля «Молодой гвардии» продолжалась непрерывно. У «новомировских» русофобов была солидная поддержка в высших партийных органах. Доносительская критика сделала свое дело: журналом занялся Секретариат ЦК КПСС. На одном из его заседаний при активном участии Суслова и Брежнева А. В. Никонов был снят с поста гл. редактора, а чуть позднее уволен и заведующий отделом критики «Молодой гвардии» В. В. Петелин.

Тем не менее журнал сделал огромное дело в консолидации русских духовных сил. Так, со второй половины 60-х в окрестностях Троице-Сергиевой лавры в Радонежье, прежде всего возле станции Семхоз, начали селиться русские писатели-патриоты – А. Иванов, С. Куняев, В.

Фирсов, И. Шевцов, И. Кобзев, Г. Серебряков, Ф. Чуев, В. Сорокин, И. Акулов, Н. Камбулов, С. Высоцкий, Б. Орлов, В. Чалмаев, В. Шугаев и др. – многие из них были авторами «Молодой гвардии». Возник своего рода союз единомышленников, объединенных общими духовными устремлениями. Т. к. почин этому объединению дал писатель И. Шевцов, то Би-би-си в одной из радиопередач объявила, что «черносотенец Шевцов создал под Загорском в пос. Семхоз анти-Переделкино». Как прокомментировал сообщение Би-би-си сам Шевцов, «эти слова надо понимать так, что в подмосковном Переделкине обитают в подавляющем большинстве писатели-евреи».

Духовная струя журнала «Молодая гвардия» стала живительной силой при возникновении еще одного центра формирования и развития русского национального сознания. Им становится журнал «Наш современник» во главе с замечательным русским поэтом С. В. Викуловым (до этого занимавшим пост зам. главного редактора «Молодой гвардии»), который впоследствии писал: «Новая команда “Нашего современника” с самого начала была одержима целью пробуждать в народе национальное сознание, угнетенное тяжелым прессом “пролетарского интернационализма”, а через него – патриотизм (причем не только советский, как требовали от нас идеологи партии), воспитывать в русских чувство человеческого достоинства, готовность немедленно дать сдачу тем, кто это достоинство унизит или оскорбит». Викулов сделал ставку на талантливую русскую молодежь, живущую в глубине России. В журнал потянулись писатели, имена которых позднее стали знаменитыми по всей России, – В. Белов, В. Распутин, Е. Носов, Ф. Абрамов, В. Лихоносов, О. Фокина, В. Астафьев, А. Знаменский, В. Шукшин.

Журнал сумел переломить космополитические традиции антирусских журналов вроде «Юности» или «Нового мира», показывавших русского человека как раба и быдло, лентяя и пьяницу. Как писал С. В. Викулов, в отличие от русофобов, сотрудничавших в «Новом мире», «Наш современник» не глумился над пьяным недугом народа, а обличал, насколько это тогда было возможно, тех, кто тайно и явно спаивает народ (статьи акад. Ф. Г. Углова). В ответ на их антирусские выпады, обвинявшие народ в присущих ему якобы лени, разболтанности, социальной инертности, журнал печатал острые статьи лучших русских публицистов – И. Васильева, И. Синицына, В. Ситникова, Г. Кулагина, требовавших государственных решений по совершенствованию производственных отношений, системы трудового воспитания школьников и молодежи. Национальное патриотическое направление сделало «Наш современник» самым популярным русским журналом в стране. Только за первые годы издания журнала под руководством С. Викулова его тираж вырос более чем в 5 раз – с 20 до 103 тыс экз.

Событием в духовной жизни России стала подвижническая деятельность замечательного русского публициста, заместителя главного редактора журнала «Наш современник» Ю. И. Селезнева, сумевшего объединить вокруг журнала лучших отечественных критиков и публицистов. Селезнев стал одним из духовных вождей русского национального возрождения, его авторитет был высок и непререкаем, а боевая напористость притягивала к нему сотни русских патриотов. С духовной прозорливостью Селезнев предсказывал грядущие потрясения нашей Родины, пытался разбудить пребывавшее в летаргии национальное сознание русского народа. Нельзя терять ни минуты, торопил Селезнев, каждый, кто способен постоять за державу, должен быть мобилизован. Третья мировая война началась в идеологической сфере, и первой ее жертвой может стать Россия, если патриоты не сумеют мобилизоваться.

Все антирусские силы от функционеров ЦК до космополитических литераторов объединились в единой кампании против русского публициста-патриота, не уставая травить и преследовать Селезнева, и наконец добились его увольнения из журнала.

В 1970-е вышли в свет романы И. Шевцова «Во имя отца и сына», «Любовь и ненависть», в которых писатель-патриот, продолжая линию русского сопротивления, начатую в романе «Тля», разоблачал подрывную деятельность западных спецслужб и сионистского подполья в нашей стране. Романы были хорошо приняты многими русскими людьми, но вызвали злоб-

ные нападки со стороны врагов России, космополитов, масонов. Агент влияния США еврейский большевик А. Н. Яковлев, занимавший тогда руководящий пост в Агитпропе ЦК КПСС, пытался сделать все, чтобы не допустить их опубликования, а когда у него это не вышло, организовал клеветническую кампанию против русских патриотов. За статью русского поэта И. И. Кобзева, опубликованную в газете «Советская Россия» в поддержку романов И. Шевцова, по указанию Суслова и Яковлева были уволены гл. редактор газеты и его заместитель, а также ответственный работник ЦК Дмитрук, придерживавшийся патриотической ориентации.

Во второй половине 60-х создаются все условия для более организованной консолидации русских патриотических сил. Под легальным флагом сохранения памятников истории и культуры, как в свое время клуб «Родина», возникает организация, ставшая на многие годы главной патриотической структурой, объединившей вокруг себя миллионы рядовых русских людей, неравнодушных к судьбе отечественного наследия. Образование в 1966 г. Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) вывело процесс патриотического объединения на качественно новый этап, на котором уже начиналось рождение общерусских политических организаций, отстаивающих национальные интересы России. Первыми духовными возглавителями этого движения были замечательные русские ученые, художники, писатели, музыкальные работники – академики Б. А. Рыбаков и И. В. Петрянов-Соколов, П. Д. Корин, И. С. Глазунов, Л. М. Леонов, В. Д. Иванов, В. А. Солоухин, В. Н. Иванов (он стал первым фактическим председателем Центрального Совета ВООПИК) и, конечно, архитектор-реставратор П. Д. Барановский.

Забота о памятниках и святынях Отечества, чтение лекций по русской культуре и искусству стали главным смыслом жизни тысяч русских людей. К чтению лекций привлекаются лучшие отечественные силы. Тесные залы общества не вмещали всех желающих. При ВООПИКе создается комиссия по шефству над памятниками истории и культуры, являвшаяся добровольческим движением за спасение памятников истории и культуры России. Возникают реставрационные отряды из добровольцев-энтузиастов, костяком которых становятся кадры специалистов, подготовленных П. Д. Барановским еще во времена клуба «Родина». Вокруг них собираются сотни подвижников, в течение многих лет бесплатно участвовавших в реставрации памятников в основном на подготовительных работах. В выходные дни и летние отпуска эти люди отправлялись спасать памятники от разрушения. Впоследствии они составили костяк многих патриотических организаций, в т. ч. «Памяти» в начале ее деятельности.

В мае 1968 г. в Новгороде прошла организованная ВООПИКом конференция «Тысячелетние корни русской культуры», ставшая вехой в возрождении отечественного самосознания. На конференции выступили десятки видных деятелей русской культуры, среди них И. В. Петрянов-Соколов, П. В. Палиевский, В. В. Кожинов, О. В. Волков, С. Н. Семенов и др.

При ВООПИКе образуется секция по комплексному изучению русской истории и культуры, получившая среди своих членов негласное название «Русский клуб». В этом клубе впервые за многие годы начинают обсуждать животрепещущие вопросы формирования и развития русской культуры и духовности. В национальный оборот снова включаются ранее запрещенные даже для упоминания имена выдающихся русских деятелей и мыслителей прошлого: Данилевского, Каткова, Розанова, Леонтьева, Победоносцева, Иоанна Кронштадтского и Серафима Саровского. «Русский клуб» возглавляли писатель Д. А. Жуков (председатель), историк С. Н. Семанов и П. В. Палиевский (заместители), а от аппарата ВООПИКа клуб курировал И. А. Белоконь. В течение нескольких лет клуб был центром формирования и развития русской патриотической мысли. Лучшие умы России пытаются осмыслить причины трагедии, постигшей Отечество. Клуб собирался в Высокопетровском монастыре в Москве. На его заседаниях, кроме уже перечисленных выше деятелей ВООПИКа и участников конференции в Новгороде, активно работали: В. А. Чивилихин, В. А. Чалмаев, В. В. Сорокин, И. И. Кобзев, И. С. Глазунов, Ю. Л. Прокушев, Г. В. Серебряков, С. Г. Котенко, И. А. Кольченко, О. Н. Михайлов, Н.

Сергованцев, А. И. Байгушев, О. И. Журин, В. А. Виноградов, М. П. Кудрявцев, В. Д. Захарченко, Л. П. Кабальчик, Н. А. Сверчков, З. А. Ткачук, А. П. Ланщиков, Е. И. Осетров, А. В. Никонов, С. Ю. Куняев.

Под влиянием активистов «Русского клуба» и ВООПИКа образуются и другие патриотические организации. Так, например, в конце 60-х возникает Общественный совет при Главном управлении внутренних дел Московской области, руководство которого придерживалось патриотической ориентации. Первым его председателем стал русский писатель А. Первенцев, затем свыше 10 лет совет возглавлял И. Шевцов, заместителями которого были В. Сорокин, Ф. Чуев, членами Совета – «радонежцы» И. Акулов, Г. Серебряков, С. Куняев. Совет сделал очень многое для патриотического воспитания подмосковной милиции. «И самой большой неизменной популярностью среди стражей порядка пользовались стихи Сорокина, Серебрякова, Чуева, Куняева в исполнении самих авторов». В 1967 г. русские патриоты образуют Клуб советско-болгарской творческой молодежи, в котором большую роль играли члены «Русского клуба» Никонов, Ганичев, Палиевский, Семанов. Год спустя при клубе возник журнал «Дружба», который возглавил русский патриот, поэт В. И. Фирсов.

Глава 17

Развитие патриотической мысли. – «Вече». – В. Н. Осипов. – Г. М. Шиманов. – Преследования патриотов. – «Русисты»

Исконно русская мысль продолжала развиваться как бы в подполье и распространялась по потаенным каналам и изданиям. Что не могли (или не хотели) сделать члены «Русского клуба» – совершали смельчаки, идейно стоявшие рядом с ним.

С января 1971 г. в течение четырех лет выходит русский патриотический журнал «Вече». Печатался он на машинке тиражом в несколько десятков экземпляров. Его редактор В. Н. Осипов сумел собрать вокруг себя группу прекрасных авторов, превративших «Вече» в высокопрофессиональное издание, освещавшее на своих страницах не только общеидеологические, но и исторические, экономические, политические, экологические, архитектурно-градостроительные, литературные и этнографические вопросы существования Русской нации. С первых номеров (а вышло их всего 9) журнал занял православно-христианскую позицию, последовательно проводя славянофильские идеи, что впоследствии на суде было вменено редактору как преступление. Тем не менее и здесь некоторые авторы пытались соединить Православие и большевизм (ленинизм). Так, М. Антонов в статье о славянофильстве рассматривал его как высший взлет народного самосознания в России, но только в «доленинский период»! Соответственным образом «ленинский период» в развитии России, по мнению М. Антонова, был значительнее и положительнее, чем вся предшествующая история страны (!).

Среди авторов «Веча» особого упоминания заслуживают писатели Л. И. Бородин (отсидевший по делу ВСХСОН), О. В. Волков (многолетний узник ГУЛАГа) и Д. А. Жуков, архитектор-реставратор В. А. Виноградов, о. Д. Дудко, публицист А. М. Иванов-Скуратов, искусствовед М. П. Кудрявцев, православный мыслитель и публицист Г. М. Шиманов. Большинство из них писали под псевдонимами.

Наиболее ярким и последовательным выразителем коренной русской идеологии среди авторов журнала был Г. М. Шиманов, издавший в начале 70-х на Западе книгу «Записки из красного дома». В отличие от многих идеологов «Русского клуба» типа Палиевского и Кожинова, занятых в основном «пережевыванием» традиционных славянофильских трудов и взглядов (и поэтому топчущихся на месте), Г. М. Шиманов придавал русской идеологии определенное развитие применительно к новым условиям. Шиманов смело и глубоко понял главное – корень мирового зла (и в том числе трагедии России) в катастрофическом тупике западной цивилизации, по сути дела отказавшейся от христианства и заменившей полноту духовной жизни фальшивым блеском материального благополучия. «Я скажу, – писал православный мыслитель, – что теперь, после опыта тысячи лет, загнавшего человечество в невыносимый тупик, разве не ясно, что только подлинное, возрожденное христианство может быть выходом из тупика? Что необходима иная, новая, не языческая – буржуазная, но аскетическая и духовная цивилизация?» Такая цивилизация может возникнуть на русской духовной основе. Судьба России – не только ее судьба, но судьба всего человечества, которое сумеет выйти из тупика, опираясь на традиционные духовные ценности русского народа. Русским нужно объединяться на своих духовных основах, чтобы выполнить свою миссию перед Отечеством и миром. И в этом объединении атеистическая советская власть не является препятствием, ибо она может быть преобразована изнутри в совершенно иное качество, главное же – возродить в себе коренное русское самосознание.

«Нам надо вспомнить, – декларировал Г. Шиманов, – о том, что мы русские, вспомнить не для того, чтобы через минуту забыть об этом, но для того, чтобы уже навсегда соединить свое сердце с сердцем народным, соединить судьбу свою с судьбою Отечества, соединить

надежды свои с надеждами лучших русских людей о религиозно-национальном возрождении России…

Но мы обязаны трезвыми, мы обязаны православными глазами смотреть на вещи. Величайшее зло – не искать Божией правды и не созидать свою жизнь по этой правде. Будешь искать и будешь строить – и никакая власть тебе в этом помешать не сможет. Советская власть – это не только безбожие и величайшая в мире гроза, это также и некая тайна и орудие Божьего Промысла…

Процесс возвращения русского духа в себя, процесс возвращения русского сознания уже начался, и остановить его ничто не сможет. Теперь нам крайне важно восстановить здоровое и подлинно православное отношение к своему Государству. Смущаться, что оно является ныне официально атеистическим, по-моему, не нужно (и Павел был до своего обращения, как известно, Савлом), а нужно верить и работать на благо Церкви и на благо русского общества и советского государства. Не подлежит никакому сомнению, что православные христиане должны быть лучшими гражданами нашей Родины… В нынешней атмосфере пустоты и внутреннего одичания они должны явиться подлинной силой, подлинным здоровьем, подлинной опорой нашего русского народа и нашего государства, – и так оно несомненно будет во славу Божию и к торжеству нашей Православной Церкви!»

Русская идеология журнала «Вече» вызвала резкое раздражение среди космополитических представителей партийной власти, и прежде всего Андропова и Суслова. По личному указанию Андропова в мае 1974 г. против редактора «Веча» В. Н. Осипова возбуждается уголовное дело, а сам он был заключен в тюрьму. Во время следствия Осипов вел себя мужественно, не выдав ни одного из своих авторов. Однако один из его ближайших сотрудников дал подробные показания, которыми и воспользовалось следствие. Осипов был осужден на 7 лет лагерей. Такой огромный срок отражал степень страха перед смелым русским человеком и ненависть космополитического режима к нему, не боявшемуся открыто исповедовать «реакционные славянофильские взгляды». В обвинительном заключении по делу Осипова (1975), в частности, говорилось: «Действуя с т. н. легальных позиций, прикрываясь лживыми декларациями о своей лояльности к советскому государству и якобы патриотическим характером своих устремлений, Осипов, опираясь на лиц, в прошлом судимых за особо опасные государственные преступления (имелись в виду Л. Бородин, О. Волков и о. Димитрий Дудко. – *О. П.*), поддержку зарубежных антисоветских организаций и органов буржуазной пропаганды, в 1970–1974 гг. с целью подрыва советской власти, консолидации антисоветских элементов занимался преступной деятельностью по изданию, размножению и распространению на территории СССР и вне его пределов нелегальных машинописных журналов “Вече” и “Земля”, отдельные статьи которых содержат клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, реакционные, шовинистические и славянофильские взгляды».

В 70-е – начале 80-х наступление космополитических сил на русское патриотическое движение носило организованный характер и подготавливалось на самом верху, в окружении членов Политбюро Суслова и Андропова. Репрессивные меры против русских журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник», проработка русских писателей и публицистов, судебное преследование патриотов не прекращались, поддерживаемые доносами интеллигенции «малого народа» и выступлениями зарубежных средств массовой информации, координируемых западными спецслужбами.

Сигнал к травле русских патриотов дал агент влияния США, связанный с американскими спецслужбами, А. Н. Яковлев, занимавший в то время пост зам. зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС. Этот махровый русофоб в статье на страницах «Литературной газеты» выдвинул против русского патриотического движения грозные политические обвинения, которые по меркам того времени могли обернуться для «обвиняемых» арестом и судом. К счастью для патриотов, статья и обвинения в ней были составлены так бездарно и топорно, что по своей сути бросали

вызов всей русской интеллигенции. Л. И. Брежнев, познакомившись со статьей, раздраженно заявил: «Этот говнюк хочет поссорить нас с интеллигенцией».

Космополитические силы в ЦК и правительстве препятствуют деятельности русских патриотических организаций, и прежде всего ВООПИКа, «Русского клуба», тормозятся или даже запрещаются публикации произведений русских писателей, философов и публицистов (в частности, А. Ф. Лосева, В. А. Солоухина, М. П. Лобанова и мн. др.).

В 1979 г. усиливается организованное преследование русского издательства «Современник» (руководители Ю. Прокушев и В. Сорокин), ориентировавшегося на выпуск книг русских писателей-патриотов, «которым двери таких “русскоязычных” издательств, как “Художественная литература”, “Советский писатель», были наглухо закрыты». Как писал И. Шевцов: «Это был настоящий подвиг патриотов, требовавший от них гражданского мужества, принципиальности, выдержки и стойкости в условиях ожесточенной идеологической борьбы с международной и внутренней сионистской кликой духовных и нравственных растлителей». Русское издательство выпустило множество книг таких авторов, как В. Белов, В. Распутин, Ф. Абрамов, В. Шукшин, М. Лобанов.

Чашу терпения космополитической клики в ЦК КПСС переполнила публикация романа И. Шевцова «Набат», в котором был остро поставлен еврейский вопрос, подвергнуты критике сионистское подполье и его покровители в ЦК КПСС. За этот мужественный гражданский шаг гл. редактор издательства В. Сорокин был снят с работы, против него развязали кампанию грязной клеветы, на некоторое время фактически запрещен выпуск книг русских авторов.

В декабре 1980 г. без всяких объяснений с поста гл. редактора «Комсомольской правды» снимается видный деятель русского патриотического движения писатель В. Н. Ганичев.

Следующий, 1981 год характеризовался усилением космополитического наступления на патриотические силы. В марте 1981 г. Андропов направляет в Политбюро записку, в которой отмечает создание среди интеллигенции движения «русистов». «Под лозунгами защиты русских национальных традиций, – доносил глава КГБ, – они по существу занимаются активной антисоветской деятельностью». Андропов ставил вопрос о скорейшей ликвидации этого движения, угрожавшего, по его мнению, коммунистическим устоям больше, чем т. н. диссиденты.

По новому делу «русистов» уже в апреле 1981 г. с поста гл. редактора «Человека и закона» увольняется русский историк (в свое время зам. председателя «Русского клуба») С. Н. Семанов. В августе арестовывается публицист А. М. Иванов, автор известных в патриотических кругах статей в журнале «Вече» и работ «Логика кошмара» и «Рыцарь неясного образа», в которых раскрывается преступная сущность большевистского руководства, а история компартии была справедливо показана как «непрерывная цепь заговоров, переворотов, грубого насилия, задуманных и осуществленных людьми, мечтавшими только о сохранении своей личной власти». Иванов был связан со многими представителями русской интеллигенции, в частности, с художником И. С. Глазуновым и историком С. Н. Семановым. Путем подслушивания чекисты, в частности, установили, что Семанов призывал к борьбе с космополитическими силами, справедливо отмечая, что кончился «период мирного завоевания душ. Наступает революционный период… Надо переходить к революционным методам борьбы… Если мы не будем сами сопротивляться, пропадем». В марте 1982 г. Семанов был схвачен и отвезен в Лефортово (после допроса отпущен). Вместе с Семановым пострадал еще один сотрудник журнала «Человек и закон» – Рыжиков, составивший ряд документов, в которых выдвигал требование «чистки» высшего партийного аппарата, засоренного сионистами и им сочувствовавшими.

В конце 1981 г. космополитические власти разгромили редакцию журнала «Наш современник», уволив двух замов главного редактора, в т. ч. выдающегося русского публициста Ю. Селезнева (вскоре после этого скончавшегося).

На совещаниях в ЦК подвергаются критике такие выдающиеся книги русских писателей, как «Лад» В. И. Белова и «Память» В. А. Чивилихина. Слово «русский» как бы изыма-

ется из официального обихода. В «Правде» организуются выступления интеллигентов «малого народа» против изучения русской истории и культуры. Осенью 1983 г. в «Литературной газете» и «Вопросах литературы» ведутся нападки на ученых, изучающих творчество русских философов Соловьева, Федорова, Флоренского.

Кампания клеветы и травли организуется вокруг ВООПИКа. В декабре того же года ВООПИК заставляют «добровольно» отказаться от взносов коллективных членов общества, которые служили основой его реставрационных расходов. В 1983 г. ликвидируются производственные мощности ВООПИКа. Таким образом подрывается материальная база существования общества, сужается его самостоятельность в охране и восстановлении памятников. В следующем году ВООПИК лишают права вести самостоятельную работу по пропаганде знаний о памятниках истории и культуры, передав ее обществу «Знание».

И наконец, принимается решение о внесении изменений в закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». В одной из статей аннулируется право ВООПИКа на согласование работ на территориях и в зонах охраны памятников, что привело к снижению законодательной требовательности в вопросах охраны памятников и умалению значения общества. Все это только усилило кризис в деле сохранения культурного наследия России.

В 1983 г. космополитические силы организовали антирусский шабаш в связи с выходом в свет в журнале «Волга» (Саратов) замечательной статьи М. П. Лобанова «Освобождение», написанной по поводу романа М. Алексеева «Драчуны», где рассказывалась правда о голоде 1933 г. в Поволжье. В статье Лобанова впервые в русской публицистике в СССР осмыслялись масштабы и причины народной трагедии раскрестьянивания. Как писал современник, «эффект от статьи был ошеломляющим – словно в хорошо прогретое солнцем болотце вдруг плашмя упала откуда-то с неба огромная каменная глыба».

Своей яростной реакцией по поводу статьи Лобанова космополитические силы фактически выдавали свою духовную связь с еврейскими большевиками, осуществлявшими геноцид русского крестьянства. По журналу «Волга», допустившему опубликование «крамольной» статьи, было принято решение Секретариата ЦК КПСС (в котором главную роль играл ставленник Суслова М. В. Зимянин), его гл. редактора Н. Е. Палькина уволили.

Весьма характерно отношение Запада к преследованию русских патриотов. В отличие от диссидентов, которые на Западе воспринимались как друзья, русские патриоты рассматривались как враги. Западные средства массовой информации, координируемые и финансируемые спецслужбами, «Свобода», «Голос Америки», Би-би-си фактически подстрекали советские власти к преследованию патриотов и с удовлетворением воспринимали гонения на них. Особенно враждебно к русскому движению были настроены еврейские националистические органы и публицисты (например, А. Янов), которые открыто призывали к расправе с патриотами России.

В 70-е – начале 80-х возникла негласная спайка космополитических сил в партийных и советских органах и зарубежных русофобов.

Кампания против патриотов и всего русского, начинавшаяся в ЦК, подхватывалась в западных странах, и прежде всего в США и Израиле. Деятели русской культуры видели и понимали это, пытаясь апеллировать к Брежневу (занимавшему двойственную позицию) и к здоровым силам в политическом руководстве (которых ко второй половине 70-х в Политбюро уже практически не было). Гласом вопиющего в пустыне, например, стало письмо писателя М. А. Шолохова о положении русской культуры, направленное им в марте 1978 г. на имя Брежнева. Несмотря на некоторые особенности принятого тогда лексикона, письмо отражало все главные боли и чаяния русских патриотов. «Одним из главных, – писал М. Шолохов, – объектов идеологического наступления врагов социализма является в настоящее время русская культура, которая представляет историческую основу, главное богатство социалистической куль-

туры нашей страны. Принижая роль русской культуры в историческом духовном процессе, искажая ее высокие гуманистические принципы, отказывая ей в прогрессивности и творческой самобытности, враги социализма тем самым пытаются опорочить русский народ как главную интернациональную силу многонационального государства, показать его духовно немощным, неспособным к интеллектуальному творчеству. Не только пропагандируется идея духовного вырождения нации, но и усиливаются попытки создать для этого благоприятные условия.

И все это делается ради того, чтобы, во-первых, доказать, что социализм в нашей стране – это якобы социализм "с нечеловеческим лицом", созданный варварами и для варваров, и, во-вторых, что этот социализм не имеет будущности, так как его гибель предопределена национальной неполноценностью русского народа – ведущей силы Советского государства.

Особенно яростно, активно ведет атаку на русскую культуру мировой сионизм, как зарубежный, так и внутренний. Широко практикуется протаскивание через кино, телевидение и печать антирусских идей, порочащих нашу историю и культуру, противопоставление русского социалистическому. Симптоматично в этом смысле появление на советском экране фильма А. Митты "Как царь Петр арапа женил", в котором открыто унижается достоинство русской нации, оплевываются прогрессивные начинания Петра I, осмеиваются русская история и наш народ. До сих пор многие темы, посвященные нашему национальному прошлому, остаются запретными. Чрезвычайно трудно, а часто невозможно устроить выставку русского художника патриотического направления, работающего в традициях русской реалистической школы. В то же время одна за одной организуются массовые выставки т. н. авангарда, который не имеет ничего общего с традициями русской культуры, с ее патриотическим пафосом. Несмотря на правительственные постановления, продолжается уничтожение русских архитектурных памятников. Реставрация памятников русской архитектуры ведется крайне медленно и очень часто с сознательным искажением их изначального облика.

В свете всего сказанного становится очевидной необходимостью еще раз поставить вопрос о более активной защите русской национальной культуры от антипатриотических, антисоциалистических сил, правильном освещении ее истории в печати, кино и на телевидении, раскрытии ее прогрессивного характера, исторической роли в создании, укреплении и развитии Русского государства. Безотлагательным вопросом является создание журнала, посвященного проблемам национальной культуры ("Русская культура"). Подобные журналы издаются во всех союзных республиках, кроме РСФСР.

Надо рассмотреть вопрос о создании музея русского быта. Для более широкого и деятельного рассмотрения всего комплекса вопросов русской культуры следовало бы, как представляется, создать авторитетную комиссию, состоящую из видных деятелей культуры, писателей, художников, архитекторов, поэтов, представителей Министерства культуры Российской Федерации, ученых-историков, филологов, философов, экономистов, социологов, которая должна разработать соответствующие рекомендации и план конкретной работы, рассчитанной на ряд лет».

Ничего из того, что предлагал Шолохов, выполнено не было. В ответ на письмо подручный Суслова М. В. Зимянин подготовил записку, в которой утверждал, что проблем, поставленных Шолоховым, не существует и что писатель оказался «под каким-то отнюдь не позитивным влиянием». Партийный чиновник предлагал «разъяснить т. М. А. Шолохову действительное положение дел с развитием культуры в стране и в Российской Федерации, необходимость более глубокого и точного подхода к поставленным им вопросам в высших интересах русского и других народов СССР. Никаких особых дискуссий по поставленному им особо вопросу о русской культуре не открывать». Такой подход партийной власти к нуждам русского народа означал, что большая часть функционеров ЦК заняла откровенно космополитическую позицию.

Однако значительная часть русских патриотов об этом не знала и продолжала постоянно апеллировать к высшей партийной власти.

В 1979 г. русский ученый-востоковед В. Н. Емельянов написал открытое письмо в ЦК о положении в Академии наук СССР, в котором говорилось о еврейском засилье в русской науке, тормозившем ее нормальное развитие, о «лакействе президента Академии А. П. Александрова перед сионистами». С большим трудом группе русских ученых, которую возглавил академик И. М. Виноградов, удалось добиться отставки Александрова и выдвижения на пост президента Г. Марчука.

В том же 1979 г. русский поэт С. Ю. Куняев, тогда секретарь Московского отделения СП, направил письмо в ЦК КПСС, в котором говорил о сионистском влиянии в идеологии. Письмо это было широко поддержано патриотической общественностью. Как отклик в поддержку Куняева публицист А. М. Иванов составил свое письмо и разослал его многим членам Союза писателей России.

Разбитое в главных организующих центрах, русское патриотическое движение как бы растекалось по всей России, развиваясь децентрализованно, автономно, на местах, в виде различных любительских объединений, клубов и групп. Стихийно, вопреки партийной власти, то тут, то там возникают патриотические объединения и кружки, включавшие в себя представителей самых разных слоев русского населения. Так, в Институте математики АН СССР возник патриотический кружок, возглавляемый самим директором института, выдающимся русским ученым академиком И. М. Виноградовым. На собраниях кружка проводились обсуждения разных общественных проблем, организовывались встречи с деятелями русской культуры. По поводу деятельности этого кружка в австрийской газете «Цайт» была опубликована статья «Русизм как псевдорелигия», в которой, в частности, говорилось: «Московский институт математики – учреждение, имеющее международную репутацию. Менее известно, что это гнездо миротворчества, откуда исходят националистические призывы и где испытывают ностальгию по Сталину. Философский кружок, который там возник, вдохновляется директором института Иваном Виноградовым, большим ученым-математиком и неисправимым антисемитом, его заместителем Львом Понтом (Понтрягин), который считает интернационализм главным врагом в борьбе за человеческие души, и другим известным математиком Шафаревичем, который проповедует солженицынскую мистику “крови и почвы” в более светском и более приемлемом для системы варианте.

Недавно директор Института представил русофильскому кружку своего личного друга писателя Ивана Шевцова… Перед математиками он прочел отрывок из своего последнего произведения: Сталин принимает маршала Рокоссовского и дарит ему белые розы: это трогает маршала до слез. Эту прозу поэт Феликс Чуев дополняет стихами: “Об отце и сыне” (“Верните Сталина на пьедестал – для молодежи нужен идеал”)… Сегодня крайние интернационалисты считают Сталина орудием русской истории, а его чистки – избавлением от марксистов-западников и от еврейских разлагающих идей».

Несмотря на строгую космополитическую цензуру, время от времени появлялись труды, отражавшие поиски и движение русской мысли. Патриотическим духом пронизана книга Ф. Нестерова «Связь времен» (1980), ставшая, по словам митрополита Петербургского и Ладожского Иоанна, своеобразным национал-большевистским манифестом, направленным на подчеркивание «национально-исторических особенностей России», борьбу с русофобией и развенчание «нигилистических концепций русской истории». Еще более широкий общественный резонанс получила книга В. А. Чивилихина «Память», пробудившая в сознании десятков тысяч русских людей теплые, благодарные чувства к жизни и деяниям своих героических предков. «Память, – говорил писатель, – это ничем не заменимый хлеб насущный, сегодняшний, без коего дети вырастут слабыми незнайками, не способными достойно, мужественно встретить

будущее». Публикация книги стала важной вехой в развитии русского национального сознания. Многих она подтолкнула к активной деятельности.

Глава 18

Общество «Память». – От национал-большевизма к православно-монархическому сознанию

Патриотическая общественная организация русского народа «Память» возникла в конце 70-х – начале 80-х на базе группы активистов Московского городского отделения ВООПИК (прежде всего молодежного творческого объединения – руководитель Э. Н. Дьяконов) и общества книголюбов Министерства авиационной промышленности (руководитель Г. И. Фрыгин).

Именно из этих активистов сложилась группа энтузиастов, назвавших себя «Витязями», составившая ядро будущего объединения «Память». До этого они в течение нескольких лет встречались на субботниках по восстановлению памятников истории и культуры под эгидой ВООПИК. Главной целью группы «Витязи» было достойно отпраздновать 600-летие Куликовской битвы. Идею названия «Витязи» подал скульптор Б. Строганов. Актив группы составили ответственный секретарь МГО ВООПИК Э. Н. Дьяконов (фактический руководитель «Витязей»), сотрудник архитектурной секции МГО ВООПИК Г. Сальников, слушатель Высшей партшколы ЦК КПСС С. К. Смирнов, слесарь завода «Союз» К. Н. Андреев, заместитель директора конструкторского бюро АСУ А. Г. Гладков, постовой милиционер гостиницы «Россия» В. В. Скрыпник и др. Впоследствии именно эти люди составили первый Совет «Памяти». Кроме регулярных субботников по восстановлению памятников члены группы совершали совместные походы и поездки по историческим местам и к православным святыням. Среди членов группы распространялись книги русских философов, историков и мыслителей, самиздатовская литература, журнал «Вече», «Протоколы сионских мудрецов», антисионистская литература.

Члены группы участвовали также в работе молодежного творческого объединения при МГО ВООПИК, заседавшего на ул. Разина под колокольней Знаменского монастыря. Обсуждение стихов и прозы русских писателей на этих заседаниях часто перерастало в доклады и споры о судьбе России. Духовными наставниками объединения были Н. Рубцов, С. Куняев, Ю. Кузнецов, Д. Жуков, О. Волков. На заседаниях выступали ученые, архитекторы, писатели, художники (И. Кобзев, О. Михайлов, О. И. Журин, В. А. Виноградов и др.).

«Витязи» принимали активное участие и в работе Общества книголюбов, которое совместно с МГО ВООПИК устраивало встречи с патриотически ориентированными деятелями русской культуры. Встречи эти чаще всего проходили в Музее им. Николая Островского (в т. н. «салоне Зинаиды Волконской»), а также в ДК Метростроя, ДК им. Чкалова, ДК им. Горбунова, ведомственных домах культуры Минавиапрома (сотрудником которого был Г. И. Фрыгин).

16 апреля 1980 г. в Центральном лектории Политехнического музея произошло важнейшее патриотическое событие – состоялся торжественный вечер, посвященный 600-летию Куликовской битвы. Зал был переполнен. Люди стояли в проходах. В зале присутствовали практически все, кто впоследствии вошел в Совет и актив объединения «Память». Выступали художники И. С. Глазунов, И. О. Комов, писатели В. Чивилихин, Д. Жуков, Ю. Селезнев, поэты Ю. Кузнецов и А. Марков, космонавт В. Севастьянов, музыканты Ю. Дунаев и В. Кобзев. Все они составляли цвет русского патриотического движения того времени. Вечер прошел в духе восторженного единения русских людей (один из участников его, Ф. Я. Шипунов, рассказывал впоследствии, что, вернувшись с этого вечера, произнес знаменательную фразу: «Вот так бы и нам, как наши предки сбросили татарское иго, нам бы сбросить иго иудейско-масонское»).

Вторая половина 1980-го и 1981 г. проходят под знаком брожения и собирания сил. Вечера и встречи, проводимые бывшими «Витязями», активистами ВООПИК и Общества книголюбов, становятся все острее и напряженнее. На них ставятся все более серьезные вопросы. Примерно в 1981 г. власти запрещают встречи под колокольней Знаменского монастыря.

Однако движение было уже невозможно остановить. Создавалось совершенно новое по качеству патриотическое объединение. Критическая масса была, по-видимому, достигнута 17 июня 1982 г. на вечере, посвященном 170-летию Бородинской битвы. Несмотря на то что он состоялся в небольшом зале, его эффект для будущего актива «Памяти» был не меньшим, чем эффект от вечера, посвященного Куликовской битве. В июне – октябре 1983 г. происходит целая серия вечеров, на которых выступали Д. Жуков, В. Крупин, С. Куняев, В. Сорокин.

Организуя первые вечера, субботники и походы по историческим местам, будущее Патриотическое объединение «Память» не имело названия. Собственно рождение названия «Память» произошло в ноябре 1982 г. после вечера-размышления по книге В. А. Чивилихина «Память». Как сообщает первый председатель Совета «Памяти» Г. И. Фрыгин, «стали думать о названии» и он предложил назвать объединение «Память». Это всем понравилось. Более того, на этом же собрании приняли решение просить Чивилихина возглавить общество «Память». Однако в связи с болезнью и смертью писателя это решение не было выполнено.

Первоначально «Память» именовалась любительским объединением. До марта 1982 г. его главной площадкой был Музей им. Н. Островского («салон Зинаиды Волконской»). Здесь «Память» провела не менее 15 вечеров. Однако на встрече с доктором исторических наук Н. Н. Яковлевым наблюдателям из райкома партии не понравилась его резкая критика агента влияния США, директора Института США и Канады Г. Арбатова. Критика эта была восторженно поддержана слушателями. Заседания в этом музее на некоторое время прекратились.

Зато у «Памяти» появилось еще несколько площадок – ДК Метростроя, ДК им. Чкалова и ДК им. Горбунова, а также ряд других культурных учреждений. С осени 1983 г. «Память» начинает именоваться Патриотическим историко-литературным объединением.

В 1983 г. в актив объединения «Память», кроме перечисленных выше, вошли эколог, кандидат геолого-минералогических наук Ф. Я. Шипунов, актриса О. Ф. Гобзева, преподаватель режиссуры массовых представлений Н. А. Детков, заведующая политическо-массовым отделом ДК Горбунова В. И. Мотова, преподаватель английского языка Е. С. Бехтерева. В 1983 г. Совет «Памяти» добился официальной регистрации объединения в отделе культуры райкома партии при Дворце культуры им. Горбунова (ставшем известным под названием «Горбушка»), принадлежащем заводу им. Хруничева. Официальная регистрация давала возможность проводить вечера «Памяти» в одном из самых известных Дворцов культуры, в зале на 1,5 тыс мест. Но даже такого большого зала порой не хватало, чтобы вместить всех желающих.

Вечера, субботники, походы «Памяти» приобретают широкий размах. Интересы патриотического объединения охватывают все сферы жизни русского народа, о чем свидетельствует таблица:

Вечера и другие мероприятия, проводимые в первой половине 80-х гг. Историко-культурным патриотическим объединением «Память»

Дата	Наименование и тема вечера, основные выступления	Место проведения	Ведущие вечеров. Дополнительные мероприятия, проводимые на этих вечерах ИЛПО «Память»
	1982 год		
17 июня	Историко-литературный вечер, посвященный 170-летию Бородинской битвы. Выступали писатели В. Крупин, О. Волков, И. Шевцов, поэты И. Кобзев, Г. Серебряков, Т. Пономарева, В. Сорокин, солист оркестра народных инструментов «Баян» Сальников, чтец В. Кузнецов, кандидат исторических наук Е. Киселев	Музей Н. Островского	Ведущий вечера – поэт А. Марков
1 июля	Памяти художника Константина Васильева – вечер творческой молодежи	ДК «Чайка» Ответств. организатор – Г. И. Фрыгин	Ведущий вечера – А. С. Митрофанов
6 сентября	Встреча с председателем «Русского клуба» писателем Д. А. Жуковым	Музей Н. Островского	Пригласительные билеты. Ответы на вопросы, чай для гостей.
7 сентября	«170 лет Бородинского сражения»	-«-	Впервые организовано для гостей чаепитие на 200 чел Ведущий вечера – поэт А. Я. Марков
14 октября	Встреча с писателем В. Н. Крупиным	-«-	Пригласительные билеты. Ответы на вопросы, чай для гостей
19 октября	Вечер «Крылатая Россия» с участием поэтов С. Куняева и В. Сорокина	-«-	К 125-летию со дня рождения К. Э. Циолковского. Ведущий вечера – поэт С. Куняев
18 ноября	Вечер размышлений по книге В. А. Чивилихина «Память». Выступали А. Г. Кузьмин, В. А. Чалмаев, певец В. Кобзев, композитор Ю. Дунаев, поэт Г. Серебряков, чтец В. Кузнецов, музыкальное оформление Е. и В. Поповых. Выставка работ художника В. А. Шимичева	-«-	Ведущий вечера – С. В. Щепров. Выход на воскресник и поездка на могилу Татищева
24 ноября	Встреча с поэтом Г. Серебряковым, широко известным патриотической общественности по стихотворению «Жиды»	-«-	Ведущий вечера – поэт В. Сорокин. Обсуждение плана на 1983 год
30 ноября	Творческий вечер В. Сорокина	Политехн. музей	Ведущая – поэтесса Г. Шевелева. Звукозапись

18 декабря	«Память Великой Отечественной» – о первопроходце Мосметростроя, комсомольце 20–30-х годов Н. Дубынине. Выступали: контр-адмирал А. З. Шилин, поэт С. Смирнов, Герой Соцтруда СССР Т. В. Федорова, однополчане Н. Дубынина, родственники	ДК Мосметростроя. Отв.: Г. И. Фрыгин. Совместно с Музеем им. Н. Островского и Советским комитетом ветеранов войны	Ведущий – С. В. Щепров. Награждение поискового отряда СКВ ВОВ «Память Метростроя». Родным подарили запись вечера
	1983 год		
11 января	Встреча с журналистом-корреспондентом журнала «Огонек» Б. М. Поспеловым «Правда о Валааме» (слайдфильмы)	Музей Н. Островского	Организация общества «Друзья Валаама»
8 января	К 100-летию со дня рождения А. Н. Толстого	-«-	
15 января	Вечер-встреча с поэтом А. Марковым	Магазин «Военная книга»	Магнитофонная запись выступлений К. Н. Андреева
28 января	«Музыка в храме науки». Встреча с авторами поэтического сборника. Выступление поэта Ф. Чуева	Музей Н. Островского	Выставка картин художника. Приглашения. Ведущий – В. Ф. Ноздрев
8 февраля	Творческий вечер поэтессы Т. Пономаревой	Музей Н. Островского	Приглашения, звукозапись, фотографирование, чай для гостей
14 февраля	День рождения патриарха русской реставрации П. Д. Барановского (Барановские чтения)	МГО ВООПИК, Дом Телешова (Барановские чтения). Отв.: А. Г. Гладков	Посещение квартиры, запись голоса и киносъемка (совместно с комиссией по шефству над охраной памятников)
20 февраля	Вечер поэта С. Смирнова	Городской Дом учителя	Зрители и звукозапись. Ведущий – С. В. Шепров
25 февраля	Творческий вечер гл. редактора журнала «Роман-газета» В. Н. Ганичева. Выступали: космонавт В. И. Севастьянов, поэт Л. Ошанин и др.	Музей Н. Островского. Отв.: С. К. Смирнов	Приглашения, звукозапись, фотографирование
4 марта	Вечер-встреча с писателем И. Шевцовым с участием Г. Серебрякова, В. Сорокина, Ф. Чуева	Музей Н. Островского. Отв.: В. В. Скрыпник	Выставка книг писателя, приглашения, звукозапись, фотографирование, чаепитие для гостей. Ведущий – поэт Г. В. Серебряков
23 марта	Вечер-встреча с известным специалистом по новейшей истории, доктором исторических наук, проф. Н. Н. Яковлевым, впервые в советское время затронувшим масонскую тему, автором книг «ЦРУ против СССР», «14 августа 1914»	Музей Н. Островского. Отв.: М. С. Кабанова	Ведущий – В. А. Пигалев. Приглашения, книжный киоск, звукозапись, чаепитие

2 апреля	«Русь Крылатая» – вечер, посвященный творчеству советского художника К. Васильева. Участвовали писатель В. Пигалев, доказывавший, что смерть А. С. Пушкина связана с деятельностью масонов	ДК им. Чкалова. Отв.: Г. И. Фрыгин. Совместно с книголюбами з-да «Знамя труда»	Ведущий – В. В. Сорокин. Книжный киоск, анкета, открытки. Приглашение матери художника, открытие номера счета на сберкнижке матери для сбора средств в фонд восстановления картин
7 апреля	«Загадочная летопись IX века» (о Велесовой книге)	Высшая школа профдвижения	Звукозапись. Отв.: Л. И. Дьяконова. Выступал художник И. Глазунов
9 апреля	Повторение вечера «Русь Крылатая» в одном отделении	ДК Метро-строя. Отв.: Г. И. Фрыгин	Слайды. Выступление друга К. Васильева – Г. Пронина
23 апреля	Творческий вечер певца В. Кобзева	ЦДРИ Отв.: В. В. Скрыпник	Письмо в Министерство культуры РСФСР
23 апреля	«Он пел Россию голосом и сердцем» (к 110-летию со дня рождения Ф. И. Шаляпина)	ДК Метро-строя. Отв. Г. И. Фрыгин	Приглашения. Выставка работ самодеятельного художника В. Н. Солдатова, кинофильм «Особняк на улице Графтио», встреча с к/режиссером В. У. Серковым. Публикация в газете
27 апреля	Повторение вечера от 23.04.83 в одном отделении	Конференц-зал министерства. Отв.: А. С. Минаев	Приглашения, кинофильмы, встреча с кинорежиссером В. У. Серковым
8 мая	Встреча с партизанами Великой Отечественной войны (Дятьковская бригада)	Школа № 445 Первомайского р-на. Отв.: С. В. Шерлов	Звукозапись, формирование худ. части (совместно со школой № 445)
20 мая	Вечер-встреча с публицистом В. Я. Бегуном, автором книг о подрывной деятельности масонства	ДК им. Чкалова. Отв.: Г. И. Фрыгин	Совместно с заводом «Знамя труда» и парткомом министерства. Звукозапись, фотографирование, чай для гостей, книжный киоск. Вызов В. И. Бегуна из Минска телеграммой заместителя министра.
26 мая	«Горит, горит звезда моих полей...» – вечер памяти поэта Н. Рубцова. Выступали философ Ю. Бородко, писатель Д. А. Жуков, литературовед В. В. Кожинов	ДК Метростроя Отв.: А. С. Лобзов	Портрет Н. Рубцова (худ. В. А. Шимичев). Приглашения, фотовыставка, книжный киоск, фотографирование, анкета, звукозапись, чай для гостей
14 июня	Поездка на могилу В. Н. Татищева в Солнечногорский р-н Моск. обл.	Д. Болдино Отв.: Г. И. Фрыгин	Автобусы, телевидение, митинг в Болдине, приведение в порядок могилы В. Н. Татищева, публикации в газете «Московский комсомолец»
15 июня	Повторение вечера от 26.05.82 в одном отделении	ДК им. Чкалова Отв.: Д. Д. Александров	Ведущий вечера – поэт В. В. Сорокин. Звукозапись

24 июня	Велесова книга – «Русь, откуда ты?» (гипотезы, находки, открытия). Выступали Л. И. Сотникова, писатель И. И. Кобзев, Л. Ф. Урюпина, В. Скурлатов	ДК Метростроя Отв.: Л. И. Дьяконова, Г. И. Фрыгин и др.	Командирование Л. И. Сотниковой на Международный съезд славистов в Киев. Ведущий – поэт А. Я. Марков
27 июля	Вечер-встреча с журналистом-международником редакции газета «Правда» В. В. Большаковым, подготовившим ряд трудов о подрывной деятельности сионизма и масонства	ДК им. Чкалова Отв.: С. В. Попов	Выставка книг, приглашения, книжный киоск, чаепитие для гостей, звукозапись, выступления в печати (газеты «Метростроевец», «Заводская правда»)
4 – 5 сентября	Встреча у Костра Памяти Героев Поля Русской Славы. С участием историков, поэтов, писателей и журналистов	Бородинское поле. Отв.: Г. И. Фрыгин, Ю. В. Золин	Субботник, Костер памяти, посещение музея, приглашения, автобусы, создание группы подготовки предложений на 1984
26 октября	«За 100-летие до Ермака» – встреча с доктором исторических наук В. В. Каргаловым	ДК Мосмет-ростроя Отв.: Л. И. Серова	Книжный киоск, приглашения, звукозапись, чаепитие для гостей, буфет, фотографирование. Ведущий вечера – поэт А. Парпара
21 сентября	«Шумел сурово Брянский лес» – литературный вечер	Дворец культуры ЗИЛа	Зрители. Встреча с А. Сафроновым и партизанами Брянщины
23 сентября	Встреча с артистом В. Кобзевым. Оркестр «Баян». Вечер народно-былинной песни	Краснознаменный зал ЦДСА. Отв.: В. В. Скрыпник	Распространение платных билетов, зрители, звукозапись
1 ноября	«Я к Вам приду...» – вечер, посвященный 90-летию со дня рождения В. В. Маяковского	ДК им. Чкалова. Вечер сорван по вине секретаря парткома завода «Знамя труда» Г. Агеева. Отв.: В. А. Кузнецов	Были отпечатаны приглашения от клуба «Молодой рабочий» завода «Знамя труда» и Общества книголюбов министерства
10 ноября	Вечер композитора А. С. Лобзова	Областное училище культуры	Зрители и звукозапись К. Н. Андреевым
11 ноября	Встреча со школьниками Зыбковской средней школы Полтавской обл.	Общежитие института им. Губкина. Отв.: Л. И. Серова.	Проводы из Москвы, чаепитие с тортом, отчет в газете «Метростроевец» Ю. В. Золина
26 ноября	Конференция, посвященная партизанам Подмосковья (отряд им. Жабо)	Школа № 445 Первомайского р-на	Ведущий вечера – П. И. Москаленко. Приглашения и звукозапись К. Н. Андреева
3 декабря	Вечер отдыха участников воскресников по восстановлению памятников архитектуры	Музей Н. Островского Отв.: Б. Я. Ежов	Участие в бурном обсуждении представленных (вредных!!!) картин художницы Флеровой (русская нежить...)

15 декабря	«Нет света выше истины». Вечер, посвященный великому русскому просветителю Ивану Федорову	ДК им. Зуева. Отв.: Дьяконов Л. И.	Присутствовали работники Фрунзенского РК КПСС, зам. председателя райисполкома, зав. отделом культуры. Ведущий вечера Г. С. Белякова
29 ноября	Слушали Русский государственный хор	Консерватория им. Чайковского. Отв.: В. М. Лапин	
18, 19, 20 декабря	Тайны «Змиевых валов» – краеведческие чтения. Навстречу 800-летию «Слова о полку Игореве» и 110-летию со дня рождения Ю. Рериха	Музей Н. Островского. Московское отд. МГО ВООПИК (2 вечера). Мемор. квартира-музей Ю. Н. Рериха	Чествовали А. С. Бугая – краеведа из Киева – за его гражданский подвиг на ниве краеведения. Заседание Совета объединения в мемориальной квартире-музее
	1984 год		
3 февраля	Повторение вечера от 15.12.83 «Нет света выше истины», посвященного 400-летию со дня смерти И. Федорова	ДК им. Горбунова. Отв.: Л. И. Серова Ведущий вечера – поэт А. Я. Марков	Приглашения. Статья об И. Федорове в заводской газете (автор Э. Н. Дьяконов), книжный киоск. Начали сбор книг о Великой Отеч. войне в ответ на обращение писателя И. Васильева для библиотеки жителей с. Борки Псковской обл. Почин сделал член Совета Н. А. Полушкин.
4 июня	Оружие русских витязей и тайны булата (гипотезы, находки, открытия). Выступали кандидат технических наук А. Г. Навроцкий, сотрудник Оружейной палаты М. П. Портнов, кузнец из Суздаля В. И. Басов, поэт В. Сорокин, представитель музея «Слово о полку Игореве» Д. Н. Зенин	Большой зал Центрального лектория Политехнического музея. Отв.: Э. Н. Дьяконов	
30 ноября	«В Россию можно только верить...» Вечер памяти Ф. Тютчева. Выступал церковный хор (регент В. Мишин)	ДК им. Горбунова	Выставка работ фотохудожника Д. Д. Васильева
7 декабря	«Пьянству – бой». Откровенный разговор о социальной опасности пьянства. Выступали академик Ф. В. Углов, кандидат физико-математических наук В. Г. Жданов, зам. главного редактора журнала «Молодая гвардия» Н. П. Машовец	Отв.: Э. Н. Дьяконов, Е. С. Бехтерева	

	1985 год		
27 февраля	«Русская гармонь». На вечере выступал лучший гармонист русского Севера, приехавший из дальней деревни под Великим Устюгом	ДК им. Горбунова Отв.: Э. Н. Дьяконов, Е. С. Бехтерева	
11 апреля	Вечер-встреча в ДК им. Горбунова с писательницей Н. Р. Гусевой	Отв.: Э. Н. Дьяконов, Г. И. Фрыгин и др.	
30 апреля	Творцы русского оружия (к 40-летию Великой Победы). Вечер был сорван	Отв.: Г. И. Фрыгин, Е. С. Бехтерева	
4 октября	«Москва... Как много в этом звуке...» Выступали последователи П. Д. Барановского архитекторы-реставраторы В. А. Виноградов, О. И. Журин, доктор технических наук Е. М. Пашкин, фотохудожник Д. Д. Васильев	ДК им. Горбунова	

Вечера «Памяти» будили в сознании многих русских людей теплые, благодарные чувства к жизни и деяниям своих героических предков. «Память» становится одним из важнейших центров пробуждения и развития русского национального сознания. После вечеров «Памяти» русские люди собирались за чаем в своих квартирах, обменивались впечатлениями и редкой литературой. Как ранее в клубе «Родина» и в «Русском клубе», среди членов «Памяти» ходили редкие издания отцов и подвижников Церкви, книги по русской философии, антисионизму, «Протоколы сионских мудрецов». Среди членов «Памяти» зреет понимание еврейского и масонского вопроса в России, многие негодуют по поводу еврейского засилья в СССР. Все больше и больше членов «Памяти» задаются вопросом: как противостоять врагам России, и прежде всего сионизму?

Магнитофонные записи вечеров «Памяти» попадали в самые отдаленные уголки России: записывали их прямо в зрительном зале и затем передавали своим знакомым по всей стране. (Объединение не имело права иметь денежные средства, а их сбор был запрещен, поэтому вся деятельность «Памяти», которая требовала огромных затрат сил, времени и личных средств, проводилась совершенно бескорыстно как организаторами мероприятий, так и их участниками.) Таким образом, патриотическое движение набирало силу, вселяя в народ веру в свою правоту, в возможность перемен, придавало ему ощущение единения нации, собственной причастности и ответственности за происходящее, а порой и мужество, необходимое для отстаивания своих идеалов.

Среди наиболее значительных мероприятий «Памяти», которые повлияли на принятие государственных решений, была постоянная работа по отмене постановления ЦК КПСС о переброске северных рек на юг для орошения земель казахстанских и др. засушливых земель в связи с якобы понижающимся уровнем Каспия. Осуществление этого проекта грозило затоплением и полным уничтожением Русского Севера. Ученые: докт. мат. н. С. Я. Лемешев, канд. геол. – мин. н. эколог Ф. Я. Шипунов, канд. геол. – мин. н. С. Н. Чернышев, специалист по подземным сооружениям докт. т. н. Е. М. Пашкин, канд. геол. – мин. н. С. Ю. Жуков, докт. геол. – мин. н. Е. Подольский, доктор искусствоведения Брюсова выступали на вечерах «Памяти», при участии организаторов объединения написали в Президиум ЦК десятки писем, обращений и статей, опровергавших научную обоснованность проекта, требуя немедленной его отмены. В результате осуществление проекта было отложено, а после провала докторской диссертации его вдохновителя («Память» устроила своеобразную демонстрацию протеста, названную сто-

ронниками проекта «десантом», явившись на заседание научного совета в полном составе) проект был окончательно отменен.

«Память» активно способствовала проведению антиалкогольной кампании. На вечере «Трезвые мысли в трезвом кругу» выступили академик Углов, академик, Герой Социалистического Труда Елизаров, доктор социологии Г. Н. Литвинова, ученый из Новосибирска канд. т. н. Жданов. Приводились ужасающие цифры потерь генофонда русского народа, экономического ущерба, причиненного хозяйству страны в результате злоупотребления алкоголем. Зачитывались полные горя и страданий письма, поступившие в «Память», с мольбами о помощи и требованиями к властям принять меры для перехода к трезвому образу жизни. 17 мая 1985 г. ЦК КПСС принял постановление «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». В нем большое значение придавалось организации досуга молодежи, развитию спорта и туризма, предусматривалось дополнительное финансирование для этих целей. Однако в нем была и строка, предписывающая «к 1988 г. полностью прекратить выпуск плодово-ягодных вин», а в отношении производства водки и ликеро-водочных изделий «предусмотреть ежегодное сокращение». В результате то ли осознанно, то ли нет вводимые правительством меры доводились до абсурда и приняли столь уродливые формы, что по указанию местных ретивых партийных руководителей на огромных территориях были уничтожены тысячи гектаров виноградников, причем не пожалели и лучшие, подлинно уникальные сорта. И хотя антиалкогольная программа, проводимая сверху, полностью провалилась, повсеместно стали организовываться добровольные общественные клубы трезвости, которые сыграли свою значительную роль в масштабах страны, а в «Память» продолжали поступать письма с благодарностью от людей, сумевших преодолеть страшный недуг благодаря мероприятиям антиалкогольной программы.

Вечер «Москва… как много в этом звуке…» был наполнен красотой и любовью к столице. Но помимо художественной нагрузки вечер имел и огромное общественно-политическое значение. На нем критиковались московское партийное руководство, его финансовые злоупотребления, плачевное состояние исторических памятников. Новый секретарь Московского комитета КПСС в свой доклад об улучшении состояния столицы внес все пункты, представленные в письме на имя М. С. Горбачева художниками и архитекторами столицы при участии активистов «Памяти» (А. Артемьевым, А. Бочковой, Е. Бехтеревой, О. И. Журиным, Г. Я. Мокеевым, Ю. В. Бондаревым, акад. Лихачевым, Ф. Шипуновым, Е. Пашкиным) и включающие экологические, демографические и др. рекомендации.

Все мероприятия «Памяти» проходили под пристальным вниманием властей. Аудиторию вечеров составляли самые разнообразные слои общества – от рабочих и конструкторов завода им. Хруничева до сотрудников аппарата ЦК, правоохранительных органов, генералитета, духовенства, представителей всех профессий и всех рангов, коммунистов и беспартийных. Проведение каждого мероприятия было связано не только со всевозможными техническими сложностями, но, самое главное, оно каждый раз находилось под угрозой запрета. А что означала отмена мероприятия, если его участники приезжали в столицу за свой счет иногда за тысячу километров! Или, например, из деревни под Устюгом, откуда по весне из-за разлива только на вертолете можно было добраться до Вологды, а потом уже в Москву… Так добирался на вечер «Русская гармонь» лучший гармонист Русского Севера Н. В. Угрюмов, а именно этот вечер отменяли несколько раз, требуя убрать из названия слово «Русская». И это все потому, что гармонь для России была не просто национальным музыкальным инструментом, а символом единения, а значит, и мощным оружием, которого так боялись враги русского народа (что, впрочем, подметил еще замечательный русский поэт А. Твардовский). Фоном всех вечеров «Памяти», какой бы общественный накал они ни несли, всегда были подлинно художественные выступления фольклорных ансамблей, известных артистов (М. Ножкин, О. Гобзева, певица Т. Синицына). Деятельность Патриотического историко-литературного объединения «Память» вспоминается многими его участниками как самый яркий период их жизни, когда, благодаря

небывалому подъему патриотических чувств в народе, его единению и поддержке, можно было не только открыто высказывать свое отношение к происходящему, но и с очевидностью влиять на принятие важных для всего народа решений.

В конце 1984 г. из-за болезни Г. И. Фрыгина председателем Совета объединения «Память» становится преподаватель английского языка Е. С. Бехтерева. Ее пребывание на этом посту было недолгим. Стремительный водоворот событий, в который была ввергнута Россия, требовал от «Памяти» новых более решительных действий.

В середине 80-х деятельность «Памяти» выходит на качественно новый этап развития, который был связан с именем Д. Д. Васильева. Деятельность этого человека сыграла большую роль в дальнейшей истории «Памяти».

Сам он впервые приходит в «Память» в 1984 г. В частности, выставка фоторабот Д. Васильева «Образы России» демонстрировалась в фойе ДК им. Горбунова 30 ноября 1984 г. во время вечера, посвященного Ф. Тютчеву «…В Россию можно только верить!».

В то время Васильев объявлял себя беспартийным большевиком, а содержание его речей носило преимущественно национал-большевистский характер.

Настоящая известность приходит к Васильеву 4 октября 1985 г., после вечера «Памяти» в ДК им. Горбунова «Москва… как много в этом звуке…». Выступавшие на вечере Васильев, Е. М. Пашкин, В. А. Виноградов, О. И. Журин и другие русские патриоты поведали присутствующим имена виновников разрушения исторической Москвы – от Л. М. Кагановича до современных еврейских чиновников Главного архитектурно-строительного управления Москвы. Информация произвела потрясающее впечатление на аудиторию. Слухи об этом вечере пошли по всей Москве.

Местью сионистов за прозвучавшие откровения стало нападение 25 октября 1985 г. на председателя правления «Памяти» Бехтереву. Ее подобрали на улице жестоко избитую, с пробитой головой, после чего она стала инвалидом (сионистская пропаганда пыталась объяснить это преступление инцидентом на почве ревности).

В конце 1985 г. председателем Совета «Памяти» был избран К. Андреев, а Д. Васильев стал секретарем и фактическим руководителем объединения. После этого часть старых руководителей «Памяти» выходит из организации и образует новые объединения – сначала «Поиск», затем «Русь» (Э. Н. Дьяконов и др.).

8 декабря 1985 г. на вечере «Борьба двух миров» Васильев выступил с политической речью. Обвинив сионистов в террористическом акте против Е. Бехтеревой, он прочитал со сцены и прокомментировал выдержки из «Протоколов сионских мудрецов» и под аплодисменты собравшихся призвал всех «остерегаться антисемитизма и сплотиться вокруг Коммунистической партии Советского Союза, ее ленинского Центрального Комитета во главе с Генеральным секретарем Михаилом Сергеевичем Горбачевым».

Под руководством Васильева и Андреева «Память» приобретает черты политической организации. Талантливый оратор, Д. Васильев ездит со своими выступлениями по стране. В 1986 г., помимо «Борьбы двух миров», распространяется магнитофонная запись вечеров «Памяти»: «Энергию мнений – в энергию действий» (16 марта 1986 г. – ДК ОКСа), «Москва… как много в этом звуке…» (21 мая 1986 г. – ДК «Динамо») и др.

На вечере в ДК «Динамо» 21 мая 1986 г. Д. Васильев прочитал со сцены «Обращение Патриотического объединения “Память” к Русскому народу, ко всем народам нашей великой Державы» – первый программный манифест «Памяти».

27 декабря 1986 г. «Память» выступала в ДК «Октябрь» в Риге, где Д. Васильев зачитал еще один манифест – «Новогоднее обращение патриотического объединения “Память”».

Известность «Памяти» выходит далеко за пределы Москвы. Еще в 1985 г. патриотическое крыло трезвеннического движения в новосибирском Академгородке создало Добровольное общество «Трезвость» (ДОТ). В начале 1986 г. ДОТ преобразуется в Историко-патрио-

тическое объединение «Память» (И. Николаев, И. Богащенко, Ю. Мерзляков, В. Жданов, Б. Гаврилко, А. Казанцев и др.).

Новосибирское ИПО «Память» объявило о своем существовании 16 февраля 1986 г. на праздновании 800-летия «Слова о полку Игореве». 13 марта 1986 ИПО «Память» было официально зарегистрировано как любительское объединение по интересам при Доме культуры «Академия» (на основании Положения 1985 г. о любительских объединениях).

В 1986 г. на вечерах «Памяти» подвергается критике проект переброски стока северных рек на юг, в результате чего должна была произойти гибель тысяч русских деревень и памятников культуры. На вечере «Красота Русского Севера» в ДК им. Горбунова, на вечере в Центральном доме художника русские патриоты разоблачали виновников чудовищного проекта «переброски рек».

В 1986–1987 гг. «Память» приняла активное участие в обсуждении проекта монумента Победы на Поклонной горе, выступая против официального проекта памятника и за проект «номер 206», автором которого был В. М. Клыков.

В 1986 г. сложилось отделение «Памяти» в Ленинграде (художники Н. Ширяев и Н. Жербин, майор внутренних войск В. Ежов, Н. Лысенко, В. Антонов, Ю. Риверов, Р. Гамадеев и др.).

Тогда же в Свердловске образовалось историко-культурное объединение «Отечество» (Ю. Липатников, Б. и М. Пинаевы, И. Чариков).

В начале 1987 г. образуется отделение московской «Памяти» в Риге. В 1987 г. в Челябинске по инициативе местного поэта Г. Суздалева возникает патриотическое объединение «Родина», в Магнитогорске – «Встречное движение» во главе с Валерием Тимофеевым, в Тюмени – «Отечество» (А. Репетов и А. Зверев), в Тобольске – еще одно «Отечество», в Иркутске – патриотическое объединение «Верность» (А. Турик и А. Панов).

6 мая 1987 г. в день св. Георгия Победоносца «Память» вместе с членами ВООПИК и других патриотических организаций провела патриотическую демонстрацию на Манежной площади. Участники демонстрации добились встречи с первым секретарем МГК КПСС Б. Ельциным. Около 500 чел прошли от Манежной площади к Моссовету, где в Мраморном зале встретились с Ельциным. На встрече выступил Д. Васильев, В. Емельянов, В. Шуйский. Выступления их носили национал-большевистский характер.

После демонстрации на Манежной площади против «Памяти» начались жестокие репрессии. Ее членов увольняли с работы, исключали из КПСС и комсомола. Отобрали у «Памяти» и предоставленное ранее помещение.

В середине 1987 г. «Память» достигла кульминационной точки своего развития. Васильев и члены Совета «Памяти» выпускают ряд документов, в которых декларировались права русского народа на создание массовой патриотической организации. Тысячи русских патриотов с радостью чувствовали себя членами «Памяти», готовыми к реальным делам в защиту интересов русского народа. В какой-то момент популярность «Памяти» была так высока, что, казалось, она объединила всех русских патриотов. От деклараций нужно было переходить к делам, которых ждали все разделявшие идеологию «Памяти». Однако ни Васильев, ни Совет «Памяти» не оказались готовы к обыденной повседневной работе по созданию массовой патриотической организации с центральными и региональными структурами. Требовалось проведение массовых всероссийских мероприятий. Вместо всего этого лидеры «Памяти» ограничивались декларациями. Наиболее активных членов «Памяти» такая бездеятельность разочаровывала. Им хотелось настоящей работы. Не успев по-настоящему утвердиться, «Память» начала разделяться. Тем более этому способствовали внедренные в ряды «Памяти» провокаторы из антирусских организаций и КГБ СССР.

Летом 1987 г. от «Памяти» отделился В. Н. Емельянов, который создал свою организацию «Всемирный антисионистский и антимасонский фронт “Память”» – «Память-2».

20 сентября 1987 г. – накануне годовщины Куликовской битвы и дня Рождества Пресвятой Богородицы – группа членов «Памяти» предприняла попытку установить в с. Городок (Радонеж) памятник Сергию Радонежскому работы скульптора В. Клыкова. Васильев был категорически против этой акции и в ней не участвовал. Организаторами похода на Радонеж были О. Облоухов, И. Сычев и В. Клыков, участвовали В. Осипов, Т. Пономарева, юрист и демограф Г. Литвинова, искусствовед В. Брюсова, писатели Д. Жуков, А. Онегов (Агальцев), О. Платонов, кинорежиссер Н. Бурляев, отставной полковник танковых войск Е. Левшов. Всего в акции приняло участие около 500 чел Им пришлось пробиваться через множество кордонов КГБ и милиции, стоявших между ст. Абрамцево Ярославской железной дороги и с. Городок. Участники похода дошли до Городка, но установке памятника воспрепятствовали власти. Тем не менее этот поход стал одной из героических страниц становления русского патриотического движения. Неучастие в нем Васильева сильно пошатнуло его репутацию среди членов «Памяти».

Стихийно в недрах старой «Памяти» возникает еще одна новая патриотическая организация под таким же названием. Руководителем «Памяти-3» становится художник И. С. Сычев.

9 ноября 1987 г. группа во главе с И. С. Сычевым – Е. Левшов, А. Блоцкий, И. Маковкина (всего около 100 чел) возложила венки к памятнику Минину и Пожарскому. В интервью, которое Сычев дал журналистам, он вновь отмежевался от Васильева, назвав его самозванцем.

Власти решили зарегистрировать под названием «Память» организацию Сычева.

На 26 января 1988 г. дирекция ДК ЗИЛ назначила встречу рабочих завода с активом «Памяти». Предполагалось, что встреча завершится рекомендацией собрания зарегистрировать «Память», – во всяком случае, на это надеялись организаторы «Памяти» Сычева, пытаясь скрыть собрание от Васильева. Васильев, однако, узнал об этой встрече. «Память» Васильева явилась на собрание в полном составе (около 100 чел), в черных рубашках с изображением золотого колокола на груди и потребовала зачтения последнего воззвания «Памяти», а также «Протоколов сионских мудрецов». Невзирая на протесты администрации, Васильев исполнил задуманное, чем вызвал скандал в зале и сорвал положительное решение о регистрации «Памяти» Сычева.

В начале 1988 г. Сычев предпринял новые попытки поддержать положительный образ «Памяти-3» как патриотического движения. На одном из собраний «Памяти» Сычева в Центральном доме литераторов в Совет «Памяти» по предложению Т. Пономаревой была заочно избрана редколлегия журнала «Наш современник» в полном составе.

Примерно тогда же «Московская правда» провела «круглый стол» с «Памятью-3», от имени которой выступили Т. Пономарева, Г. Литвинова, И. Сычев, Г. Фрыгин, С. Жданов и др. Параллельно Пономарева создает творческое объединение «Русский Центр», получившее официальную регистрацию при Союзе писателей СССР. Председателем РЦ становится Т. Пономарева, а одним из заместителей Г. Фрыгин.

1 марта 1988 г. ленинградская «Память», настаивая на своей регистрации, начинает политическую голодовку. 9 марта в ее поддержку рассылает свое заявление московское руководство ПО «Память». Кроме регистрации «в ныне существующем положении как в Москве, так и в Ленинграде» ПО «Память» потребовало также «предоставить возможность выступить в средствах массовой информации с изложением позиций и планов объединения», «восстановить в партии, комсомоле и на работе всех исключенных и уволенных» (за сочувствие к «Памяти»), «создать Комиссию Центрального Комитета КПСС для разбора клеветнической кампании против Патриотического объединения “Память” и наказания виновных в дискредитации творчества масс в Перестройке и Демократии».

Секретарь Ленинградского обкома по идеологии А. Дегтярев (впоследствии он был заместителем заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС) принял голодающих, в результате чего голодовка была прекращена. Условием регистрации А. Дегтярев поставил отказ от наиме-

нования «Память» и выразил также пожелание, чтобы ленинградцы отмежевались от Д. Васильева. Требования обкома были отвергнуты.

31 мая 1988 г. на собрании актива ПО «Память» в Донском монастыре Васильев объявил о преобразовании объединения в Национально-патриотический фронт (НПФ) «Память». В Центральный Совет фронта были введены представители ленинградской «Памяти» Н. Ширяев и Ю. Риверов. С этого момента идеология «Памяти» отходит от национал-большевизма и развивается в сторону Православия и монархии.

Летом 1988 г. наибольшую активность «Память» развила в Ленинграде. Особый резонанс получили ее митинги в Румянцевском саду, которые проходили регулярно по четвергам с 9 июня по 4 августа 1988 г., начинались в 18.00 и заканчивались в 20.00. 7 митингов прошли как разрешенные публичные собрания, 8-й (11 августа) был запрещен. Разрешение на проведение публичных собраний было получено не ленинградским отделением «Памяти» (так и не зарегистрированным), а несколькими его активистами как частными лицами. Официальной темой собраний было объявлено обсуждение материалов XIX партийной конференции КПСС.

Основными темами выступлений на митингах в Румянцевском саду были: нерушимость Союза ССР как наследника Российской империи, необходимость русской власти в России и возрождения Православия как русской религии, критика сионистов, демократов и «Народных фронтов» в республиках. На митингах распространялась печатная продукция, имевшая антисионистский характер. Особое внимание привлекала листовка «Кризисное состояние триединой русской нации».

Организаторами и наиболее частыми ораторами были Н. Жербин, Ю. Риверов, Р. Гимадеев, Н. Лысенко, Н. Ширяев, В. Антонов, Ю. Воронов, Ф. Морохов, Д. Демидов. На митинге 14 июля 1988 г. выступил Д. Васильев.

На митинги собиралось обычно 200–500 участников. На первых собраниях подавляющее большинство составляли сочувствующие, на последних уже в значительном количестве присутствовали еврейские оппоненты, которые сумели добиться запрещения этих митингов. 10 августа 1988 г. организаторам собрания было вручено официальное уведомление о запрете на дальнейшее проведение митингов – под предлогом закрытия сквера «на ремонт». 11 августа 1988 г. «Память» все-таки попыталась провести митинг, но попытка была пресечена милицией. Митингующие переместились во двор Академии художеств, где в скомканном виде митинг был все-таки проведен (было произнесено несколько речей, собраны подписи в защиту «Памяти»).

Чтобы противостоять попыткам враждебных России сил расколоть патриотическое движение, которое в то время отождествлялось с «Памятью», сибирские и уральские патриоты провели две конференции (25 июня и 8 октября 1988 г., обе в Челябинске), результатом которых стало образование «Союза патриотических организаций Урала и Сибири» (СПОУС), в который вошли челябинская «Родина», магнитогорское «Встречное движение», новосибирская «Память», свердловское «Отечество», тюменское «Отечество», иркутская «Верность» (в 1989 г. к ним присоединился и алапаевский «Ратобор»). Однако враждебные патриотическому движению силы не прекращали работу по стравливанию руководства «Памяти».

В августе—сентябре 1988 г. происходит конфликт между московским руководством НПФ «Память» и частью Ленинградского отделения. Организаторы митингов в Румянцевском саду Ю. Риверов, Н. Лысенко, В. Антонов, В. Грибанов публично отмежевываются от Васильева. Васильев выпускает против них (а также против своих московских соратников и екатеринбургского «Отечества» Ю. Липатникова) послание под названием «Очищение». Чтобы отличаться от васильевской «Памяти», одна из групп ленинградцев принимает название «Русский национально-патриотический фронт “Память”» (Н. Лысенко, В. Грибанов), другая – «Русский национально-православный центр» (В. Антонов).

Ленинградский совет НПФ «Память» во главе с Н. Ширяевым остается верным Васильеву, но внутри него тоже образовалась группа (Н. Жербин, Д. Демидов), отрицательно

настроенная по отношению к московскому руководству и призывавшая к «объединению всех патриотов» – но без Васильева. К началу 1989 Н. Жербин фактически отделился от ширяевского Ленинградского совета НПФ «Память», претендуя на лидерство и предложив проект создания «Всероссийского национально-патриотического фронта» (ВНПФ). Группа Н. Ширяева осталась в рамках васильевской организации, но не порвала окончательно связей с группами Н. Лысенко, Н. Жербина и В. Антонова.

В октябре 1988 г. КГБ организует интригу, в результате которой 25 активистов «Памяти» подписывают «Постановление актива НПФ “Память”». Васильев обвиняется в «бессовестном использовании личных средств и личных услуг членов “Памяти” в личных целях и для личного блага», а также в некоторых других прегрешениях. В результате рядом с «Памятью» Васильева образуется еще одна группа, присвоившая себе название «Память», – группа Н. Филимонова, Н. Антонова, А. Побезинского, А. Казаева, А. Кулакова, С. Воротынцева и др. Группа эта, получившая неофициальное название «Память-4», 12 января 1989 г. выпустила «Манифест НПФ “Память”», а 19 января – обращение «Братья и сестры» с призывом возобновить богослужения в Успенском соборе Кремля. 21 мая 1989 г. в открытом письме министру внутренних дел СССР «Память-4» сообщила об «угрозах со стороны сионистов» членам НПФ «Память» и пообещала «в случае продолжения террористических попыток сионистов… приступить к формированию дружин защиты гражданской безопасности». 21 сентября того же года выпустила Обращение по национальному вопросу.

Далее центром деятельности «Памяти-4» становится кооператив «Исток», размещавшийся в Московском отделении ВООПИК, затеявший неудачную тяжбу с церковной общиной еврейского театра «Ленком» за храм Рождества Богородицы в Путанках.

Не проявляла должной активности «Память-3» Сычева. Ее акции ограничивались немногочисленными мероприятиями по возложению венков и организации поминовения. Так, 5 марта 1988 г. «Память-3» возлагает венок к могиле Сталина у Кремлевской стены, а 9 ноября того же года проводит немногочисленный митинг у памятника Минину и Пожарскому на Красной площади. Все это не может удовлетворить наиболее активных членов «Памяти-3». Часть из них во главе с К. Смирновым-Осташвили и А. Батоговым отделяются и чуть позже организуют Союз за национально-пропорциональное представительство «Памяти» – «Память-5».

Продолжался раскол и в «Памяти-1» Васильева. В августе 1990 г. ушел от Васильева его самый активный заместитель А. П. Баркашов, впоследствии основавший организацию «Русское Национальное Единство». Дальнейшее развитие «Памяти» шло вне столбовой дороги русского патриотического движения. Наиболее мощные и влиятельные организации создавались и развивались вне «Памяти». Деятельность же «Памяти» ограничивалась многочисленными собраниями и выпуском писем и газет, в которых содержалось немало правильных слов, но не было практических дел в борьбе за отстаивание интересов русского народа.

Чтобы напомнить о себе, Васильев регулярно организует скандалы, которые дискредитировали русское патриотическое движение. Так, в феврале 1992 г. Васильев с группой своих сторонников без приглашения явился на Конгресс гражданских и патриотических сил, где, после того как ему не дали слова вне общей очереди, устроил с помощью мегафона двухчасовой скандал.

На выборах в Государственную думу в 1996 г. НПФ «Память» выдвинул в качестве своего кандидата А. Г. Гладкова. Были сформулированы 18 тезисов «Памяти» в случае прихода ее представителя к власти:

1. Провозглашение триединства «Бога, Царя, Нации» и руководство в своей деятельности Божественными Законами развития природы, человека и общества как естественной и крепкой основы государственного строительства, экономического процветания и устойчивого правопорядка.

2. Следует отказаться от таких понятий, как «классы» и «классовая борьба», и утвердить как принцип, исторически присущий России, деление общества на открытые сословные группы, объединенные в Земский собор.

3. Следует соблюдать приоритет славянской нации как коренного населения России.

4. Необходимо бороться за восстановление традиционного единства земель России, Украины и Белоруссии.

5. Развитие России должно осуществляться не на прозападнических и космополитических принципах, а на основе многотысячелетнего опыта нации, христианской государственности.

6. Для управления государством партии не нужны.

7. Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Аграрные реформы следует проводить по принципам реформ П. А. Столыпина.

8. Следует ужесточить наказание за должностные преступления и коррупцию в высших эшелонах власти.

9. Необходимо срочно прекратить разбазаривание природных и энергетических ресурсов – национального достояния граждан России, дабы предотвратить превращение страны в сырьевой придаток западного космополитизма.

10. Экономические эксперименты прозападного толка не могут иметь успех на огромных просторах России. НПФ «Память» предлагает национальную безналоговую экономическую программу, основанную на гармоничном развитии личной, коллективной и общенациональной собственностей.

11. Следует строго запретить на территории России деятельность коммунистических, сионистских и масонских организаций и классифицировать их деятельность как античеловеческую.

12. Необходимо ужесточить наказание за массовую пропаганду сексуальных и прочих извращений, деморализацию молодежи.

13. Следует не на словах, а на деле проводить политику поощрения многодетных семей.

14. Мы обязаны обеспечить безбедное проживание в России людей, которым мы обязаны своей жизнью, – ветеранам, пенсионерам.

15. Необходимо упорядочить пребывание и деятельность на территории России представителей южных республик бывшего СССР.

16. Следует обеспечить защиту русских в бывших республиках СССР.

17. Следует упорядочить политику удаления из высшего руководства лиц, национальность которых имеет государственность за пределами России.

18. Следует удалить из высшего руководства чиновников, запятнавших свою честь прямой деятельностью в коммунистическом аппарате.

Глава 19

Борьба против сионизма и космополитизма. – Преследования и убийства русских патриотов

Перестройка, увенчавшаяся торжеством космополитических сил и «малого народа», стала глубокой колотой раной на теле великой русской культуры, литературы, искусства. Казалось бы, провозглашались гласность и свобода печати, которых так долго не хватало русским людям, с самого 1917 года. Однако на деле эти свободы открыли дорогу выражению только самых низменных и порочных чувств. В короткий срок почти все редакции газет, журналов, издательств, радио и телевидение при поддержке космополитических верхов были в буквальном смысле оккупированы воинствующими представителями интеллигенции «малого народа». Порнография, сальные местечковые шуточки, безвкусица, отсутствие меры, такта и элементарной образованности заполнили средства массовой информации. Законодателем мод в литературе и искусстве стал тот самый Хам, который задушил русскую культуру в годы революции и Гражданской войны и от которого ее сумел частично освободить только Сталин.

В этих условиях русские патриоты чувствовали себя как в пустыне. Писатель В. Г. Распутин, выступая летом 1989 г. на Съезде народных депутатов СССР, в частности, сказал: «“Хлеба и зрелищ!” – вот что исподтишка написали на знаменах перестройки. В зрелищах мы уже преуспели, притом в зрелищах самого сомнительного свойства. Идет почти открытая пропаганда секса, насилия, освобождения от всяких нравственных норм. Сейчас время трагедий, которые следуют почему-то одна за другой, но заметили ли вы одну закономерность: только смолкнет голос диктора, объявляющего о человеческих несчастьях и жертвах, как экран и эфир заполняет какофония бесноватой музыки. Мол, нам все трын-трава, мы свободны от морали и от сопереживания. Куда дальше: орган Детского фонда журнал “Семья” из номера в номер печатает детскую сексуальную энциклопедию в картинках, от которых даже взрослому становится не по себе».

Духовно-нравственный распад значительной части советского общества, соприкасавшейся с интеллигенцией «малого народа», заметно ощущался еще до начала перестройки в первой половине 80-х. Такие выдающиеся русские писатели, как В. Г. Распутин (в повести «Пожар»), В. И. Белов (в романе «Все впереди»), Ю. В. Бондарев (в романе «Игра»), пытаются привлечь внимание к этому, бить тревогу, показать всем, к какой пропасти ведут страну космополитические силы, пустившие метастазы не только в крупных городах, но даже в глубинке нашей страны.

В повести Распутина «Пожар» рассказывается о том, как в глухом таежном леспромхозе власть захватили своего рода «новые русские», не дорожащие никем и ничем, кроме сиюминутного «кайфа», в основном из числа пришлых – вербованных и уголовников. Они подмяли под себя поселковый совет и дирекцию леспромхоза, определяют общее направление жизни поселка. Честным, трудолюбивым и добросовестным людям они устраивают невыносимую жизнь, угрожая им даже смертью. Пришлые – враждебны русскому национальному сознанию, космополитичны, презирают народные традиции, стремятся прожить за чужой счет.

Разрушительные последствия отрицания русских народных идеалов, паразитический дух космополитизма и интеллигенции «малого народа» показаны в романе Белова «Все впереди». Духовная пустота, алчность, бытовое разложение многих наших современников – итог подпольной работы темных закулисных сил, «мерзости организованных общественных тайн», неотъемлемая составная часть мирового зла. Зла, о котором жаждущий справедливости русский человек (персонаж Иванов) говорит: «Существует могучая, целеустремленная, злая и тайная сила… И мало кто сознательно выступает против нее».

«Мировое зло, – говорит другой персонаж романа Медведев, – прячется в искусственно созданных противопоставлениях экономических, культурных, национальных. Принцип “разделяй и властвуй” действует безотказно. Даже время мы разделили на прошлое и будущее! Настоящего как бы не существует, и это позволяет… дьяволу придумывать и внедрять любые теории, любые методы. Например? Например, разрушение последовательности. Оно проходит всегда безнаказанно, потому что результаты сказываются намного позже…»

Выразителем мирового зла в романе Белова является эмигрировавший в Израиль Миша Бриш – алчный, аморальный, подлый, способный на любую низость. На его примере видно, как «бесы всегда ругают прошлое и хвалят будущее», кем разрушается последовательность, преемственность поколений и идеалов, почему великому русскому народу угрожает участь остаться без будущего. Отсюда и название романа «Все впереди».

Обостренное видение борьбы Добра и Зла, столкновение цивилизаций Русской – духовной и западной – иудейско-масонской ощущается в произведениях многих русских писателей, художников и музыкантов. Стремление вернуться к православным истокам Русского государства пронизывает книги В. А. Солоухина, В. Н. Крупина, В. В. Личутина, Д. М. Балашова.

Большой вклад в развитие русской общественной мысли того времени внесла книга И. Р. Шафаревича «Русофобия». Ее автор – выдающийся русский математик, бывший диссидент, входивший в свое время в окружение агентов влияния США А. Сахарова и Е. Боннэр, нашел в себе силы порвать с космополитической средой и бросить ей дерзкий национальный вызов, вскрыв корни самых трагических событий и духовного распада в нашей стране. Вслед за французским историком О. Кошеном Шафаревич формулирует применительно к России понятие «малый народ» – такой слой людей, которые противопоставляют себя всему остальному народу, с презрением относятся к его традициям и тем самым утверждают свое право распоряжаться этим народом как материалом собственного творчества. В России ядро «малого народа» составило еврейство. Усилиями «малого народа» разрушаются «интегрирующие механизмы», позволяющие «большому народу» ощущать себя и действовать как единое целое. Подвергаются осмеянию и делаются предметом ненависти русская история, вера, историческая власть, армия. Создается множество антирусских мифов, внушаемых народу. Народ как бы парализуется, становится беззащитной жертвой небольших агрессивных групп.

Большим событием в русской культуре стало создание памятника величайшему подвижнику земли Русской Сергию Радонежскому (скульптор В. М. Клыков). Впервые с 1917 г. образцом для поклонения становилось духовное лицо, монах. Образное решение скульптора было навеяно картиной М. В. Нестерова «Видение отроку Варфоломею», изображающей легендарный эпизод биографии подвижника. Установлению памятника в с. Городок (Радонеж) под Троице-Сергиевой лаврой предшествовали драматические события. Сам скульптор при поддержке патриотической общественности, особую роль среди которой сыграл художник О. Облоухов, намеревался установить его осенью 1987 г. Однако космополитические власти и лично А. Н. Яковлев запретили это делать. Погруженный в машину и направлявшийся к месту установки памятник был «арестован» и препровожден обратно с эскортом милиции. Запрет на установку памятника сопровождался злобными нападками представителей «малого народа» на личность великого русского подвижника. Потребовались месяцы борьбы, чтобы преодолеть сопротивление космополитических сил. При огромном стечении русских людей и представителей многих патриотических организаций памятник был открыт 29 мая 1988 г.

В первые годы перестройки, пока русское движение не получило организованных форм, духовная деятельность русских писателей, художников и др. деятелей культуры приобрела общеполитический характер. Они как бы выполняли роль политических лидеров, хотя в силу ряда особенностей и не соответствовали ей. Тем не менее в 1986–1990 гг. имена В. Г. Распутина, В. И. Белова, В. А. Солоухина, С. Ю. Куняева, И. С. Глазунова, В. М. Клыкова и некоторых других стали своего рода политическими символами противостояния русского народа

темным силам иудейско-масонской цивилизации и космополитизма. Неудивительно, что в это время именно русские литературные журналы стали духовными центрами возрождения Отечества и национального сопротивления подрывным космополитическим силам. Подвижническое служение России журналов «Наш современник» (С. В. Викулов и С. Ю. Куняев), «Молодая гвардия» (А. С. Иванов), «Москва» (М. Н. Алексеев, В. Н. Крупин) позволило широко раздвинуть круг людей, обладающих русским национальным сознанием. Особая роль в этом принадлежала также еженедельным газетам «Литературная Россия» (Э. И. Сафонов), «Русский вестник» (А. А. Сенин) и «День» (А. А. Проханов, В. Г. Бондаренко), сумевшим в какой-то степени организовать информационный отпор многочисленным космополитическим средствам массовой информации и регулярно давать правдивые сведения о положении в стране и замыслах врагов России.

Возрождение организованных форм русского патриотического движения происходило трудно и с большими издержками, которые усугублялись яростным сопротивлением правящего космополитического режима, видевшего в русских организациях самого главного врага. В то время как организациям «малого народа» был дан зеленый свет и они росли, как грибы, организациям патриотическим чинятся всяческие препятствия. С первой половины 80-х и в перестройку усиливается грубый административный нажим и гонения на Всероссийское общество охраны памятников. Однако ощущение опасности, нависшей над страной, еще сильнее объединяет патриотов, занявших круговую оборону против космополитического режима.

В Московском городском отделении ВООПИК возникает массовое движение за восстановление разрушенного еврейскими большевиками Храма Христа Спасителя. Активисты МГО ВООПИК (О. А. Платонов, М. С. Никольский, А. А. Духин и мн. др.) в 1986–1987 гг. собрали несколько тысяч подписей в поддержку восстановления общенародной российской святыни. Московское отделение ВООПИК подготавливает также проект восстановления Казанского собора на Красной площади (разрушенного в начале 30-х), инициаторами и создателями которого выступили ученики и последователи П. Д. Барановского О. И. Журин, В. А. Виноградов и С. В. Королев. На какое-то время здание МГО ВООПИК (дом Телешова) на Покровском бульваре стало центром собирания русских патриотических сил. В нем проходили встречи многих патриотических групп и общественных деятелей, впоследствии сыгравших большую роль в развитии патриотического движения.

Первой пробой сил и поводом для выступления стал протест против строительства на общероссийской святыне Поклонной горе в Москве уродливого памятника и музея, получившего у москвичей название «вставная челюсть». Строительство сопровождалось разрушением горы. Более того, в архитектурных сооружениях использовалась иудейско-масонская символика. Русские люди требовали остановить разрушение Поклонной горы и прекращения строительства сооружений, духовно чуждых России.

6 мая 1987 г. несколько сотен активистов Московского городского отделения ВООПИК (участники шефского движения Общественной инспекции и др.) при поддержке общества «Память» вышли на Манежную площадь возле Кремля и молча встали, развернув красные флаги и транспаранты с лозунгами «Сохранить Поклонную гору», «Прекратить строительство на Поклонной горе», «За бережное отношение к памятникам культуры», «К ответу саботажников перестройки» и др. К демонстрантам вышел председатель Моссовета Сайкин. Демонстранты требовали личной встречи с Горбачевым. Однако вместо этого состоялась встреча с первым секретарем МГК КПСС Б. Н. Ельциным, на которую участники демонстрации прошли колонной в 500 чел, развернув знамена и лозунги. Это был настоящий триумф патриотических сил. Шествие собрало толпы случайных прохожих, многие из которых поддерживали патриотов.

Встреча патриотической общественности с Ельциным продлилась около двух часов. Первый секретарь МГК согласился с большинством из выдвигаемых требований и обещал изу-

чить остальные. Русские патриоты выходили из здания Моссовета с чувством победы и желанием дальнейшей работы на благо Родины. У подъезда их поджидала многочисленная толпа и десятки корреспондентов. Патриоты отказались давать интервью иностранным корреспондентам, а один из них сказал: «Все, что произошло, является внутренним делом нашего народа».

После небольшой заминки в советских и иностранных средствах массовой информации развернулась оголтелая антирусская кампания. Под видом критики общества «Память» шельмовалось все патриотическое движение, его идеи и духовные вожди. Русские патриоты обвинялись в антисемитизме, шовинизме и даже фашизме. В Москве и других больших городах, по-видимому, не без помощи западных спецслужб и сионистских организаций, распространялись нелепые слухи о том, что русские патриоты готовят еврейские погромы и что патриотическая демонстрация на Манежной площади якобы проходила под лозунгами «Бей жидов и татар».

Под аккомпанемент антирусской прессы по указанию А. Н. Яковлева партийные органы осуществляют ревизионные проверки ВООПИКа, фактически парализуя деятельность этой и других патриотических организаций, накладывая запреты на многие мероприятия (напр., открытие памятника прп. Сергию Радонежскому).

Сопротивление космополитических сил удалось преодолеть только к весне 1988 г. В конце мая в Новгороде по инициативе Союза писателей России прошел первый за многие десятилетия духовный праздник славянской письменности и культуры – дань глубокого уважения великим просветителям Кириллу и Мефодию, более тысячи лет назад создавшим славянскую азбуку. На праздник съехались сотни деятелей русской и славянской культуры из разных стран. Впервые с 1917 г. история России рассматривалась в положительной связи с историей Православной Церкви. Последовавшее за этим духовным праздником открытие памятника прп. Сергию Радонежскому в с. Городок (Радонеж) ознаменовало начало нового подъема русского патриотического движения. Символично, что имя великого русского подвижника объединяло вокруг себя самые различные общественные силы.

17 июля этого же года в церкви Рождества в Старом Симонове в Москве при большом стечении членов разных патриотических организаций (не менее 1000 человек) происходит открытие надгробного памятника доблестным героям Куликовской битвы – монахам Александру Пересвету и Родиону Ослябе, присоединившимся к Дмитрию Донскому по благословению Сергия Радонежского. Открытие происходило в день убийства Царской семьи, и впервые за многие десятилетия злодейство было публично осуждено. Выступивший с речью художник И. С. Сычев объявил, что послал письмо в Верховный суд СССР с требованием официально осудить это убийство. «Пусть меня расстреляют, – сказал Сычев, – но я не могу жить в государстве, которое убивает детей». Большинство присутствовавших поддержали эти слова. На надгробие Пересвета и Осляби возложили цветы и две ленты – одну монахам, другую – «невинно убиенной Царской семье…»

Активная работа по возрождению коренной, традиционной русской монархической идеологии связана с большой плодотворной деятельностью монархической группы, возникшей еще в начале 80-х и включавшей таких писателей и общественных деятелей, как А. Н. Стрижев, А. А. Щедрин, Л. Е. Болотин, В. И. Карпец, А. А. Широпаев, В. Демин, И. Дьяков и др. Действуя в первые годы в условиях подполья, члены этой группы сумели размножить и распространить немалое количество монархической литературы, а также духовных книг и статей о деятельности русских духоносцев, таких как Серафим Саровский, Иоанн Кронштадтский, С. А. Нилус. Впервые в России эта группа дала правильное освещение личности Г. Е. Распутина в книге А. А. Щедрина (под псевд. Н. Козлов). Выйдя из подполья в 1987–1988 гг., члены группы усиливают издательскую работу, а также начинают выпускать газету «Земщина», журнал «Царь-Колокол» и приложение к нему «Тайна беззакония». В эти годы круг монархистов резко расширяется. Русские люди проявляют большой интерес к коренной национальной идеологии. Для них организуются массовые лекции о русских Государях и духоносцах, имевшие

большой общественный резонанс (лекторы А. Н. Стрижев, будущий настоятель Сретенского монастыря игум. Тихон (Шевкунов)).

К монархическому кругу примыкал видный русский общественный деятель и публицист В. Н. Осипов, после возвращения из ссылки ставший издавать журнал «Земля» (как идейное продолжение «Веча» 70-х).

В июле 1988 г. по инициативе Осипова возникает новое политическое образование – группа «За духовное и биологическое спасение народа», которая хотя открыто и не провозглашала монархические принципы (считая это преждевременным), но вместе с тем во многом основывалась на них.

В декларации группы, в частности, провозглашались:

«1. Необходимость духовного и биологического спасения народа в условиях общего кризиса современной цивилизации.

2. Восстановление исторического самосознания народа.

3. Разумное использование материальных ресурсов Отечества в целях улучшения благосостояния народа.

4. Защита и восстановление природы, уничтожаемой издержками материально-технического прогресса.

5. Освобождение религиозных и культурно-исторических ценностей народа от давления разрушительных сил.

6. Избавление общества от гнета неподконтрольной, коррумпированной бюрократии, борьба за нравственное очищение госаппарата.

7. Объединение всех патриотических сил, включая представителей Церкви, государства и неформальных групп».

Через год группа перерастает в партию «Христианско-патриотический союз», который в 1990 г. получает новое название – Союз «Христианское возрождение», придерживающийся в основном монархической идеологии. Много сил и энергии члены Союза затратили на сбор подписей за канонизацию Николая II. Предполагалось также через 2–4 года созвать Земский собор для избрания Царя. «Идея была такова, – рассказывал впоследствии В. Н. Осипов, – наследников династии Романовых осталось еще достаточно много, и всех их следовало бы призвать на Земский собор». Однако у Союза «Христианское возрождение» был свой кандидат из династии Романовых – Т. Н. Куликовский-Романов.

Активизируется и антисионистская работа. В 1988 г. видный русский ученый-востоковед Е. С. Евсеев создает Комитет советской общественности против установления дипломатических отношений с Израилем. Деятельность комитета нашла широкую поддержку у патриотической общественности, которая выступила с требованием пресечь попытки «друзей Израиля в СССР» восстановить дипломатические отношения с расистско-фашистским государством Израиль, сионистский режим которого несет всю полноту ответственности за геноцид арабского народа Палестины.

В марте 1989 г. возникают сразу же две патриотические организации, инициаторами создания которых являлись видные активисты ВООПИКа А. Г. Кузьмин и М. Ф. Антонов.

По инициативе русского историка, проф. МГУ А. Г. Кузьмина возникает добровольное общество русской культуры «Отечество», которое призвало «всех, разделяющих чувство озабоченности процессами подавления и угасания русской национальной культуры, ведущими в конечном счете к разрушению всего содружества народов, соединенных многовековой историей в границах единого государства… отдать свои знания, душевные силы и деятельность делу возрождения нашего Общего Дома».

Сотрудник Института мировой экономики и международных отношений М. Ф. Антонов создает Союз духовного возрождения отечества, поставивший перед собой задачу проведения культурно-просветительских вечеров и лекций. Первое воззвание Союза, написанное

лично Антоновым, произвело большое впечатление на патриотическую общественность, выражая самые главные и сокровенные мысли и пожелания русских людей:

«Зажжем сердца огнем патриотизма и обратимся к добрым деяниям, обратимся к подлинной духовности и культуре, отринем псевдокультуру, не имеющую корней в народе. Защитим и возвысим священные понятия: Родина, Народ, Отечество. И тогда не окажется места в нашей жизни для бездуховности и космополитизма, теоретиков и практиков разрушения памяти народов и нашей общей истории.

Люди русские, все братские народы нашей страны! У нас одна судьба, одна история, одно Отечество! Объединяйтесь в патриотические организации и вступайте в Союз духовного возрождения Отечества! Употребим Разум и Сердце на благо Отечества. Посвятим свои силы, помыслы и дела спасению и духовному возрождению Отечества!»

В этом же году возникает и ряд других патриотических организаций. Главнейшие из них – Международный фонд славянской письменности и славянских культур, Общественный комитет спасения Волги, Русское патриотическое движение «Отечество» (Ленинград), Союз патриотических организаций Урала и Сибири, патриотическое объединение «Отечество» (Тюмень).

Символом стремления к национальному возрождению Отечества становится движение за восстановление Храма Христа Спасителя. Зародившись в московском отделении ВООПИК, оно набирает силу с помощью газеты «Литературная Россия», создавшей специальную рубрику на своих страницах и начавшей сбор средств на восстановление Храма. В сентябре 1989 г. по инициативе «Литературной России» создается Фонд восстановления Храма Христа Спасителя, учредителями и попечителями которого стали 30 организаций патриотического направления. В руководящий орган Фонда вошли выдающиеся деятели русской культуры и искусства и среди них – В. Солоухин (председатель), Г. Свиридов, И. Шафаревич, В. Крупин, Ю. Лощиц, С. Рыбас, В. Карпец, В. Клыков, М. Кугач, Ф. Шипунов.

По предложению Товарищества русских художников в сентябре представители многих патриотических организаций собираются на Учредительный съезд, образовавший ассоциацию «Объединенный Совет России» и избравший Координационный совет в составе 38 чел от всех организаций, коллективных членов ассоциации и делегатов съезда, в т. ч. таких видных общественных деятелей России, как С. Лыкошин, А. Проханов, С. Куняев, В. Калугин, С. Рыбас, М. Лемешев, Э. Володин, М. Антонов, М. Любомудров, Н. Дорошенко, В. Бондаренко, А. Репетов, Г. Литвинова и др.

«Объединенный Совет России» задумывался как объединительный политический центр управления и координации всех патриотических сил России в преддверии выборов в Верховный Совет СССР и местные органы власти. Однако настоящего объединения, а тем более совместного управления патриотическим движением не получилось. Сразу же проявилась идеологическая несовместимость политических установок разных патриотических организаций, представляющих широкий спектр воззрений – от национал-большевизма (большая часть организаций) до православно-патриотической традиции. Сказались также амбициозные региональные претензии руководителей многих патриотических организаций, а также политическое ничтожество и интеллектуальная серость человека, избранного возглавлять координационную работу.

Консолидация космополитических сил вокруг Межрегиональной депутатской группы, ее большой политический успех, достигнутый на Первом съезде народных депутатов СССР, сразу выявили слабость русского патриотического движения, намеренно сдерживаемого высшим руководством страны. Закончившийся съезд наглядно показал, что делегация России была самой разобщенной и наименее подготовленной к конструктивной законодательной работе. Руководители Российской Федерации Воротников и Власов в отличие от руководителей других республик не стали брать на себя организующего начала в деятельности российских депутатов

и даже не пытались заявить о проблемах республики и нуждах русского народа. Такая «равнодушная» позиция руководства РСФСР была, безусловно, определена решением Политбюро, считавшего необходимым и в дальнейшем решать многие проблемы СССР за счет Российской Федерации. Однако эта позиция вызвала протест со стороны части депутатов Российской Федерации. 20–21 октября 1989 г. по инициативе группы патриотов, возглавляемой народным депутатом С. Васильевым, в Тюмени проходит совещание народных депутатов СССР, представляющих ряд регионов Российской Федерации. Высшие власти пытались не допустить проведения этого совещания. В результате, несмотря на то что приглашения послали всем, на него откликнулись только 51 чел, или несколько процентов от всех народных депутатов РСФСР. Кроме депутатов в совещании участвовали ряд ученых-экспертов, в т. ч. известный русский юрист Г. И. Литвинова.

На совещании в Тюмени была рассмотрена политическая ситуация в стране, положение в России и в целом русской нации в СССР, а также создан Российский депутатский клуб.

После обстоятельного обсуждения положения России и русского народа участники депутатского совещания в Тюмени приняли документ, который предполагалось широко распространить на Втором съезде народных депутатов СССР. В документе делались следующие предложения:

1. Распределять бюджет Союза ССР в строгом соответствии с вкладом каждой из республик и прекратить безвозмездные дотации.

2. Провести пересмотр нормативной базы с целью оптимизации структуры централизованно определяемых цен на продукцию обрабатывающих отраслей и ресурсов.

3. На основе пропорциональных отчислений из бюджета всех республик создать Всесоюзный фонд помощи на случай стихийных бедствий и катастроф.

4. Предложить Второму съезду создать Демографический комитет, провести в нем специальные слушания, разработать перспективную программу и принять ее на весенней сессии Верховного Совета СССР. Использовать только демократические принципы в проведении миграционной политики, создать специальный подкомитет по миграции в Демографическом комитете.

5. Проводить активную государственную политику в области образования и подготовки кадров высшей квалификации, направленную на пропорциональное представительство всех наций и народностей в образовательной и квалификационной структуре населения страны.

6. Создать в РСФСР Академию наук.

7. Создать в РСФСР Гостелерадио и открыть областные издательства.

8. Обеспечить реальный доступ к национальному культурному наследию независимо от его современных идеологических оценок. Переиздать в достаточном количестве отечественную художественную, философскую, экономическую, историческую и религиозную классику.

9. Возвратить исторические названия и принять Закон об охране знаний.

10. Использовать для патриотического воспитания молодежи прогрессивную национально-историческую символику.

11. Верховным Советам и правительствам всех союзных республик более строго обеспечивать фактическое равноправие всех наций и народностей независимо от места их проживания. Отказаться от принципа деления наций на «коренные» и «некоренные» как противоречащего Конституции. Поставить вопрос о создании двухпалатных парламентов в республиках с неоднородным национальным составом.

Однако руководство Верховного Совета СССР во главе с Горбачевым, Лукьяновым и Примаковым при солидарной поддержке депутатов Межрегиональной группы не допустили широкого обсуждения документа. На Втором съезде народных депутатов, как и на Первом, депутаты, представлявшие российские области, о России и о русских вообще не вспоминали,

сосредоточив все внимание на обсуждении общеполитических вопросов, выдвинутых космополитическими силами в ущерб интересам русского народа.

В конце 1989 г. по всей стране идет подготовка к выборам в республиканские и местные Советы депутатов. В РСФСР начинается ожесточенная борьба за голоса избирателей.

Русские патриоты, несмотря на многочисленные запреты и ограничения, организуют свои избирательные объединения. В Москве, Ленинграде, Новосибирске, Тюмени проходят собрания за выдвижение достойных кандидатов.

При Московском городском отделении ВООПИК создается Клуб избирателей (сопредседатели С. В. Королев и О. А. Платонов), поставивший своей целью выдвижение в кандидаты в депутаты истинных русских патриотов, способных отстаивать национальные интересы России. За короткий срок сотни активистов ВООПИК организовали через районные отделения Общества выдвижение более 30 кандидатов в депутаты, обеспечив их законную регистрацию на избирательных участках. Кандидатский корпус русских патриотов, выдвинутых Клубом избирателей МГО ВООПИК, объединил имена таких выдающихся деятелей русской культуры, как Ю. Бондарев, В. Бондаренко, В. Брюсова, Л. Баранова-Гонченко, Э. Володин, Н. Дорошенко, А. Казинцев, В. Калугин, В. Клыков, С. Куняев, Г. Литвинова, С. Лыкошин, Э. Сафонов, А. Сергеев и др. В течение нескольких месяцев им была предоставлена трибуна для пропаганды взглядов, отражающих национальные интересы русского народа. С кандидатами в депутаты и командами кандидатов проводилась инструктивная учеба, в нескольких десятках экземпляров выходил специальный бюллетень, информировавший кандидатов и руководителей их команд о главных событиях и действующих лицах выборной кампании.

Русские патриоты выпускают множество листовок о бедственном положении русского народа, называют имена виновников и идеологов ограбления России, предлагают пути выхода страны из кризисной ситуации.

В борьбе за власть над русским народом космополитические силы использовали все самые низкие и преступные методы – ложь, клевету, шантаж, обман, провокации. Чтобы дискредитировать своих противников в глазах избирателей, сторонники космополитических сил распространяли нелепые, оскорбительные слухи, без указания типографии печатали клеветнические листовки. Некоторых русских кандидатов пытались запугивать физически бандиты, нанятые сторонниками «Демократической России».

19 января 1990 г. литературное объединение «малого народа» «Апрель» организует националистическую провокацию против русских патриотов. Руководители этого объединения, в частности известные русофобы Е. Евтушенко, Ю. Черниченко, пригласили на свое заседание (проводившееся обычно за закрытыми дверями) в Центральном доме литераторов несколько представителей одного из патриотических клубов Москвы, реакцию которых на подобное сборище было легко прогнозировать. Простые русские парни, возмущенные наглыми выпадами «апрелевцев» по адресу русского народа, естественно, возмутились и наговорили немало резкостей организаторам сборища, которые только этого и ждали. Хорошая подготовка акции наводила на мысль о том, что она была спланирована заранее под руководством сотрудников западных спецслужб, набивших руку на организации подобных провокаций. Буквально на следующий день в большинстве средств массовой информации в СССР и за рубежом начинается оголтелая кампания по дискредитации русского патриотического движения, а незначительный инцидент в ЦДЛ представляется как еврейский погром. Провокаторы из «Апреля» требуют привлечения к суду и суровых приговоров всем русским патриотам. Был схвачен и брошен в тюрьму один из «гостей» «Апреля» рабочий К. Смирнов-Осташвили. Космополитические средства массовой информации создают из этого «дела» «жупел» русского патриотического движения как движения якобы «опасного и преступного». К организации судебного процесса привлекаются опытные юристы-фальсификаторы, в частности, А. Макаров, впоследствии уличенный в клевете с использованием фальшивых документов. Организаторы анти-

русской провокации призывают посадить на скамью подсудимых членов многих русских патриотических организаций, заодно и руководство Союза писателей России, и прежде всего В. Распутина, В. Белова, Ю. Бондарева. Одновременно преследованию подвергаются и другие патриоты: А. Романенко – в Ленинграде, Ю. Липатников – в Свердловске, Ю. Бровко – в Москве. В Верховном Совете СССР два представителя Межрегиональной группы А. Гельман и В. Гинзбург настаивают на разработке и принятии законодательного акта об антисемитизме, предусматривающего чуть ли не введение особых трибуналов. Космополитические деятели, перебрав весь возможный запас унизительных обвинений по адресу русских, дошли до того, что стали обвинять народ, спасший мир от фашизма, в «фашизме».

Русские люди именовались в космополитической прессе «фашистами» и «расистами» или же – с сугубо биологическим презрением – «детьми Шарикова», т. е. происходящими от псов. Это напоминало гитлеровскую пропагандистскую терминологию относительно русских как «низшей» славянской расы.

Преследования и убийства русских патриотов становятся бытовым явлением.

Вот только некоторые самые известные случаи:

– 10 февраля 1990 г. на Московской кольцевой автодороге был найден убитым (сбит автомобилем) видный русский ученый Е. С. Евсеев, посвятивший многие свои исторические работы изучению преступлений сионизма;

– 26 апреля 1991 г. убит в тюрьме (повешен) русский общественный деятель К. Смирнов-Осташвили, заключенный в тюрьму по доносу антирусской организации «Апрель»;

– 21 мая 1991 г. насильственная смерть постигла выдающегося русского ученого А. К. Цикунова (А. Кузьмич), раскрывшего глаза многим русским людям на механизм экономического ограбления России;

– 6 октября 1991 г. в С.-Петербурге убит выстрелом в голову известный русский поэт, певец Игорь Тальков; его убийца Шляфман бежал в Израиль;

– в 1992 г. при неясных обстоятельствах после возвращения из США на операционном столе скончалась видный русский ученый-юрист Г. И. Литвинова, одна из первых бросившая открытый вызов космополитическому режиму;

– 12 августа 1993 г. в Челябинске, во время командировки, убит (сбит машиной) редактор русской патриотической газеты Екатеринбурга «Русский союз» Ю. В. Липатников;

– 24 августа 1993 г. в С.-Петербурге зверски убит (множественные ножевые ранения) и сброшен в воду русский поэт, активист национально-патриотического движения В. Цикарев;

– 24 апреля 1994 г. в Москве, накануне представления своей книги «Убийство Есенина», был убит и сброшен в воду русский писатель и поэт И. В. Лысцов;

– 30 июня 1994 г. в Ижевске убит основатель патриотической газеты А. В. Красноперов;

– в октябре 1994 г. в Москве при не вполне ясных обстоятельствах скончался выдающийся русский журналист, гл. редактор газеты «Литературная Россия» Э. И. Сафонов; годом позже при таких же обстоятельствах умер замечательный русский публицист Ф. Я. Шипунов;

– 6 декабря 1994 г. в С.-Петербурге убиты при покушении на руководителя Народно-республиканской партии России Ю. Беляева два его охранника.

Этот список можно было бы продолжать долго. Кроме убитых имелось еще множество пострадавших от покушений и нападений. Масштабность этих случаев свидетельствовала о непрекращающейся борьбе криминально-космополитического режима с русскими патриотами, напоминавшей революционный террор 1905–1907 гг. против Союза Русского Народа.

Глава 20[74]

Патриотическое движение в 1990–2002 гг.

14 марта 1990 г. была отменена ст. 6 советской Конституции, что означало легализацию многопартийности в СССР. Немедленно начался бурный процесс возникновения политических партий или легализации уже существоваших в качестве «неформальных объединений». В течение нескольких месяцев весны 1990 г. родилось несколько патриотических партий, некоторые из которых сыграли в дальнейшем значительную политическую роль. Так, 7–8 апреля 1990 г. было создано Российское Христианско-Демократическое Движение (РХДД) во главе с В. Аксючицем, в те же дни родились Партия Возрождения России (ПВР), Союз Возрождения Отечества (СВО), в мае появился Русский Собор, Православно-Монархическое Согласие (ПМС) во главе с Н. Ширяевым, партия кадетов М. Астафьева, в июне учрежден Союз Венедов (В. Безверхий). В июне была учреждена компартия РСФСР, в которой сильные позиции имели национал-большевики. Не случайно на Учредительном съезде Российской компартии с резкой критикой Горбачева выступил генерал А. Макашов, за что был немедленно отправлен в отставку. На Съезде народных депутатов России патриотически настроенные депутаты создали фракцию «Россия», лидером которой стал С. Бабурин. На союзном съезде усилились позиции депутатской группы «Союз» Алксниса, к которой примкнуло до 500 депутатов. Осенью 1990 г. возникли Русское Национальное Единство (РНЕ) во главе с А. П. Баркашовым, Республиканская Народная партия (впоследствии – Национально-Республиканская) во главе с Н. Лысенко, Российский Общенациональный Союз (РОНС) под руководством И. В. Артемова. Между тем кризис в стране нарастал, прибалтийские республики объявили о своей независимости, по всему СССР шли межэтнические конфликты, причем союзный центр своей политикой только подливал масла в огонь. Впрочем, в осенние дни 1990 г. родилась в огне Приднестровская республика – первое национально-русское государство после большевистской революции. Тем не менее нельзя не признать, что в целом русское патриотическое движение по своему влиянию и организованности уступало национал-сепаратистам в союзных республиках СССР, демократам в России, а национальное крыло в коммунистическом движении в силу оргструктуры компартии не могло возглавить его. Кризис СССР в начале 1991 г. принял острые формы, когда сторонники сохранения единого государства попытались свергнуть националистическое правительство Литовской ССР. Хотя первоначально просоветские силы имели успех и взяли власть в республике (причем сразу два литовских премьера, Прунскенс и Шименас, а также все правительство трусливо бежали), очередное предательство союзного центра во главе с Горбачевым привело к поражению. В патриотическом движении усилились разногласия. Некоторые патриоты считали, что само по себе отстранение от власти КПСС приведет к восстановлению исторической России. По этой причине ряд патриотических лидеров и организаций стали союзниками демократов и даже сепаратистов прибалтийских республик. Другие, по-своему логично считая, что СССР есть форма Российского государства, заняли позицию поддержки союзного правительства. Но в условиях, когда во главе СССР и его правящей партии находился Горбачев, такая позиция объективно была также недальновидной. Продолжали возникать новые патриотические партии. 20–21 января 1991 г. на учредительном съезде в Ленинграде был создан Славянский Собор. В состав его учредителей входили: трезвенническое движение (Ф. Г. Углов), Русское Национальное Единство (А. П. Баркашов), Славянская партия (Ф. Москаленко), Российская Народная Академия (Ю. Гусев), Ленинградское русское патриотическое движение «Отечество» (Ю. Беляев), Вологодская группа «Вятичи» (В.

[74] Глава написана совместно с С. В. Лебедевым.

Попов), Союз Христианского Возрождения (В. Осипов), Славянский Союз (Киев), Белая Россия (Белоруссия), Союз Венедов (В. Безверхий) и др. Был учрежден Международный Славянский Собор.

«Красные» патриоты и сторонники сохранения СССР 27 февраля 1991 г. вместе с компартией РСФСР провели конференцию «За Великую Россию, за единый Союз!», на которой был создан Координационный Совет Патриотического Движения (КСПД), виднейшую роль в котором играл известный публицист Э. Володин. Однако и на этот раз не удалось патриотам объединиться. Ряд организаций покинули съезд Славянского Собора, отказались участвовать в КСПД и в мае 1991 г. провели свой съезд, создав Славянскую думу во главе с Баркашовым. Помимо славянского движения продолжали возникать новые патриотические партии. 18 мая 1991 г. была создана Русская партия (В. Корчагин), ставшая заметной силой в ряде российских регионов. В коммунистическом движении стало больше патриотов, для которых сохранение единого государства было более важным, чем следование марксистским догмам. 17 марта 1991 г. состоялся Всесоюзный референдум по вопросу сохранения единого союзного государства, на котором большинство населения СССР высказалось за сохранение общего государства. Противники исторической России, видя, что время работает против них, поторопились сыграть на опережение, введя должность президента РСФСР специально под «раскручиваемого» в СМИ Ельцина. Антирусские силы учли присущую Ельцину злобу, патологическую жажду власти при полной подконтрольности его деятельности. Выборы были назначены на 12 июня 1991 г., причем на избирательную кампанию было отведено рекордно мало времени – всего 15 дней. Расчет антирусских сил, к сожалению оправдавшийся, заключался в том, что патриоты не смогут за столь короткий срок объединиться и выдвинуть единого кандидата. На выборах 12 июня 1991 г. многие патриоты голосовали за Ельцина, будучи введенными в заблуждение демагогическими заявлениями Ельцина о «суверенитете» России и борьбе с привилегиями партноменклатуры. Многие патриоты поддержали Н. Рыжкова, А. Макашова. Однако большинство рядовых патриотически настроенных граждан отдали голос впервые мелькнувшему на политическом небосклоне В. Жириновскому, заявившему, что он будет защищать русских.

Эти слова в то время мало кто мог говорить с экрана государственного ТВ. В результате Жириновский получил 6211 тыс голосов (7,8 %). В целом победа Ельцина была поражением патриотов, наглядно показавшим их расколотость и неорганизованность. Но борьба продолжалась. 23 июля 1991 г. в газете «Советская Россия», а также в «Дне» было помещено «Слово народу». В пламенном обращении содержался призыв к нации свернуть с гибельного пути. Характерно, что в «Слове…» отсутствовали коммунистическая риторика и ссылки на партийные решения. Подписали «Слово народу» секретарь ЦК КП РСФСР Г. А. Зюганов, председатель КСПД Э. Володин, бывший командующий советскими войсками в Афганистане генерал Б. В. Громов, знаменосец Парада Победы генерал В. Варенников, писатели А. Проханов (редактор «Дня»), Ю. Бондарев, В. Распутин, скульптор В. Клыков, президент Ассоциации государственных предприятий и объединений А. Тизяков, лидер Крестьянского союза В. Стародубцев, один из лидеров депутатской группы «Союз» Ю. Блохин. Призыв «Слова…» остался неуслышанным. Однако патриоты не опустили руки. 3 августа 1991 г. в «Советской России» было объявлено о создании инициативной группы Народно-патриотического движения. Планировалось в конце августа сформировать оргкомитет Движения и в начале осени провести Учредительный съезд. Как видим, речь шла о создании партии, способной объединить «красных» и «белых» патриотов, заменив окончательно деградировавшую КПСС. Видя растущую мощь русского движения, геополитические противники России ускорили процесс ликвидации СССР, убрав сыгравшего свою роль Горбачева и устроив 19–20 августа государственный переворот. К власти в России пришла клика предателей во главе с Ельциным. 8 декабря 1991 г. СССР был объявлен «распущенным», а Россия сведена к границам РФ.

Патриотические силы были дезориентированы августовскими событиями и никак не проявили себя в те роковые дни. Тем не менее они быстро пришли в себя и вступили в жесткую борьбу с антинациональным режимом. При этом патриотические партии были малочисленными, и в условиях господства в СМИ сионистов рассчитывать на быстрый рост их численности не приходилось. Возникали новые партии, приобретающие определенное влияние. Так, 26 октября 1991 г. на основе депутатской группы «Россия» Съезда народных депутатов РФ был создан Российский Общенародный Союз (РОС) под руководством С. Н. Бабурина, ставшего заметной фигурой в патриотическом движении. Стали появляться региональные патриотические организации. Так, в Петербурге в ноябре 1991 г. было создано Освободительное движение «Наши». В те же дни возникли сразу две коммунистические партии, в своей идеологии сочетавшие ортодоксальный марксизм с советским патриотизмом, – Всесоюзная коммунистическая партия большевиков (ВКП(б)) Н. Андреевой и Российская коммунистическая рабочая партия (РКП(б)), в которой видную роль играл В. Анпилов. Под его руководством были проведены массовые митинги и манифестации, в которых участвовали и не разделяющие советско-коммунистические взгляды патриоты. Все это сделало РКРП и непосредственно возглавляемое Анпиловым движение «Трудовая Россия» заметной силой в начале 90-х. В конце 1991 г. возник Союз Офицеров, на какое-то время завоевавший авторитет в армии. 17 января 1992 г. прошло Всеармейское офицерское собрание, на котором режим Ельцина подвергся критике за развал армии, но военная дисциплина все же привела к тому, что все критические выступления офицеров остались бунтом на коленях. Армия не смогла занять определенную политическую позицию и не проявила себя как политическая сила. В таких условиях политическая борьба осталась уделом политических партий. И все же мелкие партии и организации не могли мобилизовать массы. В этих условиях началось формирование блоков и коалиций, ставящих целью свержение режима Ельцина. 8–9 февраля 1992 г. в Москве состоялся Конгресс гражданских и патриотических сил России, на котором преобладали т. н. демпатриоты, т. е. бывшие деятели демократического движения конца 1980-х, перешедшие на патриотические позиции. Ведущую роль на Конгрессе играли РХДД и РОС, были также представители НРПР. На конгрессе было создано Российское Народное Собрание (РоНС), в которое вступили также Всероссийская партия монархического центра и ряд других партий. В Центральный Совет РоНС вошло около 70 чел, а в президиум Собрания – 25 членов. Были избраны 3 сопредседателя – М. Астафьев, Н. Павлов, В. Клыков, председателем стал В. Аксючиц (в июне его заменил И. Константинов).

Одновременно начали образовываться коалиции с преобладанием «белых» патриотов. 15 февраля 1992 г. в Н. Новгороде на съезде «белых» родился Русский Национальный Собор (РНС). В состав РНС вошли: Русская партия, РНЕ, НАШИ, НРПР и др. Неделю спустя свой съезд провели «красные» патриоты. В Москве состоялся съезд возникшего в мае 1991 г. на базе депутатской группы «Коммунисты России» Всероссийского патриотического движения «Отчизна» (ВПДО). В числе 245 делегатов было 70 народных депутатов. В руководство «Отчизны» вошли А. Макашов, В. Анпилов, С. Терехов, председателем стал генерал-лейтенант Б. Тарасов. Таким образом, в феврале 1992 г. существовало 3 коалиции патриотов разных направлений: РоНС, РНС, ВПДО. Единство патриотов становилось жгучей потребностью. Между тем демонстрация оппозиции 23 февраля 1992 г. в Москве была разогнана ОМОНом по распоряжению мэра Г. Попова, причем десятки людей были жестоко избиты, а ветеран Великой Отечественной войны Песков скончался. Это событие подхлестнуло создание «красно-белого» союза. 1 марта 1992 г. возникла Объединенная Оппозиция (ОО). Декларация ОО «Справедливость. Народность. Государственность. Патриотизм» была опубликована в «Советской России» 10 дней спустя. Подписи под Декларацией поставили РНС, РоНС, РКРП, ВПДО, «Союз казаков» и ряд других организаций. 17 марта 1992 г., в годовщину Всесоюзного референдума, национальная оппозиция провела Всенародное Вече. В Москве состоялись 100-тысяч-

ная демонстрация и митинг, на котором выступил генерал Макашов, а в подмосковном Воронове собрались депутаты Съезда народных депутатов СССР. Правда, восстановить Съезд из-за отсутствия кворума, а также нежелания многих патриотов возрождать советскую систему не удалось.

Между тем кризис в стране обострялся. Активизировались патриотические организации. 12 июня 1992 г. в Москве в Колонном зале Дома союзов состоялся I съезд РНС. Дата была выбрана не случайно – это была первая годовщина прихода к власти Ельцина. На съезде присутствовало 1250 депутатов из 117 городов всех советских республик. Сопредседателями Думы РНС были избраны писатель В. Распутин, Г. Зюганов и А. Стерлигов. Одновременно в эти же часы у Останкино начался митинг «трудороссов», требовавших предоставить оппозиции один час (!) эфирного времени. Митинг перерос в создание возле «империи лжи», как справедливо именовали патриоты останкинское «тель-авидение», палаточного городка. 22 июня 1992 г. в 4 часа утра этот городок был разогнан ОМОНом, причем десятки людей получили ранения и лишь по счастливой случайности не было погибших. Через неделю после столкновения у Останкино был создан Политсовет ОО в составе Г. Зюганова, Э. Володина, А. Проханова, Н. Павлова, В. Алксниса, М. Астафьева и др. 17 сентября 1992 г. было подписано «Соглашение левой и правой оппозиции» о единстве действий. Попыткой создания единой «красно-белой» партии стало создание Фронта Национального Спасения (ФНС), родившегося 24 октября 1992 г. Учредительный конгресс ФНС принял ряд документов и заявлений. Конгресс провозгласил окончание Гражданской войны и примирение «красных» и «белых». Об этом должна была говорить и украшавшая зал символика в виде переплетенных полотнищ красного советского и черно-золото-белого имперского флагов. К концу 1992 г. национальная оппозиция значительно укрепила свои ряды и стала важнейшим фактором внутренней и даже международной политики (так, патриотам удалось сорвать передачу Курильских островов Японии и оказать серьезное влияние на ход югославского кризиса). На сторону оппозиции перешла немалая часть депутатов Съезда народных депутатов. Стремившийся разогнать Съезд и стать полновластным диктатором Ельцин предпринял несколько попыток переворота. Когда в декабре 1992 г. на VII съезде народных депутатов Ельцин был лишен чрезвычайных полномочий, то он покинул Съезд, призвав своих сторонников следовать за ним. Расчет делался на то, что Съезд покинет большинство депутатов, а это сделает Съезд нелегитимным органом власти. Но большинство депутатов осталось на месте, и Съезд продолжил работу.

Преобладавшее в парламенте депутатское «болото» не дало возможности сместить Ельцина. VII съезд кончился компромиссом – в отставку был отправлен кабинет «реформ» во главе с Гайдаром, но ключевые фигуры правительства остались. 20 марта 1993 г. была предпринята еще одна попытка переворота. Выступив по ТВ, Ельцин объявил о роспуске Съезда и введении особого порядка управления страной. Но и на этот раз все закончилось компромиссом. Хотя Съезд не подчинился указу президента, но попытка сместить Ельцина не удалась (для импичмента не хватило 72 голосов). Вскоре, 25 апреля 1993 г., состоялся референдум о доверии президенту, его политике и о возможности перевыборов ветвей власти. Референдум ничего не решил, поскольку ни по одному из вопросов не было собрано большинства голосов. Между тем появилась новая организованная, хотя и склонная к соглашательству с властями сила – 24 марта 1993 г. была легализована запрещенная в августе 1991 г. КПРФ. Парадоксальным образом это привело к кризису ФНС и ряда других патриотических организаций, т. к. коммунисты использовали их структуры как прикрытие для создания своей партии. Это не могло не вызвать нового обострения конфликтов между «красными» и «белыми». Правда, ожесточенная борьба с режимом продолжалась. Первомайская демонстрация 1993 г. в Москве закончилась уличными столкновениями, в которых погиб один омоновец и около 500 чел были ранены. Еще более свою силу и организованность оппозиция показала на митингах и шествиях 9 мая.

Демонстрации, прошедшие почти во всех городах страны, были самыми крупными за всю историю государства. В них приняли участие несколько миллионов человек, в том числе сотни тысяч в Москве и Петербурге. К осени 1993 г. в стране сложилась предгрозовая обстановка. На 20 сентября 1993 г. планировалось проведение Конгресса народов СССР, на 25-е – съезд Движения в поддержку парламентаризма, в этот же день РНС планировал созвать Съезд Русского Народа, который должен был избрать подлинно национальное правительство. Но режим Ельцина нанес упреждающий удар, совершив 22 сентября 1993 г. государственный переворот, который привел к кровопролитию 3–4 октября.

Вскоре после событий «черного октября» Кремль распустил Советы всех уровней и объявил о проведении 12 декабря 1993 г. выборов в новый парламент с весьма незначительными полномочиями – Государственную думу вместе с референдумом по новой конституции (хотя именно на основании этой еще не утвержденной конституции и проводились думские выборы). Команда Ельцина решила повторить опыт выборов лета 1991 г., провести массированную кампанию в предельно сжатые сроки при полном господстве в СМИ. На роль «партии власти» Кремлем планировался блок экс-премьера Гайдара «Выбор России» (патриоты назвали его «выбросом»). Чтобы в Думу не попали региональные патриотические партии, Кремль ввел жесткие правила допуска партий к выборам – сбор 100 тыс подписей по всей стране за 2 недели! Многие патриотические партии бойкотировали выборы. В таких условиях только КПРФ и ЛДПР могли выступать как реальная оппозиционная сила на выборах. При этом КПРФ еще была занята восстановлением своих структур после легализации, а такие деятели коммуно-патриотического направления, как Макашов, были в тюрьме с 4 октября 1993 г. Фактически только ЛДПР Жириновского могла выступать в качестве оппозиционной силы. Кремль собирался с помощью ЛДПР выставить патриотов в карикатурном виде, поэтому неудивительны финансовые и пропагандистские возможности партии Жириновского. Но окружение Ельцина недооценило способностей Жириновского и дискредитацию демократов. 12 декабря 1993 г. большинство (23 %) получила ЛДПР, хотя большинство избирателей голосовали не за Жириновского, а против Ельцина. С учетом голосов, полученных КПРФ, Аграрной партией и избранными по одномандатным округам патриотами, оппозиция получила 66,86 % голосов. Зато провалились партии демократов. Но победа оппозиции на выборах мало что дала. Во-первых, в условиях всевластия президента парламентское большинство не имеет значения. Во-вторых, преобладающая в Думе 1993–1995 гг. ЛДПР оказалась ложной оппозицией, во всем поддерживавшей Кремль. Единственной заслугой «жириновцев» в Думе стала амнистия участникам обороны Дома Советов 3–4 октября. Патриотическое движение в 1994 г. переживало определенный кризис, вызванный изменением условий борьбы. Многие организации пережили расколы или вовсе исчезли. На роль партии № 1 выдвинулась КПРФ благодаря своей дисциплине и присвоению лозунгов национал-патриотов. Начавшаяся в декабре 1994 г. первая чеченская война привела к тому, что многие патриотические партии поддержали Кремль в наведении порядка в Чечне. (Поддержали войну РНЕ, РОС, КРО, Национальный правый центр; против – РКРП, Конгресс народов СССР, РНС, ЛДПР.) На региональных выборах губернаторами становились деятели КПРФ при поддержке патриотов. В результате КПРФ оказалась, по словам Зюганова, «встроена в систему». На парламентских выборах 1995 г. патриоты выступали более подготовленными. Появились новые организации. 2 апреля 1995 г. образовалось Социал-патриотическое движение «Держава» (СПДД). Первоначально в СПДД входили деятели «белых» патриотических организаций – В. Алкснис, М. Астафьев, Н. Павлов. Лидером СПДД стал «герой» октябрьских событий А. Руцкой. Однако вскоре он рассорился с большинством основателей СПДД, и уже к лету движение покинули почти все заметные лидеры, в том числе 4 из 5 замов Руцкого, 8 членов руководства. Как объединение некоммунистической оппозиции СПДД не состоялось. В мае 1995 г. появился блок «красных» патриотов «Власть – народу» во главе с бывшим премьером СССР С. Рыжковым. Другой патриотической партией,

претендующей на представительство в Думе, стал Конгресс Русских Общин (КРО). Созданный еще в 1993 г., КРО объявил о необходимости воссоединения русской нации. В ряды КРО к этому времени вошли генерал А. Лебедь и бывший секретарь Совета безопасности Ю. Скоков. Впрочем, КРО не смог преодолеть 5 %-ный барьер и не был представлен в Государственной думе. В целом на выборах 17 декабря 1995 г. победителем оказалась КПРФ, получившая 22,3 % голосов. Но если к этому итогу прибавить еще 21,74 % голосов, полученных ЛДПР (7 737 431 голосов, или 11,87 %), КРО (2 980 137 голосов, или 4,31 %), СПДД (1 781 233, или 2,57 %), «Власть – народу» (1 112 873 голосов, или 1,61 %) и др. патриотическими партиями, то большинство получили патриоты. Демократы потерпели полное поражение. Правительство Черномырдина предпочло создать партию «Наш дом – Россия» с консервативной идеологией, но не поддерживать демократов. Зато «гайдаровцы» из «Выбора России» потерпели поражение и не попали в Госдуму. Таким образом, в Думе 1995–1999 гг. преобладали патриоты. Впрочем, они мало что могли сделать, учитывая незначительные полномочия Думы и соглашательство фракций ЛДПР и КПРФ. Коммунистический лидер Зюганов, как и Жириновский, оказались интегрированными в «систему». Показателем этого стали президентские выборы июня—июля 1996 г. По официальным данным, Зюганов проиграл во 2-м туре Ельцину, получив 40 % голосов против 53 %, отданных Ельцину. Но 22 ноября 1999 г. бывший начальник охраны Ельцина генерал Коржаков, выступая в телепередаче «Совершенно секретно», признал, что Ельцин не выиграл выборы. По словам Коржакова, зам. председателя Центризбиркома Иваненко уничтожил бюллетени, объявив Ельцина победителем. Зюганов знал об этом, но признал себя побежденным, поздравив Ельцина с победой. После выборов 7 августа 1996 г. возник Народно-патриотический союз (НПСР). Однако НПСР не стал объединением всех патриотов, т. к. сводился к поддержке лидеров КПРФ на выборах.

В конце 1990-х складывалось впечатление, что национал-патриоты превратились в секты, а организованное движение исчезло совсем. Однако в действительности происходило возрождение национального сознания русских людей. Патриотические настроения овладели «молчаливым большинством», т. е. теми гражданами, которые не ходят на митинги, мало интересуются политикой, политическую активность проявляют только голосуя на выборах. «Молчаливое большинство» никогда не разделяло западнических либеральных ценностей, но было дезориентировано массированным промыванием мозгов со стороны СМИ и не видело в патриотических партиях и лидерах реальной альтернативы существующему порядку. За десятилетие русские люди успели разочароваться во многих лидерах и организациях. Горбачев, Ельцин, Жириновский, Лебедь – все они вызывали первоначально большие надежды, пользовались искренней симпатией у значительной части нации, но затем следовало горькое разочарование. Немудрено, что у россиян стало складываться предубеждение против профессиональных политиков. Поэтому происходящие в России глубинные процессы трудно оценивать методами политологии или социологии. Ни правящая «элита», ни оппозиция одинаково не могли теперь увлечь за собой массы, а новым лидерам и организациям в условиях тотального господства сионистов в электронных СМИ трудно было выдвинуться в общероссийском масштабе. Именно поэтому «народ безмолвствовал», и результаты выборов всех уровней (даже не фальсифицированных), а также социологические опросы не могли дать реальную картину изменений в сознании русских людей. Но совершенно доказанным можно считать возрастание патриотических настроений, не связанных с симпатией к конкретным партиям. Во второй половине 90-х социологи заговорили о «консервативной культурной революции» в России. Невероятно возрос интерес к отечественной истории, традициям, обычаям. Этим интересом поспешили воспользоваться ловкие коммерсанты, выпуская в продажу товары с патриотическими лозунгами (сигареты с девизом «Великая Россия», немыслимым еще в 1991 г.) или рекламу импортного продукта питания (как «сделанного по старинным русским рецептам»), свидетельствующую о пробуждении национального сознания не меньше, чем спрос на книги

по истории или фольклору. Чтобы не потерять аудиторию, даже по ТВ, остающемуся под властью сионистов, показывают старые советские фильмы и «Старые песни о главном». Зато столь веско звучавшие в конце 80-х слова «демократ», «рынок», «цивилизованные страны» приобрели уничижительный смысл и в обыденной речи, и в русском политическом сознании.

К рубежу тысячелетия стало ясно, что, проиграв политически в 1991–2000 гг., русский национал-патриотизм в значительной степени выиграл идеологически. Мировоззрение национал-патриотов и их своеобразная субкультура проникли во все поры общества и стали задавать тон в идеологических и культурных процессах, проходящих в России. Между тем завоевание культурной гегемонии в новом тысячелетии означает установление со временем и власти политической. Таким образом, в новое тысячелетие Россия вступила в условиях триумфа идеологического национал-патриотизма при упадке национал-патриотизма политического. В этом триумфе мало заслуг лидеров патриотических партий и организаций, но велика притягательная сила исторической России, ее царей, героев и подвижников.

Битва за Россию. Воспоминания

Предисловие

То, что происходит на наших глазах за последнюю четверть века, нельзя назвать иначе как – «Битва за Россию». На наше Отечество, на Великую Россию ополчились все силы мирового зла, все внешние и внутренние враги, для которых наша страна является последним препятствием на пути мирового господства Запада. В битве за Россию участвуют все русские патриоты, все граждане России, осознающие себя ее частью, а ее духовные ценности – своими ценностями.

Несмотря на огромные потери, наша страна выстояла. Хотя все произошло не так, как хотелось русским патриотам-государственникам, но и совсем не так, как о том мечтали наши враги. Тем не менее сегодня мы ощутимо ближе к национальным началам, чем были в середине 1980-х–1990-х годах. Реальный сдвиг в самосознании общества произошел в нашу сторону. Да, еще сильны позиции западно-ориентированных политиков и банкиров, но они уже не полностью контролируют политические процессы. В России появились национальный капитал и связанные с ним национальные политики. Патриотические идеи стали ресурсом государственной власти. Еще предстоит сделать очень много в возрождении русской идеологии, исторических духовных ценностей России, очистить власть от духа наживы, потребительства и либерализма. И это тоже часть нашей борьбы за Россию. Она происходит в наших душах и затрагивает всех россиян.

Последнюю четверть века я был в самой гуще событий, сознательно стремился в самые горячие точки, брался за изучение самых острых вопросов, которые вставали перед русскими людьми. Каждый раз я в силу своих возможностей стремился дать на них русский ответ.

Битва за Россию продолжается. Хронологически мы находимся примерно посередине главных событий. Нам предстоит еще увидеть крушение традиционного капитализма, которое уже началось под названием «мировой экономический кризис». Нам всем предстоит участвовать в посткапиталистическом переустройстве мира, в котором Россия будет играть большую роль, если сумеет сохранить свои духовные основы, традиции и идеалы.

Сначала о главном в моей жизни. Главное же в жизни каждого человека – вера. Только она одухотворяет жизнь и придает ей смысл. Для русского человека вера – это путь к Святой Руси. Все остальное – дорога в пустоту, какой бы мишурой, внешним богатством, славой и популярностью оно ни обставлялось.

К Святой Руси я шел всю свою жизнь, однако не всегда на этом пути я проявлял последовательность, бывало, спотыкался, серьезно отклонялся от главного. Моя жизнь была богата поисками, путешествиями по России и миру, встречами с интересными, опытными, значительными людьми, разделявшими со мной главные идеи моей жизни.

Я благодарен Богу за то, что он всегда помогал мне идти по этому пути. Я благодарен Богу за то, что встретил на своем пути (наверно, это было неизбежно) великого подвижника русского Православия митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Знакомство с ним в 1992 году осветило ярким духовным светом мое прошлое и окончательно определило мою дальнейшую жизнь.

Только встретившись с митрополитом Иоанном, я понял, что большая часть моей творческой жизни прошла не зря, не утонула в обыденной суете, а, наоборот, стала основанием всех моих дальнейших трудов, получивших одобрение в православной среде и благословение авторитетных церковных иерархов.

Сильнее всего во время нашей многочасовой встречи в Комиссии по канонизации святых Православной Церкви в 1994 году меня поразила такая мысль владыки: «каждый человек имеет свою историю встречи с Богом и встречи с Дьяволом… И то и другое обыденно, как прогулка в горах возле глубокого озера. Только в первом случае твоя душа воспаряет в небо, а во втором падает с высокого обрыва. Большая часть людей не понимает значения этих встреч, не умеет читать знаки высших сил, духовная неграмотность приводит их на край гибели. Жизнь человеческую нужно воспринимать как поле битвы Бога и сатаны, Христа и антихриста, добра и зла. Для многих с юных лет жизнь становится поражением, когда, привыкнув ко злу, они покорно плывут по реке обыденности, как духовные трупы, больше всего радуясь материальным благам и комфорту. Эти люди не достойны даже сожаления, так как они не оправдали надежды Спасителя».

Путь к Святой Руси – это прежде всего путь «борьбы со всеми, кто противостоит Богу, прежде всего с черной ратью антихриста – сионистами и масонами, воплощающими собой дух преисподней». «Сегодня Запад, – говорил мне митрополит Иоанн, – является прихожей в преисподнюю. Сегодняшняя западная культура построена на богоборчестве и отрицании Христа. Борьба антихриста против Христа является первопричиной антагонизма между Западом и Россией».

Сейчас, возвращаясь мыслью к тем годам, я ясно осознаю, что без этих слов великого подвижника я вряд ли бы нашел в себе силы оставить все прежние дела и несколько лет заниматься исследованием масонских документов Особого архива КГБ СССР, в результате которого мною был написан ряд книг по истории иудаизма и масонства, вышедших в серии «Терновый венец России». Само название серии принадлежит митрополиту Иоанну. Благословляя выход в свет первой книги «Тайная история масонства», владыка велел «…выпустить ее как можно большим тиражом и на все деньги». Митрополиту Иоанну принадлежит мысль использовать в работе не только исторические данные архивов, но и собирать информацию на действующих политических деятелей, осуществляющих свою подрывную деятельность против православной России (Гайдар, Собчак, Старовойтова, Ковалев, Юшенков, Яковлев и др.). По его инициативе и с помощью людей, которых он рекомендовал нам, мы несколько лет собирали досье на современных масонов с привлечением информаторов из разных организаций, в том числе из спецслужб.

Слова митрополита Иоанна стали ключом к моим исследованиям западной цивилизации. Изучая масонские и иудейские архивы, я столкнулся с таким количеством фактов, раскрывающих преступный характер западных государств и общества, ориентации их на захват чужих земель, имущества, геноцид всех непокорных народов! С того момента, когда западная церковь под влиянием иудейской идеологии отпала от Православия, история Запада приобретает откровенно криминальный характер. Массовые убийства и геноцид целых народов проходят красной чертой через главные события европейской цивилизации – Крестовые походы, колониальные захваты, «эпоху Возрождения» и новое время, – логически завершившиеся созданием самой жестокой общественной системы, которая когда-либо существовала на Земле – Соединенных Штатов Америки. США по жестокости превзошли все рекорды геноцида, уничтожив десятки индейских народов, живших в Северной Америке (около 100 млн человек); миллионы африканцев, используемых в качестве рабов. Только за последние 60 лет Америка убила в агрессивных войнах более 5 млн человек. Для того чтобы скрыть эти преступления, создавались мифы о гуманизме, свободе и демократии. Реально же эти понятия были применимы, согласно Талмуду, к узкому кругу «избранных». Большинство же людей, не входивших в этот круг, считались стоявшими вне закона. Этими мыслями я делился с митрополитом Иоанном и чувствовал его одобрительное к ним отношение.

Самое же главное – митрополиту Иоанну принадлежит идея создания энциклопедии «Святая Русь», подводящей итоги русской духовности с древнейших времен до наших дней.

Первая такая энциклопедия была создана в середине XVI века митрополитом Макарием – «Великие Четьи Минеи». Современному поколению православных людей, считал владыка Иоанн, следует продолжить эту работу, чтобы открыть перед читателем огромное значение духовных ценностей Святой Руси, высшего достижения христианской цивилизации.

Святая Русь – особое благодатное свойство русского народа, делающее его оплотом христианской веры во всем мире. Жертвенное служение идеалам добра и справедливости, стяжание Духа Святого, устремленность к безгрешности, совершенству и преображению души сделали русских новым Богом избранным народом, но не в смысле противостояния другим народам и стремления господствовать над ними, а в смысле первенства в борьбе с мировым злом, за построение православного царства.

Святая Русь раскрывается в следующих понятиях:

– духовная цельность – неразрывность веры и жизни;

– добротолюбие – критерий истинной христианской жизни и святости;

– нестяжательство – преобладание духовно-нравственных мотивов жизни над материальными;

– соборность – растворение личности в Церкви, государстве, православном народе;

– патриотизм – любовь к земному отечеству как преддверию Царствия Небесного. После веры в Бога патриотизм – высшее выражение духовности человека.

С началом работы над осуществлением идеи митрополита Иоанна о создании энциклопедии «Святая Русь» для меня начался новый и главный этап жизни. Мысли, высказанные владыкой, были поддержаны многими старцами, монахами, священниками, православными учеными и предпринимателями. Важный вклад в разработку идей энциклопедии внес митрополит Питирим. И совершилось чудо: то, что совсем недавно казалось мне неосуществимым и неподъемным, стало воплощаться в жизнь молитвами митрополита Иоанна, его последователей и учеников. Работа над энциклопедией увенчала и мою жизнь.

С начала 70-х годов я начал делать записи о своих путешествиях, встречах и событиях, в которых участвовал. В моих записных книжках скопилось большое количество уникальных наблюдений за деятельностью разного рода противников русской цивилизации, членов тайных иудейских и сионистских организаций, масонских лож и спецслужб. По роду своих занятий и исследований мне приходилось совершать негласные посещения тайных обществ – масонских орденов, сатанинских сборищ. Разоблачение перед всем христианским миром подрывной деятельности противников христианской веры – задача православного человека. Как писал Кирилл Иерусалимский: «Знаешь признаки антихристовы – не сам один помни их, но и всем сообщай щедро». Настало время и для меня раскрыть все, что я знал и видел о проявлениях антихриста. Как учил митрополит Иоанн: «Антихрист – это реальная политическая возможность нашего времени, грядущий мировой диктатор, дорогу которому сегодня прокладывают Израиль, США и другие страны Запада».

Антихрист – дух, помысливший встать против своего Создателя и за это низвергнутый с небес. Как озлобленный и безумный в гордыне раб восстает против господина, так и дьявол, воплощенный в антихристе, стал против всех Законов Божиих.

В духовном понятии антихрист, как воплощенный сатана, – абсолютное зло. В вещественном же – это особый человек. Св. Иоанн Дамаскин (VII в.) указывает: «Не сам дьявол сделается антихристом, но родится человек от блудодеяния и примет на себя все действия сатаны. Ибо Бог, предвидя будущее развращение его воли, попустит дьяволу поселиться в нем. Родившись от блудницы, воспитается тайно, неожиданно для всех объявится и воцарится» (кн. 4, гл. 27).

Явление антихриста связано с иудаизмом. Как говорится в Евангелии, иудеи примут антихриста с великой радостью, уверуют в него как в Мессию, обещанного пророками.

Поэтому и сказал Христос, отвергнутый евреями Мессия: «Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете» (Ин. 5, 43).

По происхождению своему антихрист будет необрезанный еврей, сперва явится к ним, а затем привлечет и другие народы. По писанию св. Андрея Кесарийского, антихрист родится от еврейского колена Данова, которое поэтому не причислено к другим 12 коленам.

Апостол Павел указывает: когда будет взят от среды Удерживающий, «тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякой силой и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду» (2 Сол. 2, 8–12).

По свидетельству св. Ипполита Римского, жившего в I–II веках, «антихрист сперва будет кроток, тих, любезен, нищелюбив, люди будут видеть в нем, в его делах много добродетели и поставят его царем над собой. Они будут рассуждать: "Где мы найдем среди нас более благого и праведного человека?" Евреи будут думать, что восстанавливается их царство. После этого антихрист откроет свое лицо истинное ("вознесется сердцем") и станет открыто жестоким, немилостивым и безбожным. Антихрист сделается царем, будет требовать от всех поклонения (всемирный царь) и будет знаменовать своей печатью покоряющихся, а непокорных замучит и убьет».

Армией антихриста станут талмудические иудеи.

«Ваш отец дьявол, – говорил Господь иудеям, – и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца из начала и не устоял в истине; ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое; ибо он ложь и отец лжи» (Ин. 8, 44). Называются иногда дьяволом и детьми дьявола, также как и сатаною, и люди, по злым качествам душ их (Ин. 6, 70; 8, 44; 1 Ин. 3, 10).

Как писал русский духовный писатель С. А. Нилус, «первый на земле народ, который признал дьявола своим богом и поклонился ему как Богу, был Израиль, ставший чрез то из народа Божия, богоизбранного, каким он был по первородству своему среди сынов человеческих, народом-богоборцем – богоубийцей, Вавилоном – женою любодеицею».

Тайна беззакония, над которой так деятельно трудился князь тьмы дьявол (Ин. 12, 31; 13, 2, 27), приобрела наконец в лице иудейского народа самую восприимчивую почву, где могло возрастать семя грядущего антихриста. Только в этом народе, превратившемся из народа богоизбранного в народ богоотверженный, только в его безграничной ненависти ко Христу дьявол мог заложить прочный фундамент для своей церкви антихриста. Об этой служебной роли иудейства в осуществлении сатанинских планов говорит и св. Иоанн Богослов: они «говорят о себе, что они иудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское» (Откр. 2, 9).

Правильно ли рассматривать всех евреев как врагов христианства и пособников антихриста? Совершенно неправильно. Все мы, православные христиане, боремся не с еврейским народом, и даже не с отдельными евреями, одурманенными талмудизмом, но против сатанинской идеологии, против антихриста, сделавших часть евреев исполнителями своих богоборческих планов.

Самая страшная трагедия в истории любого народа – это когда он становится заложником богоборческой, античеловеческой системы взглядов, превращается в тупое орудие претворения их в жизнь. В каждом народе есть люди хорошие и плохие, добрые и злые, искренние и равнодушные. Однако богоборческая, античеловеческая система превращает их в единую организацию, точнее, организованное стадо, ведомое преступными вождями, а на весь народ ложится их вина.

Вот несколько примеров из истории.

В XIII веке монгольские племена стали заложниками чудовищной идеологии Чингисхана, превратившего их из мирных кочевников в кровожадных и жестоких завоевателей.

Подобную трагедию испытал немецкий народ, жертва бредовых расистских идей Гитлера, сделавшего из культурной нации банду обнаглевших мародеров и насильников.

Заложником богоборческой, античеловеческой системы большевизма в течение двух десятилетий (1917–1937) был русский народ, ценой огромных жертв перемоловший большевистскую диктатуру.

Но самым типичным примером идеологического заложничества стала значительная часть еврейского народа, которая уже два с половиной тысячелетия не может преодолеть богоборческое, античеловеческое мировоззрение Талмуда, проповедующего расизм, расовую исключительность, особые права евреев. Идеология Талмуда предопределила многие трагические события в истории человечества, противопоставив евреев всему миру.

Раскрывая содержание и высший смысл борьбы Православия с сионизмом и масонством, я неизбежно касаюсь деятельности представителей отдельных народов и организаций. Это не означает, что у меня есть предубеждение против какого-либо народа. Я твердо следую указаниям Священного Писания, что у Бога нет плохих народов, а есть люди, противопоставляющие себя Богу, стремящиеся подчинить своей воле народы и человечество в целом. Тайные иудейские сатанинские секты и организации, а впоследствии сионистский режим Израиля, сделали немало, чтоб превратить часть еврейского народа в преступное сообщество, стремящееся к господству над всем миром.

Речь идет не о борьбе против какого-либо народа, а о ликвидации правящих элит, создавших преступные режимы вроде гитлеровского или сионистского. Освобождение еврейского народа от тоталитарной диктатуры сионистского режима приведет к неизбежному крушению преступных планов антихриста и торжеству истин Нового Завета.

Не вина, а беда евреев, что иудейские сектанты-талмудисты превратили часть из них в «сынов дьявола», «врагов рода человеческого». Иудейские талмудисты внушают евреям сатанинские чувства избранности, исключительности и вражды к другим народам, тем самым противопоставляя их всему миру. Только освободившись от притязаний на избранность и исключительность, иудеи смогут найти выход из духовного тупика, в который их завел Талмуд, и вместе со всеми народами выйти на ту столбовую дорогу, направление которой указал нам Спаситель.

В отличие от иудеев-талмудистов, которые возносят молитвы только за своих «богоизбранных» соплеменников, православные христиане всегда молятся за спасение душ всех людей, живущих на Земле, в том числе и евреев. С этой молитвы я и начинаю свои воспоминания.

Первое издание этой книги, вышедшее в октябре 2006 года, разошлось за несколько месяцев, было опубликовано в ряде журналов, в Интернете, вызвало широкий общественный отклик. Множество благожелательных отзывов пришло от русских патриотов-государственников. Они вместе со мной радовались выходу книги, рассматривая ее как подведение итогов общей борьбы с внутренними и внешними врагами России. Не промолчали и враги, все те, кого я разоблачал в своей книге, – русофобы, расисты, сатанисты, масоны всех мастей, сотрудники западных спецслужб, агенты влияния – они провели организованную кампанию в попытке дискредитировать мой труд. Начали с того, что попытались сорвать презентацию книги в Международном славянском центре. Один сотрудник радио «Свобода» организовал серию звонков с требованиями отменить презентацию, угрожая тяжелыми последствиями, а когда угрозы не возымели действия, направил в зал нескольких провокаторов, пытавшихся своими криками сорвать презентацию. Провокаторы были с позором изгнаны, и представление книги прошло успешно. Такая реакция врагов России на книгу еще раз убедила меня, что я на правильном пути.

Новое, 3-е издание книги в составе собрания моих избранных трудов дополнено целым рядом новых материалов. Внесены уточнения и поправки в основной текст.

Глава 1

Первое родовое воспоминание. – От Дуная до Волги. – Предки по матери. – Труженики и просветители. – Смерть моих прадеда и прабабушки от рук еврейских большевиков. – Первое известие об антихристе

Первое родовое воспоминание славянина связано с Дунаем и Карпатами. Какой-то особой интуицией я ощущал, что Дунай – прародина моих предков. Помню, необъяснимо торжественное и сладкое чувство охватило меня, когда ранним утром я ехал в автобусе рядом с Дунаем по равнине Сербии. В русском сознании, отраженном в народных песнях, на Дунай ходят по воду, в нем мочат холсты, почтительно величают его на чисто русский манер «по батюшке» Дунай, сын Иванович. То же чувство, что и на Дунае, я испытывал, путешествуя по Карпатам. Когда я просыпался поздно ночью в горах возле глубокого озера, во мне оживало чувство домашнего очага, спокойного уюта. Не менее сильное родовое воспоминание связано с землями моих ближайших предков. Корни их уходят во Владимирскую (по отцу) и Саратовскую (по матери) земли. Эти места были важными центрами зарождения русского народа. Истовая вера в Бога, напряженный труд, постоянная борьба с завоевателями выковали один из наиболее жизнеспособных типов великороссов – трудолюбивых, настойчивых, энергичных, уверенных в себе.

Места моих предков по отцу с местами моих предков по матери объединяют великие русские реки Ока и Волга. Недалеко от Вязников, где жили предки по отцу, р. Вязьма впадает в р. Оку, а сама Ока соединяется с Волгой, по которой водный путь вел в землю моих предков по матери в Саратовскую губернию. Активное заселение этих мест началось в XVI веке. Сам Саратов служил боевым центром русского государства для наблюдения за движениями ордынцев и истребления их «воровских шаек». Саратовские земли заселялись вольными людьми, способными и напряженно трудиться, и крепко держать оружие в руках. Мои предки по матери (Кузнецовы) пришли сюда не позднее XVII века и поселились в слободе Баланда Аткарского уезда. Были они старообрядцами, и появление их в этих местах объяснялось, скорее всего, гонениями, которые шли на сторонников старой веры. Первый Кузнецов был кузнец Иван (г.р. 1700), его профессия дала имя роду. У него были трое сыновей – Михаил, Гаврила и Никифор (г.р. 1725), которые, по всей вероятности, продолжили кузнечное дело. Однако сын Никифора Василий (г.р. 1750) разбогател, и с него в роду Кузнецовых пошли купцы Михей, Иван, Михаил (г.р. 1775). Сын Михаила Андрей (г.р. 1800), женатый на Евдокии Ивановне, имел от нее двух сыновей Осипа и Василия (г.р. 1830). С Василия уже могу посмотреть своим предкам в глаза. Сохранилась старинная фотография, на которой изображены он и его семья. Все одеты в типичные для староверов одежды, лица суровы и замкнуты. С Василия в род Кузнецовых два раза входят представители рода Склешиновых, известных тем, что один из его членов Трофим Гаврилович (XVIII в.) был писарем графа Шереметева. Василий Андреевич Кузнецов женился на Прасковье Склешиновой. От их брака родился мой прадед Афанасий (1856–1918(19?), женившийся на другой представительнице рода Склешиновых, Наталье Ивановне (1856–1918(19?), своей четвероюродной сестре. От этого брака родился мой дед.

Места, где они жили, граничили с Донской (казачьей) областью, были по рельефу очень ровные, степные, лежали по берегам реки Медведицы. Лесов здесь почти не было. Земли в основном черноземные, позволявшие получать большие урожаи пшеницы и ржи. Хлеб сплавлялся по р. Медведице к Дону. Крупным торговым центром по торговле хлебом служила как раз слобода Баланда. Именно этой торговлей и занимались купцы Кузнецовы. К концу XIX века в слободе Баланда было 1316 дворов с более чем семью тысячами жителей, 38 промысловых заведений (в основном мельницы и винокуренные заводы), три трактира, 28 лавок, несколько

базаров, ярмарка. Интересным занятием некоторых жителей слободы была ловля в окрестных степях мелких грызунов – сурков, вытапливание из них сала, выделка их шкурок.

Купеческая деятельность рода Кузнецовых прерывается на сыне Василия Афанасии, моем прадеде.[75] Он закончил Казанский университет и поступил на службу по линии Министерства народного образования, преподавал, к концу жизни был смотрителем народных училищ. Афанасий Васильевич воспитал двух сыновей-инженеров: Дмитрия (1896–1962), моего деда Алексея (1882–1942) и пятерых дочерей – Анну (1877–1943), Лидию (1884–1971), Елизавету (1890–1958), Клавдию (1907–1989), Александру (1893–1971), которые всю жизнь были школьными учительницами. По Табели о рангах мой прадед был статским генералом, от отца ему досталось богатое наследство, семья жила в достатке.

От старообрядцев в семье Кузнецовых вплоть до первой половины XX века сохранялось пренебрежение к внешним удобствам и комфорту, безразличие к стяжанию материальных благ. Чувство христианского долга преобладало над стремлением к личному счастью. Именно эти чувства и составляли основу устойчивости русского государства. Как справедливо отмечал М. Пришвин, также вышедший из старообрядцев: «Стыд личного счастья есть основная черта русской культуры».

Именно таким и был мой прадед – человек долга, бессребреник, настоящий консерватор, близкий к кругу купцов Бардыгиных, С. Ф. Шарапову, Н. П. Гилярову-Платонову. Последний сформулировал жизненные правила русского человека, которые стали главными для моего прадеда:

«Жизнь есть подвиг, а не наслаждения.

Труд есть долг, а не средство своекорыстия.

Верховный закон междучеловеческих отношений есть всеотдающая любовь, а не зависть.

Люби ближнего, как самого себя: вот в двух словах все начало должных общественных отношений, истинно христианских и истинных во всяком другом значении этого слова.

Лицо, сохрани свою инициативу, владей свободой, какой одарено, употребляя всю энергию, к какой способно, но клони все свои действия на благо человечества, на пользу братьев».

Хорошо образованный и начитанный, Афанасий Васильевич Кузнецов сумел избежать модного тогда либерализма. Христианин, считал он, не может быть либералом. Откуда пошел либерализм? Из Англии, а в Англии всю власть жиды захватили. Либерализм создало еврейство для утверждения своего господства над миром. Конституция в западном смысле, которую требуют либералы, христианам не нужна, ибо все главные положения для человечества и общества содержатся в Евангелии. Законы для общества должны строиться не по конституции, а по Новому Завету. Прадед мой терпеть не мог либералов за их враждебность к царю, за атеизм и двуличие.

Либерализм, считал прадед, может превратить в преступника самого честного, самого порядочного человека. В связи с этой его мыслью мне сразу же вспоминаются нравственные мучения Ф. М. Достоевского, которыми он поделился с А. С. Сувориным.

«Представьте себе, – говорил Достоевский, – что мы с вами стоим у окон магазина Дациаро и смотрим картины. Около нас стоит человек, который притворяется, что смотрит. Он чего-то ждет и все оглядывается. Вдруг поспешно подходит к нему другой человек и говорит: "Сейчас Зимний дворец будет взорван. Я завел машину". Мы это слышим. Представьте себе, что мы это слышим, что люди эти так возбуждены, что не соизмеряют обстоятельств и своего голоса. Как бы мы с вами поступили? Пошли ли бы мы в Зимний дворец предупредить о взрыве или обратились бы к полиции, к городовому, чтоб он арестовал этих людей? Вы пошли бы?

– Нет, не пошел бы…

[75] Впрочем, в отношении других Кузнецовых я это утверждать не могу, проследить их судьбу мне не удалось. Известно только, что другой сын Василия Егор (г.р. 1857) имел четырех сыновей.

– И я бы не пошел. Почему? Ведь это ужас. Это – преступление. Мы, может быть, могли бы предупредить. Я вот об этом думал до Вашего прихода, набивая папиросы. Я перебрал все причины, которые заставляли бы меня это сделать. Причины основательные, солидные, и затем обдумал причины, которые мне не позволяли бы это сделать. Эти причины – прямо ничтожные. Просто – боязнь прослыть доносчиком. Я представлял себе, как я приду, как на меня посмотрят, как меня станут расспрашивать, делать очные ставки, пожалуй, предложат награду. Напечатают: "Достоевский указал на преступников". Разве это мое дело? Это дело полиции. Мне бы либералы не простили. Они измучили бы меня, довели бы до отчаяния. Разве это нормально?»

По такой логике либерализм был убежищем негодяев и преступников. Именно такое либеральное отношение к цареубийцам сделало русское общество беззащитным перед преступниками и разрушило его. Не боясь преследований либералов, мой прадед выступал за строгое наказание государственных преступников. В нашей семье сохранились сведения, что в апреле 1881 года он присутствовал на казни цареубийц Желябова, Перовской, Кибальчича, Рысакова. Совершив самое страшное убийство, преступники вели себя трусливо, дрожали всем телом, до самого конца ожидали, что их помилуют. В момент подготовки казни они хватали палачей за ноги, стремясь хоть на минуту продлить свою подлую жизнь. Ни у кого из присутствующих на казни судьба извергов не вызвала сожаления. Такие же публичные казни государственных преступников, считал прадед, следовало бы проводить и в 1905–1907 годах. Тогда бы страна не пришла к краху 1917 года.

Судя по всему, многие взгляды своего отца разделял и мой дед. Лучшими годами своей жизни он считал учебу в Егорьевской гимназии и приятельские отношения с младшим внуком купца Н. Ф. Бардыгина. Известно, что после 1917 года младший Бардыгин попал на Соловки, где закончил свою жизнь.

Смерть Афанасия Васильевича и его жены Натальи в разгар Гражданской войны окутана тайной. Известно только, что они умерли в Егорьевске. Мой дед Дмитрий Афанасьевич и его сестры, конечно, знали, как они умерли, но ничего не рассказывали. Помню, как спрашивал у тети Клаши и тети Лизы о последних днях прадеда и прабабки. В ответ они лепетали что-то невразумительное о трудном времени и об обстоятельствах жизни. Думаю, что если бы прадед и прабабка умерли от голода, болезни или от бандитских налетов, то вряд ли их дети стали бы скрывать причину смерти. Скорее всего, они стали жертвой Егорьевской Чека, состоявшей в то время сплошь из евреев, занимавшихся грабежами состоятельных граждан. Есть версия, которую высказывал мой дядя Глеб (сын тети Шуры – Александры), что Афанасия Васильевича с женой взяли в заложники и при удобном случае расстреляли. Все, что им принадлежало, – дом, имущество, драгоценности – было конфисковано. Ничего ценного от былого достатка в семье не осталось, сохранились только некоторые фотографии. Мой дед в то время учился в Коммерческом училище, позже он закончил Институт народного хозяйства им. Плеханова. Тяжелее всего пришлось его пятерым сестрам. Они в одночасье оказались без крыши над головой. Тем не менее продолжали учительствовать, а самая младшая тетя Клаша готовилась вступить на их стезю.

Только двое из пятерых сестер (тетя Лиза и тетя Шура) вышли замуж, всю жизнь над ними довлела тайна смерти родителей (возможно, чекисты взяли с них расписку о неразглашении).

Переехав в Москву, тетя Шура и тетя Лиза вынуждены были скрыть свое происхождение. В 1929 году тетя Шура сумела договориться со священником старообрядческой Введенской церкви в с. Баланда, убедила его, что она якобы является крестьянкой. По этой справке и получила паспорт.

К политике у теток было отвращение. Разговоров о современных исторических событиях они не поддерживали. И тем не менее в обыденной жизни они были предупредительны и доб-

рожелательны. Стремились помочь родне, хотя возможности у них были очень скромные. Из своей маленькой учительской зарплаты, а позднее пенсии, тетя Лиза и тетя Клаша ухитрялись сэкономить, чтобы помочь семье брата. Тетя Клаша, выйдя на пенсию, устроилась работать безвозмездно в библиотеку. Лет за пять до смерти она приезжала в Москву к моей маме. Как-то за чаем мы разговорились, и она рассказала несколько историй из жизни Егорьевска первых лет революции. Хотя она рассказывала их от лица подруги, которой в 1918 году было 14 лет, мне показалось, что эти истории относились к ней самой.

В конце 1918-го группа еврейских чекистов проводит обыск в богатой русской семье. Чекисты перетрясают дом, отбирают все ценности. Одежду, лампы, музыкальные инструменты грузят в машину. Ограбив семью полностью, садятся «жрать», вытаскивают все съестное из подпола, заставляют женщин жарить картошку с луком, выпивают, поют песни на идише, глумятся над «русскими буржуями», пристают к девушкам. Попытка отца семейства образумить насильников вызывает у них ярость. Руководитель чекистов на глазах четырнадцатилетней девушки убивает ее отца, затем насилуют и убивают мать и сестру, а потом насилуют ее саму. Единственной из всей семьи ей оставляют жизнь, потому что она понравилась главарю чекистов. Он делает четырнадцатилетнюю девушку своей наложницей. Занимая ответственные посты в ЧК, он переезжает с ней из города в город. Она панически боится его. Он ее по-своему любит.

Занимаясь грабежами при производстве арестов и обысков, чекист приносит ей драгоценности, наряды, меха, но надевать их она может только дома. В одном из городов чекиста убивают. Узнав об этом, малолетняя наложница впервые ощущает себя свободной, поджигает квартиру с награбленным добром и с одним маленьким узелком убегает к тетке в Егорьевск. Там кончает учительские курсы и навсегда замыкается в себе, неспособная ни создать семью, ни родить детей.

После смерти теток, перебирая их бумаги, я понял, что, несмотря на страшные события, в которые они были вовлечены, их души не ожесточились, а продолжали излучать привитую с детства доброту и любовь. В бумагах теток я нашел трогательное стихотворение тети Лизы, написанное незадолго до войны, выражавшее ее простую, любящую душу:

ЧТО Я ЛЮБЛЮ
Люблю я лес, люблю я горы,
Люблю я реки и луга.
Люблю небесные светила,
Люблю я сильную грозу!
Люблю встречать восход я солнца,
Люблю вечернюю зарю.
Люблю я трели соловьины,
Люблю я пенье петуха.
Люблю искать грибы в лесу я,
Люблю я ягоды сбирать.
Люблю я зайчиков пугливых,
Люблю я хитрую лису.
Люблю березки я кудрявы,
Люблю красивые цветы.
Люблю кататься на лодке,
Люблю сидеть я у руля.
Люблю я гладкие дороги,
Люблю я быструю езду.
Люблю я русские просторы,

Люблю я Родину свою.
Люблю я скромный наш Егорьевск,
Люблю я матушку Москву!

Москва, Москва!!!
Как можно не любить Москву!
Она ведь мать всего народа,
Защита наша от невзгод!
Люблю я Кремль ее старинный
И звон на башенных часах.
И площадь Красную люблю я,
Люблю гулять я по Москве.
Люблю театры и музеи,
Люблю московское метро.
Люблю я станции красивые,
Люблю я шумную толпу.

ЧТО Я НЕ ЛЮБЛЮ
Не люблю я бабских сплетен
И пустую болтовню.
Не люблю я тех, кто всюду
Выставляет свое *я,*
Не люблю подхалимаж.

Л К.

Тетя Шура воспитала двух сыновей, воспитала как патриотов. Сохранились письма военного времени, которые ее сыновья писали ей и посылали друг другу. Это письма русских патриотов, уверенных в своей силе и готовых драться с врагом до конца. «Ты, конечно, поймешь меня, – писал Вениамин своему брату Глебу из военного училища, – поймешь, какие глубокие душевные раны нанесла мне война. Выход только один, только одним способом может быть восстановлено все прошлое. Надо драться за него. Драться упорно, до последнего, чего бы это ни стоило. Для этого нужно много времени, еще больше усилий, напряженности, но это выполнимо. Скоро я поеду на фронт. Буду рассчитываться с фрицами за все, за всю душевную боль, за неоправданные надежды, за нашу жизнь». Через месяц Вениамин ушел на фронт, присылал он оттуда мужественные, ободряющие близких письма, а летом 1943 года погиб смертью храбрых.

Конечно, весь ужас, который испытали мои тетки, пронизал и моего деда. Дмитрий Афанасьевич также держался подальше от политики, избегал обсуждения партийных руководителей. Несколько раз пытался заниматься научными исследованиями. Однако жизнь пошла иначе. После окончания Плехановки дед устроился в исследовательский институт, занимавшийся разработкой военной техники. Обсчитывал экономическую сторону этих разработок. Дорос до начальника планово-экономического отдела, хотя никогда не был членом партии. В 1927 году женился на Ольге Мануиловне Лавровой (1902–1977), от брака с которой родились две дочери и два сына. Бабушка была дочерью инженера-путейца из Мелитополя, человека достаточно состоятельного до 1917 года, но также погибшего в огне еврейской революции. Бабушка получила хорошее домашнее образование, а позже закончила институт иностранных языков, знала немецкий, французский и английский. Всю жизнь проработала учительницей иностранных языков. Незадолго до отставки Председателя Совета министров Маленкова была приглашена им обучать языкам кого-то из его детей, что не осуществилось из-за падения этого

деятеля. Сколько я ее помню, с ней всегда была книга, все свободное время она отдавала чтению, особенно французских романов, которые она брала у писателей из поселка Переделкино – их «оболтусов» (ее выражение) она «натаскивала на языки».

Большую часть времени дед проводил в длительных дальних командировках. Семья часто переезжала. Жили в Серпухове, Салтыковке (здесь родилась моя мать), разных других местах. Перед войной дед в очередной раз пытался уйти в науку. Однако в самом начале германского нашествия был мобилизован, получил звание капитана и стал продолжать работу в институте, но уже как военнослужащий. В 1946-м его демобилизовали. Семья, а в ней было уже трое детей, переехала на станцию Баковка – в сухое, здоровое место в 20 км от Москвы. Рядом с Баковкой начинался густой тенистый лес и протекала река Сетунь, в которой водилось много рыбы, служившей хорошим подспорьем в питании местных жителей. До 1917 года здесь было дачное место, после 1917-го местность облюбовали еврейские большевики. В частности, здесь построил себе дачу видный еврейский большевик, член Политбюро, нарком финансов Г. Я. Сокольников (настоящая фамилия – Бриллиант Гирш Янкелевич), притянувший сюда довольно большое количество еврейских семейств, оставивших о себе недобрую память. Сокольников, который приехал в Россию вместе с Лениным в пломбированном вагоне, был связан не только с немецкой разведкой, но и с масонскими ложами. Крайне растленный тип, Сокольников превратил свою дачу в центр политических интриг и пьяных оргий с актрисами, воспоминания о чем надолго сохранялись в памяти старожилов. Одна старушка уже в начале 70-х годов, вспоминая о прошедшем времени, называла Сокольникова и его гостей антихристами. «Почему?» – спрашивал я. «Антихристы, жиды, и все!» – махнула она рукой.

Гостями Гирша Сокольникова были преимущественно соплеменники. По местным слухам, в конце 20-х годов именно на этой даче планировались свержение Сталина и передача всей власти в России Троцкому, Радеку и Сокольникову. Результатом переворота должна была стать передача всей русской промышленности и торговли в руки еврейских капиталистов и установление абсолютной диктатуры еврейских большевиков. Сталин нанес Троцкому и Сокольникову упреждающий удар, на Баковке прошли многочисленные аресты, сохранившиеся в памяти старожилов еще в конце 50-х – начале 60-х годов.

В 1946 году семья моего деда и бабушки с тремя детьми поселилась на Баковке, вначале в общежитии, все в одной комнате рядом с железнодорожной платформой. День и ночь рядом шли поезда в Германию и обратно, не считая местных составов и электричек. Проезжая станции, поезда сигналили, не давая заснуть ни взрослым, ни детям. К тому времени бабушка была беременна четвертым ребенком, существовать в этой комнате стало невозможно. После хождения по инстанциям власти «смиловались» и пошли на «улучшение» жилищных условий семьи. Дед и бабушка получили малюсенький (5×5) домик, бывшую кухню бывшей барской усадьбы, главное здание которой находилось невдалеке, рядом с Минским шоссе. Интересная подробность, о которой я узнал недавно: менее чем в километре от дедовского домика в годы войны была одна из резервных ставок Верховного главнокомандующего, а позже известная всем дача маршала Буденного.

Значительную часть барской кухни занимали большая русская печь и кладовка с набросанным там разным хламом, среди которого валялись книги на иностранных языках, отдельные тома энциклопедии Брокгауза и – о, ужас! – стенографические отчеты троцкистских съездов, сочинения Зиновьева, Сокольникова и других еврейских большевиков. Первое, что сделали дед и бабушка, – затопили летом печь и покидали туда сочинения еврейских большевиков, наблюдая, как в огне корчились обложки с именам и портретами палачей русского народа.

Очистившись от скверны, дед соорудил в бывшей кухне с помощью тонких перегородок три маленькие комнатки, обнес домик штакетником. От былой роскоши и парка сохранились липовая аллея и старый вишневый сад. Они украсили жизнь семьи. Все это я хорошо запомнил, так как прожил здесь почти два года (1958–1959).

Спиртного дед почти не употреблял. Окружающим любил давать разные прозвища, часто очень смешные, например, Огурцов, Купчиха, Кабаниха, Бараний глаз, Рыбий глаз. Уже после своей болезни (в 1952-м в Чите от напряженной работы у него случился инсульт), став инвалидом, дед любил сидеть у крылечка и подолгу беседовать с проходящими по узкому переулочку соседями. Помню его в потертом офицерском кителе и с палочкой в руках. Перед смертью дед почти ничего не мог говорить. Были понятны только отдельные его слова. Именно в это время я впервые услышал слово «антихрист» как выражение чего-то крайне ужасного.

Глава 2

Вязники и Муромские леса. – Предки по отцу. – Патриоты и богомольцы. – Полотняная и лесная промышленность. – Захват нажитого. – Бегство от еврейских большевиков. – Эпоха Сталина. – Отношение к нему моих родственников

Главным водным путем владимирских земель в той части, в которой жили мои предки по отцу, была река Клязьма. С востока и юга земли моих предков охватывала река Клязьма, к востоку от Коврова текла через обширную, ровную, преимущественно болотистую или песчаную, покрытую сосновыми лесами низину, развитую по левому берегу, соединяясь далее с такой же низиной левобережья Оки, где жили мои предки по матери.

По возвышенному правобережью Клязьмы вниз от города Владимира до Гороховца в местах, где родились и жили мои предки по отцу, – села Высоково, Мстера, Вязники – господствовал холмисто-овражистый рельеф. Это был край девственных лесов, благоухающих разнотравьем лугов. Высокие холмы, глубокие овраги были очень характерны для этой местности. На одном из таких холмов на берегу Клязьмы в 5 км от нынешних Вязников возник в XII веке город Ярополч. Его основал еще раньше Москвы брат Юрия Долгорукого Ярополк Владимирович как форпост Руси на восточном пути кочевников и для усмирения живших в окрестностях этих мест финно-угорских племен гуди, мери, веси, муромы, черемисы, мордвы. Большая часть этих племен мирно слилась с русскими, породнившись с ними, приняв их веру и обычаи, оставив память о себе только в географических названиях. Недалеко от Ярополча стоял еще более древний город Муром. Он упоминался в летописи в 862 году, однако славяне жили здесь еще до официального возникновения Ростово-Суздальской Руси. В начале XIII века мирный труд моих предков был остановлен татаро-монгольскими кочевниками. Дикая орда, пользуясь численным превосходством, захватила эти земли, сожгла и уничтожила Ярополч и Муром, убив многие тысячи мужчин, увела в рабство женщин и детей. Чтобы спасти себя, многие жители ушли в леса. Память об этой трагедии из уст в уста сохранялась в десятках поколений русских и вне всяких школьных учебников, рассказывала мне про это моя бабушкой.

После татарского разгрома русские города строились чаще всего на новом месте. На новом месте был построен и Ярополч, ставший ядром исторических Вязников. Долгие годы Ярополч служил крепостью на Клязьме по пути на восток. В 1612 году через Ярополч прошло народное ополчение Кузьмы Минина и князя Пожарского освобождать Москву от польских оккупантов. Слова «татарва» и «ляхи» для окрестных крестьян были синонимами врага, но не просто неприятеля, а врага веры. Ненависть к ним, помню это по реакции моих бабушки и деда, носила священный характер. Так же они относились к библейским извергам. Вспоминаю, как дед, когда я что-то неправильно говорил, неправильно излагал свои мысли, сердился и кидал фразу: «Ты что, татарин?» Поляков дед и бабка считали предателями веры православной. Помню, бабушка доказывала мне, что раньше поляки придерживались православной веры, а потом изменили ей и стали служить врагам Христовым. Так в народном сознании, вероятно, отразилось стремление польских захватчиков закрыть Христовы церкви и ввести еретический католицизм.

Главным врагом русских в православном сознании моих предков (сужу по высказываниям моих бабушки и деда) были «жиды». К своему счастью, вплоть до 1917 года они настоящих евреев почти не знали. Места, где жили мои вязниковские предки, для евреев не были прибыльны. Вязниковцы знали о жидах только по Библии, считали их самыми главными врагами веры, народом-богоубийцей, который должен постоянно каяться в совершении им самого страшного преступления всей мировой истории. Бабушка рассказывала, что некоторые вязни-

ковцы, хотя со святой ненавистью относились к евреям, вместе с тем жалели их как несчастных, вынужденных нести несмываемое проклятье, наложенное на их предков. Вместе с тем пустить жида в дом и тем более усадить за свой стол считалось позором.

Родители моего прадеда по матери отца пряли лен, выделывали из него холсты, женщины вышивали по льняному полотну. От моей бабушки сохранился целый чемодан таких вышивок. Многие соседи занимались разными промыслами: валянием шерсти, скорняжеством, выделкой овчин, полушубков и шуб. На всю Россию в Вязниковском уезде славилась вишня, особенно так называемая «родителева», которая шла на приготовление настоек и наливок.

Вязниковский уезд на всю Россию славился своими иконописцами. В окрестных селах Мстера, Холуй, Палех эти промыслы занимали около 2 тыс человек, расписывалось до 1800 икон в год. Возы с иконами расходились по всей России. Особенно ценилось палехское письмо.

В каждом вязниковском доме было по нескольку икон. Бабушка рассказывала, что у них стоял большой угловой иконостас в золоченой раме. Каждое воскресенье и во все праздничные дни ходили в храм. Тех, кто избегал церкви, крестьяне не любили и не доверяли им, считали их «чужими, пустяшными людьми». Большая часть жителей Вязников и уезда были благочестивы. Церковь и община (в Вязниковском уезде было 246 общин) определяли всю жизнь людей. Раз в несколько лет жители совершали паломничество по святым местам и монастырям Владимира, Суздаля, Мурома. Пренебрегала паломничеством «всяка пустельга и лодыри». Шли пешком, с котомками за плечами, на ночь останавливались в деревнях, а с утра снова шли день за днем. Среди жителей Вязниковского уезда было широко распространено почитание Серафима Саровского – еще задолго до его официальной канонизации в 1903 году. Бабушка вспоминала, как в Саров и Дивеево ходили ее отец и дяди. В семье долго хранились бумажные иконки из этих мест, одну из которых она попросила положить в свой гроб. Мне бабушка передала икону Иверской Богородицы. Для нее этот образ был самым главным. Им ее благословили на венчание, с ним она прошла всю жизнь, а сейчас он висит у постели моей дочери. 6 июля в Вязниковском уезде особенно пышно праздновали чудотворную икону Владимирской Богородицы, а через день – святых Петра и Февронию, историю которых в Вязниках и окрестных деревнях с детства знала каждая девушка. Впервые об этих святых я узнал именно от бабушки. История Петра и Февронии отражает поэтичный дух и житейскую мудрость жителей этих мест и заслуживает особого внимания, так как служит духовным ключом к пониманию мироощущения моих предков.

Преподобный Петр был младшим братом княжившего в Муроме благоверного Павла. Однажды в семье Павла случилась беда – по наваждению дьявола к его жене стал летать змей. Горестная женщина, уступившая демонской силе, обо всем поведала мужу. Князь наказал супруге выведать у злодея тайну его смерти. Выяснилось, что погибель супостату «суждена от Петрова плеча и Агрикова меча». Познав об этом, князь Петр тотчас решился убить насильника, положившись на помощь Божию. Вскоре на молитве в храме открылось, где хранится Агриков меч, и, выследив змея, Петр поразил его. Но перед смертью змей обрызгал победителя ядовитой кровью, и тело князя покрылось струпьями и язвами.

Никто не мог исцелить Петра от тяжкой болезни. Со смирением перенося мучения, князь во всем предался Богу. И Господь, промышляя о своем рабе, направил его в Рязанскую землю. Один из юношей, посланных на поиски лекаря, случайно зашел в дом, где застал за работой одинокую девушку по имени Феврония, дочь древолаза, имевшую дар прозорливости и исцелений. После всех расспросов Феврония наказала слуге: «Приведи князя твоего сюда. Если будет он чистосердечным и смиренным в словах своих, то будет здоров!»

Князя, который сам ходить уже не мог, привезли к дому, и он послал спросить, кто хочет его вылечить, и обещал тому, если вылечит, большую награду. «Я хочу его вылечить, – без обиняков ответила Феврония, – но награды никакой от него не требую. Вот к нему слово мое: если я не стану супругой ему, то не подобает мне лечить его». Петр пообещал жениться, но в

душе слукавил: гордость княжеского рода мешала ему согласиться на подобный брак. Феврония зачерпнула хлебной закваски, дунула на нее и велела князю вымыться в бане и смазать все струпы, кроме одного.

Благодатная девица имела премудрость Св. отцов и назначила такое лечение не случайно. Как Господь и Спаситель, исцеляя прокаженных, слепых и расслабленных, через телесные недуги врачевал душу, так и Феврония, зная, что болезни попускаются Богом во испытание и за грехи, назначила лечение для плоти, подразумевая духовный смысл. Баня – по Св. Писанию – образ крещения и очищения грехов (Еф. 5, 26); закваске же Сам Господь уподобил Царствие Небесное, которое наследуют души, убеленные баней крещения (Лк. 13, 21). Поскольку Феврония прозрела лукавство и гордость Петра, она велела ему оставить несмазанным один струп, как свидетельство греха. Вскоре от этого струпа вся болезнь возобновилась, и князь вернулся к Февронии. Во второй раз он сдержал свое слово. «И прибыли они в вотчину свою, город Муром, и начали жить благочестиво, ни в чем не преступая Божии заповеди».

После смерти брата Петр стал самодержцем в городе. Бояре уважали своего князя, но надменные боярские жены невзлюбили Февронию, не желая иметь правительницей над собой крестьянку, подучивали своих мужей недоброму. Всякие наветы пытались возводить на княгиню бояре, а однажды взбунтовались и, потеряв стыд, предложили Февронии, взяв, что ей угодно, уйти из города. Княгиня ничего, кроме своего супруга, не желала. Обрадовались бояре, потому что каждый втайне метил на княжье место, и сказали обо всем своему князю. Блаженный Петр, узнав, что его хотят разлучить с любимой женой, предпочел добровольно отказаться от власти и богатства и удалиться вместе с ней в изгнание.

Супруги поплыли по реке на двух судах. Некий мужчина, плывший со своей семьей вместе с Февронией, засмотрелся на княгиню. Святая жена сразу разгадала его помысел и мягко укорила: «Почерпни воду с одной и другой стороны лодки, – попросила княгиня. – Одинакова вода или одна слаще другой?» – «Одинакова», – отвечал тот. – «Так и естество женское одинаково, – молвила Феврония. – Почему же ты, позабыв свою жену, о чужой помышляешь?» Обличенный смутился и покаялся в душе.

Вечером они причалили к берегу и стали устраиваться на ночлег. «Что теперь с нами будет?» – с грустью размышлял Петр, а Феврония, мудрая и добрая жена, ласково утешала его: «Не скорби, княже, милостивый Бог, творец и заступник всех, не оставит нас в беде!» В это время повар принялся готовить ужин и, чтобы повесить котлы, срубил два маленьких деревца. Когда окончилась трапеза, княгиня благословила эти обрубочки словами: «Да будут они утром большими деревьями». Так и случилось. Этим чудом она хотела укрепить супруга, провидя их судьбу. Ведь коли «для дерева есть надежда, что оно, если и будет срублено, снова оживет» (Иов 14, 7), то человек, надеющийся и уповающий на Господа, будет иметь благословение и в этой жизни, и в будущей.

Не успели они проснуться, как приехали послы из Мурома, умоляя Петра вернуться на княжение. Бояре поссорились из-за власти, пролили кровь и теперь снова искали мира и спокойствия. Блаженные Петр и Феврония со смирением возвратились в свой город и правили долго и счастливо, творя милостыню с молитвой в сердце.

Когда пришла старость, они приняли монашество с именами Давид и Евфросиния и умолили Бога, чтобы умереть им в одно время. Похоронить себя завещали вместе в специально приготовленном гробу с тонкой перегородкой посередине.

Они скончались в один день и час, каждый в своей келье. Люди сочли нечестивым хоронить в одном гробу монахов и посмели нарушить волю усопших. Дважды их тела разносили по разным храмам, но дважды они чудесным образом оказывались рядом. Так и похоронили святых супругов вместе около соборной церкви Рождества Пресвятой Богородицы, и всякий верующий обретал здесь щедрое исцеление.

Через десять дней после празднования Петра и Февронии, рассказывала бабушка, в селе Высоково молились святому Андрею Боголюбскому. В Введенском храме хранился старинный образ этого «умученного жидами» святого, который, по словам митрополита Санкт-Петербургского Иоанна (Снычева), был «русским властителем, почувствовавшим себя не просто владельцем земли, а Божьим слугой, попытавшимся воплотить в жизнь идеал христианской государственности».

Еще одним священным преданием Вязников была история об Илье Муромце, былинном богатыре, национальном герое, канонизированном Русской Церковью. Мне запомнился рассказ деда о том, как он ездил из Вязников в Муром (расстояние километров 30), ему показывали, где стоял дом, в котором Илья Муромец просидел тридцать лет и три года и откуда пошел на служение Руси в Киев. Совершенно серьезно дед рассказывал мне, что лично знал потомков Ильи Муромца, людей богатырского сложения по прозвищу Большие Пущины (Большие Гущины). Илья Муромец воплощал русский идеал – он был добродушным, чуждым зависти и недоброжелательства, готов был жизнь положить за правую веру против идолищ – татар и жидов, к жестким действиям прибегал только в крайних случаях. В начале XX века героический образ Ильи Муромца использовали в детских играх. Самый сильный и авторитетный мальчик объявлялся «богатырем Ильей Муромцем». Остальные мальчики должны были «биться» с ним или подчиняться.

Царская власть в Вязниковском уезде почиталась высоко. Бунтовщиков и агитаторов против царя крестьяне задерживали, связывали веревками по двое и вели в полицию. Некоторых перед этим секли «для порядку» перед портретом царя. Так, в мае 1905 года рабочие высекли нескольких зачинщиков, мутивших рабочих, призывая их к забастовкам.

К концу XIX века в Вязниковском уезде было 17 фабрик, главным образом ткацких. Самая большая – в деревне Ярцевой – огромная льнопрядильная Товарищества Демидова (около 2 тыс рабочих). В самих Вязниках стояла фабрика бывших крепостных Сеньковых. Изделия завоевывали медали и дипломы на известных международных выставках в Париже и Чикаго. На фабрике работало почти полгорода. Сеньковы много строили, открыли при своей фабрике начальную школу, содействовали открытию в Вязниках мужской и женской гимназий. Себе Сеньковы построили дом в 60 комнат на Яропольческой горе. В городе жизнь Сеньковых стала легендой, о них ходило множество слухов и небылиц. Среди женской части Вязников популярны были рассказы об амурных похождениях одного из Сеньковых – Сергея Ивановича. Бабушка рассказывала, что для одной из своих подруг он построил каменный особняк, в котором устраивал шумные загулы. Тем не менее были известны случаи, когда Сеньковы помогали людям, попавшим в трудное положение, при этом демонстративно отказываясь помогать обедневшим по лени и нежеланию работать. Бабушка с юмором рассказывала, как Сеньков взашей прогнал из своего дома одного будущего красного комиссара, бывшего работника фабрики, пытавшегося шантажировать фабриканта. Впоследствии именно этот злопамятный лодырь был в числе первых, кто пришел захватывать фабрику, в короткий срок разорив ее.

Как деловые люди, Сеньковы были авторитетом для всех вязниковских предпринимателей, среди которых был и мой прадед Григорий Данилович Шмыров (1860–1938). Он владел небольшой ткацкой фабрикой в родном селе Высоково. В деле с ним, вероятно, были и два его родных брата Василий и Никита (умер в 1951-м). Шмыровы имели несколько больших домов, но все жили своим трудом. Григорий Данилович с женой Ириной Ильиничной (1865–1928) имели шестерых детей – Никанора (1883–1917), Анастасию (1885–1932), Наталью (1888–1964), Марию (1892–1979), Алексея (1902–1963) и мою бабушку Пелагею (родные называли ее Полиной или Полей) (1900–1982). Никанор был надеждой Григория Даниловича, но его забрали на войну с Германией, откуда он вернулся в цинковом гробу. Хоронили его как героя, на похороны собрались жители со всех окрестных деревень. Бабушка много раз рас-

сказывала мне о брате Никаноре. У него был хороший характер, его все любили. После него осталось четверо детей.

Рядом с Высоково находилась деревня Беляниха, где жила семья лесопромышленников Платоновых. Гаврила (умер в 30-х) и Матрена имели семерых детей – Федора, Михаила, Алексея, Сергея, Дмитрия и моего деда Ивана (1983–1964). Все мужчины в семье занимались лесозаготовками и торговали лесом. Много работали, жили зажиточно. Дед в молодости любил погулять. От девушек у него отбоя не было. Но из всех он выбрал Полину Шмырову. Встречи переросли в серьезное чувство. Бабушка мне рассказывала, что молодежь собиралась возле деревни Высоково. Пели, танцевали. Иван приходил с друзьями. Один из них играл на гармони. Сам Иван бил в бубен. В 1918 году Иван и Полина поженились. От этого брака родились четверо детей – Ольга, Мария, Николай и самый младший – мой отец Анатолий (1924–1980). До войны дед с бабушкой жили хорошо. В войну они надолго разлучились – деда направили на организацию заготовок леса для нужд фронта. После войны они фактически разошлись (не оформляя развода). Дед встретил женщину гораздо моложе себя и увез ее. Работал директором леспромхоза на Севере. После выхода на пенсию поселился вместе со своей новой подругой в Ярославле. Рассказывают, что у них были дети.

Впрочем, это было уже потом, а в 20–30-е годы дед и бабушка писали друг другу письма, полные любви. Жизнь кругом рушилась. Незыблемой оставалась земля. Родители и бабушка с дедом были разорены большевиками, все их имущество было конфисковано.[76] Григорий Данилович с женой, чтобы избежать ареста, вынужден был бежать из родных мест и почти два десятилетия жил попеременно у своих четырех дочерей (чаще всего у Марии). Братьев Григория Даниловича, которые вовремя не уехали, некоторое время продержали в тюрьме, отобрали их дома, а после тюрьмы разрешили поселиться в подвальной комнате здания, где раньше была их фабрика. Весной подвал затапливало, их кровати стояли в воде. Почти такая же судьба была у родителей деда. Они тоже вынуждены были уехать из родных мест, скитались, как бомжи, перенося все свое имущество в заплечном мешке.

Мои дед и бабушка, не дожидаясь репрессий, переселились на станцию Мстера. Дед работал бригадиром на лесозаготовках.

На станции Мстера родился мой отец. В начале 30-х тучи над их головами стали сгущаться. Местным властям поступил донос о том, что дети бывших фабрикантов могут совершить вредительство. Не дожидаясь ареста, дед и бабушка быстро собрали свои вещи и навсегда уехали из этих мест. Поселиться они решили в Одинцове Московской области, где жил один из приятелей деда. От отца бабушке осталось несколько золотых вещей, их продали, добавили сбережения деда и купили здесь небольшой домик в 300 метрах от станции, между железной дорогой и Можайским шоссе. Чтобы прокормить детей, бабушка завела корову и кур.

Место это упоминалось в летописях еще с XIV века и было связано с именем боярина великого князя Дмитрия Донского Андрея Одинца, принадлежало оно известному родственнику царя Алексея Михайловича Артамону Матвееву и его наследникам, а потом графам Зубовым, князьям Мещерским. Имена этих государственных деятелей по рассказам на уроках истории стали первыми заинтересовавшими меня образами богатой русской истории. Учитель истории был очень интересный человек, увлеченный краеведением Одинцова. Он одним из первых возбудил у меня любовь к русской истории и к этим местам. Особенно много он рассказывал об Отечественной войне 1812 года. Одинцово тогда было оккупировано корпусом Иоахима Мюрата. Французы вели себя нагло и бесцеремонно, отбирали провизию, приставали к женщинам. Мужчины собирались в партизанские отряды и убивали оккупантов.

[76] Перед конфискацией бабушке удалось вывезти настенные часы, кое-что из семейной мебели – стол на витых ножках и два кресла, а также чемодан с полотном и вышивками, которые производились на родительской фабрике. Сейчас все это хранится у меня.

А те в отместку сжигали дома и расстреливали мирных жителей. Зверства французов были таковы, что население Одинцова сократилось на треть. Французы оставили в Одинцове недобрую память о себе и множество французских могил, розыском которых я впоследствии занимался вместе с друзьями, чтобы добыть оружие.

Хорошую память о себе в этих местах оставили фабриканты Якунчиковы. Они построили здесь кирпичный завод, дома для рабочих, больницу. Дед и бабушка застали Одинцово еще большим торговым селом, сохранившим остатки местной ярмарки, которая проводилась в престольные праздники Петра и Павла (с 28 по 30 июля). Поэт В. Брюсов, живший в Одинцове на даче, вспоминал, что ярмарка проводилась на площади возле церкви сразу же после торжественной литургии. Местные крестьяне торговали здесь изделиями своих промыслов. Жители соседнего села Лайково делали замки, фонари, кружки. В Перхушково был развит портняжный промысел. Акуловские крестьяне привозили на ярмарку свои деревянные игрушки, точили шашечные и шахматные фигуры, шарики для лото. Взрослых и детей привлекали карусели, качели и цирковые балаганы, народные театры.

Все это было разрушено большевиками – сначала закрыли и разобрали церковь, потом запретили проводить ярмарки, устроив обычный рынок без всяких представлений и забав. Тем не менее окрестности Одинцова оставались по-прежнему привлекательны – вокруг рос лиственный лес, рядом с кирпичным заводом сохранялись два чистых пруда, края которых были облицованы камнем (остатки этой облицовки застал даже я), недалеко было большое озеро, в прудах и озере было очень хорошо купаться, ловилось много карасей.

До войны мой отец закончил Боровский техникум землеустроительства и мелиорации. В первые дни войны пошел записываться в летное училище. Но по возрасту не прошел и был направлен военкоматом на авиационный завод в районе Кубинки. Там до конца войны он прослужил механиком при испытании новых самолетов, отвечал за исправность двигателей. Испытания проводились в разных местах, чаще всего в Казахстане. Перелеты, в которых он участвовал, были не только по СССР, но и в Иран, и в Чехию. В Праге на аэродром, на который сел их самолет, было совершено нападение отрядов власовской армии. Всем, в том числе техническому персоналу, к которому принадлежал мой отец, выдали оружие, и в течение более двух часов отбивались от предателей, целью которых был захват самолетов для бегства от советских войск. В этом бою отец был серьезно ранен. Но подошло подкрепление. Власовцев окружили. Приказ был: живыми предателей не оставлять. Два месяца отец провел в госпитале. В апреле 1946 года отец вступил в КПСС, причем главными его соображениями, как он рассказывал позже, были патриотические. В годы войны, рассказывал мне отец, партия стала русской патриотической силой. Многим тогда казалось, что грядут положительные для русского народа изменения.

Бабушке Поле нравилось, что Сталин уничтожил всю верхушку еврейских большевиков. Она видела в этом хороший знак и тоже ожидала перемен к лучшему.

В 1948 году мой отец женился на моей маме – два рода моих предков слились воедино, дав 11 января 1950 года жизнь мне. Год моего рождения был временем великих патриотических ожиданий, началом русского духовного возрождения. Великая победа русского народа над Германией доказала Сталину, что стабильность государству может обеспечить только русский народ (включая малороссов и белорусов). Сталин проводит реорганизацию государственного аппарата на основе восстановления его преемственности с дореволюционной Россией, осуществляет национальную реформу государственной сферы, вытеснив из нее космополитические кадры, порожденные еврейским большевизмом, производит «чистку» среди своих прежних соратников по большевизму, полностью порвав со своим преступным революционным прошлым, подготавливает новую государственную элиту, в основном из русских людей.

Переименование наркоматов в министерства, введение форменной одежды для чиновников некоторых ведомств, образование судов чести по типу офицерских и ряд других подоб-

ных мероприятий во многом возродили традиционное содержание русского государственного аппарата. Возвращение к прошлому происходило не только в центре, но и на местах. Сталин довольно смело реформирует и местные органы власти.

В знаменитой речи от 9 февраля 1946 года на выборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы Сталин впервые после 1917 года не сказал ни слова о советской власти, ни слова о социализме, но с полной откровенностью определил новое место коммунистов в обществе – «полное стирание граней» между членами ВКП(б) и остальными гражданами. Таким образом как бы официально объявлялось о завершении противостояния партии и русского общества. Да и партия была уже не та. К лету 1947 года в ней состояло 6,3 млн членов и кандидатов, из которых 75 % вступило в нее в годы войны или после нее. Преобладающую часть этих людей составляли русские патриоты, доказавшие свою преданность Родине на поле боя.

Сталин установил список должностей, которые предпочтительнее отдавать русским. Сюда входили должности командующих военными округами, начальников гарнизонов и пограничных отрядов, министров МГБ республик, министров внутренних дел, руководителей железных дорог и воздушных линий, министров связи, директоров предприятий союзного значения.

В партийных организациях союзных и автономных республик Сталин создал институт вторых секретарей партийных комитетов – русских, которые назначались из Москвы. Из числа русских подбирались люди на должности заведующих ведущими отделами ЦК.

Такое же правило распространялось и на Советы министров союзных и автономных республик, где первые замы непременно были русскими.

«Если б Сталин еще лет десять поправил, – убеждал меня в 1995 году писатель В. А. Солоухин, – он бы короновался. Все шло к тому: народ его любил, враги боялись и уважали, авторитет огромный». Солоухин мне рассказывал, что когда служил в Кремлевском полку, незадолго до смерти Сталина, то сам видел, как в Кремле старательно обновляли старые царские регалии и двуглавых орлов. В полку были солдаты, которые видели, как Сталин крестился на кремлевские соборы. Конечно, путем воссоздания православной монархии Сталин мог бы спасти себя и еще сильнее укрепить страну. Вне этого решения он был обречен. Трагедия Сталина состояла в том, что, поднявшись до высот русской государственной точки зрения и мысля категориями национальных интересов русского народа, он все-таки не смог соединиться с Православием (хотя где-то и был близок к этому) и до конца своих дней не сумел окончательно вырваться из своего большевистского окружения. Развязав руки антирусской группе Маленкова – Берии – Хрущева, Сталин фактически позволил им расправиться с лучшими русскими кадрами в руководстве страны и тем самым подписал себе смертный приговор.

Глава 3

Рождение на Урале в Екатеринбурге[77]. – Крещение у старообрядцев. – Жизнь в Прионежье в Плесецке. – Возвращение в Москву. – Без квартиры и имущества. – Первые открытия. – Первое знакомство с еврейским вопросом

Весной 1949 года отца направили на работу главным инженером на завод Главлесбумаш в Екатеринбург. Маме ехать туда очень не хотелось, она была беременна, чувствовала себя неважно. Врач не советовал. Однако по тем временам отказаться от назначения было невозможно. Вначале отец и мама разместились в центре города на Московской улице на частной квартире. Здесь я и появился на свет. Мама рассказывала, что недалеко от нашей квартиры находился Харитоньев дом – легендарное место, связанное со злодеяниями уральских откупщиков-евреев. Среди местных жителей ходило множество легенд, что в его подземелье чеканили деньги. В доме существовало несколько потайных старообрядческих молелен, одна из которых помещалась под куполом, ближайшим к саду. Ходили также слухи, что в одной из комнат дворца заседала масонская ложа. Летом 1950-го к нам в гости приехала любимая сестра отца, тетя Марина (1920–1994), в дальнейшем помогавшая мне много по жизни. Она попыталась вместе с мамой окрестить меня в ближайшей церкви. Однако священник не осмелился этого сделать без документов отца, а предоставление их могло грозить отцу крупными неприятностями, вплоть до увольнения с работы и исключения из партии. Партийная и советская администрация города была безобразная, тон в ней задавали преступники – еврейские большевики, участвовавшие в убийстве Царской семьи и гордившиеся этим. Тень ритуальных преступлений витала над городом. Отец застал еще музей цареубийства в Ипатьевском доме и вечно пьяного П. Ермакова, одного из цареубийц, водившего по музею экскурсии пионеров, хвастливо рассказывавшего им о своем «подвиге». Как вспоминали мои родители, совершенно опустившийся и презираемый нормальными людьми Ермаков однажды в 1952 году был найден мертвым в канаве с «початой чекушкой в одном кармане и закуской в другом». «Героя» похоронили возле памятника «героям» Гражданской войны, и к возмущению местных жителей, власти назвали одну из улиц Екатеринбурга именем преступника.

Через год после приезда в Екатеринбург родители получили квартиру в двухквартирном доме на улице Колхозников, недалеко от завода отца в Елизавете. Когда-то здесь находилась обширная сельскохозяйственная заимка Екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря, матушки которого снабжали продуктами питания Царскую семью. В одном из маленьких домиков в Елизавете доживали свой век две старицы из этого монастыря, прошедшие тюрьмы и ссылки, они одни из первых заговорили о том, «что будет еще время, когда царя и царицу признают святыми». Об этом в 70-х годах рассказывала мне бабушка Поля, беседовавшая с ними осенью 1953 года. Бабушка гостила у нас месяца два, поставив своей целью окрестить меня. Так как православные батюшки отказывались это делать без документов, она через стариц вышла на старообрядцев, имевших в окрестностях Елизаветы тайную молельню и попа с антиминсом, из ссыльных. Батюшка совершил обряд по-старинному, сказав, что «он истинен». Однако бабушку многие годы мучили сомнения. Уже в зрелые годы она посоветовала мне креститься еще раз. Во время одного из путешествий по Владимирской области я расспросил о сомнениях бабушки у священника. Он же сказал мне, что старообрядческое крещение истинно, но совершил надо мной дополнительный обряд и миропомазание.

Неистребимый дух еврейских большевиков отравлял жизнь моих родителей. Партийные и советские власти пытались втянуть отца в незаконные махинации, и, чтобы избежать их, он

[77] Тогда он еще носил имя палача русского народа Янкеля Свердлова – Свердловск.

попросил своего московского руководителя перевести его на другую работу. Ждать пришлось довольно долго. Но вот летом 1954 года мы собрались в дорогу. Вещей было мало – немного одежды и коробки с книгами. Перевалив «Каменный пояс», мы, с небольшой остановкой в Москве, поехали в Архангельскую область в пос. Плесецк, где отца ждала должность директора ремонтного завода и депутата поселкового совета. Когда семья ехала в Плесецк, мы еще не знали, что недалеко от него находится секретный город Мирный с космодромом и опытным полигоном для разработок новых видов вооружений, и самое главное – с радиацией, на последствия которой в то время обращали мало внимания.

Многое из жизни в этой далекой глубинке запечатлелось в моей памяти как по личным впечатлениям, так и по рассказам отца. Война обошла Плесецк далеко стороной, но положение в нем тогда было такое, что казалось – она только окончилась. Часто не было света. Снабжение из рук вон плохое. В магазинах пусто, люди спасались огородами и заготовками даров леса, хлеб был с перебоями, мясо, колбаса – редкостью, конфеты, даже самые простые, – настоящим праздником. Даже у нас был свой огород, где мои родители своими руками сажали картошку и выращивали овощи.

Вокруг размещались лагеря, которые к тому времени стали пустеть, через город проходило много зэков, часть из которых оставалась здесь. То тут, то там в лесу возникали пожары, люди пропадали неизвестно куда, время от времени находили трупы. Помню, как в самом начале зэки решили «поучить» моего отца и пальнули из самопала по окнам. Отец выскочил с ружьем на крыльцо и выстрелил в воздух…

Завод был в ужасном состоянии – изношенное оборудование, нехватка материалов и энергии, беспорядок, нежелание работать некоторой части рабочих, бывших зэков.

Довольно часто отец брал меня на охоту и лесные заготовки. Старенький «козел», много раз ломаясь, углублялся в чащобу, на ночлег останавливались в одной из дальних деревень, часто у одного и того же худого и седого старика по имени Антон. Как уже позднее рассказывал мой отец, Антон – бывший заключенный, из крестьян этих мест, но «выбился в люди», окончил университет, в 20-е годы за сомнения был вычищен из партии, в 30-е – получил срок, а после освобождения вернулся в родные места крестьянствовать. Я засыпал, а они еще долго сидели и спорили о чем-то очень важном. «Не с той стороны мы начали строить социализм, – передавал мне позднее слова Антона отец, – надо у мужика учиться социализму». «Знаешь, какие у нас на Севере мужики были – каждый из них, если к нему с подходом, готовая социалистическая ячейка».

Однако в социализм мой отец не верил и с жалостью относился ко всем, кто хотел увлечь его в «социалистическую веру». Мой отец был русским патриотом. Он принадлежал к поколению победителей, внес свой вклад в победу и до конца жизни жил этой победой. Его друзья и сверстники, вернувшиеся с войны, долгое время носили военную форму, постоянно в разговорах возвращались к военным событиям. Это чувство победителей, гордость за победу во имя Родины отец передал и мне.

Отец много рассказывал о войне, связывая ее с другими историческими победами России. Он читал мне «Полтаву» Пушкина, «Бородино» Лермонтова, «Тараса Бульбу» Гоголя.

От него я впервые узнал об Александре Невском, Дмитрии Донском и Куликовской битве, монахах Пересвете и Ослябе, Иване Грозном, героях Отечественной войны 1812 года, Петре I. Он любил читать исторические романы, которые потом популярно пересказывал мне.

В Плесецке отец значительно расширил нашу семейную библиотеку. За четыре года пребывания в этом городе он купил не только сочинения всех основных русских классиков, но и самые значительные произведения мировой литературы. Картонные коробки с книгами из Екатеринбурга при отъезде из Плесецка и три больших фанерных ящика – это было все наше богатство.

Отец много ездил по району и как депутат местного совета, и просто на охоту. Часто он брал и меня. В восемь лет научил меня стрелять из ружья. В некоторых местах сохранялись красивейшие деревянные храмы. Они казались мне прекрасными, особенно по сравнению с убогой барачной архитектурой Плесецка. В деревнях еще стояли двухэтажные, отделанные тонкой резьбой избы – деревянные дворцы; в сочетании с эпическим размахом лесов и частых рек и озер они составили неизгладимое и самое яркое впечатление моего детства. Это был сказочный град Китеж, мир куда-то ушедших хороших людей, а мы почему-то существовали в параллельном мире с озлобленными мужиками и бабами, пьянством, драками, истошными воплями по ночам.

Конечно, разлад этот вносили чужаки, бывшие заключенные и ссыльные из закрытых окрестных лагерей. Они жили так, как будто все лучшее осталось позади, а впереди только бесшабашная хулиганка. В то время в Плесецком районе сохранялся один лагерь – так называемый Мехреньлаг на Пуксоозере с более чем 12 тыс заключенных, занимавшихся лесозаготовками. Кормили их плохо. Выглядели они ужасно и у многих вызывали страх.

В 1958-м наша семья вернулась в Москву. Было это сразу же после Нового года. Столица встретила нас ясной холодной погодой. В памяти остались хорошее настроение, запах мандаринов, представление в цирке на Цветном бульваре, куда меня на следующий день повели родители.

После Плесецка и Архангельска (Екатеринбург я почти не запомнил) Москва поразила меня своими размерами и сразу же очаровала особым духом, который не покидает меня до сих пор. С самого первого дня я понял, что это мой родной город, средоточие всего, что я знаю и люблю.

Однако было все не просто. Комната в коммунальной квартире на Чистых прудах, в которой отец и мать жили до моего рождения и отъезда в Екатеринбург, оказалась занятой. В ней поселили некоего Нудельмана, родственника зав. отделом Минлесбумпрома, в котором работал мой отец. Комнату Нудельман занял незаконно. Отец очень возмущался, но был выходной день, учреждения закрыты. Мы как были с вещами, так на том же такси, на котором приехали, отправились к бабушке в Одинцово. Встретили нас тепло. На столе стояли пироги, угощенье. По просьбе родителей я охотно облачился в свой карнавальный костюм индейца, с готовностью объясняя детали своего одеяния.

Поездка к бабушке в гости на несколько дней обернулась жизнью в ее доме на годы. Оказалось, покровители Нудельмана выписали моего отца из его комнаты, и наша семья оказалась бездомной. Сделано это было так ловко, что отец ничего не мог сделать. В Минлесбумпроме ему пообещали в ближайший год исправить положение, заверив, что дадут квартиру в новостройках, вырастивших на окраинах города.

Первый вечер в Одинцове мне запомнился навсегда – так дружно и славно прошло время.

В самой большой комнате бабушкиного дома (ул. Советская, 19) стояли длинный стол с витыми ножками, два старинных кресла друг против друга и с десяток светлых венских стульев. На дверях были зеленые портьеры с кисточками. В глубине комнаты стоял обширный диван, над ним старинные часы «Павел Буре». В правом углу от входа телевизор с линзой. Стол, кресла и часы принадлежали еще отцу бабушки, она их привезла из Вязников (после смерти бабушки я забрал их себе). Кроме большой комнаты в доме было три маленьких. В одной жила сама бабушка, в остальных ее дочери, мои тети. С нашим приездом все тети переселились в одну комнату, а в освободившейся зажили мы втроем.

В доме также имелись сени, терраса, кладовка (из нее шла лестница на чердак) и туалет с выгребной ямой. В отличие от комнат зимой они не отапливались и были очень холодными.

Уже на следующий день, когда взрослые отмечали праздник, я сумел исследовать дом и его окрестности. В кладовке и на чердаке среди разного хлама я нашел десятка два старых, еще дореволюционных книг. Помню издания Пушкина, Лермонтова, Кольцова. Особенно запом-

нились сильно затрепанные, без титульных листов и отдельных страниц, хорошо иллюстрированные книги по истории с изображениями царей, полководцев, духовных лиц. Как завороженный, я всматривался в них. После вчерашней поездки по Москве они казались мне настоящими москвичами, более значительными и важными, чем мои современники.

Пока взрослые веселились, я снес найденные книги в нашу комнатку и положил их в тумбочку рядом с постелью. На третий день я обследовал сарайчик с углем, который примыкал к домику. В нем на полке под крышей я обнаружил еще несколько книг. Это были советские книги военных лет с описанием подвигов русских солдат и офицеров. Так в первые дни у меня подобралась целая библиотека, в которую вошли и привезенные мной из Плесецка любимые книги.

Вскоре выяснилось, что евреи из Минлесбумпрома обманывали отца. Никаких реальных возможностей получить жилплощадь от этого министерства не было. Узнав об этом, отец немедленно уволился, перейдя на работу в проектно-технологический институт. В самом начале его направили в командировку в Сибирь в одно из труднодоступных мест на предприятие, где главным контингентом рабочих были заключенные. Из-за опасности командировки отец семью с собой не взял. Наградой за командировку должно было стать получение жилплощади в Москве. У своей матери оставить семью отец не решился. Отношения между свекровью и снохой не сложились. Мама решила вместе со мной и моей сестрой Мариной временно пожить у своих родителей, так как думала, что разлука будет недолгой. Со всеми нашими скромными пожитками (книги оставили у бабы Поли) мы втроем свалились на голову бабушки и деда по линии матери. Я уже рассказывал, что маленький домик, в котором они жили с двумя другими детьми – Женей и Наташей – был бывшей барской кухней при дворянской усадьбе. Ко времени нашего приезда кухню разделили на три крохотные комнатки. В одной из них жил парализованный дед. Он почти не вставал, лишь изредка выходил посидеть рядом с крылечком. В другой комнате готовили пищу, стояли покрытый клеенкой стол и самодельные полки с посудой. В третьей комнате, побольше других, с двумя окнами в сад, протекала вся жизнь семьи. Здесь спали бабушка, Женя и Наташа. Здесь же они работали, готовились к школе, читали. Чтобы помочь семье, бабушка давала уроки иностранных языков разным «балбесам», главным образом детям писателей, живших недалеко от нас в поселке Переделкино. Большую часть комнаты занимали стол, оставшийся еще от дворянской усадьбы, три железные кровати и большой платяной шкаф. На стене между окон тикали ходики с изображением Кремля на циферблате, над столом висел широкий рыжий матерчатый абажур. Вот в такие хоромы привела мама меня и сестру, которой в то время было меньше двух лет. Помню необычность первой ночи. Дружно поужинав и почаевничав, мама и бабушка сдвинули стол, вытащили из платяного шкафа зимние пальто и шубы, постелили их на пол, покрыв сверху одной широкой простыней. Втроем мы устроились на этом, накрывшись сверху широким одеялом. В таких условиях мы провели больше года. После жизни у бабушки Поли вначале смущало отсутствие туалета в доме. Он стоял в 20 метрах от нашей резиденции, был общим для нескольких окрестных домиков и состоял из двух широких кабинок («Ж» и «М») с тремя круглыми прорезями в каждой. Летом, конечно, было хорошо, чего не скажешь о зиме, и, чтобы не простудиться, каждому ребенку выделялся свой горшочек.

Несмотря на тяжелые условия, жили мы дружно. С сентября я пошел во второй класс. У меня появились друзья, один из которых, Федя, был сыном инвалида войны. Бабушка стала давать мне уроки английского языка. Приносила из библиотеки книги с картинками, которые мы по вечерам рассматривали вместе. Именно бабушка Ольга дала мне первый урок национальных отношений. Об этом следует рассказать особо.

В то время мы не задумывались над национальностью. Я знал, что я русский, и даже гордился этим, мы, мальчишки, как и взрослые, чувствовали себя победителями. Рядом с нами жили дети татар, грузин, армян. К ним мы относились совершенно нормально, не считали их

ни хуже, ни лучше себя. Однако к евреям на Баковке отношение было иное. В памяти многих еще сохранились «художества» Гирша Сокольникова и его компании. Среди моих сверстников нередко употреблялось слово «жид». Помню детскую считалочку: «Сколько время? Два еврея. Третий жид на веревочке бежит». Запомнилось и несколько пословиц: «За компанию и жид удавится», «Жида дружбой не купишь», «Свяжись с жидом – сам жидом станешь». Еще не зная вполне значения слова «жид», я познакомился с первым евреем. Его звали Миша. Он учился в соседнем классе. Случилось так, что он начал подходить ко мне на переменах и рассказывать разные забавные истории, а потом «по секрету» поведал мне, что мой друг Федя – «сын шпиона». Меня это потрясло, ибо я был воспитан в духе патриотизма и дружить с сыном шпиона мне казалось постыдным. Обо всем я рассказал бабушке. Она тоже возмутилась. «Не верь ему – он жид», – сказала бабушка. «Как жид?» – удивленно спросил я. «Ну, еврей», – расшифровала она. «Они плохие люди, – продолжала бабушка, – много зла сделали нам, держись от них подальше».

Я послушался бабушку и стал избегать Мишу, да и он сам как-то сник и перестал подходить ко мне.

Случай этот запал мне в душу, и уже в студенческие годы я снова вернулся к нему, когда был в гостях у бабушки. Она рассказала мне, что Миша был племянником бывшего сотрудника НКВД, который до войны упек в лагерь отца моего приятеля Феди, а после его возвращения из лагеря распространял слухи о его шпионстве.

Летом 1959 года на Баковке было хорошо. Возле нашего домика все было зелено. Цвели липы. Созревала вишня, сплетались кусты сирени и акации. С утра мы отправлялись купаться на речку Сетуньку. По сложившемуся ритуалу проходили рядом с дачей (скорее поместьем) маршала Буденного. Шли вдоль высокого зеленого забора. В одном известном нам месте заглядывали в дырочку в заборе, чтобы видеть эту легендарную личность, совершавшую прогулки на лошади. У Сетуньки, неглубокой, чистой речки, падали на песок, купались до посинения. В наш домик возвращались к обеду, часа в три-четыре. Пообедав, шли гулять на станцию. Там перед платформой была площадь, на которой располагались главные баковские магазины. Денег у нас, детей, никогда не было, поэтому в магазины, особенно в «Культтовары» и «Книги», мы ходили, как в музей, любуясь обложками книг, красивыми ручками и письменными принадлежностями.

К вечеру возвращались домой, через танцплощадку, заросли одичавшей, но сладкой малины. Возле нашего домика начиналась жизнь взрослых. Центром ее становилось двухэтажное общежитие за нашим забором. Людей там жило немерено. Громко орала музыка, сменявшаяся нестройным хоровым пением и матерными возгласами. Бабушка отгоняла нас от окна, усаживала читать. Терпения нам хватало ненадолго. Дождавшись, когда бабушка отвлечется, мы тихонько выскальзывали из домика в наш садик, протискивались в дырку в заборе и оказывались на пустыре, где часто горел костер и собирались мальчики и девочки со всех окрестных домов. Пекли картошку в золе. Иногда ходили за яблоками в большой сад, хозяина которого не только дети, но и взрослые не любили за скупость. Он жил в большом доме с женой и какими-то родственниками. Его считали очень богатым, так как он имел автомобиль «Победа».

Детские посиделки у костра на пустыре скоро прекратились, ибо на огонек приходили взрослые, выгнанные женами, не желавшими продолжения пьянки. В основном это были рабочие местного завода, занятые на вредных производствах и компенсирующие «вредность» алкоголем. Появлялись ребята с гитарой, по очереди они пили водку из одного граненого стакана, а потом, громко завывая, пели блатные песни. Впрочем, до этого мы, дети, редко досиживали. То из одного, то из другого дома раздавались призывы родителей, и мы разбегались восвояси. Отношения были во многом патриархальные, строгие, о каких-либо вольностях с приходящими сюда девочками мы и подумать не могли, не то чтобы об этом заговорить. Впрочем, были всякие гадости, тогда нам не всегда понятные, которые пытался говорить Миша, но его

всерьез никто не принимал, равно как и не любил. Интересно, что когда через несколько лет я, уже семнадцатилетний парень, соблазненный городом, встречался со своими одноклассницами, многие из них показались мне просто девочками, краснеющими от моих нескромных шуток. Зато Миша вырос в нагловатого самоуверенного еврейчика, сразу же предложившего мне заняться спекуляцией «ребрами» – так назывались кустарные пластинки, записанные на старых рентгеновских снимках. Его дядя имел аппарат для таких записей, снимки приносил другой родственник из больницы. Каждая такая запись стоила 20–30 копеек. На доходы от «костей» еврейское семейство купило подержанный «Москвич». Принять участие в их бизнесе я, конечно, отказался. У нас в московском дворе в подобное предприятие пытался вовлекать всех ребят Генка Болеба, тоже из «избранного народа», мелкий фарцовщик, скупавший вещи в общежитии иностранных студентов.

С 1959-го по 1963 год вся наша семья снова воссоединилась. Мы стали жить в Одинцове у бабушки Поли в комнатке восемь метров на четверых, но потом сестру снова отправили жить к тете Клаше в Егорьевск. К тому времени у меня собралась небольшая библиотечка любимых книг, среди которых главное место занимали популярные книги по истории, о войне 1812 года, о героях-пионерах в Великую Отечественную. Чтение стало моим любимым занятием. Я подружился со старушкой-библиотекаршей, которая уделяла мне особое внимание, оставляя мне книги. У меня появились два друга – Валера Богомазов и Леня Пантелеев, и первая девочка, к которой я испытывал неведомые ранее чувства: мне было приятно провожать ее до дома, нести ее портфель, что-то ей рассказывать. Жила она в красивом, тогда мне казалось – в сказочном доме, построенном в древнерусском стиле, где до революции находилась контора фабрикантов Якунчиковых.

Летом главным нашим занятием было купание в пруду (впрочем, начинали мы купаться уже в мае), зимой бегали на лыжах в парке Якунчиковых (т. н. «Якунчик»). Учился я легко, но больше «витал в облаках». Я любил слушать рассказы нашего учителя истории (к своему стыду, не запомнил его имя). Однажды он пересказал предание о том, что в подвале церкви Артамона были спрятаны несметные сокровища бояр Матвеевых, родственников царя Алексея Михайловича. После смерти этого царя один из них, Артамон Матвеев, был отправлен в далекую ссылку в Пустозерск и Мезень. Оттуда был возвращен Петром I, но убит восставшими стрельцами, подстрекаемыми царевной Софьей. Несметные сокровища Матвеевых были только легендой, но наше мальчишеское сознание было распалено. Мы долго искали место самой церкви, собирались уже производить тайные раскопки, когда узнали, что на этом месте уж рыли котлован под другое здание, поэтому ничего сохраниться здесь не могло. Учитель же подогревал наш интерес к русской истории все новыми рассказами – особенно о французских могилах, найти и раскопать которые мечтали многие мои сверстники. Наша школа находилась в парке «Якунчик». Во время войны в ней был госпиталь и рядом с ним устроена большая братская могила, которую мы, мальчишки с учителем истории, каждую весну убирали, подкрашивали известью памятник и изгородь.

Большая часть наших соседей жила небогато. Преобладали бараки и маленькие частные дома. Многие держали корову, у всех были маленькие огородики и плодовые деревья. Пили много, и, в отличие от Баковки, чаще дрались. Редкие праздники не заканчивались мордобоем. Сцены ревности устраивали при всем честном народе. На Советской улице жили две еврейские семьи – Херсонские и Пилявские. Хотя они не славились особым трудолюбием, а их отпрыски были большими лодырями, жили они почему-то лучше других. Бабушка говорила мне, что они занимаются спекуляцией, покупают у знакомых продавцов вещи по низкой цене и перепродают втридорога. Этих евреев у нас на улице не любили и даже почему-то презирали, спекуляция считалась зазорным делом. Несмотря на бедность и нужду, стремление к нетрудовым доходам у нас почти не проявлялось, зато торговать на рынке зеленью со своего огорода или яблоками со своих деревьев считалось нормой.

Глава 4

Увлечение историей. – Поиски библиотеки Ивана Грозного. «Французские могилы». – Исследовательские экспедиции и раскопки. – Первая любовь. – Первая стычка с представителями «избранного народа» в Одессе и Москве. – Я бросаю школу. – Поступление на работу. – Никитинские субботники – иудейско-масонское гнездо

После долгих обещаний и обманов отец в 1962-м получил двухкомнатную квартиру в Москве в новостройке в Новых Черемушках – на пятом этаже дома без лифта. Радовались родители несказанно. Кончалось время нашей бездомности. Отец в то время работал главным инженером проекта в институте ВПТИ Стройдормаш. Но квартиру ему дали не за работу, а за то, что он согласился стать секретарем парткома института. Помню, он не один день советовался с бабушкой Полей, идти или не идти в секретари. Ему очень не хотелось, душа не лежала, коммунистическим лозунгам он не верил, хотя был твердым патриотом-державником. Смысл аргументов бабушки был таков: раньше коммунисты были иудейские изверги, а сейчас думают о своем личном интересе. Соглашайся на предложение, хозяином будешь в институте, квартиру получишь. Все получилось так, как сказала бабушка: отец укрепил свое положение в институте, квартиру мы получили (а через несколько лет сменили ее на большую) – так партийные власти возвращали семье хоть малую часть того, что было украдено у нее еврейскими большевиками в 1918-м.

Переселялись мы в Черемушки летом. Наш дом был уже сдан, а другие – вокруг него – еще строились. Не было ни нормальных дорог, ни тротуаров. Возле дома начинался огромный пустырь с заросшим прудом посредине. Пустырь был центром общественной жизни подростков. Здесь на холмистой, изрытой ложбинами поверхности образовалось нечто вроде клуба. Подростки, а потом уже молодые люди, общались, обсуждали местные новости, пели под гитару, выясняли отношения, иногда дрались, целовались с девушками, а в жаркую летнюю пору оставались там с ними до глубокой ночи. Для многих из нас, приехавших в 1962-м, в том числе и для меня, пустырь впоследствии стал местом первых свиданий и первой близости с женщиной. Пустырь считался мужской территорией, девушки приходили сюда только с кавалерами, которым доверяли. Часто на пустыре жгли большие костры, возле которых устраивались выпивки, в почете были дешевый портвейн, ливерная колбаса, килька в банках. Нередко возле костра резались в карты на деньги, играли в буру, «сику», три листика. Иногда сюда приходили, чтобы подраться. Чаще всего дрались из-за девушек. Соперники, как правило, были нетрезвы. В ход шли и руки, и ноги. Иногда у костра собиралось 30–40 человек. Нередко распаленные вином и водкой ребята постарше командовали: пойдем бить профсоюзных (так звали ребят, которые жили на Профсоюзной улице в сталинских домах), и вся присутствующая «кодла» (подростков и ребят постарше) шла в сторону Профсоюзной улицы, избивая и кидая на землю всех встречных ребят с этой улицы, но, как правило, не трогая взрослых и рассыпаясь в разные стороны при первом появлении милиции.

В такой «кодле» я участвовал только раз. На всю жизнь осталось ощущение мерзкого стадного чувства разбушевавшейся толпы, избивающей невиновного, удивленного такой агрессией парня, брошенного на землю и закрывающего лицо от ударов ногами. Помню руководителя этой «кодлы» некоего Булочкина, сына уголовника, перенявшего у отца блатные замашки и язык, курившего у костра анашу, за продажу которой он впоследствии оказался в тюрьме. Меня он явно не любил, но и не трогал, как и некоторых других ребят, не хотевших ходить с «кодлой».

Среди ребят во дворе царил культ физической силы. Свое право мог отстоять тот, кто был сильнее. Однако некоторых ребят, не согласных с этим правом, самые сильные не трогали, видимо, из-за положения их отцов. Таким был Юрка Куницын, чей отец работал в генеральной прокуратуре, таким был и я. Такая неприкасаемость нравилась не всем моим приятелям со двора. Из-за нее я поссорился со своими первыми друзьями по этому двору, Сашкой, Шуркой и Сергеем. Точку в наших отношениях поставила их история с пятнадцатилетней слабоумной девочкой, жившей вдвоем с теткой, работавшей днем. Сашка как-то случайно зашел к ней в квартиру, когда не было тетки, стали играть, возиться, и он так, «между прочим» (его слова) овладел ею. Стал захаживать к ней регулярно. Более того, предложил разделить утехи со слабоумной девочкой и моим друзьям. Шурка с Сергеем согласились. Я отказался. Девочка вскоре забеременела, ей сделали аборт и отправили в психиатрическую больницу. Я же нашел себе других друзей, Генку Коноплева и Сашку Щетинина, у обоих отцы преподавали в институте. С ними моя жизнь стала поворачиваться в другую сторону. Я перестал ходить на пустырь к костру, бывая там лишь для романтических свиданий с медсестрой Валей, работавшей на «скорой помощи». Она была старше меня на четыре года, ей было 19, но выглядела она моей ровесницей. До этого она встречалась с одним из дворовых авторитетов, который не одобрил мой роман и начал угрожать. Однажды в подъезде он прижал меня к стенке и приставил к лицу самодельный пистолет, жутковато было видеть его дуло. Впрочем, скоро Валя переехала в другой район, и наши встречи сами собой прекратились.

С Генкой и Сашкой я серьезно увлекся историей. Первым нашим увлечением был поиск библиотеки Ивана Грозного. Впрочем, Генка к этой затее отнесся без энтузиазма, так что искали библиотеку только я и Сашка. Началось все с того, что нам в руки попала книга Р. Пересветова «Тайна выцветших строк». В ней рассказывалось, в частности, о том, что Иван Грозный собрал ценнейшую библиотеку в 800 томов древнейших рукописей и книг, части из которых не было ни в одной из мировых библиотек. Древние источники свидетельствовали о тайном подвале с высокими сводчатыми потолками, доверху наполненном сундуками с книгами в золоченых переплетах. Мир древних книжных сокровищ увлек нас. Знакомясь с доступными нам сочинениями, мы узнали много важного и интересного о судьбе книг, которые предположительно принадлежали Ивану Грозному и были украдены из его библиотеки врагами России. Масон Христиан-Фридрих Маттеи, по профессии филолог, похитил из московских библиотек 61 древнюю рукопись и продал их за большие деньги в Германию. Уже после смерти вора его преступления были доказаны, но немцы отказались вернуть ворованное. Понадобилась Великая Отечественная война, чтобы принадлежащие России рукописи вернули в наши библиотеки. На поиск библиотеки Ивана Грозного нас вдохновил образ археолога-энтузиаста, сына сельского псаломщика Игнатия Стеллецкого, посвятившего поиску библиотеки всю свою жизнь. Православный человек, член Палестинского общества – очага духовного христианского просвещения, – Стеллецкий считал, что находка библиотеки Ивана Грозного позволит еще шире раскрыть культурное богатство Святой Руси. Еврейские чекисты, полностью контролировавшие Кремль, не позволяли археологу вести поиски библиотеки. Тогда Стеллецкий обратился с письмом к Сталину и получил от него личное разрешение на работы в Кремле. В 1949-м археолог умер, не сумев довести свое дело до конца, а мы со свойственной молодой горячностью решили его продолжить.

Нам удалось встретиться с вдовой Стеллецкого Марией Михайловной, жившей в конце Никитской улицы в ветхом двухэтажном домике, подержать в руках дневник археолога. По мнению Стеллецкой, библиотека могла быть спрятана либо в подземелье Кремля, либо в связанных с ним тайниках, к которым из Кремля вели подземные ходы в Чертолье (резиденция Малюты Скуратова), к Большому Юсуповскому дворцу (место, где находился загородный дворец царя) через Меньшикову башню. Составив схему предположительных путей подземных ходов в двух направлениях, мы стали обследовать и обстукивать подвалы домов, лежащих на

этих путях. Было жутко интересно! Каждый день просыпался с мыслью, что вот сегодня мы обязательно найдем подземные ходы, ведущие к тайнику. Закончилось все прозаически. В один из подвалов в Сверчковом переулке мы пробирались три раза подряд, заинтригованные гулкими звуками в стене, но нас выследил дворник и вызвал милицию. Разбираться пришлось в отделении. Инспектор, оформлявший нас, ранее работал в учреждении, занимавшемся строительством бомбоубежищ и газоубежищ. Он авторитетно объяснил, что при строительстве в центре Москвы объектов гражданской обороны каждый метр земли был исследован специальными приборами, все пустоты поставлены на учет. Потерпев неудачу в Москве, мы решили перенести свои поиски в Александрову слободу и даже съездили туда на экскурсию.

Другой нашей исторической эпопеей стали раскопки французских могил. Об этих могилах мне рассказывала бабушка Поля. Они находились недалеко от Одинцова. Легенда гласила, что в войну 1812 года партизаны уничтожили здесь несколько десятков французов, те в отместку сожгли деревню, возле которой на них совершили нападение. Своих убитых они похоронили в нескольких ямах, положив туда, по легенде, и их оружие. Вот это оружие и возбудило наш интерес, а главным энтузиастом стал Генка, у которого в квартире был маленький музей, среди экспонатов которого хранились сломанная шпага, бронзовый складень и деревянная икона. Несколько раз мы отправлялись на французские могилы с лопатами и по нескольку часов рыли глубокие ямы. Ничего мы там не нашли. Но польза от предприятия была немалая. Мы взяли из библиотеки книги о войне 1812-го, читали и обсуждали их. Следующим этапом стало увлечение древними храмами и монастырями. Мы съездили в Звенигород, в Троице-Сергиеву лавру, посетили Коломенское, Ново-Иерусалимский монастырь, ходили в окрестности Данилова монастыря, где в то время находилась колония для малолетних преступников.

Должен сказать, что моя учеба после переезда в Москву ухудшилась. Новые впечатления, открытия, встречи отодвинули от меня мой дом. В квартиру я возвращался только вечером, так как отец в это время тоже допоздна задерживался, а мама не могла удержать меня. «Отлично» и «хорошо» были только по истории и литературе. По остальным предметам я еле тянул. Мои исторические проекты вызывали удивление и недоумение у учителя истории, пенсионера из мелких партийных работников. Он не понимал, «зачем мне все это нужно». Однажды я начал сочинять исторический роман из жизни Ивана Грозного. Написав первые страницы, я пришел к нему советоваться. Судя по всему, он ничего не понял и рекомендовал мне вместо писаний подтянуться по другим учебным дисциплинам. В нашем классе было 26 учеников, почти все они в 6–7-м классе были приняты в комсомол. Не вошли в это число четверо человек, в том числе и я. В нашем классе комсоргом был Борис, услужливый с учителями паренек, без рассуждения выполнявший все задания старших. Он очень гордился своей общественной должностью, стремился угадывать все желания учителей. Уже с тех пор некоторые учителя, причем исключительно евреи, относились ко мне с настороженной неприязнью. Борис это чувствовал и с подлой услужливостью «топил» меня, пытался поставить в смешное положение, высмеять мою любовь к истории и литературе. Совершенно невежественный, он искренно презирал мои увлечения, как что-то глупое и ненужное. Впоследствии он окончил техникум и работал мастером по ремонту телевизоров, затем перешел инструктором в райком комсомола и далее по партийной линии. Однажды в 7-м классе я на уроке истории не отрываясь читал роман Данилевского «Сожженная Москва». Не заметил, как подошел учитель и грубо выхватил мою книгу. Борис сидел позади меня и мог бы предупредить, но он нарочно этого не сделал и, более того, кинул реплику, меня оскорбившую. Сразу после урока я подкараулил обидчика у лестницы, затащил его в кладовку, где хранились ведра и веники. Не говоря ни слова, изо всех сил ударил его в лицо. У него потекла кровь из носа. В испуге он закрыл лицо и даже не пытался защищаться. Я вышел из кладовки первым. Зазвенел звонок на следующий урок. Борис в этот день так и не появился. Зато после уроков меня вызвали к директору, у которого сидела мать Бориса (учительница пения). Говорил только директор: «За твой поступок ты достоин исклю-

чения из школы. Ты избил комсорга класса. Но я не хочу предавать этот случай огласке. Того же мнения и родители Бориса. Более того, мы должны учесть и заслуги твоего отца. Я с ним уже говорил по телефону. Но помни, если повторится что-то подобное, ты будешь исключен из школы». Домой возвращался с двойственным чувством. Родители молча сидели на кухне. На столе, кроме ужина, стояла ополовиненная бутылка водки. Спокойно взяв за руку, отец отвел меня в соседнюю комнату, бросил животом на диван и сильно выпорол. Помню его слова: «Силу применяй только в крайней необходимости».

Серьезный конфликт с отцом, примерно в то же время, возник у меня из-за одного типа, работавшего в строительной конторе курьером. Немного старше нас, он часто участвовал в наших карточных играх на деньги. Однажды, проигравшись, я попросил у него в долг под залог двух книг «Граф Монте-Кристо», которые я принес из родительской библиотеки. Через два дня я долг отдал, а курьер под разными предлогами книги не возвращал. Прошло более двух недель, исчезновение книг уже заметила мама. Курьер меня избегал. И тогда в обеденный перерыв, когда из конторы все уходили, мы через форточку открыли окно, и я проник внутрь. Друзья стояли «на стреме», я обшарил письменный стол, но книг не нашел. И тут, к моему ужасу, открылась дверь, на пороге стояли один из руководителей конторы и наш участковый милиционер. Я был схвачен с поличным. Составили протокол. Я рассказал все, как было. Поначалу мне не верили. Потом подошли мои друзья, подтвердили мои показания. Вызвали с работы моего отца, нашли курьера, который в конце концов признался, что книги хотел присвоить и даже отвез их домой. Разговор с родителями был очень тяжелым. Отец объяснял мне, как легко в жизни потерять репутацию. «Ты прокрался на чужую территорию, и тебя могли бы обвинить в воровстве и даже завести дело. Так можно не отмыться всю жизнь».

Летом 1964–1965 годов я ездил в пионерский лагерь в Одессу. Лагерь стоял в Аркадии на берегу моря. Тут у меня появились новые друзья, и я впервые ощутил остроту еврейского вопроса и с удивлением узнал, с какой неприязнью относятся к евреям украинские дети. В Одессе жило много евреев, соответственно, немало было их и в нашем лагере. Евреями были начальник лагеря и старшая пионервожатая. Пионерская «демократия» требовала выборов совета лагеря, совета отряда, первых лиц этих советов. Старшая пионервожатая, проводившая сборы по выборам в отрядах, зачитывала по заранее заготовленной бумажке фамилии – Курчинская, Гольдман, Гельман, Черная и т. п. В нашем старшем отряде у нее вышла осечка. Заслушав ее список, пионеры предложили несколько других кандидатур. Стали голосовать. Прошли кандидатуры, предложенные нами, и ни одного из списка старшей пионервожатой не выбрали. Получилось все как-то само собой. Никто из нас и не задумывался о том, что все предложенные старшей пионервожатой кандидатуры – евреи. Сработало детское стремление к справедливости. Мы хотели избрать тех, кто нам больше нравился. Однако отвергнутые еврейские кандидатуры быстро организовались и после сбора подошли ко мне с вызовом. Были они высокие, откормленные, высокомерные. Особенно вызывающе вел себя Гельман, бросивший мне в лицо слово: «Антисемит». Смысла и значения этого еврейского ярлыка я тогда не знал, но отлично понял по выражению его лица, что меня хотят серьезно обидеть. Рассерженный, я оттолкнул Гельмана, толчок был несильный, но он не удержался и упал в высокие кусты акации, которые с треском расступились под его телом, а потом сомкнулись над ним. Гельман поднялся, посмотрел на меня ненавидящим взглядом и ушел. За ним потянулись другие еврейские «кандидаты». С этого времени в лагере негласно возникли две партии – русская (неформальным лидером которой стал я) и еврейская. В палате Володя из Киева объяснил мне значение слова «антисемит» и сказал, что считает меня героем. Мне же было ясно, что все произошло случайно, без всякого умысла с моей стороны. Тем не менее я был рад, что этот случай открыл мне глаза на многое. В лагере я подружился с Володей из Киева и Юрой Масловым из Одессы. С ними я еще долго поддерживал переписку. Через несколько дней в лагере снова был сбор, на котором выбирали достойных на роли персонажей на празднике Нептуна. Как мне рассказал

Володя, не первый раз ездивший в этот лагерь, раньше на все лучшие роли выбирали евреев. В этот раз лучшие роли достались русским мальчикам и девочкам. В следующем году, когда я снова приехал в этот лагерь, выборы прошли нормально. Однако старшая вожатая однажды пыталась выгнать меня из лагеря «за грубое нарушение дисциплины» – через забор мы регулярно уходили гулять в город и даже пили сухое вино. Попытка ее не удалась. Русская партия в лагере (в нее входили и несколько вожатых) вступилась за меня.

После возвращения из Одессы мои увлечения русской историей и стариной еще более усилились, мои друзья были единодушны со мной. В этот раз интересовали нас больше всего монастыри. От бабушки из Одинцова я привез несколько старых номеров «Нивы» с описаниями Соловецкого и Кий-островского монастырей. Мы стали готовиться к поездке туда следующей весной.

В июле 1964-го по указанию Хрущева был взорван один из великолепнейших памятников русского зодчества храм Спаса Преображения (XVII в.) в селе Преображенском. С этого села начиналась Петровские преобразования в русской армии и первые ее славные победы в борьбе с экспансией Запада. Храм был кафедральным собором митрополита Николая Ярушевича, активного борца с иудейскими сектами, экуменизмом и масонством. Хрущев ненавидел владыку и стремился всеми способами уничтожить память о нем. Сам я на взрыве не был, но по приезде из Одессы несколько раз ездил на Преображенскую площадь, пробирался через дыру в заборе, окружавшем руины храма. Возле забора часто стояли бывшие прихожане, молились и плакали.

Хуже всего у меня дело было с учебой. Окончив восьмилетку, я должен был перейти в другую школу, так как в нашей не было 9–10-х классов. В новую школу я принес свою беспартийность (комсомольцем я не был), самостоятельное отношение к жизни, первое понимание еврейского вопроса, горячую увлеченность русской историей, живой интерес к девушкам. Я хорошо учился только по тем предметам, которые меня увлекали, – истории, литературе, биологии, географии, большую же часть других предметов я в рекордные сроки запустил, особенно математику и физику. А может быть, мне просто не нравился физик, некто Гусман, раздражавший меня своими плоскими анекдотами, которые он рассказывал с самодовольным видом, хихикая, вкладывая в них свой особый смысл, который мне, «тупому», не был понятен. Однажды где-то в ноябре, не выдержав его пошлостей, я молча встал и вышел из класса, устроился в укромном скверике рядом со школой, покуривая болгарскую «Шипку». Тут-то меня и застал наш классный руководитель, сообщив, что мое поведение будут обсуждать на классном собрании. Вечером посоветовался с родителями. Они, конечно, были не в восторге, я сказал, что хочу пойти работать, а учиться буду в вечерней школе. Отец, полагавший, что ни при каких обстоятельствах я не пропаду, дал молчаливое согласие. Мама была в слезах, с трудом я ее успокоил, сказав, что буду учиться вечером и готовиться к поступлению в Историко-архивный институт.

На следующей неделе отец оформил меня учеником чертежника в институт, где работал сам. Институт находился на Мясницкой улице (тогда ул. Кирова) напротив Главпочтамта в историческом здании «дома Юшкова», построенного в конце XVIII века знаменитым архитектором В. Баженовым. В начале XIX века в этом доме размещалась масонская ложа, описанная Л. Толстым в романе «Война и мир». Об этом доме ходило много преданий, которые еще больше возбуждали мою любовь к истории. В первые дни я со своими друзьями обследовал это здание от подвала до чердака. Советская эпоха перекроила историческое здание полностью, разделив залы и большие комнаты тонкими перегородками, и превратила его в нечто вроде муравейника. Тем не менее сохранились парадная лестница и колонный зал, в котором масоны проводили заседания лож. Во дворе здания жили старики, помнившие его историю до 1917 года. Здесь было знаменитое Училище живописи, ваяния и зодчества, подарившее России десятки великих русских художников. Еврейские большевики устроили в училище погром.

Талантливые русские ученики были изгнаны и устроен модернистский вертеп – ВХУТЕМАС, возглавляемый целым букетом «талантливых еврейских юношей». Горько было слушать от старожилов, как при еврейских большевиках историческое здание превратилось в «еврейскую идиллию» – «гнездо разврата, свободной любви, педерастических оргий» (слова одного из старожилов). В 1919-м новые хозяева вместе с чекистами шарили по окрестным домам в поисках женщин для «свободной любви». У анархистов покупали самогон. Напившись, стреляли по картинам русских художников. Во время одной попойки «чекист Зяма» вывалился в пролет лестницы, сломав себе позвоночник. Налетевшие чекисты пытались объявить гибель Зямы как теракт черносотенных сил – русских художников, селившихся вокруг бывшего Училища ваяния и зодчества.[78] Чертежник из меня получился скверный, чертить и рисовать я так и не научился. Зато, наверно, лучше всех ориентировался в лабиринтах этого особенного здания. Внизу одной из лестниц, закрытой для прохода, мы организовали своего рода клуб, где обсуждали все что угодно, кроме работы. Иногда играли в карты, много курили. Место это было жутковатое, женщины сюда приходить не решались. Отсюда нас время от времени выдергивало начальство для разъездов по городу или на опытный завод. Иногда командировки были долгосрочные, даже в другие города; так, летом меня послали в Одессу, а затем в Ригу. Но больше всего нашего брата-чертежника посылали работать в совхоз, некоторые жили там месяцами. Положительной стороной такой «работы» была возможность учиться и читать. Рядом с институтом была Тургеневская библиотека, а также хороший букинистический магазин, в котором тогда еще за копейки можно было купить интересные и даже ценные книги по истории, философии, экономике. С этого магазина началась моя библиотека, ныне превысившая 20 тыс томов.

После первой получки я побежал в букинистический магазин и за десятку купил дефектный (с вырванными иллюстрациями) первый том книги «Русское масонство в прошлом и настоящем». Впоследствии я приобрел здесь «Историю Москвы» И. Забелина, ряд старинных экономических книг (экономика начинала меня все больше интересовать). Особую радость у меня вызвали покупки отдельных томов энциклопедии «Брокгауз и Ефрон» (они продавались почти бесплатно, по 50–70 копеек). Я в буквальном смысле погрузился в русскую историю, каждый день приносил мне новые открытия. Весной 1967-го я узнал от старожилов, живших с нашим институтом, что, по преданию, в подвале до сих пор существует замурованная комната, в которой сложены книги и ритуальные предметы. Поиску этой комнаты мы посвятили много времени. Почти месяц по утрам и вечерам мы простукивали стены в подвале и нижнем этаже. В некоторые части подвала мы попасть не могли, так как там был устроен, о, ужас, первый в СССР атомный реактор. Поместить атомную бомбу в самом центре Москвы, недалеко от Кремля, было страшным преступлением, на которое были способны только еврейские большевики (поместили ее сюда по приказу кавказского еврея Берии). Если бы случился непредвиденный взрыв, выброс радиации на многие годы сделал бы Москву пустыней.

Наткнувшись на реактор и побеседовав с его охраной – симпатичными стариками-отставниками, мы решили, что комната с масонскими книгами пропала во время строительства реактора. Нашлись и старожилы, рассказавшие, что во время одной из перестроек дома после войны в строительном мусоре, сваленном в центре, валялись испорченные страницы книг и остатки разломанных бронзовых предметов. Один из жильцов дома поблизости продал мне книжку, содержащую секретный список членов великой ложи «Астрея» за 1820–1822 годы и две сильно поврежденные книги издания Н. Новикова.

Чувство причастности к какой-то великой тайне вдохновило меня на дальнейшие поиски. Зацепкой стала фамилия «М. Орлов», написанная от руки на титуле секретного списка членов

[78] В 90-е годы это здание было передано замечательному русскому художнику-патриоту Илье Сергеевичу Глазунову. В нем он создал Академию живописи и ваяния.

масонских лож. В «Русском биографическом словаре» сообщалось об Орлове Михаиле Федоровиче (1788–1842), генерал-майоре, крупном масоне и директоре Московского художественного класса. Последняя информация подсказывала мне, что я на правильном пути, так как предшественником Училища живописи, ваяния и зодчества был именно Московский художественный класс, арендовавший помещение в доме Юшкова. Орлов был незаконнорожденным, имя матери его нигде не сообщалось, хотя ходили слухи, что она еврейка. Отцом Орлова был граф Ф. Г. Орлов, один из трех известных братьев Орловых. М. Орлов графский титул отца не получил, воспитывался в католическом пансионе аббата Николя, участвовал в работе масонской ложи «Палестина». Во время похода русских войск во Францию Орлов, по рекомендации крупного масона Н. И. Тургенева, вступает в преступные отношения с представителями самого опасного масонского ордена иллюминатов. Соединяя в себе методы иезуитской организации, тайной инквизиции и патологической жестокости к своим противникам, этот орден вел тайную борьбу за уничтожение христианской Церкви и монархии. После запрета этого ордена в Германии он выступает под вывеской французской масонской ложи «Соединенных Друзей», а затем тайного союза «Тугенбунд». Именно эти темные силы оплодотворили русское декабристское движение, одним из членов которого стал М. Орлов, основавший тайную организацию «Орден русских рыцарей» и вошедший в руководство «Союза благоденствия». Кроме того, он стал руководителем Кишиневской управы тайного общества декабристов. Вероятнее всего, именно Орлов планировал убийство царя в 1817 году в Москве в Успенском соборе. Орлов был одним из самых законспирированных руководителей декабристского заговора. Члены тайного общества должны были стремиться достигать важных постов в государстве, притворно выдавая себя за верноподданных, а на самом деле разрушая государство изнутри.

М. Орлов был готов возглавить декабристский путч. По свидетельству А. Е. Розена, 12 декабря 1825 года состоялся совет между Рылеевым, кн. Оболенским и др. о том, чтобы вверить главное руководство над восставшими войсками кн. Трубецкому, «если не прибудет Орлов». После поражения восстания Орлов был арестован, но вскоре освобожден. При его очевидной виновности в преступлении никто из декабристов, несмотря на их трусливое поведение на следствии, не дал показания на Орлова. Многие из них хорошо помнили свою клятву не выдавать главаря, а иначе «яд и кинжал везде найдет изменника». Мести Орлова декабристы боялись больше, чем русского закона. Орлов был отставлен от всех государственных должностей, выслан в деревню и взят под надзор полиции, но впоследствии ему разрешили жить в Москве, где он наладил связи со своими масонскими братьями, жившими в Первопрестольной, организуя вместе с ними заседания тайных масонских лож. Узнав все это, я поразился такому совпадению. Тайный масонский центр, грозивший разрушить Русское государство, и чудовищный атомный реактор, способный уничтожить все сердце России, складывались в одну череду событий общенациональных угроз.

Но в 1967 году я гордился своими знаниями; не понимая еще их истинного смысла, я тем не менее чувствовал свою невольную причастность к чему-то очень странному и значительному. Мне не хватало опытного наставника. В христианском смысле оценить смысл новых знаний я еще не мог. Бабушка Поля выслушала меня и строго отчитала, запретив заниматься этой «бесовщиной».

Но я-то уже тогда чувствовал, что интересуюсь этой бесовщиной не на радость бесу, а в ущерб ему.

Весной и летом 1967-го в моем сознании происходили изменения – из подростка я превращался в целеустремленного юношу, пока с неосознанными целями, но отвергающего любые попытки просто пустить меня по течению. Образы монастырей и храмов, которые вошли в меня, создали фундамент моей личности. Каким-то особым чувством я понял, что именно там хранится главное в жизни человека, то, ради чего человек создан и ради чего его жизнь имеет смысл и ценность. Я стал посещать церковные службы, тихо заходил, становился в уголке и

молился. Полюбив христианские образы и видя, в каком состоянии находится большинство христианских храмов, я начал осознавать, что против христианства идет непрекращающаяся борьба. Почти физически я начинал осознавать, что чистые, светлые силы бытия подвергаются атаке темных, страшных чудовищ, ненавидящих любимые мною храмы и саму Россию.

Конкретные примеры такой атаки я видел в разрушении церквей и памятников, исторической застройки Москвы. В 60-е годы на моих глазах закрывались и разрушались церкви. Взрывается ряд ценных архитектурных построек в Кремле, сносятся церковь Благовещенья, что на Бережках, 1697 года (на Ростовской набережной), Тихвинская церковь в Дорогомилове 1746 года (около Киевского вокзала), Преображенская церковь XVIII века (на Преображенской площади), церковь Иоакима и Анны XVII–XVIII веков (на ул. Б. Якиманка) и Николы Чудотворца в Ямах XVII–XVIII веков; исчезают с лица земли Собачья площадка, дом Хомякова (где в 1920-е годы находился музей 40-х годов XIX века), десятки старинных московских домов и особняков.

Вместо разрушенных самобытных старинных московских построек возводятся безликие, однообразные коробки, спроектированные архитекторами-космополитами Посохиным, Макаревичем, Иофаном, Гельфрейхом и т. п. Ни одна столица мира не знала такого варварства в отношении к бесценным памятникам национального зодчества, которое в Москве осуществили «творцы» вроде Посохина. Этот архитектор-космополит, «подаривший» Москве унылое стеклянное здание Дворца съездов в Кремле, при осуществлении своего плана застройки Арбата (Калининского проспекта) с какой-то патологической яростью настаивал на сносе русской церкви XVII века на Поварской улице. К счастью, русские патриоты в буквальном смысле слова легли под бульдозер и не позволили уничтожить святыню.

В это время у меня возникает идея написать полную историю московских улиц. Проследить по архивным источникам, как развивались архитектурные формы жизни из века в век, из года в год. Как на место изб приходили особняки, затем доходные дома. Мистическое движение жизни в архитектурных формах, быт простых и великих людей завораживали меня своей неодолимой тайной.

Осенью 1967 года мы поехали на обследование скита Саввино-Сторожевского монастыря. Какой-то знакомый Гены сообщил нам, что там на чердаке одного из зданий сохранились старинные книги. Мы обшарили все, нашли немало остатков церковной утвари, а книг не было. Возвратившись, мы собрались у Гены и стали обсуждать дальнейшие планы. В этот вечер я впервые встретился с роковой для нас с Геной девушкой по имени Наташа, получившей от Гены прозвище Миледи в духе романов Дюма. Это было очаровательное белокурое шестнадцатилетнее создание, чувствовавшее свою власть над мальчиками и получавшее от того явное удовольствие. Ни я, ни Саша до этого дня не знали ее, только слышали, что она и есть таинственная дама сердца Гены, в которую он был влюблен и о которой много говорил. Мне она сразу же понравилась; увидев ее, я растерялся. Она это почувствовала. После ее появления наша монастырская тема сразу же заглохла. Мы начали нести какой-то вздор, много смеялись. В конце концов я вызвался проводить Наташу до дома. На следующий вечер мы уже целовались. Вечерние встречи у Гены прекратились, так как все свободное время я проводил с Наташей. Несмотря на мою опытность, дальше поцелуев наши отношения не шли. Дамой сердца Гены Наташа стать не желала, ее больше тянуло ко мне.

Гена ревновал, переживал. В разговорах с Сашей называл меня предателем, а Наташу «коварной Миледи», хотя она никаких обещаний ему не давала. Гена даже заболел. Мы пришли его навестить. Его мама шепотом сообщила нам, что сын страдает от «жестокой, бессердечной девочки, которая отказывается даже разговаривать с ним по телефону». Генина мама просила нас чаще посещать сына. Но видеться с Геной мне с каждым разом становилось все труднее. Он рассказывал о Наташе всякие небылицы, называл ее девушкой легкого поведения. Портились отношения и с Наташей. Ее возмущали выдумки Гены, которые он распространял

среди наших общих знакомых. Наташа считала Гену подлецом, настаивала, чтобы я порвал дружбу с ним. Наташа была мне нужна, меня тянуло к ней, но и с Геной я не мог порвать. А он чувствовал мою растерянность, проявлял чудеса интриганства, через третьих лиц распространяя слухи, что Наташа якобы встречается еще с одним парнем. В этой интриге он нашел себе союзника в лице моей одноклассницы Тани Прохоровой, которую я воспринимал как друга, а она имела на меня свои девичьи виды. Некоторое время я и Наташа продолжали встречаться, перезванивались, но как-то незаметно между нами вырастала стена. В начале 1968-го, когда, казалось, все отношения между нами угасли, она вдруг позвонила мне и сказала: «Один человек предлагает мне стать его женой. Как мне быть?»

– Ты его любишь? – спросил я.

– Не знаю.

– Решай сама.

Сказав это, я почувствовал, что теряю что-то важное, хотя по-настоящему все понял позднее. Тем более как раз в это время я встречался с девушкой Ниной, жившей рядом с Петровским парком недалеко от Академии Жуковского (бывший Путевой царский дворец). Почти рядом с ее домом находился особняк «Черный лебедь» масона Рябушинского. И какие действительно бывают в жизни совпадения – дед Нины до революции приходил наниматься к Рябушинскому на работу. После 1917-го в особняке устроили ресторан, а в 30-е годы – одну из «шарашек» ГУЛАГа – научное учреждение, где работали заключенные. Отец Нины, инженер, был осужден по политической статье «за анекдот» и попал в эту «шарашку». Гуляя с Ниной по окрестностям Петровского парка, я еще не знал, что при большевиках здесь проходили расстрелы русских патриотов, здесь же зарывали их тела. Еврейские палачи убили, в частности, духовного русского писателя о. Иоанна Восторгова, близкого Царской семье епископа Ефрема, министров-патриотов царского правительства И. Г. Щегловитова и Н. А. Маклакова. Наши горячие поцелуи и объятия проходили рядом с этими святыми для каждого русского человека местами, совсем по Пушкину: «И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть…»

Ранней осенью 1967 года моя мама составляла смету на ремонт дома по Газетному переулку. При осмотре одной из квартир она познакомилась с Евдокией Федоровной Никитиной, женой расстрелянного в годы революции крупного масона, министра внутренних дел Временного правительства А. М. Никитина. С 1914-го Никитины собирали салон, в котором опытные «вольные каменщики» подготавливали себе смену. Заседания салона под названием «Никитинские субботники» продолжались и после расстрела Никитина в 1920-х годах. В заседаниях участвовали член Великого Востока Франции А. В. Луначарский, глава розенкрейцеров Б. М. Зубакин, Н. Л. Бродский, Ю. И. Айхенвальд, Л. П. Гроссман и др. Регулярно приглашалась студенческая молодежь. В 30-е годы Никитинские субботники прекратились, чтобы возобновиться в «оттепель». Никитина и «зубры» либеральной интеллигенции 20-х годов привлекали сюда молодежь, стремясь воспитать ее в духе космополитических идеалов и западного либерализма, привить вражду к русской истории и Православной Церкви. Мама, услышав, что Никитинские субботники продолжают собираться, и зная мою любовь к литературе, попросила Никитину разрешить мне посещать эти вечера. Никитина, к тому времени семидесятидвухлетняя старушка, милостиво разрешила, выдав в качестве пропуска пустой бланк с эмблемой Никитинских субботников.

В ближайшую субботу я прибежал на заседание в числе первых. Меня провели в большую комнату с длинным столом посредине, уставленным тарелками с печеньем и пирожками и чашками с блюдечками, двумя большими чайниками. Стулья вокруг стола стояли в два ряда. Молодежь вроде меня рассаживалась во второй ряд. Впрочем, во втором ряду сидели не только молодые. Было довольно тесно, вдоль стен стояли закрытые шкафы. С некоторым опозданием появились «мэтры», быстро заполнившие первый ряд и сразу же приступившие к чаепитию.

Большинство присутствовавших знали друг друга. В этот день присутствовали мэтры Борис Абрамович Слуцкий и Владимир Моисеевич Луговой, критик Нея Марковна Зоркая.

Вечер начал Слуцкий. Сказав несколько слов о воспитании молодежи в духе коммунистических идеалов и интернационализма (и как я понял уже позже – еврейского мессианизма), поэт без всякого перехода начал декламировать свои стихи, с завыванием и выкриками. Мне, воспитанному на Пушкине и Тютчеве, содержание его стихов не было ясно, казалось, что они были зашифрованы для избранных. Еврейская студенческая молодежь, обильно присутствовавшая на вечере, каждое стихотворение принимала с восторгом, дружно хлопая. Я не хлопал, задумавшись, искренно стараясь понять смысл стихов. После выступления Слуцкого я попытался обсудить его стихи с одним из наиболее ревностных его поклонников. Мои вопросы поклонник расценил как скрытую иронию (или издевательство) и металлическим голосом сказал: «Ты ничего не понимаешь в *великой* (!) поэзии!» И отвернулся. За чаем, который пили только мэтры, началось обсуждение. Мне запомнилось, что Зоркая открыто ругала А. Твардовского за то, что он не любит «Женю Евтушенко», колхозник Твардовский не может понять великого поэта. Вообще все обсуждения сводились к восхвалениям «великих», которыми, как правило, были евреи. Иногда было такое ощущение, что русская классическая литература существует параллельно с «современной великой», которую воплощают Пастернак, Эренбург, Слуцкий, Евтушенко, Шкловский, Маршак. Светлым воспоминанием вечера стало выступление дочери поэта К. Д. Бальмонта Нины. С большой теплотой и чувством она читала стихи отца и рассказывала о нем.

На следующем субботнике у Никитиной много говорилось о романе Цветаевой и Б. Пастернака. Никитина показывала кресло, на котором они целовались в ее доме. Подробности этого романа в устах Никитиной носили какой-то мелочный характер. Потом выступал некто Федоров (?). По его версии, Маяковский не покончил жизнь самоубийством, а был убит черносотенцами из круга Есенина. Без всякой связи, как о чем-то наболевшем, перекинулся на тему современных черносотенцев. По мнению большинства присутствовавших (мнение это никто не оспаривал), современными черносотенцами были М. Шолохов, Л. Леонов, И. М. Шевцов и другие русские писатели, «клевещущие и преследующие» великих и талантливых евреев. На этот вечер я принес подписать письмо в МГК КПСС с протестом против намечавшегося сноса церкви св. Николая. Письмо я пустил по рядам. Хотя в комнате присутствовало около 30 человек, свою подпись поставили только два студента, а Никитина попросила меня больше не приносить на ее субботники «подобные бумаги».

Третье и последнее посещение Никитинских субботников – этой кузницы космополитических, антирусских кадров – было связано с большим скандалом. Вечер начался с чтения стихов какого-то молодого поэта, которого дружно назвали талантливым и многообещающим. А затем слово попросил учитель из Одессы некто Ефим Махровский (?). Он заговорил о необходимости развеять «черносотенные мифы русской истории». Для начала он объявил «Слово о полку Игореве» грубой фальшивкой вроде Велесовой книги, поздней выдумкой русских «патриотов» (в устах Махровского это слово звучало как ругательство). По мнению учителя из Одессы, говорить о русской культуре до XVIII века некорректно. Она пришла в Россию с Запада с Петром I. Согласно Махровскому, Древняя Русь была не самобытным славянским государством, а искусственным образованием, рожденным еврейской культурой. История Киевской Руси создана евреями. Они дали ей не только свое имя (Кий, основатель Киева, по Махровскому, был евреем), но и правящую династию Рюриковичей. Пассивное начало славянских племен оплодотворялось еврейской активностью. На этом вечере я услышал и другие откровения в таком же роде. Древняя, но очень агрессивная бабушка по фамилии Брунштейн поведала присутствующим о решающей роли евреев в строительстве СССР. Сколько выдающихся еврейских деятелей отдали свою жизнь во имя революции и победы нового обществен-

ного строя! Подавляющая часть революционных вождей были евреями! Бабушка Брунштейн рассказала о том, что сам Ленин по матери был евреем.

Обсуждения докладов, вероятнее всего, были хорошо срежиссированы. Реально, по существу никто выступающим не возражал. Почти все «оппоненты» под видом возражений пели дифирамбы Махровскому. Получалось взаимное восхваление, осанна иудейскому племени. Торжественную еврейскую мессу нарушил подвыпивший старичок: «Все это ложь, а ты сионист!» – закричал он Махровскому и кинулся на него с кулаками. Думаю, что в этом случае самым уместным аргументом на антирусские аргументы Махровского был бы мордобой. Однако соплеменники стали грудью на защиту сиониста, я же, воспользовавшись суматохой, незаметно покинул этот дом, чтобы никогда сюда не вернуться. Под впечатлением услышанного я вначале собирался написать письмо в КГБ, чтобы рассказать о подрывной деятельности Никитинских субботников. Но, к своему стыду, не хватило решимости, боялся прослыть доносчиком. Могу представить, как бы презирал меня мой прадед, узнав о моем либерализме и боязни стать доносчиком. Ведь речь шла о борьбе с врагами моего народа. Кроме Никитинских субботников в Москве во второй половине 60-х годов было еще немало и других центров по подготовке антирусских космополитических кадров, которые и дали свои ядовитые плоды в 80–90-е годы. По словам некоторых евреев – посетителей Никитинских субботников, антирусский сионистский салон, состоявший преимущественно из учащейся молодежи, собирали К. Паустовский в Тарусе, а также И. Эренбург в своей московской квартире. В салонах этих культивировались идеи Талмуда, особого избранничества и одаренности евреев. Именно из них вышли сионистские деятели, впоследствии составившие контингент авторов альманаха «Метрополь» и ядро сионистской организации «Апрель».

Я много думал, читал, путешествовал по окрестностям Москвы и ее достопамятным местам, много времени проводил в Тургеневской библиотеке – вместе с тем именно тогда, в восемнадцать лет, во мне определилось прошедшее через всю мою жизнь возвышенное чувство зависимости от женского, девичьего начала. Зависимость не просто от любовных встреч и чувственных радостей (хотя это тоже было), а зависимость от влекущего чувства найти такую женщину, которая станет моей частью, сумеет понять мои стремления, особый мир моей жизни.

Но чаще всего было так: женщины вдохновляли меня, создавали тонус моей жизни, подталкивали к решительным поступкам, но не затрагивали моей души, оставались вне духовных интересов моей жизни. Почти каждая заинтересовавшая меня женщина давала мне что-то важное, но вместе с тем как бы обтекала меня, не оставляя во мне никакого сожаления об утрате. Фея, Белоснежка, Суженая, Чародейка, Красная Шапочка, Актриса, Лукавая и другие (я специально шифровал женские имена) прошли рядом со мной драгоценными образами. Но только Суженая (моя жена Таня) и Красная Шапочка стали частью моей жизни (последняя ненадолго).

Глава 5

Созревание национального чувства. – Осознание духовной брани двух начал – русского и антирусского. – Презрение к Окуджаве. – Восхищение И. Глазуновым, М. Лобановым, В. Солоухиным, И. Шевцовым. – Тяга к организованным патриотам. – Клуб «Родина». – ВООПИК

Время моего возмужания, период с 1968-го, – особый этап в истории нашей страны. На моих глазах столкнулись две идеологические силы – православно-патриотическая, идущая из исторической России, и либерально-еврейская, растущая из могилы еврейских большевиков и дореволюционных масонов. Столкнулись дети тех, кто тысячи лет строил великую Россию, и дети еврейских комиссаров, расстреливавших ее. Молодая поросль евреев в 60-х годах называла себя «чуваками», что на их птичьем языке означало – «человек, уважающий высокую американскую культуру». Было ли слово «чувак» введено в оборот этой, по сути дела, «дикарской среды» зарубежными спецслужбами или каким-нибудь отпрыском советской чиновничьей верхушки, оно схватывало самое главное в их жизни – преклонение перед Западом и презрение к России. Все остальные люди, жившие в СССР, на языке «чуваков» именовались либо «совками» (русские, не разделявшие восторг «чуваков» западным образом жизни), либо «чурками» (представители национальных меньшинств).

Лишенные корней и высоких патриотических чувств, искавшие любой возможности уехать на Запад, «чуваки» в массе отличались пошлостью, дурным вкусом, склонностью к сальным шуточкам и просто «порнографией духа». У нас во дворе жила еврейская семья торговых работников. Сын их Генка Болеба открыто мечтал уехать из России за рубеж, а в этой жизни занимался фарцовкой. Себя он называл «чуваком», а меня «совком». Спекуляция импортным ширпотребом среди «чуваков» считалась почетным делом.

Между собой эта публика объяснялась на особом птичьем языке – смеси отдельных слов английского, еврейского и искаженного русского. Вот два характерных диалога, записанных мною в те годы. Первый об отношениях с девушкой.

– Без кайфа нет лайфа, – говорил один, – я тебе клевую фенечку расскажу. Зафакал я клевую герлу, у нее пэрэнты крутые совки. Папик ходит в Байтовых трузерах, а шузы все равно совковые. Ха-ха-ха!

– Кончай свой стеб, – говорит в свою очередь другой, – я от этой телки торчу. У ней папик мажор, прикид стремный, не хочешь – не факай. Я ее сам подпишу на фак.

Или еще один диалог о посмотренном фильме:

– Этот фильм такой совок. Джаст а хип впадет в тоску – все хэнды попилены. Режиссер левый мэн. Никакого кайфа.

– И мне он не в кайф, такая шиза.

С приходом к власти Хрущева большевистские погромщики поняли, что могут взять реванш. В руководящие органы партии хлынули тысячи озлобленных евреев. На телевидении широко внедряли образ передового человека, носителя прогресса, «с добрыми еврейскими чертами лица», со специфическими интонациями и мотивом речи, что как бы подготавливало второе пришествие деятелей либерально-масонской идеологии. Новый погром русской культуры осуществляли под лозунгом возвращения к ленинским принципам. Снова начались разгромы церквей, преследования священников. Враги России призывали к коммунизму в духе еврейского хилиазма и хлестали русских патриотов цитатами из Ленина. Помню кучку демонстрантов (в основном евреев) возле памятника Маяковскому летом 1968 года, призывавших поддержать «народное» восстание в Праге. Был там полный набор отпрысков еврейских большевиков: Свердлов, Якир, Литвинов, Тарсис, Румянцев и др. Все они уже обзавелись покро-

вителями на Западе, снабжавшими их деньгами и посылками с вещами. В руках одного из них был том Ленина. Еврейский пиит читал стихи, в которых были слова «не позволим осквернить ленинское знамя» (в смысле подавления «народного» восстания). На мое справедливое замечание, что «восстание» подготовлено на деньги ЦРУ, один из демонстрантов заученно кинул мне: «Провокатор!» В 1990-е годы были опубликованы подробные сведения о том, как создавалась «Пражская весна». Десятки агентов западных спецслужб, координируемых ЦРУ, развозили в просторных сумках миллионы долларов для зачинщиков беспорядков. Дубчек, Гавел и другие агенты влияния Запада при активном содействии сионистов и масонских организаций не нуждались в средствах. На эти американские деньги покупались услуги наемных убийц, стрелявших в спину русских солдат. Подкупленные проститутки после сношения со своими дружками бежали в полицию с требованием их освидетельствовать, заявляя, что их изнасиловал «оккупант». Впрочем, слишком поздно мы узнали, что и демонстрации в поддержку «народного» восстания на площади Маяковского и возле Кремля тоже были инспирированы на американские деньги.

Бывшие агенты американских спецслужб сейчас уже не боятся говорить, как они строили так называемое диссидентское движение, опираясь на «недовольных евреев и психически неуравновешенных людей». Они откровенничают, как в целях «расшатывания России» ЦРУ использовало «сионистский дух» евреев, приобретший организованный характер с 1967-го.[79] В библиотеке Конгресса США я ознакомился с признаниями видной сионистки Э. Маркиш. Шестидневная война на Ближнем Востоке, писала она, «все расставила по своим местам в психологии российского еврейства… многими среди российского еврейства был сделан категорический выбор: "Израиль – это родное, Россия – это, в лучшем случае, двоюродное, а то и вовсе чужое". Так рассуждали не только те евреи, которые уже тогда решили свою судьбу: вырваться в Израиль. Так же рассуждали и те, кто на работе утверждал обратное».[80]

О вводе наших войск в Чехословакию я узнал, сидя с друзьями в пивном баре на Цветном бульваре. Я сразу же почувствовал, что шаг этот оправдан. Мы, русские славяне, спасали чешских от возможной оккупации Запада, который всегда старался перемолоть, использовать и уничтожить славянское племя. У меня улучшилось настроение, и я стал объяснять своим друзьям благотворное значение этого события. Мы были довольны, зато два еврея за соседним столиком заметно погрустнели. А я встал с места, поднял кружку пива и громко произнес слова: «За успешный ввод наших войск в Чехословакию!» Подавляющая часть зала поддержала меня, кроме двух типов за соседним столиком, которые выскочили из бара как ошпаренные, даже не допили своего пива, что-то бормоча про антисемитов. Эти люди воспринимали русское дело как враждебное, а все антирусское как свое, национальное. Русских патриотов они называли невежественными скифами, темными неудачниками. Известный еврейский бард, сын большевистского комиссара Б. Окуджава в своем кругу глумился над русским людьми, смеялся над их искренностью и добродушием, называл это признаком неразвитости. Навсегда мне запомнился вечер в Доме техники на Мясницкой (тогда ул. Кирова) в 1967 или 1968 году. На этом вечере Окуджава открыто говорил, что не верит ни в Бога, ни в патриотизм. «Когда я родился, – заявил он, – меня не крестили, меня октябрили, заместо Библии была книга Ленина. Я душой связан с Октябрем».

Одно из высших выражений духовности человека – патриотизм – Окуджава считал свойством неразвитых людей, чувством, подобным «кошачьей привычке к одному дому». Такой примитивный взгляд на мир Окуджава выражал в своих песнях, которые он исполнял, на мой вкус, плохо – блея, чуть ли не икая.

---

[79] Маркиш Э. Столь долгое возвращение. Тель-Авив, 1988. С. 337–338.

[80] Там же.

Христианство принесло человечеству огромное богатство чувств, переживаний, нюансов постижения духа. В песнях Окуджавы все это отрицалось, опошлялось, обеднялось, сводилось к убогим представлениям космополитов, ориентированных на теплую квартиру и хорошую пищу, идеалы местечкового еврейства.

«Ах, Арбат, мой Арбат, ты моя религия», – пел, бренча на гитаре, этот еврейский бард, тоскуя по временам, когда его соплеменники чувствовали себя полными господами великой страны.

Арбатство, растворенное в крови,
Неистребимо, как сама природа, —

декларировал сын большевика. —

Ах, Арбат, мой Арбат!
Ты мое призвание,
Ты и радость моя, и моя беда.

Или:

Солнце, май, Арбат, любовь —
Выше нет карьеры…

Патриотизм воспринимался Окуджавой как опасность, как вызов его соплеменникам. Отсюда его патологическая ненависть к патриотам и русским. По Окуджаве, «стать патриотом» – значит «смешаться с толпой», а русские – «рабы» и «язычники» (т. е. гои).

Все, что пел и говорил в этот вечер Окуджава, было своего рода антирусским манифестом либерально-еврейских кругов. С тех пор Окуджава стал для меня символом пошлости, космополитизма, мещанского духа местечкового еврейства, своего рода эталоном всего того, что нельзя принимать русскому человеку.

Под стать Окуджаве был и другой еврейский бард А. Галич, пьяница и наркоман, поразивший меня во время выступления в Политехническом музее (или ЦДЛ?) фантастическими рассказами о своих встречах (?) с Ф. Юсуповым, убийцей Г. Распутина. В мерзкой манере он сочинял гнусные подробности из жизни последнего русского царя, вываливая на память о нем все бездны собственной растленности и ненависти к России.

Во второй половине 60–70-х годов вокруг Окуджавы, Галича, Слуцкого, Эйдельмана, Коржавина существовали кружки еврейско-космополитической интеллигенции, вызывавшие во мне отвращение не только из-за их растленно-антирусского духа, но и из-за смехотворных претензий на «элитарность» и «первенствующее положение» в русской культуре. В то время я с жадной любознательностью ходил по разным вечерам, лекториям, литературным встречам. Среди многочисленных выступавших и лекторов я скоро научился определять представителей этих еврейских кружков (причем необязательно все они были евреи), вносивших в культурную жизнь диссонанс и местечковые разборки.

Особенно неприятные чувства во мне вызывали Н. Эйдельман и С. Рассадин с их самоуверенными и, по сути дела, невежественными рассуждениями о русской истории. Ее они коверкали так, чтобы языком событий прошедших эпох навести слушателей на определенные мысли о современной русской жизни. Вероятно, им казалось, что они поступают тонко и умно. На самом деле все это выглядело очень примитивно и малоубедительно. Ни одно из выступлений не обходилось без восхваления друг друга. Рассадин хвалил Эйдельмана, тот его, а все вместе пели дифирамбы Окуджаве, Галичу, Слуцкому и другим еврейским «гениям».

Почти физически я ощущал их убогий, одномерный мир безбожников, антипатриотов, пошляков, зацикленных на своих племенных переживаниях и чаяниях, ненавидящих все русское и глумящихся над историей России. Это был мир того самого Хама, который после 1917 года громил русскую культуру, был повержен в эпоху Сталина и возрожден стараниями Хрущева. По отношению к русской жизни это был антимир – скучный, серый и пустой, ужасный своими потугами возвыситься над русскими людьми.

В 1968–1969 годы я несколько раз бывал на выступлениях еще одного еврейского барда В. Высоцкого. Безусловно, он выгодно отличался от Окуджавы. Во всяком случае, в нем не было пошлости и духа местечкового мещанства. Признаюсь, тогда он мне понравился. Не лишенный песенного таланта и за это принимаемый частью русских людей, деформированных десятилетиями космополитической власти, этот бард, тем не менее, – а это я понял гораздо позже, – был глубоко чужд России, примешивая в ее народную культуру несвойственные ей уголовные, блатные нотки. Как справедливо писал русский поэт С. Куняев: «Высоцкий многое отдавал за эстрадный успех. У "златоустого блатаря", по которому, как сказал Вознесенский, должна "рыдать Россия", нет ни одной светлой песни о ней, о ее великой истории, о русском характере, песни, написанной любовью или хотя бы блоковским чувством… Знаменитый бард ради эстрадного успеха, "ради красного словца" не щадил наших национальных святынь. Песни его… не боролись с распадом, а наоборот, эстетически обрамляли его».

Кумиры, на которых я тогда равнялся, были совсем иными. Патриотический дух привили мне родители, любовь к храмам и монастырям создала во мне совсем другую систему образов, к которой я тянулся. Конечно, главными ориентирами были русская художественная и литературная классика, посещения Третьяковской галереи, музеев, чтение запоем исторических романов. Однако, как всякого молодого человека, меня тянула и современность, хотелось видеть, что великая культура, созданная в прошлом, прорастает и в нашу жизнь. Кумиры либерально-еврейской молодежи тянули нас либо снова к Гражданской войне, в 20-е годы, либо на Запад. Для меня и моих друзей это было неприемлемо, интересы отпрысков еврейских комиссаров были нам чужды, их кумиры скучны и фальшивы. Их искусство было не настоящим искусством, а зашифрованной знаковой системой (вроде песенок Окуджавы), призванной объединить своих. Мы же, русская молодежь, жаждали своих кумиров (в молодости это вполне естественно). И мы обрели их. Помню, первыми нашими кумирами стали великий русский художник Илья Сергеевич Глазунов и замечательный русский публицист Михаил Петрович Лобанов. Первый доказал нам, что великое русское христианское искусство успешно развивается и сейчас, второй подтвердил, что наши взгляды на идеологию Окуджавы и других отпрысков еврейских комиссаров являются не мнением одиночек, а неотъемлемой частью великой реки русской национальной мысли. Во мне и в тысячах других русских людей работы Глазунова и Лобанова создавали чувство уверенности в будущем нашего народа.

Художник Илья Глазунов – великий русский человек, далеко перешагнувший сферу живописи и ставший одним из глубочайших выразителей русского духа, духовным мыслителем, равным по своему значению И. Киреевскому, А. Хомякову, К. Аксакову, Н. Данилевскому. В созданных Глазуновым образах многие русские люди смогли глубоко понять то, что было написано в произведениях самых выдающихся выразителей русской национальной мысли. Еще не познакомившись с трудами славянофилов, я получил от картин Глазунова многое из того, что было написано в их книгах. Впервые на одну из выставок Глазунова еще в 1964 (?) году меня привел отец. Помню возбужденные толпы и чувство великого, таинственного, родного, но еще мне не совсем понятного. Осознание величия трудов Глазунова пришло только в 1967–1968 годах. Образы русской истории оживают для меня в картинах «Иван Грозный» и «Борис Годунов», «Князь Олег» и «Андрей Рублев», «Царевич Дмитрий» и «Русский Икар». Увлекаться Достоевским я стал после знакомства с иллюстрациями к его произведениям Глазунова. Через видение Глазунова мне стали более доступны многие персонажи книг Мельни-

кова-Печерского, Лескова, Гончарова, Лермонтова, Островского. Помню, как с друзьями мы рассматривали иллюстрацию Глазунова к А. К. Толстому «У фрески "Страшный Суд"». Возле своей кровати я повесил вырезанную из журнала картину «Господин Великий Новгород».

Через много лет, познакомившись с Ильей Сергеевичем лично, подолгу беседуя с ним, я понял, какого труда стоило ему пробиться с русскими образами через враждебную среду. С первых его успехов на него ополчились еврейские критики во главе с Б. Иогансоном. Критиков раздражало увлечение художника древнерусской живописью. В традициях пролеткульта они обвинили Глазунова в «достоевщине» и «поповщине», приводя при этом цитаты из Ленина. Еврейские круги относились к Глазунову с нескрываемой ненавистью, объявляя его картины враждебными социализму.

Искусство Ильи Глазунова стало знамением нарождающегося русского движения, символом мира русских патриотов. Можно даже сказать, что к концу 60-х Глазунов стал своего рода неформальным лидером «русской партии». Я и мои друзья не задумываясь «вступили» в эту партию.

В апреле 1968-го в журнале «Молодая гвардия» появилась статья М. П. Лобанова «Просвещенное мещанство». Читали мы ее как раз после похода на вечер Б. Окуджавы, вызвавший у нас отвращение. Лобанов сформулировал то, что еще неосознанно бродило в наших душах. Он обозначил одну из главных характеристик того, чего мы не хотели принять как враждебное русской культуре, – «просвещенное мещанство», проявление местечковой еврейской культуры. «Все на свете можно опошлить, – писал Лобанов, – и в этом бессмертная заслуга бессмертного мещанства». Автор коснулся в статье и пресловутого Окуджавы, справедливо показав его чуждость для России. В статье подчеркивалось разлагающее влияние местечкового мещанства на русскую культуру. В свою записную книжку я занес цитату из этой статьи, которую потом не раз зачитывал: «У мещанства мини-язык, мини-мысль, мини-чувство – все мини. И Родина для них мини». Мы были в восторге! Сам Лобанов рассказывал мне позднее, что реакция либерально-еврейских кругов была страшной, как будто он посягнул на их «самое святое». Лобанова травили, не давали печататься. Мужественный, стойкий человек, фронтовик, тяжело раненный на Курской дуге, Лобанов не поддался на попытки еврейских кругов заставить его замолчать. Для русской молодежи он стал одним из любимых авторов, его статьи и книги мы читали в первую очередь.

После Глазунова и Лобанова среди русской молодежи большой популярностью пользовался писатель Владимир Алексеевич Солоухин. Впервые я его увидел в каком-то студенческом клубе (возможно, МАИ), где он выступал вместе с нашим кумиром Глазуновым в рамках клуба «Родина». Он был известен как автор замечательной книги о русском культурном наследии «Письма из Русского музея». В своей патриотической деятельности Солоухин так же, как и мы, был последователем Глазунова. Вместе с последним он стал одним из зачинателей общественного движения за сохранение национального, культурного достояния, исторических памятников и достопамятных мест. Мы не знали, что уже тогда Солоухин собирал материалы для книги «Последняя ступень», где остро ставил вопрос о еврейском засилье в России, о стремлении иудейских вождей к мировому господству над человечеством.[81]

Клуб «Родина», о котором я упомянул выше, стал местом притяжения русской национальной молодежи. Лично я участвовал только в отдельных вечерах и лекциях, проводимых в институтских домах культуры, «красных уголках» студенческих городков. Главная же деятельность «Родины» заключалась в безвозмездной помощи в восстановлении Крутицкого подворья и других памятников русской архитектуры в Коломенском, Радонеже, Больших Вяземах.

[81] Об этом Солоухин рассказал мне в середине 90-х годов. Он очень боялся, что у него обнаружат эту книгу, и отвез ее на сохранение в США, передав архиепископу Антонию в Лос-Анджелесе, завещав опубликовать ее в случае своей смерти. Писателю удалось издать ее при жизни в 1995 году.

На отдельных вечерах, помню, присутствовали писатель Л. Леонов, певец И. С. Козловский, поэты Г. Серебряков, И. Лысцов, а чаще всех знаменитый архитектор-реставратор П. Д. Барановский, один из руководителей клуба. Именно здесь я впервые увидел замечательных русских общественных деятелей того времени – Василия Дмитриевича Захарченко (гл. редактор журнала «Техника – молодежи»), Виктора Алексеевича Виноградова и Олега Игоревича Журина. Два последних были архитекторами, учениками Барановского, впоследствии видными активистами общества «Память». Среди активистов клуба «Родина», наверно, впервые в СССР стала распространяться антисионистская литература. Солоухин рассказывал мне, что именно здесь он впервые познакомился с «Сионскими протоколами».

В этом же году отец принес мне почитать сильно затертую, ставшую почти ветхой от рук сотен читателей книгу Ивана Михайловича Шевцова «Тля». В ней впервые в советский период рассказывалось об идеологической борьбе патриотов и космополитов. Шевцов высказал вслух то, о чем перешептывались на своей кухне многие честные, но робкие интеллигенты, не решаясь открыто обсуждать опасность сионизма, боясь получить клеймо антисемита. С этим великим русским патриотом я познакомился и подружился только в конце 90-х годов, но с первого же романа полюбил его, чувствуя родственную душу. С юношеских лет Шевцов испытал на себе опасность сионистского подполья. Еще будучи школьником, работая литсотрудником в шкловской районной газете, Шевцов был удивлен, что весь аппарат редакции, начиная с корректора и кончая редактором, состоял из евреев, которые между собой разговаривали только на идише.[82] И в дальнейшем, при частой смене редакторов, все оставалось по-прежнему. Когда Шевцов начинал сотрудничество в газете, редактором был Гершман, его сменил Герцович, потом Роберман и, наконец – Трапер. Сельского паренька удивило и то, что все руководство района было еврейское. Когда он поступил в педтехникум Орши и стал сотрудничать в городской газете в качестве внештатного репортера, увидел то же самое, что и в редакции шкловской газеты. В Орше пединститут и педтехникум размещались в одном здании. Юноша обратил внимание, что директором института был Левин, а техникума Тодрин – оба евреи. Посещая по заданию редакции предприятия города, Шевцов увидел ту же картину: директора и главные инженеры заводов – евреи по национальности. Проницательный юноша не мог не задуматься над таким нелогичным явлением, не начать анализировать: почему эта немногочисленная нация занимает командные посты? А тут еще подвернулся случай, коснувшийся лично Шевцова. Студент-однокурсник, некто Маневич, с которым Шевцов откровенно поделился своими наблюдениями, написал в дирекцию донос, обвинив Шевцова в антисемитизме. Реакция последовала незамедлительно: Шевцова, даже без формального разбирательства, исключают из техникума. Но вмешалась республиканская газета, опубликовавшая статью своего корреспондента «Как в Орше понимают бдительность», и приказ об исключении был отменен. Однако оскорбленный юноша не пожелал возвращаться и поступил в Саратовское училище пограничных войск. Шел 1938-й. Тогда многие молодые мечтали о героической романтике. С мечтой о границе связывали самые благородные стремления и жажду подвига, к чему и стремился Шевцов. Но шкловская история навсегда отложилась в восприимчивой юношеской памяти Шевцова. Он анализировал ее и будучи начальником погранзаставы в 1940–1941 годах, и разведчиком, и командиром роты в битве за Москву, и, особенно, в последние годы войны, когда работал в редакции журнала «Пограничник», где в аппарате и среди авторов было всего два славянина, включая самого Шевцова.

Борьбу с космополитами в конце 40-х Шевцов встретил в должности специального корреспондента газеты «Красная звезда», на смену гл. редактору которой Ортенбергу пришел генерал-славянин Фомиченко.

---

[82] Здесь и далее рассказ о деятельности И. М. Шевцова дается в изложении самого Ивана Михайловича. Впервые опубликован мною в энциклопедическом томе «Русский патриотизм» (М., 2003).

Русская патриотическая интеллигенция встретила борьбу с космополитизмом с пониманием и одобрением. Для журналиста Шевцова, познавшего еще в молодости засилье евреев во всех сферах жизни, их высокомерие и подрывную деятельность, еврейский вопрос приобретает особую актуальность, достойную серьезного исследования и анализа. Он включается в борьбу с сионистами. В 1944-м на страницах газеты «Красная звезда» появляется большая статья «Против антипатриотов в батальной живописи», подписанная И. Шевцовым и руководителями студии военных художников им. Грекова.

Иван Михайлович был, по сути дела, первым крупным советским писателем, который открыто выступил против развращающего влияния еврейства в русской культуре. Шевцов подробно рассказал мне, как создавался его знаменитый роман «Тля». Казалось, что время для издания было самое подходящее (1946–1948) – разгар борьбы с безродными космополитами, под которыми подразумевались евреи-сионисты. Однако даже в это время издать роман было нелегко. Иван Михайлович передавал мне ощущение тех лет:

«Я, молодой военный журналист, был дружен с художниками студии им. Б. М. Грекова и погранвойск. Там тоже часто звучали нелицеприятные слова «формалист», "космополит", «абстракционист». Сюжеты, характеры и образы действующих лиц – искусствоведов и художников, лежали на поверхности, сами просились на бумагу. Да и с фамилиями, по молодости, я не видел проблем: главных персонажей назвал Осип Давидович Гершман (искусствовед) и Лев Михайлович Барселонский (живописец). Но именно они-то и вызвали «вопрос» у директора издательства "Молодая гвардия" И. Я. Васильева: "Почему Гершман? Еврея нельзя изображать отрицательным. Еврей должен быть либо хорошим, либо отличным. Меняй фамилию на явно русскую, например, Иванов". – "А можно на русско-украинскую? – спросил я. – Иванов-Петренко, к примеру". – "Валяй. На Украине Гершманов тоже полно, – согласился Васильев. – Вот только Лев Барселонский подозрительный". – "Но он же не Шкловский, не Могилевский, не Слонимский", – успокоил я. И дальше развил: "Представь себе русского парня-художника с фамилией Мудянка. И он решил поменять ее на звучную, иностранную: Барселонский. Почему испанскую? Да просто нравились ему ее живописцы: Веласкес, Эль Греко". Васильев согласился на Барселонского. Это было в 1950 году. Книгу заблокировала цензура на целых 14 лет. В свет появилась «Тля» только в 1964 году.

Я не ожидал такой бурной, истеричной реакции на обыкновенную книгу о художниках. А тут радиоволны "Голоса Израиля", Би-би-си и прочих «голосов» заявляют: мол, впервые в СССР издан антисемитский роман… Караул! И следом – дюжина разгромных статей почти во всех центральных газетах. Библиотекам дана негласная команда: роман читателям не выдавать. На меня был навешан ярлык «антисемита» и «фашиста». А между тем в романе нет слов ни «сионист», ни «еврей». В персонажах романа прототипы узнавали себя. Так, матерый сионист Илья Эренбург разразился гневной статьей, которую затем включил в собрание своих сочинений».

На Ивана Михайловича обрушился шквал самой гнусной клеветы. Сионисты книгу скупали и сжигали. Во дворе московской синагоги устроили костер из 2 тыс экземпляров «Тли». Зато среди читателей роман пользовался большим успехом. Шевцов стал одним из самых популярных русских писателей. Выход романа свидетельствовал о том, что и в верхних эшелонах власти есть немало людей, понимающих опасность сионистского подполья. В частности, Шевцова активно поддержал член Политбюро, первый зам. главы правительства Д. С. Полянский, за что и поплатился своей карьерой вместе с другими партийными функционерами, выразившими свои симпатии Шевцову и его роману. Главным же гонителем Шевцова был идеолог партии Суслов.

С тех пор отношение к Шевцову и его роману в общественно-литературных кругах стало своеобразным барометром, определяющим уровень национально-патриотического и граждан-

ского самосознания. Кто-то, пугливо озираясь, пожимал в темных коридорах руку и говорил: «Мысленно мы с вами!» Кто-то поспешил откреститься от знакомства с опасным писателем.

Пример Шевцова показал, что бороться с сионистским подпольем хотя и опасно, но возможно. Имя Шевцова объединило многих русских писателей-патриотов. В середине 60-х Иван Михайлович купил себе дом в 5 км от Троице-Сергиевой лавры в поселке Семхоз. Он посоветовал своим друзьям-единоверцам поэтам В. Фирсову и И. Кобзеву поселиться рядом с ним. Вслед за ними в Семхоз потянулись и другие известные московские писатели: поэты В. Сорокин, Г. Серебряков, Ф. Чуев, С. Поделков, В. Осинин, С. Куняев, прозаики И. Акулов, А. Иванов, И. Лазутин, А. Блинов, Н. Камбалов, С. Высоцкий, Б. Орлов, критик В. Чалмаев. Всех их объединяли общность взглядов, любовь к родному Отечеству, неприятие сионистского засилья и диктата еврейских писателей в творческих союзах СССР вообще и в Московской организации, состоявшей в ту пору на 86 % из иудеев, в частности. Подмосковный поселок Переделкино был вотчиной преимущественно еврейских писателей. Группа «радонежцев» считалась неформальной писательской организацией, о которой вскоре заговорили в литературных кругах. Даже радиостанция Би-би-си в одной из своих передач объявила, что «черносотенец Шевцов создал под Загорском в поселке Семхоз анти-Переделкино». Для русской молодежи писательский поселок стал местом паломничества. Я, в частности, ездил к И. Кобзеву и Г. Серебрякову. Несколько раз мы приезжали сюда, гуляли в окрестностях Абрамцева, а потом шли в Семхоз. Позднее, собираясь пораньше, мы сначала ехали в Троице-Сергиеву лавру, а затем бродили по «радонежью».

К концу 60-х годов я и мои друзья окончательно духовно определились. Нашим последним университетом и национальным клубом стало Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). Созданное в 1966-м в ожесточенной борьбе с либерально-еврейским подпольем (объявлявшем его антисоветской организацией), ВООПИК включило в свое руководство почти всех главных кумиров русской молодежи – Глазунова, Солоухина, Корина, Леонова, Барановского.

ВООПИК стало, с одной стороны, центром спасения и реставрации русского культурного наследия, с другой – мощным рупором его пропаганды. Первоначально центральный ВООПИК разместился в Высокопетровском монастыре. Энтузиасты общества организуют многочисленные лекции по истории русской архитектуры, живописи, литературы. При обществе создается секция по шефству над памятниками русской культуры, ее члены регулярно по воскресным дням собираются для безвозмездной помощи на реставрацию конкретных памятников. После тяжелого физического труда с лопатами и носилками организуется чаепитие, во время которого обсуждаются разные проблемы – от современного положения страны до «Протоколов сионских мудрецов». Для многих молодых людей ВООПИК становится национальным клубом, где, может быть, впервые за годы советской власти свободно обсуждались ранее запретные темы. Здесь можно было получить редкую национальную литературу, например произведения славянофилов, а также антисионистские издания. Именно здесь мне впервые дали почитать книги Дикого «Евреи в России и СССР» и Селянинова «Тайная сила масонства». Здесь же ходили отпечатанные на машинке списки членов первого советского правительства, очерк о еврейском происхождении Ленина. Знакомства, завязанные в ВООПИК, нередко перерастали в дружбу. После некоторых мероприятий в Обществе мы шли к кому-нибудь домой и беседовали там допоздна.

Высшим воплощением национального клуба в рамках ВООПИК был созданный в 1968-м под крышей секции по комплексному изучению русской истории и культуры «Русский клуб». Название было неофициальным, протоколов и записей заседаний его не велось. В работе этого клуба я лично, по молодости, участия не принимал, но был много о нем наслышан. В этом клубе впервые за многие годы начинают обсуждаться животрепещущие вопросы формирования и развития русской культуры и духовности. В национальный оборот снова включаются

ранее запрещенные даже к упоминанию имена выдающихся русских деятелей и мыслителей прошлого: Данилевского, Каткова, Розанова, Леонтьева, Победоносцева, Иоанна Кронштадтского и Серафима Саровского. «Русский клуб» возглавляли писатель Д. А. Жуков (председатель), историк С. Н. Семанов и П. В. Палиевский (заместители), а от аппарата ВООПИК его курировал И. А. Белоконь. В течение нескольких лет клуб был центром формирования и развития русской патриотической мысли. Лучшие умы России пытаются осмыслить причины трагедии, постигшей Отечество. Клуб собирался в Высокопетровском монастыре в Москве. На его заседаниях, кроме уже перечисленных выше деятелей ВООПИК и участников конференции в Новгороде, активно работали: В. А. Чивилихин, В. А. Чалмаев, В. В. Сорокин, И. И. Кобзев, И. С. Глазунов, Ю. Л. Прокушев, Г. В. Серебряков, С. Г. Котенко, И. А. Кольченко, О. Н. Михайлов, Н. М. Сергованцев, А. И. Байгушев, О. И. Журин, В. А. Виноградов, М. П. Кудрявцев, В. Д. Захарченко, Л. П. Кабальчик, Н. А. Сверчков, З. А. Ткачик, А. П. Ланщиков, Е. И. Осетров, А. В. Никонов, С. Ю. Куняев.

«Организационно, – писал один из членов «Русского клуба» А. И. Байгушев, – мы приняли церковную структуру. Монастырь, Петровка, 28, был у нас чистилищем. Здесь был как бы открытый храм, и сюда свободно в любой день, в любой час могли зайти на постоянную службу, т. е. на любое мероприятие, любой творческий вечер, русские миряне. Здесь мы приглядывались в новым лицам, отбирали, кого какими интересами привлечь, а кого постараться под тем или иным предлогом «отшить». Постоянные и проверенные (в общении, в «соблазнах», мы не гнушались и анкетой) попадали под негласный статус «оглашенных». Их мы уже сами начинали настойчиво приглашать на русские мероприятия, давали несложные, больше для проверки, просветительные поручения. Из «оглашенных» лучшие попадали в «верные» и уже могли посещать наши "русские вторники", на которых шла основная духовно-строительная работа. Здесь поочередно каждым из наиболее активных членов "Русского клуба" делался доклад на предложенную им самим русскую тему».

«Мы, – сообщает тот же член клуба, – не решались начинать хотя бы закрытые собрания "Русского клуба" с молитвы. Хотя священники появлялись рядом с нами на наших светских собраниях впервые не замаскированно, не стыдливо, а гордо, в облачении и при регалиях, но нам только еще предстояло вернуть самим себе собственное русское достоинство, чтобы не дрожать перед иудо-атеистами, а гордо осенять себя на людях нашим православным крестом. Однако «безмолвие» (исихазм) и благородный «византизм» сразу стали духовными знаменами "Русского клуба". В. Д. Иванов, знаменитый исторический писатель, автор "Руси изначальной" и "Руси Великой", с первых же шагов "Великорусского монастыря" стал его иереем. После многих лет преследования и травли он с особенным жаром отдавался клубу, найдя здесь самую благородную, затаив дыхание слушающую его, аудиторию. И то же надо сказать об О. В. Волкове, не сломленном многолетним ГУЛАГом публицисте, дворянине самых высоких кровей, вдруг радостно увидевшем, что Россия еще жива, что идет молодая здоровая смена, в которой не убит масонским интернационализмом православный русский дух».

Несмотря на возвышенный «византизм» и внешне почти церковные формы организации «Русского клуба», большинство его членов оставались практически неверующими и невоцерковленными людьми, хотя все они осознавали огромную созидательную и жертвенную роль Православной Церкви в русской истории и культуре. Осуждая еврейский большевизм за геноцид русского народа, они вместе с тем не смешивали его с русским государственным направлением, которое придал коммунистической власти И. В. Сталин. Более того, некоторые члены клуба были горячими почитателями этого великого человека. Положительный опыт сталинских национальных реформ 1940-х – начала 1950-х, остановленных космополитическим режимом Хрущева, подталкивал их к абсурдной мысли о возможности соединения большевизма с Православием (С. Н. Семанов), или, как иначе выражались Г. М. Шиманов и М. Ф. Антонов, «соединения Нила Сорского и Ленина», Православия с ленинизмом. Конечно, такие мысли

могли возникнуть только в атеистическом сознании. По мере его изживания и воцерковления взгляды «национал-коммунистов» менялись в сторону традиционной русской идеологии.

Деятельность ВООПИК как национального клуба внесла большой вклад в возрождение национального сознания и в воспитание сотен, а может быть, даже тысяч русских людей в духе любви к традиционным русским ценностям Отечества и в беззаветном служении им.

Естественно, все это очень беспокоило сионистское подполье и связанные с ним структуры КГБ СССР. Сегодня мне достоверно известно от бывших работников КГБ, что в ВООПИК были внедрены десятки информаторов и агентов влияния. Делалась попытка превратить эту организацию из патриотической в космополитическую и формально-бюрократическую. Отчасти антирусским силам добиться этого удалось. Работой по разложению ВООПИК как патриотической организации начал заниматься еще в составе Второго главка КГБ (контрразведка) начальник отдела подполковник Бобков, тесно связанный с антирусскими, сионистскими элементами. Впоследствии он возглавил Пятое управление КГБ, главной задачей которого стала борьба с русским национальным движением. В борьбе с ВООПИК Бобков потерпел полное фиаско. Подавляющая часть агентов, с помощью которых он рассчитывал разложить ВООПИК, прониклись патриотическим взглядами и отказались проводить антирусскую работу,[83] к оставшимся же в ВООПИК относились как к прокаженным. Позорная судьба Бобкова известна всем – в конце 80-х годов он открыто перешел на службу еврейскому капиталу,[84] верным цепным псом которого был всегда.

[83] Мне известны имена некоторых из них, несколько человек еще живы и пользуются заслуженным авторитетом в патриотических кругах, доказав своей жизнью приверженность русскому делу.

[84] Бобков возглавил службу безопасности международного аферист В. Гусинского. Продолжал собирать досье на русских патриотов.

Глава 6

Учеба в Кооперативном институте. – Друзья-наставники. – Наука, история и патриотизм. – Национальное воспитание. – Книги и романтические увлечения

Увлечение историей, многочисленные встречи и походы с друзьями, довольно беспорядочный образ жизни вырвали меня из обычной колеи. В начале 1968 года мои сверстники уже готовились к поступлению в институт, а я еще оставался с аттестатом об окончании восьми классов. Вечернюю школу я фактически забросил. Мама была в отчаянии. Помог случай. У одного из наших соседей я узнал, что недалеко от нашего дома работает школа, при которой существуют курсы по сдаче экзаменов за десятилетку экстерном. Однако туда принимали только взрослых, не моложе 25 лет. Я пошел к директору этих курсов, объяснил ему свою ситуацию, рассказал о своем увлечении историей и нашел в нем единомышленника-патриота. Директор посоветовал мне заручиться письмом от руководства организации, в которой я работал, чтобы мне «в порядке исключения» позволили поступить на эти курсы и сдать экзамены экстерном. Отец легко подписал это письмо, а директор получил разрешение РОНО. На курсы я попал уже перед самыми экзаменами, а в июле месяце успешно их сдал. Тем не менее отнести документы для поступления в Историко-архивный институт я не успел. Прием был уже закончен. Выручила моя «палочка-выручалочка» по жизни – сестра отца тетя Марина. Она договорилась, чтобы мои документы приняли в Московский кооперативный институт на экономическое отделение. «Сдавай экзамены сюда, – сказала она мне, – а потом мы договоримся о твоем переводе в Историко-архивный».

В институт я поступил, а дальше все получилось иначе. В сентябре первокурсников отправили почти на месяц на картошку в подшефный совхоз, где я познакомился с людьми, значительно повлиявшими на мою дальнейшую жизнь. Это были доценты кафедры политической экономии Андрей Тихонович Миндаров и Владимир Александрович Ерпылев. Они были направлены сопровождать студентов. Миндарова и Ерпылева объединяли патриотизм, любовь к своему делу, редкая эрудированность в экономических и исторических вопросах и слава людей, попавших в опалу. И тот и другой за свои патриотические убеждения были уволены – один из Института международных отношений (МГИМО), другой из Московского университета. Миндаров к тому же до 1955 года служил консультантом в аппарате тогдашнего Председателя Совета министров СССР Маленкова. Как позднее я понял из их рассказов, оба они «пострадали от жидов». Оба стали для меня настоящим кладезем знаний. Узнав о моих исторических увлечениях, они прониклись ко мне симпатией и охотно удовлетворяли мою любовь к знаниям. Андрей Тихонович был спокойным, рассудительным, тщательно взвешивал каждое свое слово, Владимир Александрович нередко рубил сплеча, мог быть резок, в спорах зачастую слов не выбирал. Но в главном оба они были единомышленниками и взаимно дополняли друг друга. Они сильно переживали, что в центральных органах власти работает «много мерзавцев, настроенных в пользу Запада». Миндарову в 1954–1956 годах приходилось сталкиваться с А. Н. Яковлевым, в то время работником аппарата ЦК КПСС. Это редкий карьерист, применявший для достижений своих целей самые грязные методы – распространение лживых слухов для дискредитации конкурентов и главное – донос. В то время я еще мало знал о нравах в высших эшелонах власти. Андрей Тихонович рассказал мне историю, в то время обсуждаемую всей патриотической Москвой, о том, как Яковлев написал донос в Политбюро на главного редактора журнала «Огонек» Сафонова, занимавшего патриотические позиции. В доносе Яковлев информировал начальство, что Сафонов является великодержавным шовинистом, его отец был городовым и убит революционерами. «Можно ли, – спрашивал он, – такому чело-

веку доверять партийный журнал?» В доносе было много других гнусных подробностей, которые возмутили даже непритязательных начальников Яковлева. Один из них, по слухам, сказал доносчику: «Стучать надо умно». «А что же, Яковлева за эту подлость не уволили из ЦК?» – спросил я. – «Нет».

Более того, доносчик понравился Суслову, который стал двигать его по служебной лестнице». Работая в МГИМО, Миндаров некоторое время готовил материалы для группы консультантов генсека ЦК КПСС, возглавляемой Бурлацким, однако вскоре, поняв их проевреские, прозападные позиции, отошел от них. «Группа Бурлацкого, – рассказывал Андрей Тихонович, – состояла либо из евреев, настроенных сионистски (Арбатов и Иноземцев), либо из тех, кто был женат на еврейках (Бовин)». Именно эта группа поссорила СССР с Китаем, разрушив единый политический фронт двух великих стран. В группе Бурлацкого было составлено печально известное «Открытое письмо ЦК КПСС» китайскому руководству, в котором, по сути дела, Китаю объявлялась холодная война. Разрыв с Китаем, а впоследствии и с Албанией, объяснял мне Миндаров, резко ухудшил международное геополитическое положение СССР. Морские и воздушные коммуникации Китая и Албании имели большое стратегическое значение для развития обороны нашей страны. Кроме того, единое союзническое пространство обеспечивало эффективный общий фронт, противостоящий западному экспансионизму и агрессии. В результате СССР не только ослабил свои мировые позиции, но и получил по всей советско-китайской границе постоянный очаг напряженности. Все это отвлекало силы СССР и позволило США начать осенью 1954 года агрессию против Вьетнама и не особенно стесняться в провокационных действиях против Кубы, Северной Кореи, ГДР, а также государств Ближнего Востока. Деятели из группы Бурлацкого, рассказывал мне Миндаров, были настроены космополитически. Их «культурными кумирами» являлись Е. Евтушенко, Б. Окуджава, Ю. Любимов и подобные им еврейские деятели, с которыми они были связаны длительными личными отношениями. Абсолютно далекие от понимания национальных интересов России, более того, даже враждебные к ним, советники-космополиты рассматривали нашу Родину как обочину европейской цивилизации, давая своим хозяевам советы, многие из которых носили антирусский характер. Маскируя свою антигосударственную деятельность привычной марксистской фразеологией, эти партийные советники постепенно подталкивали политическое руководство страны к принятию решений, ставших первыми шагами на пути подрыва международного положения СССР и его политической стабильности. Склоняя окружение Брежнева к умалению значения русского народа и его культуры, консультанты группы Бурлацкого одновременно ориентировали СССР на уступки западным странам, лишая страну главного стратегического союзника – Китая.

Доверительные, почти дружеские отношения (насколько они возможны у студента с преподавателем), установившиеся у меня с Миндаровым и Ерпылевым, позволили мне получать систематические, достаточно серьезные знания, которые я в то время обычным путем никогда иметь бы не смог. Именно они дали мне правильное, грамотное понимание еврейского вопроса. Главное, что ни тот, ни другой не сводили его к вопросу сугубо национальному, почитая делом идеологическим. В столкновении русских с евреями Миндаров и Ерпылев видели прежде всего не столкновение «крови», а столкновение диаметрально противоположных мировоззрений, взглядов на жизнь. Миндаров стоял на почти христианской позиции, близкой той, которую впоследствии отстаивал мой главный наставник митрополит Иоанн, – русских и евреев разделяет вера, отступиться от которой для каждой стороны невозможно. Православие – вера настоящая и единственная, жизнь русского. Талмуд с иудейским избранничеством и жизненным принципом «бери от жизни все, не дай себе засохнуть» – настоящая жизнь еврея. Для русского главная часть жизни в сфере духовной, для еврея – в материальной. Это не означает, конечно, что русскому не нужно материального, а еврею – духовного. И Миндаров, и Ерпылев считали, что начиная со второй половины XIX века избраннические амбиции еврейских группировок

сыграли трагическую роль в судьбе Русского государства. Опуская рассказанные мне подробности участия евреев в революции 1917 года, сейчас известные всем, хочется вспомнить их рассказы (впрочем, рассказывал об этом главным образом Миндаров) о попытке евреев создать свою республику в Крыму. Это событие они считали «мировым еврейским заговором», так как в этой попытке кроме советских евреев участвовали международные еврейские финансовые круги. По данным, которыми располагал Миндаров, история создания этой республики уходит корнями в первые годы советской власти. Сама идея принадлежала Троцкому, Каменеву и Зиновьеву, которые согласовали ее с международными сионистскими кругами.[85] Об этом совершенно секретном соглашении ходили фантастические слухи в кулуарах ЦК, рассказывали, что Троцкий под этот проект получил большие деньги от сионистов. В начале 20-х для реализации этого проекта в Крым были переселены несколько сот еврейских переселенцев. Однако тогда это дело по разным причинам не удалось. В очередной раз к нему возвратились после войны. Международные сионистские организации снова предлагали деньги в обмен на еврейскую республику, но в этот раз они имели дело не с Троцким, а со Сталиным. В конце 1947 года группа ведущих советских сионистов во главе с Михоэлсом и Фефером была приглашена для беседы к Молотову и Кагановичу. На этом заседании Каганович и Молотов предложили Еврейскому антифашистскому комитету составить письмо на имя Сталина с просьбой передать Крым для образования еврейской республики. Письмо было составлено, и его предложили подписать многим еврейским деятелям.

Однако среди руководителей еврейских националистов возникли серьезные разногласия по этому вопросу. Так, один из самых влиятельных лидеров сионистского движения П. Маркиш составил другое письмо, в котором предлагал передать евреям земли бывшей республики немцев Поволжья с центром в городе Энгельс. Такой акт, писал Маркиш, явился бы актом «величайшей исторической справедливости» – «после всего того, что немецкий народ причинил еврейскому народу». Однако предложение Маркиша не было поддержано, и Сталину было передано письмо с ходатайством о Крыме.

Слепое стремление сионистских деятелей любой ценой собрать евреев в Крыму в ущерб другим народам вызвало раздраженную реакцию Сталина, который справедливо расценил поведение сионистских деятелей как международный еврейский заговор. В январе 1948-го был казнен Михоэлс, позднее арестовали жену Молотова. Доверия Сталина лишились Молотов и Каганович. Заговор сионистов сильно дестабилизировал политическое положение в СССР и сыграл роковую роль в жизни Сталина. Миндаров утверждал, что стремление создать еврейскую республику в Крыму международные сионистские деятели не оставляли и после прихода к власти Хрущева и Маленкова. Сионисты настаивали на выполнении соглашения, заключенного от имени советского правительства Троцким. Они требовали либо создания еврейской республики в Крыму, либо возвращения денег, выделенных ими под этот проект советскому правительству в 20-е годы. Передача в 1954-м Крыма из состава СССР в состав УССР, по мнению Миндарова, была неуклюжей попыткой советских властей закрыть вопрос об обязательствах перед международными сионистскими организациями о переселении в Крым евреев. Так как договор был заключен от имени РСФСР, УССР по прежним обязательствам РСФСР формально не отвечала.

Общение с Миндаровым и Ерпылевым во время учебы в Кооперативном институте стало для меня особым научным курсом. По их рекомендации я прочитал большое количество экономической литературы, к концу учебы приготовил несколько научных работ по политэкономии и экономической истории, получивших одобрение с их стороны.

[85] Впоследствии я получил подтверждение этим данным из уст еще одного хорошо информированного источника – бывшего помощника Берии Людвигова.

Однажды где-то в 1969-м или 1970-м Андрей Тихонович под строгим секретом познакомил меня с отдельными номерами так называемого «Политического дневника», циркулировавшего в еврейско-космополитической части советской интеллигенции. Отпечатанный на машинке, он содержал сведения, полученные по каналам зарубежных радиоголосов и американского посольства. Акценты в нем расставлялись чисто сионистские. В «Политическом дневнике» поддерживалась борьба «правозащитников» вроде Даниэля и Синявского, в деятельности советского правительства разоблачались «козни сталинистов». Зато полностью отсутствовало все то, что действительно могло волновать русских людей, – преследование православных священников и верующих, закрытие и снос церквей, катастрофическое положение национальных памятников и святынь. Миндаров получал этот «Дневник» от сотрудника журнала «Коммунист» Е. Фролова. По его словам, антирусский по своему характеру пропагандистский листок выпускался Роем Медведевым, а материалы ему поставляли Ф. Бурлацкий, Л. Карпинский, Э. Генри и ряд других очень важных лиц, близких ЦК КПСС. Имен их он тогда не назвал. И уже потом, через много лет, мне удалось узнать, что среди поставщиков информации и разных деятелей, связанных с «Политическим дневником», были такие известные русофобы, как Г. Арбатов, А. Бовин, Е. Гинзбург, В. Лакшин, О. Лацис, Ю. Любимов, Ю. Черниченко и Г. Шахназаров. Все эти люди еще тогда были связаны незримыми нитями с американским посольством, а значит, и ЦРУ, ибо по «этике» Госдепартамента США все контакты с советскими гражданами должны были контролироваться этой службой, по крупицам собиравшей сведения о внутренней жизни всех причастных к советскому правящему слою. Лица, причастные к созданию «Политического дневника», стали первым контингентом для подготовки агентов влияния в политическом руководстве СССР – прежде всего это касается Арбатова, Бовина и Шахназарова, ставших со временем ближайшими советниками генсеков ЦК КПСС – Брежнева, Андропова, Горбачева.

Помню, в одном из старых номеров «Политического дневника» (за 1966-й), принесенном мне Миндаровым, было письмо к Брежневу ряда еврейских и космополитических деятелей с призывами «не допустить возвращения к сталинизму». В подтексте письма явно чувствовалась ностальгия о том досталинском времени, когда еврейские большевики полностью контролировали власть. Подписантов меньше всего волновали невинные жертвы того времени, чувствовалось их откровенное желание вернуться в тот «золотой век» еврейских большевиков и вновь установить свою власть по законам Талмуда.

Тогда меня удивило, что среди подписей разных еврейских и космополитических деятелей стояло имя русского художника Павла Корина, далекого от этой воинственной антирусской среды. Андрей Тихонович объяснил мне, что подпись от тяжело больного (вскоре он умер) русского художника была получена автором письма Э. Генри обманом. Последнего мой учитель характеризовал как «хитрого, воинствующего сиониста, служившего одновременно и в КГБ, и в ЦРУ». Андрей Тихонович, хорошо знавший Генри, рассказывал о нем как о подлейшей личности. Когда в 1969-м стал публиковаться в журнале «Октябрь» роман В. А. Кочетова «Чего же ты хочешь?» о подготовке западными спецслужбами агентов влияния среди еврейских кругов советской интеллигенции, многие угадывали в одном из персонажей черты Э. Генри. Да и сам прототип узнал себя, и рассказывали, что был взбешен. Осенью 1969-го он написал донос на Кочетова в КГБ и ЦК КПСС, в котором обвинил писателя в антисемитизме, а также организовал коллективное письмо «советской интеллигенции» против публикации романа «Чего же ты хочешь?» отдельной книгой. В нашем институте роман пользовался популярностью. В библиотеке института на прочтение его в журнальном варианте выстроилась очередь в несколько десятков человек.

Учился в институте я легко и с удовольствием. Освоение основных предметов не составляло для меня труда, три четверти времени я тратил на самообразование и свои увлечения. С помощью Миндарова я составил план проработки научной и художественной литературы,

которая не входила в программу института. В список вошли более 50 авторов, представлявших лучшие образцы русской и зарубежной философии, экономики и литературы.

В части философии, например, сюда вошли Платон, Аристотель, Плотин, Бэкон, Гельвеций, Кант, Гегель, Фейербах, Ницше, Шопенгауэр, Кьеркегор, Камю, Ломоносов, Болотов, И. Киреевский, Хомяков, Аксаков, Н. Я. Данилевский, Соловьев.

В части экономики в план входили А. Смит, Д. Рикардо, Пети, Родбертус, труды И. Т. Посошкова, Н. А. Карышева, А. Чупрова, А. Н. Энгельгардта, В. П. Воронцова, И. И. Каблица, Н. В. Калачева. Особенно меня увлекли труды, относящиеся к истории русской общины и артели.

Для общего развития Андрей Тихонович советовал мне читать как можно больше художественной литературы – от античности и Средневековья до наших дней, что я с удовольствием и делал. Я записался сразу же в несколько библиотек. Особенно мне нравилось заниматься в Исторической библиотеке недалеко от Ивановского монастыря, а также в библиотеке Дома политического просвещения МГК КПСС на Малой Дмитровке. Последняя находилась в здании бывшего Купеческого клуба и включала фонды его библиотеки. Работать в ней было спокойнее, чем в Исторической библиотеке. Именно здесь написаны мои первые научные работы.

В то время в библиотеках СССР было легче получить труд западных философов, чем христианскую литературу, которая выдавалась только по специальному разрешению. Для того чтобы прочитать Библию, я должен был идти к ректору с просьбой подписать письмо-ходатайство на выдачу мне священной книги. Зато без всяких проблем выдавались труды философов антихристианского направления, например, Ницше, Шопенгауэра, Гартмана, Фрейда.

Достать нужную книгу было нелегко – только через букинистов и книжных маклеров. Букинистические магазины 60–70-х годов – особый мир, клубы по интересам. У каждого книжника завязывались свои знакомства с букинистами. У меня был Николай Николаевич из магазина в Столешниковом переулке. Он любил выпить, но дело свое знал. С его помощью я подбирал редкие тогда книги Соловьева, Хомякова, Данилевского, а главное, «Русский биографический словарь» в 25 томах, «Московский некрополь» и путеводитель по русским монастырям Павловского.

В проезде Художественного театра существовал магазин «Пушкинская лавка», в нем управлял Семен Израилевич, воинствующий сионист и русофоб. Он почти демонстративно не принимал книги русского направления. Зато у него можно было приобрести книги западных философов. Меня он знал и не любил. Вокруг него постоянно крутились еврейские маклеры, скупавшие у него редкие книги для перепродажи.

От общественной деятельности в ВООПИК я отошел, хотя время от времени со старыми приятелями ездил на экскурсии по разным достопамятным местам, монастырям и усадьбам. Страсть к знаниям, науке, исследованиям начинала занимать главное место в моей жизни. По-настоящему с этой страстью могла соперничать моя любовь к книгам. Большую часть своей стипендии я тратил на книги. Помню, своей первой стипендией распорядился так – пошел с девушкой в кафе «Метелица» на Новом Арбате, где выпили шампанского за успешное окончание сессии, а потом прошлись по букинистическим магазинам, в одном из которых я купил собрание сочинений Шиллера в издании «Академия» и двухтомник сочинений Адама Смита. Эти книги составили начало моей личной библиотеки. Гуляя по книжным магазинам, мы не забывали целоваться.

Мои студенческие подружки Таня, Нина, Маша, Вера, Оля – особая часть институтской жизни. Перебирая письма, записочки, присланные на лекции стихи в запечатанном конвертике, возвращаюсь к чувствам наполненности жизни и свойственному тем годам ощущению ее бесконечности и животной радости. Так уж получилось, что все мои подружки студенческой поры были не москвички. Я им очень благодарен, они много открыли для меня в понимании сложности человеческих отношений. Они несли в себе то, что почти невозможно было найти

в Москве. От этих встреч осталось чувство свежести и чистоты. Почти все они хотели продолжения нашей нежной дружбы, а я, не понимая, как ранил их, словно мотылек летел вперед, не оглядываясь. Тем не менее я считал, что эти встречи обогащают нас взаимно искренностью чувств, хотя, с моей стороны, и поверхностных. С позиции сегодняшней понимаю, что вел себя как язычник. Так меня в шутку однажды назвала бабушка Поля, удивлявшаяся, как я, еще вчера восхищавшийся Ниной, сегодня гулял с Машей. Некоторые романтические встречи побудили меня заняться «стихотворством». С Машей и Олей я на лекциях переписывался в стихах. Сочинял в духе Есенина. Одно время очень увлекся и даже занялся переводом на русский язык любовной лирики Байрона. Целый пласт поэтических увлечений у меня был связан с переводом стихов Уолта Уитмена. Верхом моего поэтического «творчества» стал перевод поэмы Стивенсона «Вересковое пиво»:

Давным-давно из вереска
Варили горцы пиво,
Забористое здорово
И сладкое на диво.

В первые студенческие годы учебы в институте я еще поддерживал отношения со старыми друзьями, но постепенно наши дороги разошлись. В институте складывались новые знакомства. В конце третьего курса у меня появился новый друг Саша Матвеев из Сергиева Посада. Наши взгляды на жизнь были близки. Как и я, он много читал, интересовался русской историей. У него был особый покровитель – одинокий, чудаковатый старик-историк Пылаев, рекомендовавший нам равняться на Суворова, которого он считал образцовым русским человеком. Другим его кумиром был издатель «Русского архива» славянофил Петр Иванович Бартенев. В своих лекциях Пылаев старался не упоминать евреев, а если упоминал, то недружелюбно, особенно Троцкого, Зиновьева, Каменева. Из его уст на лекции я впервые услышал слово «жид». Однажды он зачитал отрывок из воспоминаний большевика А. В. Воронского, рассказывавшего о своем знакомстве с Бартеневым. Этот троцкист, комментировал Пылаев, пришел к Бартеневу с желанием продать ему сомнительные книги. Познакомившись с ними, Бартенев отодвинул их от себя.

«– Жиды, сударь, жиды! Не могу подписаться, не буду. Не надо мне жидовских книг.

Я заметил, что названные мной историки не жиды, евреи же – культурнейшая нация. Старик поднял ладонь, как бы отгораживаясь от меня, с силой перебил:

– Жиды-с! О культуре расскажу вам, молодой человек, поучительную историю. Подобно вам одна дама наслушалась речей о культуре. Куда ни придет, сейчас: культура, культура. Ее и спросили однажды, что такое культура. "Это, – ответила дама, – зверок такой, на крысу похож". Культуру-то культурнейшая дама с крысой смешала.

Обескураженный, я сказал Бартеневу:

– У меня есть отзывы газет и журналов о книгах, которые я вам предлагаю. Они все похвальные.

Бартенев заерзал на кресле, наклонился ко мне, сжал еще крепче рукою костыль.

– Все ваши газеты жидовские.

Забыв о цели своего прихода, я промолвил:

– Есть разные газеты. Вероятно, вы не считаете жидовскими такие газеты, как "Новое время" или "Русское знамя".

Старик нимало не смутился.

– И "Новое время", и ваше "Русское знамя" тоже жидовские газеты. Не жидовских газет, государь мой, нет и не может быть. От газет пошли на Руси все беды: смута, бунты. Разврат, безобразие, хамство – все от газет ваших. В старину газет не было – жилось лучше. Я газет не

читаю и вам заказываю: не оскверняйте рук ваших погаными листками, – дьявольское в них наваждение. Не губите себя, послушайтесь старика».

Зачитав эту цитату похолодевшей от удивления, а может быть и страха, студенческой аудитории, Пылаев громко рассмеялся, а потом то ли с осуждением, то ли с одобрением сказал: «Вот каковы славянофилы» – и резко перешел к другому вопросу. Впрочем, Пылаев недолго забавлял нас своими лекциями подобного рода. Довольно скоро старика отправили на пенсию. Несколько раз мы с Сашей посещали его в маленькой комнате в коммунальной квартире старинного двухэтажного дома прямо напротив Ивановского монастыря. Все его имущество составляли шкафы с книгами, которые он охотно давал нам читать, сопровождая цветистыми комментариями. От него я получил подтверждение еврейского происхождения Ленина, а также всех основных деятелей Октябрьской революции, «которая, – по мнению Пылаева, – создавалась евреями для евреев».

Пылаев не мог спокойно слышать, когда при нем называли имя еврейского большевика академика Исаака Израилевича Минца. «Более бездарного и нахального еврея я не встречал, – горячился Пылаев. – В наше время он фактически монополизировал русскую историческую науку. Местечковый еврей, в годы Гражданской войны участвовавший в массовых репрессиях русских людей (он был комиссаром, чекистом), скудное образование, никаких данных быть ученым-историком у него не было, при помощи главных еврейских большевиков захватил все ключевые места в советской исторической науке – зав. кафедрой СССР в МГУ и Высшей партийной школе, один из ведущих руководителей Института истории и т. д.»

Минц был учеником и последователем известного историка-русофоба Покровского. Минц, как и его учитель, считал, что крещение Руси было ошибкой, «прогрессивнее, – заявлял он, – было бы принять иудаизм», хорошо было бы, если бы в начале XVII века поляки смогли бы окатоличить Русь, – «опять же это было прогрессивнее для России». По мнению этой когорты историков, в войне 1812 года «русские помещики напали на Наполеона» и вели себя как варвары в отношении цивилизованной нации. С особой ненавистью оба русофоба относились к русским патриотам. «Наука не имеет никаких оснований, – писал Покровский, – проводить резкую черту между "несимпатичным национализмом" и "симпатичным патриотизмом". Оба они растут на одном корне». В 30-е годы Сталин резко ответил на измышления Покровского, и Минц временно затаился, но подпольно продолжал свою антирусскую деятельность. Незадолго пред смертью Сталин дал достойную отповедь и Минцу, справедливо объявив его главой антипатриотического движения в русской истории. Из небытия обоих историков-русофобов возвратил Хрущев.

Именно Пылаев как-то незаметно подвел нас к мысли (это я понял гораздо позднее), что настоящий русский должен быть не просто православным, но и монархистом. Мы с Сашей к освоению этой мысли не были готовы. Однажды, когда мы пришли к Пылаеву в гости, он под большим секретом дал нам на неделю книжку в мягкой обложке – Серафим (Соболев), «Русская идеология» (София, 1934). Все, что было написано в книжке, стало для меня откровением, но по-настоящему идеи этой книги проросли во мне только к концу 80-х годов.

Русская идеология, писал владыка Серафим, состоит в православной вере и основанной на ней жизни русского человека во всех ее проявлениях. Эта вера была усвоена русским народом с самого момента его крещения как главное правило жизни: самыми любимыми книгами для чтения русских людей, помимо книги живота – Библии, были жития святых (Четьи Минеи). Но особенно о жизненности этой веры свидетельствовали святая иноческая жизнь в монастырях и благочестивая жизнь мирян, о чем говорят бесчисленное множество в России храмов и церковный быт наших предков, которым они открыто исповедовали свою веру; их великие молитвенные подвиги и в храмах, и у себя дома; их искреннее глубокое покаяние в грехах и чистота их православной веры. Архиепископ отмечает то дивное покровительство и

заступничество, которое оказывал Господь русскому народу за его преданность Православной вере и стремление к святости, что суть одно и то же, к жизни, сообразной с этой верой.

Печальная сторона жизни русского народа – его отступление от православной веры, и прежде всего посредством усвоения им протестантизма. Не сразу произошло это отступление, а постепенно, начиная с Ивана III, со времени поступления на русскую службу немцев. Но особенно катастрофичным для России было отступление от православной веры при Петре I, Анне Ивановне и Екатерине II. Этому несчастью содействовали противоцерковные реформы, которыми производилась ломка самой православной веры.

Неверие продолжало стремительно распространяться в России даже и в царствования последующих императоров, покровительственно относившихся к Церкви. Они уже не нашли в себе силы идти против всего русского интеллигентного общества, которое настолько удалилось от Церкви, что следовало не ее учению, а учению богоборческого гуманизма, давшего русским людям авторитет научности вместо Божественного церковного авторитета. Общество русское глубоко и сознательно стало воспринимать толстовское и социалистическое учения, яд которых почти беспрепятственно разливался по всей Русской земле.

Раскрыв масштабы катастрофы, в которую повергло русский народ отступление от Православия, архиепископ Серафим делает вывод, что для спасения и возрождения России необходимо всем русским людям вернуться к этой вере, отвергнуть все еретические и богоборческие учения и положить в основу своей жизни учение Православной Церкви и все ее уставы. Русские должны иметь веру аскетическую, живую, которая сопровождается всеми христианскими добродетелями; а вместе с тем – свято блюсти чистоту ее во всей апостольской непорочности, чуждой всяких еретических учений. За это Господь пошлет им, как посылал их предкам, внутреннюю перерождающую благодать Св. Духа, как Царство Божие в его дивных, благодатных проявлениях правды, мира и радости. К стяжанию этой благодати русские люди должны стремиться прежде всего как к своему небесному счастью, как к высшей цели своей жизни.

Русские должны тщательно хранить свою православную веру от смешения с инославными исповеданиями, и в частности католическим и лютеранским. Благодать Св. Духа, как внутренняя перерождающая сила, может быть только в Православной Церкви.

Истинная православная и духовная жизнь начинается смирением, им развивается и доходит до совершенства потому, что только через него Господь посылает людям благодать Св. Духа, эту божественную силу, без которой человек, по слову Христа, ничего доброго не может совершать.

Русские люди должны покаяться за тяжкий грех бунтарства против самодержавной царской власти. Восстановление этой власти является основой будущего возрождения России. Никакая другая форма государственного правления не приемлема для России, ибо несообразна с православной верой и на ней не основана.

Архиепископ Серафим указывает, что к учению Священного Писания о царской власти нужно отнести и учение об отношении к Царю со стороны его подданных. Это отношение определяется, по свидетельству Откровения, двумя Божественными заповедями. Бог, во-первых, повелевает: не прикасаться к Его Помазанникам и, во-вторых, оказывать почитание Царю через наши молитвы о нем и повиновение ему. Эта Божественная заповедь нарушается и через ограничение самодержавной власти Царя, чего русские люди требовали с неистовством из-за рабского, слепого подражания европейским народам. Требование этого ограничения также способствовало гибели России.

К страшным последствиям ведет посягательство на Помазанника Божия, низвержение подданными своего Царя. Тут нарушение Божественной заповеди достигает по своей преступности самой высокой степени и влечет за собой гибель государства. Именно такое посягательство на Помазанника Божия было допущено русскими людьми, «поэтому мы во всей полноте

знаем гибельность и для себя, и для России отвержения людьми данной Божественной заповеди».

Республиканская, как и конституционная, форма правления – не является Богоустановленною властью, самое их бытие начинается с ее отрицания. Св. Церковь не может закрыть глаза на такое отсутствие религиозной основы в том и другом демократическом образе правления, поэтому русские не могут желать его введения в будущей России. Демократический строй не соответствует религиозно-нравственному идеалу русского народа. Этот идеал состоит в устремленности русских людей к святости или единению с Христом через Православную веру, любовь и прочие христианские добродетели. Но этот идеал русского народа совершенно чужд республиканской или конституционной форме правления. Демократическое государство управляется не этическими, а юридическими нормами. Зато монархия в России как нельзя лучше соответствовала русской идеологии. Само назначение монарха – быть представителем идеала русского народа и направлять свою государственную деятельность сообразно с этим идеалом. Являясь первым и верным сыном Церкви, Царь был и покровителем русского народа в удовлетворении его высших религиозных потребностей, был для него олицетворением высшей милости и отеческой любви во всех сферах жизни.

Знакомство с книгой владыки Серафима оставило во мне глубокий след, но не смогло разломать лед советского, хотя и патриотического, воспитания. Многие мысли из этой книги казались мне прекраснодушной утопией, воспеванием того, что вернуть уже невозможно.

На последнем курсе к моим прежним пристрастиям прибавилось и увлечение американским поэтом Уолтом Уитменом. Моя любовь к нему началась с занятий английским языком. За институтские годы я научился читать историческую английскую литературу, переводил стихи английских и американских поэтов. Уитмен привлек меня широтой взглядов и непосредственным, радостным восприятием жизни. Его книга «Листья травы» на некоторое время стала для меня настольной. Уитмен протестовал против попыток евреев провозглашать себя «избранным народом». «Нет ни лучших, ни худших, никакой иерархии народов!» В Америке, оплодотворенной духом Талмуда, поэт выступал против стяжательства и культа денег, провозглашал стремление к вечным духовным ценностям. Однако со временем не вполне христианская риторика Уитмена большей частью разочаровала меня.

В начале 70-х годов общество постепенно, но почти незаметно раскалывалось – на патриотическую и космополитическую части. Многие этого еще не замечали. Знаменем такого раскола стали А. Д. Сахаров и Е. Г. Боннэр, постоянно рекламируемые враждебными СССР радиостанциями «Голос Америки» и «Свобода». Безудержное восхваление Сахаровым и Боннэр западной политической системы и тенденциозная критика советского режима, финансируемая ЦРУ, сыграли большую роль в холодной войне Запада против России. Бывший ученый-физик и его жена, дочь оголтелых еврейских коммунистов, заняли ведущее место среди других еврейско-советских общественных деятелей и диссидентов антирусского толка, став своего рода символом противостояния историческим ценностям России, орудием борьбы за ее расчленение и унижение.

В 1968 году Сахаров публикует на Западе статью «Размышление о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», в которой формулировались западнические, космополитические основы противостояния советскому режиму, что на самом деле было противостоянием России, которую этот диссидент не знал и не любил, считая рабской страной.

Мысли и предложения Сахарова представляли собой банальные, отвлеченные рассуждения математика, оперировавшего законами формальной логики. Они не вносили ничего нового и почти во всем были абсолютно чужды (и даже враждебны) национальным интересам России, требованиям назревшей национальной реформы.

Западные радиоголоса на средства спецслужб создавали из поверхностных рассуждений Сахарова нечто «значительное и важное для СССР». Большей части русских людей, не только

КГБ, был ясен подрывной характер, который носили мероприятия Запада, связанные с именем Сахарова. Однако официальные советские власти вместо того чтобы гласно и широко разоблачать этих демагогов, ограничивались большей частью замалчиванием их антирусских выходок. На этом фоне важно отметить патриотическую позицию Миндарова, который после обнародования западными радиостанциями сахаровского «Размышления» подробно разбирал на лекциях это демагогическое сочинение, показывая, кому будут выгодны предлагаемые Сахаровым реформы. Проанализировав пункт за пунктом «программу» Сахарова, изложенную в упомянутом выше сочинении и других его статьях, Миндаров делал вывод, что предлагаемые реформы принесут пользу только «избранному меньшинству», ориентированному на западную систему ценностей. «Для чего, – спрашивал Миндаров, – Сахаров требует отмены в паспорте графы «национальность»? Неужели это требование может относиться к первоочередным задачам русского народа? Кому выгодно скрывать свою национальность?»

Характерным эпизодом идейной борьбы конца 60-х – начала 70-х годов был шумный скандал, устроенный сионистами по поводу статьи «Глухота» поэта И. Лысцова, напечатанной в московской областной газете «Ленинское знамя» в марте 1969 года. Суть ее состояла в том, что Лысцов показал поэтическую глухоту и бездарность многих авторов альманаха «День поэзии 1968 года». Русских поэтов от участия в этом альманахе оттеснили, а их место бесцеремонно заняли литераторы «избранного народа» с их витиеватостью, манерностью, намеренной сложностью стихотворных поделок, претендующей на мастерство, но на самом деле являющейся посредственной маскировкой скудости, а то и вовсе бессмыслицы содержания.

Альманах стал типичным примером издания, полностью оккупированного сионистами и космополитами, не подпускавшими к нему «чужих», то есть русских поэтов. Лысцов совершенно справедливо отмечал, что глухота многих авторов альманаха вовсе «не физического или музыкального свойства, а сугубо гражданственного ее толкования, когда посредственные «пиесы» и «перезвоны» наших песнопевцев, все более и более замыкаясь сами в себе, иллюстрируют бесплодные теории "искусства для искусства"». С одной стороны, они сплошь и рядом оказываются элегиями личного, «исповедально-возрастного ряда, или стихами о стихах, или же совсем не имеют отношения к нашей жизни, к делам, заботам и нуждам народа, а то и обладают специфическим, на обывателя рассчитанным душком». В статье приводились примеры поэтической манерности, глухоты, оторванности от русского народа таких поэтов, как М. Зенкевич, Ю. Мориц, М. Алигер, Б. Ахмадулина, Р. Рождественский, Б. Слуцкий. Статью Лысцова русские патриоты передавали из рук в руки, зачитывали до дыр. Чтобы познакомиться с ней, я пошел в институтскую библиотеку, но она оказалась уже вырезана из журнала. «Прошла еврейскую цензуру», – смеялись мои друзья. В ответ на справедливую критику последовал коллективный донос еврейских поэтов в высшие инстанции; доносчиков поддержали партийная печать и своя критика, в частности в лице Л. Аннинского, заявившего о некоей угрозе «частичного» проявления русской патриархальной «агрессивности». После этой статьи злопамятная критика «малого народа» травила Лысцова четверть века. Его творчество замалчивалось, упоминания о нем вычеркивались из газетных и журнальных статей, выступления запрещались.

Помню, какой скандал организовали сионисты в Центральном доме литераторов на творческом вечере Лысцова. Невидимый режиссер рассадил в разные концы зала вроде бы незнакомых людей, которые постоянно шумели, орали, мешали вести вечер русского поэта, посылали ему провокационные записки. Как в свое время Есенина, Лысцова пытались представить «хулиганом». Впоследствии поэт рассказывал мне, что вечер в ЦДЛ был одним из самых тяжелых событий в его жизни. Впрочем, преследования и провокации продолжались до трагической гибели поэта. Однажды его нашли мертвым в пруду возле дома, где он жил. Обстоятельства смерти точно определены не были. Родственники хранят фотографию покойного со следами травм на лице и голове.

Впрочем, в эти же годы сионисты преследовали замечательного русского поэта Бориса Примерова, «осмелившегося» в своей статье критиковать кумира сионистов А. Вознесенского, травили Дмитрия Блынского, Николая Рубцова, Анатолия Передреева, Алексея Прасолова, Евгения Маркина, Вячеслава Богданова, Ивана Хабарова, Павла Мелехина и множество других русских поэтов.

В начале 70-х годов среди русских активно обсуждалась история захвата советского самолета в Ленинграде, организованная израильскими спецслужбами в провокационных целях. Моссад, при поддержке ЦРУ сколотивший по всему СССР сеть шпионских групп с участием советских евреев, направил одну из них на угон самолета. Во главе бандгруппы стояли два израильских агента, действовавших под крышей диссидентов, – Э. Кузнецов и М. Дымшиц. Вооружение им поставил Моссад. Всего в банду входило 16 евреев. При попытке угнать самолет бандиты убили стюардессу, угрожали жизни заложников. Банда была обезврежена, ее главарь Кузнецов с целью уйти от ответа пытался выдать себя за невменяемого. По «Голосу Израиля» неслись подстрекательские обращения к евреям. В одном из них израильский чиновник цинично заявлял: «Мы не будем рассуждать о жертвах (об убитой бандитами стюардессе. – *О. П.),* мы любой ценой должны спасти наших братьев из советского рабства». По суду (1970) банда получила большие сроки заключения, а ее главарь – высшую меру наказания. Мировые сионистские организации инициировали кампанию за отмену приговора. В эти дни между русской и еврейской партиями прошла еще одна разделительная черта. Большинство евреев считало Кузнецова и Дымшица национальными героями, а большинство русских – бандитами, рассматривая приговор как справедливое возмездие убийцам. Однако советские власти не выдержали давления из-за рубежа и смягчили приговор. Помню реакцию на это решение нашего преподавателя истории Пылаева: «Правильнее всего этих сионистских бандитов было бы уничтожить на месте преступления». Это было сказано в аудитории во время лекции и встречено дружными аплодисментами студентов. Уже гораздо позже мне рассказали, что Кузнецова обменяли на советского разведчика, после чего этот террорист выехал на Запад и там продолжил свою подрывную деятельность против России – сначала на радиостанции «Свобода», а затем и в Израиле, в качестве главного редактора самой крупной в этой стране русскоязычной газеты, финансировавшейся из фондов спецслужб.

Много шума наделала в России еще одна политическая акция Запада против нашей страны, осуществленная примерно в то же время, – вручение Нобелевской премии А. Солженицыну. Эта премия только по названию была шведской и имела отношение к Нобелю. На самом деле начиная с 50-х годов Нобелевский фонд находился под полным финансовым контролем США. Дело в том, рассказывал мой учитель Миндаров, что А. Нобель оставил на выдачу премий – в переводе на современные деньги – не более 100 млн долларов. В конце 40-х годов Нобелевский фонд иссяк, и, чтобы продолжить выдачу премий, Нобелевский комитет вступил в сговор с президентом США масоном Трумэном, который за право влияния американского правительства на выдвижение нобелевских лауреатов предложил вложить остатки нобелевских денег в американские ценные бумаги и освободил от налогов все операции с ними на территории США. Так, Нобелевский комитет с 1953 года стал орудием влияния американского правительства. С этого года Нобелевский фонд стал полностью зависим от Америки, представители которой сумели добиться того, что преобладающей частью нобелевских лауреатов были либо граждане США, либо лица, угодные американскому правительству. В 1970-м Америка настояла, чтобы Нобелевская премия была присуждена Солженицыну, и решение это было чисто политическим, ибо Солженицын как писатель себя еще не проявил. Навязчивая пиар-кампания по зарубежным радиоголосам одновременно восхваляла «великого писателя» Солженицына и требовала отмены приговора еврейским бандитам Кузнецову и Дымшицу. Не вызывало сомнения, что все эти акции дирижировались из одного центра.

В 1972 году я закончил институт. Тетя Марина хотела, чтобы я пошел работать инструктором в Московский городской комитет ВЛКСМ, служивший «кузницей руководящих кадров» (там у тети были хорошие связи). Ради интереса и из-за уважения к тете я сходил в горком, находившийся в Колпачном переулке. Зав. отделом представил меня человеку, у которого я должен был начать работать в комсомоле. Общение с ним вызвало во мне глубокое уныние. Я понял, что никогда не смогу сработаться с такими людьми. Вернувшись домой, позвонил тете, поблагодарил ее за хлопоты и твердо отказался от «заманчивого места». Подходящую работу я нашел с помощью Миндарова. Через его жену Евгению Михайловну меня распределили на должность экономиста в отдел капиталистических стран Управления зарубежной статистики ЦСУ СССР.

Глава 7

ЦСУ СССР. – Фабрика фальсификаций. – Подготовка документов для политического руководства. – Сионистская партия. – Два мира: русские и сионисты. – Моя научная работа. – Защита диссертации. – Начало подпольных исследований. – Россия во времени и пространстве. – Знакомство с помощником Берии. – Его откровенные рассказы и трагическая гибель

Центральное статистическое управление СССР, куда я пришел на работу в сентябре 1972 года, занималось сбором и обработкой экономической информации по всем отраслям народного хозяйства. Сведения, которые отражали положительные сдвиги в развитии страны, ежегодно публиковались в сборнике «Народное хозяйство СССР». Иначе было со сведениями о неблагополучных тенденциях в обществе и экономике. Они, как правило, засекречивались или, если это было невозможно, фальсифицировались. Последнее особенно часто происходило с показателями роста валового национального продукта, национального дохода, зарплаты и реальных доходов населения. В составе ЦСУ существовало специальное управление межотраслевого баланса, возглавляемое М. Р. Эйдельманом, которое непосредственно отвечало за проведение этих фальсификаций. ЦСУ выпускало три типа статистических сборников – открытые (для всего народа – с полным набором умолчаний и фальсификаций), для служебного пользования (тираж около 1000 экземпляров – с меньшим набором умолчаний и фальсификаций, с некоторыми международными сопоставлениями), секретные (20–30 экземпляров, для высшего политического руководства, почти без умолчания и фальсификации, читать его запрещалось даже работникам ЦСУ). Такая трехэтажная статистика наводила на печальные размышления – в стране неблагополучно, правду об этом могут знать только три десятка человек. Охранять информацию в ЦСУ был призван спецотдел, состоявший из кагэбэшников, имевших стукачей по всей организации.

Моя работа в отделе капиталистических стран сводилась к изучению иностранных экономических и статистических сборников и журналов, сбору информации и приведению ее в сопоставимый с советскими данными вид. Я отвечал за сбор информации по труду, заработной плате и доходам в капиталистических странах. Подготовленные мной данные шли в сборник международных сопоставлений СССР с другими странами мира. Если собранные сведения по зарплате и доходам предназначались для сопоставления с данными по СССР, я был обязан представлять их в Управление межотраслевого баланса, где они пересчитывались (а точнее, «корректировались») с помощью фальсифицированных индексов и коэффициентов для придания ситуации в капиталистических странах менее благополучного, нежели в реальности, вида. Самое интересное, что эти фальсификации по показателям зарплаты и доходов применялись и в том случае, если данные шли в секретные сборники для высшего руководства страны. Удивленный этим фактом, я как-то раз спросил у начальника нашего отдела Льва Марковича Цирлина: «Для чего это делается, ведь наверху следует знать правду?» На это он мне довольно цинично ответил: «Они сами так хотят. Они искренно верят, что советские люди живут не хуже, чем американские. Они недовольны, когда их лишают иллюзий». Цирлин был по-настоящему интересной личностью, в немецком рейхе ему непременно бы дали звание «ценный еврей». Во время войны он возглавлял статистическое ведомство оккупированной Германии, а после войны подготовил целую школу таких же, как он, циничных статистиков-профессионалов. Он не был стяжателем, жил достаточно скромно, окруженный старыми статистическими сборниками, которые знал досконально. Цирлину, конечно, докладывали о моем критическом взгляде на «еврейское избранничество», и тем не менее ко мне он относился с симпатией. Рассказывал о встречах с Берией, маршалом Жуковым, Косыгиным (о двух последних отзывался

очень положительно). Однажды я подготавливал данные для секретной записки в Политбюро по труду и зарплате в капиталистических странах. Собрал материал страниц на 30. Увидев мой труд, Цирлин сказал: «Сократи до четырех страниц! Большие и обстоятельные доклады они не любят, предпочитают маленькие записки». Слово «они» Цирлин произносил с особой интонацией, разумея, конечно, членов Политбюро. Помню также, как в одну из записок, которая шла в Политбюро, я должен был вставить две своих цифры, но, прочитав ее, счел халтурой, о чем откровенно сказал Цирлину. «А! – с ленивой досадой заявил Цирлин. – Они все примут!»

В ЦСУ я впервые столкнулся с мощной и влиятельной, даже не еврейской, а настоящей сионистской «партией», от которой зависела вся внутренняя жизнь нашего учреждения. Большую часть самых заметных должностей занимали евреи. «Сионистская партия» была структурирована в партийную организацию КПСС. Формальным лидером «сионистской партии» был Лев Маркович (Лейба Мордкович) Володарский, родной брат известного еврейского большевика. Володарский занимал пост первого заместителя начальника ЦСУ СССР В. Старовского, но из-за болезней начальника фактически исполнял его обязанности. Негласным лидером «сионистской партии» была зав. библиотекой Ниса Александровна Елисаветская, дочь старого еврейского большевика, чекиста. Она люто ненавидела всякое проявление русского чувства, что выражалось даже в подборе фондов библиотеки. В ней невозможно было найти классические сочинения русских статистиков, зато в огромном количестве присутствовала западная литература. Крупный русский статистик профессор Введенский заметил эту особенность библиотеки ЦСУ и завещал в ее фонды свою личную библиотеку в несколько тысяч томов – в ней исчерпывающим образом были представлены русские статистики. Елисаветская и Володарский приказали уничтожить подаренную библиотеку Введенского и пустили ее под нож специальной машины. Несколько сотрудников (в том числе и я) сумели вытащить отдельные тома этой библиотеки из контейнера машины. Это – редчайшие сочинения первой половины XIX века. Величайший акт варварства по отношению к русской культуре осуществлялся не в 1918 году, а в 1974-м – на глазах у сотен сотрудников ЦСУ.

«Сионистская партия» в ЦСУ носила воинственный характер. Многие ее члены не стеснялись открыто поддерживать сионистских бандитов, уже упомянутых мною в предыдущей главе Кузнецова и Дымшица, и почти открыто пропагандировали русофобию.

Как признавался позднее один из деятелей сионизма: «Ненависть скапливалась в наших душах – ненависть к власти… Люди (сионисты. – *О. П.*) ненавидели – и ненависть укрепляла их силы».[86] Ненависть к русским была так сильна, что «сионистская партия» в ЦСУ поддержала террористические акты армянских националистов, приехавших в Москву в 1973 году убивать русских людей и совершивших 29 убийств. Поимка бандитов и справедливое возмездие вызвали недовольство местных евреев. Некоторые из них даже на открытых партийных собраниях поддерживали русофобскую пропаганду А. Д. Сахарова, отказывавшегося верить властям, что бандиты приехали убивать: по его мнению, они были «честными правозащитниками».

Кумирами «сионистской партии» в ЦСУ были А. Щаранский, А. Сахаров и А. Солженицын. Я сам не раз слышал в коридорах ЦСУ рассказанный кем-то из евреев анекдот: «Кто такой Брежнев? Это мелкий политический деятель эпохи Сахарова и Солженицына».

Местные евреи довольно часто обсуждали высказывания Щаранского, передаваемые по «Голосу Америки». Разоблаченный американский шпион, схваченный советскими спецслужбами с поличным при передаче информации ЦРУ, был объявлен образцом «благородного борца за гражданские права». Истинное же лицо этого «борца» проявилось на посту главы расистской организации «Сионистский форум», объединившей бывших советских евреев-сионистов. За своего в то время евреи считали и писателя Солженицына. На моих глазах рождался

[86] Маркиш Э. Столь долгое возвращение. Тель-Авив, 1989. С. 343.

целый миф о нем. «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор» я прочитал до поступления в институт. Тогда Солженицын стал для меня одним из любимых писателей. Однако постоянное упоминание его имени рядом с кумиром антирусского движения Сахаровым заставило меня во многом пересмотреть отношение к писателю. Я неуклонно шел к христианскому мировоззрению, а Сахаров и Солженицын так же неуклонно от него отходили в безбожный либерализм. «Запад руководит евреями и масонами, – неоднократно подчеркивал мой учитель Миндаров, – поддерживает любого, кто стремится к окончательному разрушению России». Меня сильно раздражала громкая и назойливая реклама личности Солженицына на зарубежных радиоголосах, которая, как и в случае с Чехословакией, финансировалась из фондов зарубежных спецслужб, и прежде всего ЦРУ. Массовые публикации во многих странах переводов его произведений, огромные гонорары, являвшиеся, по сути дела, формой подкупа, естественно, вызвали неразрешимый конфликт не только с официальными органами, но и с патриотической частью русской общественности, которая, как и я, вполне искренне рассматривала Солженицына как пособника вожаков антирусского движения. Высылка Солженицына в 1974 году стала актом государственной слабости и своего рода победой западной иудейско-масонской идеологической системы. С юридической точки зрения многие произведения Солженицына в самом деле нарушали законы СССР и носили явно антисоветский и антирусский характер. Однако не вполне уверенное в своих силах политическое руководство СССР побоялось проведения гласного суда над Солженицыным. Я, как и другие патриоты, презирал за эту слабость Брежнева и Андропова.

Идеализируя «западную демократию» и ее «духовные ценности», Солженицын и ему подобные деятели сыграли роковую роль в развитии тех процессов, которые в конечном счете обернулись крушением государства. Образ Солженицына, созданный с помощью западных спецслужб и средств массовой информации, стал одним из дополнительных факторов уверенности западных режимов в необходимости борьбы против России. Во многих публичных выступлениях за рубежом Солженицын призывал усилить напор на нашу страну, изолировать ее, не идти ей на «уступки». Писатель полагал, что западные страны имеют какое-то право вмешиваться во внутренние дела России, ибо, по его мнению, «советский народ брошен на произвол судьбы», а значит, ему необходимы западные опекуны, вмешивающиеся в нашу жизнь. «Вмешивайтесь, – призывал Солженицын, – вмешивайтесь снова и снова настолько, насколько можете». Справедливости ради следует отметить, что впоследствии Солженицын в отличие от Сахарова не захотел играть неблаговидную антирусскую роль, которая отводилась ему правительством США. Критика Солженицыным западной системы и «Письмо к вождям» в СССР, в которых писатель отходил от принятых в США планов и методов холодной войны против России, вызвали недовольство американских властей и одобрение русских патриотов.

Наряду с сильной «сионистской партией» в ЦСУ СССР существовала и «русская партия». Однако в отличие от сионистской она находилась как бы в подполье. Ее «члены» опасались не только еврейских козней, но и трусливой и двуличной политики официальной администрации ЦСУ. Явно симпатизируя нам, официальные власти вместе с тем боялись, что их обвинят в поддержке великодержавного шовинизма, что по тем временам было страшнее открытой поддержки сионистов и Сахарова. Думаю, что реально сила «сионистской партии» в ЦСУ была гораздо меньше, чем мы предполагали. Уверен, что и наши оппоненты переоценивали силы «русской партии». Все это создавало напряженность в отношениях. Помню, поднимаясь вверх по пандусу, слышу довольно громкий разговор с обсуждением «героического поведения Щаранского». Все участники разговора евреи, верховодят Гурвич и Гриша Остапкович (будущий помощник начальника ЦСУ Володарского). Так увлеклись, что меня не видят. Нарочно кашлянул. Слышу (уже шепотом): «Тихо! Это не наш человек!» Прохожу, улыбаюсь, «заговорщики» застыли, как соляные столбы.

Русские и сионисты жили как бы в разных мирах. Мы, русские, жили своей жизнью, читали свои книги, ходили на свои концерты, вечера, в музеи, путешествовали по русским достопамятным местам. С нами была историческая Россия, разгромленная, но еще духовно живая.

Сионисты существовали в другом мире и в другом измерении, созданном еврейскими большевиками, ненавидевшими все, что мы любим, все русское и особенно православное. Они читали Кафку, Мандельштама, восхищались Троцким, гонялись за билетами на концерты зарубежных эстрадных див, пели песни Галича и Окуджавы.

Помню, мы, русские, в то время читали стихотворение Я. Смелякова «Жидовка», опубликованное в сборнике «День поэзии». Смеляков один из первых советских поэтов поднял тему ответственности еврейских большевиков перед русским народом. В небольшом стихотворении он отразил одно из воплощений антихриста, способного только убивать, но не создавать. Мы читали и восхищались мужеством Смелякова, а местные сионисты тем временем, как я узнал позднее, ездили по московским магазинам и скупали этот сборник, чтобы сжечь. Деньги на это варварство они получали из синагоги, с которой был тесно связан уже упомянутый мной Остапкович.

Мы, русские, возмущались преступлениями, творимыми на земле фашистским режимом Израиля, а цесеусовские сионисты открыто радовались бандитским операциям так называемой армии Израиля против беззащитного арабского населения. Оправдывали они и массовые убийства беззащитных женщин и детей. С животным высокомерием они заявляли, что все арабы должны быть «вышвырнуты» с территории Великого Израиля. В году 1974–1975-м я впервые просмотрел фильм «Тайное и явное», где о сионистских преступлениях говорилось открыто, приводились документальные свидетельства чудовищных зверств фашистского режима Израиля. Помню, сидевший рядом со мной товарищ, обычно очень сдержанный и замкнутый, эмоционально резюмировал: «За такие преступления нужно отвечать на Нюрнбергском процессе».

Гораздо позднее я познакомился с создателями фильма режиссером Б. Карповым и писателем Д. Жуковым (впоследствии он дал мне рекомендацию на вступление в Союз писателей). От них я узнал, что фильм создавался по специальному решению ЦК КПСС, но был запрещен распоряжением Андропова, которое и было выполнено руками верного пса сионизма генерала КГБ Ф. Бобкова. Талантливый и честный фильм не понравился евреям из ЦК, его сразу же запретили, а все копии уничтожили. Однако Карпову удалось вынести из спецпомещения, в котором монтировался фильм, его сокращенный вариант. С него было сделано несколько копий, которые в середине 70-х годов тайно демонстрировались на квартирах некоторых высокопоставленных лиц российского руководства. У сына одного из таких деятелей мы и увидели этот фильм. Были очень удивлены. За что его запретили? О преступлениях, которые совершали сионисты, надо было бить в набат! Из этого факта мне стало ясно, в чью сторону склонялась влиятельная часть руководства СССР, запретившая этот правдивый фильм.

Главным для меня в ЦСУ СССР с самого начала было продолжение учебы. Моя работа (она меня увлекла) стала для меня и прекрасной учебой. Я старался больше общаться с хорошими профессионалами, не стеснялся задавать вопросы, проштудировал десятки книг по экономике и статистике. Работа в ЦСУ давала большие возможности для сбора материалов по малоизученным экономическим и социальным вопросам. Как-то, занимаясь подготовкой записки о занятости в органах управления СССР и США, я с удивлением отметил, насколько слабо изучен этот вопрос и насколько искаженную и неверную картину о занятости в государственном управлении США получает наше руководство. Мой предшественник относил к занятым в управлении США весь государственный сектор (включая врачей, учителей), а не только государственных чиновников, как это следовало бы делать по методологии СССР. Доложив руководству, я получил разрешение исследовать этот вопрос. В этом меня поддержал член-

корреспондент АН СССР Т. В. Рябушкин, согласившийся стать научным руководителем моей кандидатской диссертации.

Работа над диссертацией была очень интересна, я не только исследовал множество экономических источников, но и посетил ряд советских министерств и ведомств, где беседовал с некоторыми зам. министров и начальниками отделов кадров министерств. Все они нехотя шли на сотрудничество со мной и не очень-то раскрывали секреты своей кадровой политики. Тем не менее на запрос начальника ЦСУ СССР они были обязаны хотя и формально, но что-то отвечать. Создавалась интересная картина, которая много мне дала для понимания советских министерств и ведомств, каждое из которых, по своей сути, было государством в государстве и поражало своим дремучим бюрократизмом. Однако на последнем этапе моих исследований мне запретили делать подробные сопоставления занятости по отдельным министерствам и ведомствам СССР и США (заявив, что данные по СССР секретны) и предложили ограничиться только изучением данных по США. Двухлетнее исследование материалов государственного бюджета и министерств и ведомств США позволило мне понять, насколько громоздкой, неуклюжей и инерционной является система управления США, и как реально недалеко она ушла от считавшейся ужасной бюрократической машины СССР. На стадии обсуждения моей диссертации в отделе «сионистская партия» собрала все силы, чтобы не допустить мою работу к защите. Однако последовательная поддержка видных русских ученых, прежде всего Рябушкина и К. В. Решетинского, позволила мне успешно защититься (без единого черного шара).

Кандидатская диссертация была не единственной моей научной работой, которой я занимался в стенах ЦСУ. Была и другая, более значительная – подпольная, начатая в конце первого года работы. Первый этап осуществления моей еще юношеской идеи – создание истории Отечества «Россия во времени и пространстве». Пользуясь редкими возможностями ЦСУ СССР, я стал собирать статистические материалы о движении населения России с начала XIX века до нашего времени. В моем распоряжении были закрытые статистические сборники и консультации ведущих статистиков. Сначала я произвел подсчеты общей численности населения, его естественный прирост и естественную убыль, а затем предпринял подсчет числа человеческих потерь, понесенных страной в результате социально-экономических экспериментов еврейских большевиков последних шестидесяти лет. Год за годом, начиная с 1917-го до середины 70-х годов, я исчислил прирост и естественную убыль населения, исходя из нормальных условий развития. Получились внушительные ряды цифр, итоги которых неизменно и существенно расходились с публикуемыми в отдельные годы официальными данными численности и естественного прироста населения страны. Суммированное по всем годам расхождение и составляло общую сумму человеческих потерь.

По моему подсчету, общее число лиц, умерших не своей смертью от массовых репрессий, голода, эпидемий, войн, составило за 1918–1955 годы более 87 млн человек. Из них я вычел число лиц, умерших от голода, эпидемий и в результате военных действий. Оставшиеся 48 млн человек, выходит, погибли в результате репрессий в местах заключения и ссылках. Причем сегодня уже понятно, что погибла не просто часть населения, а лучшая его часть – самые активные и трудолюбивые представители коренного крестьянства, а также потомственная интеллигенция – главные носители накапливаемой веками материальной и духовной культуры страны.

Несколько подробнее расскажу о том, как я определил людские потери среди крестьянства в довоенный период. По официальным источникам известно, что численность сельского населения страны в 1917 году равнялась 118 млн человек, а в 1939 году составила 114 млн. Но за период с 1917 по 1939 год в деревне родилось еще 94 млн человек, то есть к 118 млн, жившим в 1917 году, я добавил эти 94 млн человек. А из полученного итога вычел число умерших по естественным причинам (50 млн) и количество уехавших в город (20 млн). После этих вычетов и получается гигантская цифра – 28 млн человек, умерших не своей смертью. Это и

есть людские потери крестьянства в годы Гражданской войны, насаждения колхозов и раскулачивания, погибших в ссылках и лагерях, при подавлении восстаний, в пересыльных пунктах, умерших от голода и эпидемий.

Итак, за 1918–1955-е годы не своей смертью умерло около 87 млн человек (в 12 раз больше, чем в дореволюционной России за такой же период времени), или каждый пятый человек, когда-либо живший в нашей стране после революции. Для сравнения скажем, что за 1861–1917 годы удельный вес лиц, умерших не своей смертью в России, составлял менее двух процентов, а во Франции, Италии, Великобритании, США в 1928–1960-е годы – менее одного процента.

Однако кроме умерших не своей смертью в убыль страны пошло 5 млн жителей, покинувших Россию после 1917 года. Но и это еще не полная сумма человеческих потерь. Ведь насильно выведенные из жизни люди могли иметь детей и внуков и продолжать человеческий род. Самые заниженные подсчеты подсказывают, что «недобор» рождений и «эхо» недобора рождений составят 64 млн человек.

А всего, если сложить число лиц, умерших не своей смертью, покинувших родину, а также число детей, которые могли бы родиться у этих людей, общий людской ущерб страны составит 156 млн человек (нынешняя численность населения Англии, Франции, ФРГ вместе взятых). Таким образом, при ином стечении исторических событий в нашей стране к середине 70-х годов могло бы жить не 290 млн человек, как это было фактически, а не менее 400–430 млн.

Летом 1977 года я несколько раз приходил на Волхонку, в дом Института экономики, напротив того места, где раньше стоял Храм Христа Спасителя, консультировался с видным демографом Борисом Цезаревичем Урланисом. Надо отметить, что он не очень-то удивился моим расчетам, а при расставании уронил: «Кому это сейчас нужно? Спрячьте подальше и никому не показывайте, в нашем веке они не пригодятся».

Тяга к знаниям, которая прошла через всю мою жизнь, заставляла меня, несмотря на всю загруженность работой и учебой, постоянно посещать серии лекций на определенные темы в Центральном лектории, Третьяковской галерее, Музее древнерусского искусства Андрея Рублева, Музыкальном музее Глинки. Прямо с работы вместе с женой мы шли на эти лекции, возвращались домой поздно, усталые, но счастливые. На этих лекциях я впервые познакомился с выдающимися русскими учеными академиками Д. С. Лихачевым, Б. А. Рыбаковым, Ф. Угловым, Петряновым-Соколовым, искусствоведами В. Г. Брюсовой, С. Ямщиковым и рядом других ученых, писателей, поэтов, музыкантов.

Бывал я и на лекциях евреев, хотелось самому все увидеть и сравнить. Безусловно, среди них встречались классные специалисты, но были и такие, которые как будто специально провоцировали русских людей к протесту. Например, в ноябре 1975 года была лекция некоего доктора философии Крывелева «Об историчности Христа». В начале ее докладчик сообщил, что с пяти лет учился в хедере (еврейской школе) и уж тогда узнал (от раввина), что Христос – это миф. Все лекции Крывелева состояли из кощунственных выпадов против Христа. В аудитории (не менее 500 человек) начался шум. Вдруг в середине зала встал человек в черном костюме с белой рубашкой и громко сказал: «Кто вам дал право кощунствовать над Православием? Дайте мне несколько минут, и я докажу, что Бог есть». Несмотря на поддержку присутствующих, выступить православному не дали. Хотя лекция и не закончилась, выключили свет и стали показывать не менее кощунственный фильм. В зале начался свист. Показ прекратили, посетителей стали выгонять из зала. Но и в фойе люди не расходились, начались стихийные выступления. В центре был православный. «Меня удивляет, – говорил он, – что у нас так плохо относятся к Богу и не верят в него. Если бы все верили в Бога, то через несколько лет без армии, тюрем и милиции мы бы построили коммунизм». Договорить «православному коммунисту» до конца не дали. Вызванный администрацией лектория наряд милиции схватил его

за обе руки и увез в отделение. Оставшийся милиционер попросил всех покинуть помещение. Люди понуро разошлись. Долго не мог успокоиться только лектор, требовавший наказать православного за «хулиганство».

В 1974-м меня избрали председателем Совета молодых специалистов и ученых центрального аппарата ЦСУ СССР. Результатом деятельности нашего Совета стали два научных семинара. Помню, ходил уговаривать русских ребят; евреи на это мероприятие, в котором участвовали и представители руководства, шли охотно. Через представителей «русской партии» мне удалось достать для личного пользования и спрятать дома большое количество закрытых статистических сборников, ставших хорошим подспорьем в моих дальнейших исследованиях. Нашелся помощник даже в Первом отделе, который списывал некоторые сборники на уничтожение, а на самом деле отдавал мне.

Продолжая собирать личную библиотеку, я, кроме исторической, философской и художественной, стал собирать экономическую литературу. Особенно экономическую классику, в чем особенно преуспел. С большим пристрастием я искал справочники и словари, подбирал по отдельным томам старые русские энциклопедии, книги о путешествиях по России, описания памятников и исторических мест. В 1976-м приобрел отпечатанные на множительной машине «Протоколы сионских мудрецов» парижского издания.

В начале 1973-го жена Миндарова Евгения Михайловна познакомила меня в столовой ЦСУ СССР с человеком крайне истощенного вида, бледным, с впалыми щеками. Мы обедали за одним столом, и меня сразу поразило то, как этот человек ел. Медленно поднося к своему рту ложку, он делал осторожный глоток, как бы смакуя каждую крошку еды. Во время обеда он не разговаривал, а был полностью поглощен процессом принятия пищи. Зато после завершения трапезы становился благодушным и разговорчивым. Это был в свое время очень влиятельный и информированный человек, бывший начальник секретариата Л. П. Берии полковник КГБ Б. А. Людвигов. Было ему тогда уже 66 лет. Близкий Берии человек, Людвигов даже своего сына назвал именем начальника. За свою близость к Берии Людвигов отсидел десять лет во Владимирской тюрьме и только после отставки Хрущева был выпущен по состоянию здоровья (но не реабилитирован) стараниями Микояна, на племяннице которого был женат. Начальник ЦСУ Старовский в свое время, как рассказывали, «бегал в секретариат Берии сливать информацию», а после освобождения Людвигова устроил его к себе на работу. Многие в ЦСУ от Людвигова шарахались, а мне он был очень интересен. В течение двух лет почти каждую неделю я приходил к нему в узкий коридорчик перед комнатой, где он работал. Там стояли несколько затрепанных кресел, и, если в коридоре никого не было, до окончания обеденного перерыва беседовал с ним. Откровенничать со мной он стал не сразу, но потом его как будто прорвало. Совершенно сломленный человек, он мучительно цеплялся за жизнь и рассказывал много нового для меня, в этих рассказах как бы заново переживая события прошлых лет, хотя о многом явно умалчивал, что особенно касалось деятелей, находившихся в то время у власти.

Своего шефа, Берию, он, чувствовалось, по-прежнему уважал, считал его жертвой борьбы за власть. Рассказывал, что в репрессиях было замешано все политическое руководство страны. Работая по поручению Берии в секретных архивах, Людвигов утверждал, что сам видел множество документов, расстрельных списков, подписанных, кроме Берии и Сталина, Молотовым, Хрущевым, Маленковым, Ворошиловым, Кагановичем и др. «На Берии, – утверждал Людвигов, – не больше крови, чем на других членах Политбюро. Все самые крупные репрессии согласовывались и обсуждались в Политбюро. Сам Берия единоличных решений не принимал. После смерти Сталина общую вину за репрессии большая часть членов Политбюро решила переложить на мертвого вождя и Берию, а Хрущев решил воспользоваться этим, чтобы ликвидировать политических конкурентов».

По мнению Людвигова, в сталинском Политбюро только Сталин и Жданов были по-настоящему идейными людьми и искренне думали о социализме. Остальные были политиче-

скими карьеристами, особенно Хрущев и Маленков. Не отличался идейностью и Берия, посвящавший почти все свободное время любовным похождениям. «Никакого заговора Берии с целью захвата власти не было, – утверждал Людвигов, – на тот день, когда Берия по обвинительному заключению собирался совершать политический переворот, у него было намечено любовное свидание, о котором я знал».

Особенно много вопросов я задавал Людвигову о планах сионистских кругов устроить в русском Крыму еврейскую республику. По сведениям Людвигова, история этого проекта уходит в начало 20-х годов, когда в Крыму действовали руководимые евреями АРА («Американские организации помощи») и сионистская организация помощи евреям «Джойнт». Руководители этих организаций начали вести секретные переговоры с Троцким, Зиновьевым, Каменевым о передаче Крыма еврейским переселенцам из Украины, Белоруссии и РСФСР в обмен на крупную финансовую помощь. По сведениям Людвигова, создание крымской республики одобрял и Ленин. На одном из еврейских конгрессов 20-х годов в поддержку еврейской республики в Крыму выступили богатейшие евреи Америки, в том числе Варбурги, Леманы, Куны и Л. Маршалл. Еврейских большевиков в переговорах с сионистами представлял Смидович. Было выработано секретное соглашение между «Джойнт» и советским правительством. Последнее гарантировало заселение Крыма евреями, а «Джойнт» принимал на себя крупные финансовые обязательства. Процесс захвата Крыма евреями начался в конце 20-х – начале 30-х годов, но натолкнулся на сопротивление крымского населения. Чтобы подавить сопротивление, еврейские чекисты организовали в Крыму репрессии в отношении недовольных. Были расстреляны тысячи человек. Укрепление власти Сталина, не разделявшего планы заселения Крыма евреями, привело к приостановке проекта. Тем не менее «Джойнт» и другие сионистские организации настаивали на выполнении обязательств советского правительства. Самое крупное давление на советское руководство они стали оказывать перед окончанием войны, в 1944 году, обещая финансовую помощь. Но в этот раз никто из членов советского правительства открыто поддерживать сионистов не решился. Проводником сионистских интересов выступили так называемый «Еврейский антифашистский комитет» (ЕАК) во главе с сионистом Михоэлсом и большое количество деятелей еврейской культуры. Они сумели найти пути и к членам правительства – Молотову (женатому на еврейке), Кагановичу, Берии.

Сталин сразу же понял характер связи между международными сионистскими организациями и советскими евреями, выступившими с сионистами в едином союзе. Особенно возмутила Сталина и поддержка этого союза некоторыми членами правительства. Все это он воспринял как международный еврейский заговор, угрозу существования СССР. Тем более сионисты игнорировали тот факт, что на территории Крыма уже жило большое количество русского населения. Чашу терпения Сталина переполнило то, что члены ЕАК стали делить высшие посты в будущей еврейской республике. Михоэлс и другие кандидаты в министры будущей еврейской республики были ликвидированы. Расследование показало, насколько глубоко среди советских евреев получила распространение идея еврейского государства в ущерб интересам других народов СССР. Возникновение дел ЕАК, «космополитов», «дела врачей», мегрельского дела и дела МГБ (это дело, по мнению Людвигова, было организовано против Берии) было связано с одним и тем же «международным еврейским заговором» в Крыму. Глубокие инфильтрации сионистских идей среди советских евреев заставили Сталина задуматься: а не переселить ли евреев подальше от центров советской государственности в Биробиджан? Были отстранены от власти все члены правительства, поддерживавшие крымский проект.

Людвигов не исключал, что сам Берия был евреем, и соглашался со мной, что еврейское влияние на советское правительство было очень велико. Буквально через день после смерти Сталина все дела, относящиеся к «международному еврейскому заговору», были закрыты, а обвиняемые сразу же отпущены, хотя некоторые из них были по-настоящему связаны с неза-

конными операциями «Джойнт» на территории СССР и их деятельность представляла угрозу национальной безопасности.

Незадолго до ареста Берия в присутствии Людвигова заявил, что Курильские острова надо отдать Японии, Карельский перешеек – Финляндии, Кенигсберг – Германии. Одновременно предлагал ликвидировать и ГДР. В последние годы жизни Сталин, по мнению Людвигова, стал рассматривать евреев как подпольную организацию. В деятельности евреев его особенно возмущал «институт еврейских жен». Ему стали известны сведения, полученные на допросе от одной старой еврейки, об учении раввинов о «спасении народа». Согласно этому учению, для укрепления иудейского влияния и размножения «малочисленного еврейского народа» еврейским женщинам не зазорно становиться женами наиболее перспективных мужчин других национальностей. Ребенок, рожденный от еврейки, будь его отцом кто угодно, – всегда еврей. «Ибо еврейская кровь сильнее всех». Ребенок, родившийся от еврейки, потерян для нации отца и на мистическом, и на земном уровне. Почти все крупные русские большевики имели еврейских жен (Молотов, Ворошилов, Хрущев, Ежов, Абакумов и многие др.), которые были при них чем-то вроде иудейских комиссаров. Людвигов рассказывал об известном ему случае женитьбы наркома НКВД Ежова на еврейке, связанной с сионистскими кругами. Сталин, узнав об этом, сперва проникся к Ежову недоверием, а затем и ненавистью. Рассказывая мне об «институте еврейских жен», Людвигов посмеялся и надо мной, сказав: «Олег, вы тоже чуть не стали жертвой этого института». На мой удивленный взгляд он пояснил: «В комнате, когда вы пришли в первый раз, вокруг вас вертелась и терлась симпатичная девушка-еврейка, родственница зав. библиотекой Елисаветской! Я думаю, они вас сочли перспективным и попытались через вас совершить "спасение народа"». Позднее я обдумал все сказанное им и решил, что, возможно, он был прав – как старый чекист, смотрел в корень. Действительно, какое-то время после прихода в ЦСУ я испытывал на себе назойливое внимание этой особы, она куда-то меня приглашала и в буквальном смысле «терлась». Девушка была весьма миловидной, но совсем не интересовала меня, так как тогда я был уже влюблен в свою будущую жену. Одним словом, я решительно отшил девушку-еврейку. Сейчас я думаю, что, вероятно, с этого момента мои сложности во взаимоотношениях с «сионистской партией» усугубились.

Из бесед с Людвиговым я пришел к пониманию характера большевистской, коммунистической власти. Слушая его откровения, я ловил себя на мысли о том, что «ведь это мафия», «мафия еврейская». Она строилась на иерархии силы, шантажа и запугивания. Ее бесчеловечность и жестокость ко всем «чужим» корнями уходит в талмудическое мировоззрение. Людвигов спокойно рассказывал, что самыми лучшими чекистами и разведчиками были евреи, без сожаления относившиеся к «человеческому материалу, среди которого им приходилось работать». Система «ликвидации» вошла в практику большевистской партии в 1905–1907 годах. Группы большевиков того времени составили костяк Чека. Для старых большевиков бессудные убийства русских людей, не разделявших их политические взгляды, были нормой. Все члены партии ходили вооруженные и еще в 20-е годы могли убить любого небольшевика под предлогом его контрреволюционности. Старые большевики любили вспоминать это время, при встречах за водкой нередко хвалились друг перед другом тем, сколько душ погубили, шлепнули, к стенке поставили. Каждый старый большевик был патентованным убийцей. Один из них рассказывал Людвигову, как в Гражданскую войну «просто так» расстрелял семью из семи человек «буржуев», чтобы подготовить квартиру начальнику губернского Чека.

Людвигов не делал глобальных обобщений. Он рассказывал мне – благодарному слушателю – о том, что видел и слышал в жизни. А выводы и обобщения делал я сам. Столкнувшись с бездушием и несправедливостью большевистской системы, Людвигов не осуждал ее, принимая как должное, а если критиковал, то только отдельные частности. Некоторые его рассказы приводили меня в ужас, иногда я начинал бояться его откровенности. Все чаще он говорил, что обо всем напишет книгу, намекая на то, что не только расскажет о дохрущевских време-

нах, но раскроет и то, что знает о сталинском периоде жизни нынешних властителей. Было в этих его обещаниях что-то болезненное, он все чаще и чаще повторялся. Я начинал терять интерес к нему. Да и сам он стал менее охотно встречаться со мной, возможно, я обидел его своими резкими обобщениями… Однажды, вернувшись из командировки, я не застал его в столовой, позвонил ему на рабочее место. Подошел незнакомый мужчина и на мою просьбу позвать Людвигова ответил:

– Он умер.

– Что с ним случилось?

– Не знаю… – и повесил трубку.

Позвонил Евгении Михайловне. Предупреждая мои вопросы, она сказала: «Надо встретиться» – и тоже повесила трубку.

При встрече она рассказала мне, что Людвигов погиб страшной смертью. Последние дни он был очень неуравновешен. Куда-то постоянно уезжал и однажды вечером не вернулся. Его труп, разрезанный электричкой, нашли на одной из дальних загородных станций. Обстоятельства его гибели остались неизвестны, так же как и судьба его воспоминаний. На следующий день в его рабочую комнату в ЦСУ пришли сотрудники КГБ, осмотрели его стол и шкаф. Так закончил свою жизнь один из самых информированных людей, с которыми мне приходилось когда-либо встречаться.

Глава 8

Поездка по Прибалтике. – Латвия, Литва, Эстония. – Симпатия к этим местам. – Столкновение с провинциализмом и русофобией. – Встреча с будущей женой

Еще со школьных лет я полюбил отдыхать в Прибалтике. Нетеплое Балтийское море манило меня больше, чем Черное. Мне очень нравилось купаться в прохладной воде в неспокойную погоду, подныривая под высокие волны. Первое знакомство с Прибалтикой произошло на Рижском взморье в местечке Дубалты. В памяти остались ночные прогулки по пляжу, почему-то теплое море, масса комаров, назойливость которых я почти не замечал за поцелуями с девушкой Викой, работавшей на местном радиозаводе. Запах загорелой кожи и незнакомой, не московской косметики вызывали у меня чувство чего-то нового, необычного, и я жадно наслаждался этим новым ощущением. «Рига – маленький Париж», – на полном серьезе лепетала Вика, а мне это было очень смешно. Но чтобы не огорчать ее наивную убежденность, я тоже улыбался и кивал головой. Одна из таких прогулок окончилась для нас печально. Однажды в шутку мы начали кидаться сосновыми шишками в сторожа какого-то магазина. Проезжающий наряд милиции забрал нас в отделение, где меня ощутимо отделали резиновыми палками, а Вике «прочитали лекцию» на тему того, что ей, латышке, нехорошо гулять по ночам с русскими парнями. Выйдя из милиции, Вика рассказала мне, что многие «латышские стрелки» (ее слова) плохо относятся к русским. Сама она латышка только по отцу, а мама русская, и ей не по душе латышский национализм.

Для меня этот случай стал первым примером немотивированной национальной неприязни со стороны некоторой части прибалтийских народностей (уверен, что далеко не всех) в отношении русских. После Риги я отдыхал два раза в Друскининкае, два раза в Лиепае, ездил в Эстонию. Мне нравилась Прибалтика, с симпатией я относился к ее жителям, никогда не чувствовал к ним предубеждения. Но при этом неоднократно ощущал неприязнь со стороны некоторых официальных лиц, милиции и интеллигенции. Считающим себя патриотами своих мест прибалтам не нравилось, когда патриотические чувства к собственной Родине проявляли русские люди. Один из литовцев, библиотекарь из пансионата в Друскининкае, где я жил, назвал меня «имперским шовинистом» только за подбор книг, которые я брал для прочтения (биографии Суворова и Петра I, воспоминания маршала Конева и т. п.). Тот же самый библиотекарь буквально расстилался перед иностранцами, лебезил, уговаривал их продать какие-то ношеные вещи. В его поступках чувствовались глубокий провинциализм, русофобия и какой-то комплекс неполноценности в обожании иностранцев. Поражала также легкость и деловитость, с которой местные девушки предлагали себя иностранцам. Среди местных парней многие занимались спекуляцией импортными товарами. Конец 60-х – 70-е годы были тем временем, когда западные спецслужбы для усиления своего влияния использовали «неполитические методы проникновения». Они создавали в этих советских республиках, а также в Грузии, Азербайджане, Армении сеть подпольного бизнеса и спекулянтов, финансируемую из секретных фондов. Создавался слой людей, не занимавшихся политикой, не выполнявших никаких разведывательных заданий, но по своему духу являвшихся агентами влияния Запада, способными со временем выполнять и политические задачи.

Дух русофобии и национальной неблагодарности в отношении русских, пронизывающий значительную часть прибалтийских народностей, у меня, как и у других соотечественников, вызывал глубокое возмущение. Я знал, сколько крови было пролито русскими людьми на этих землях, чтобы спасти племена, жившие на них, от германского геноцида. Двигаясь на восток, немцы вырезали близкие латышам племена пруссов. Русские, жившие в IX–XII веках на при-

балтийских землях, остановили германский геноцид, оказали значительное благотворное влияние на населявшие их языческие племена эстов, латгал, жемайтийцев, ятвягов и др., неся им духовное просвещение и культуру. В латгальские племена, например, христианство пришло с Руси (почти все слова христианского культа заимствованы из русского языка), а административные округа у латгалов назывались по-русски – погостами. В X–XII веках прибалтийские земли фактически входили в состав Русского государства. В 1030-м Ярослав Мудрый основывает здесь город Юрьев, а земли, населенные племенем эстов, принадлежат Руси. Латгальские земли входят частично в Полоцкое княжество, а частично принадлежат Пскову. К Галицко-Волынскому княжеству относятся земли будущей Литвы.

Ослабление Русского государства в результате татаро-монгольского ига привело к тому, что многие прибалтийские территории оказались захваченными немецкими оккупантами, осуществлявшими геноцид местного населения. Одновременно в 1240-м возникло Великое княжество Литовское, языческая знать которого по культуре и вере была ниже народа, управляемого ею. Это искусственное и нежизнеспособное государственное образование не имело даже собственного государственного языка и использовало русский. Впоследствии оно было поглощено Польшей. На несколько веков Прибалтика оказалась под немецкой и польской оккупацией. В XVI веке Россия начинает борьбу за возвращение прибалтийских земель. В XVIII веке все они полностью вернулись в состав Русского государства, став одной из самых процветающих частей Российской империи. Во время Первой мировой войны германский генштаб разработал план отторжения Прибалтики от России и присоединения ее к Германии. Промежуточным этапом стало создание на прибалтийских землях марионеточных республик (Эстонии, Латвии и Литвы), возглавляемых германскими агентами и политическими авантюристами.

Эти марионеточные прозападные режимы просуществовали два десятилетия и без особой борьбы пали в 1940-м. Прибалтика вернулась в состав России, которая защитила ее в 1941–45 от гитлеровского режима, планировавшего полное выселение с этих земель всех живших здесь прибалтийских народностей и присоединение их земель к Третьему рейху.

В начале 70-х годов в последнюю мою поездку в эти места меня поразили рассказы очевидцев о том, что в некоторых латышских хуторах молодежь чествовала как героев бывших местных эсэсовцев и солдат, воевавших в германской армии. Вначале все это казалось мне просто чудовищным, неправдоподобным, пока во время экскурсии в Ригу я сам не столкнулся с подобным кумиром латышских националистов. Было это в пивном баре, куда я ненароком зашел. В углу зала, сдвинув несколько столов, сидело десятка полтора молодых людей в одинаковых темно-коричневых и темно-зеленых рубашках, а во главе их молодящийся старик, что-то с жаром им вещавший на латышском языке. Отвечая на мой немой вопрос – кто они, сидевший рядом со мной мужчина сказал: «Это местные национал-демократы, главное их занятие – спекуляция, а ближе к вечеру иногда собираются здесь, считают русских «оккупантами» и мечтают о "западной демократии"». Самое интересное, что часть из этих национал-демократов были евреями.

Несмотря на неприятный осадок, который оставляли подобные встречи, мое отношение к Прибалтике не изменилось. Гуляя по морю, совершая экскурсии по городам и местечкам, осматривая музеи, я достаточно неплохо изучил этот край, научился почти безошибочно реагировать на антирусски настроенных типов, невозмутимо поворачиваясь к ним спиной.

В Прибалтике произошла одна из главных встреч в моей жизни. В июле 1972 года на курорте в Лиепае я познакомился с женщиной, которая через год стала моей женой, верным другом и помощником в моих делах. Ее звали Таня, она была из семьи морского офицера-патриота, после войны служившего в бывшем прусском порту Свинемюнде, а мама ее даже в те непростые времена оставалась православной. Первые годы своей жизни Таня провела на Балтийском море, которое для нее, как и для меня, стало особенно близким. Бурный курортный роман перерос для нас в глубокое взаимное чувство. Таня жила в Ленинграде, а я в Москве.

Каждую неделю мы писали друг другу письма. Она приезжала ко мне, а я к ней. Разлука с расстоянием в 800 км в конце концов показалась нам невыносимой. В мае 1973 года мы поженились.

Глава 9

Подведение первых научных итогов. – Понимание сути советской общественной системы. – Социализм как одна из форм развертывания сатанизма

Официальная и подпольная работа в ЦСУ СССР, общение с представителями министерств и ведомств, беседы с Миндаровым, Людвиговым и другими информированными людьми подвели меня к очень серьезным обобщениям, касающимся сути общества, в котором я жил, – так называемого социализма и его вождя Ленина.

Моя бабушка Поля, своими глазам видевшая зверства еврейских большевиков над своими земляками в Вязниках и Муроме, навсегда запомнившая разрушение церквей и преследование священников, считала Ленина извергом и сатанистом. Когда она в сердцах это говорила моему отцу, я ее еще не понимал и был в ужасе от таких слов. Однако к середине 70-х годов я все более убеждался в ее правоте. Последнюю точку в моих сомнениях поставило знакомство с ключевыми мыслями русского философа Алексея Федоровича Лосева, человека великой и трагической судьбы, потерявшего зрение на лесоповале при строительстве Беломорканала. В дом Лосева был вхож мой друг Саша Матвеев. Именно он пересказал мне слова философа о том, что капитализм и социализм есть две формы развертывания сатанизма. Борьба сатаны с Богом – главная завязка мировой истории.

Сатана пытается изменить христианский порядок, стремление к правде, добру и справедливости, обманув людей, предлагая им фальшивую возможность построить рай на земле без Бога. Антихристианская идеология построения утопического социалистического общества есть орудие борьбы с христианской цивилизацией, основанной на духовных ценностях Нового Завета.

Первые зачатки социалистической идеологии связаны с деятельностью иудейских сект, тайных обществ и масонских лож, ставивших своей целью разрушение христианского миропорядка и построение на его руинах нового общества.

Социалистическое революционное движение было воплощением разных сторон иудейско-талмудического мессианизма. Представители его жили религиозным ожиданием чуда наступления новой эпохи, когда роль «спасителей человечества» будет играть «избранный народ».

История социалистической революции и построения социализма в России шла по пути осуществления антихристианских идеалов иудейского мировоззрения, стремления к человекобожеству, к царству земному, к торжеству антихриста. И в этом историческом случае еврейский вопрос в России осуществлялся как вопрос религиозный, хотя на первый взгляд казался больше политическим и социальным. Социализм, коммунизм, а впоследствии и еврейский большевизм всегда были сродни иудейскому мессианизму.

Как писал А. В. Меллер-Закомельский, «все религиозное творчество еврейства насыщено острой и фанатической идеей мессианизма. Мессианизм – это вдохновляющий пафос всей духовной жизни еврейства. Древний Израиль – избранный народ, ожидающий Божеской благодати – рождения Мессии. Великая мессианская идея Израиля, по существу вселенская, издревле сопровождается двумя течениями, суживающими ее и уродующими: шовинизмом и хилиазмом. Еврейский шовинизм низводит мировое призвание мессианизма на степень провинциализма, чает в грядущем Мессии своего царя, своего избавителя, который возвеличит лишь избранный народ и даст ему власть над другими народами. Вопрос поставлен о судьбах всего Израиля, целого народа, коллектива, и индивидуальная судьба человеческой личности остается в тени. Отсюда – удивительный факт, что столь интенсивное религиозное творчество

еврейства очень долго не интересуется проблемой бессмертия, жизни вечной, – проблемой, занимающей центральное место в религиях Индии, Египта и Греции и получающей свое торжествующее разрешение в радостном Воскресении Иисуса Христа. Судьбы человеческой личности поглощены судьбой коллектива, огромностью его божественного признания. Жизнь вечная еврея не интересует, и потому он ищет спасения в этой, земной, жизни и ее продлении. Он требует справедливости, суда Божия, удовлетворения всех его чаяний здесь, на земле. Отсюда – идея хилиазма, которой проникнуто миросозерцание еврейства: оно ждет от Мессии осуществления Царства Божия на земле, земного рая.

Отравленное шовинизмом и хилиазмом еврейство отвергает учение Христа, несущего слова "Царство Мое не от мира сего". Евреи не пожелали принять хлеб небесный взамен чаемого хлеба земного и не признали в христианстве осуществления своего мессианизма. В акте отречения от Христа – величайшая трагедия еврейского духа. Распяв Христа, евреи с еще большей страстью погружаются в свои исконные заблуждения. Мессианские чаяния древности окончательно вырождаются в шовинизм; безблагодатный рационалистический эвдемонизм заменяет хилиазм древних пророков.

В социализме еврейских революционеров, в материализме еврейских ученых, в стяжательстве еврейских капиталистов – все та же древнеизраильская неизбывная привязанность к земле, к жизни сей. Социализм Карла Маркса… есть логический вывод из израильского хилиазма к обществу своему плоть от плоти иудаизма».

Почти все самые значительные основоположники и вожди социализма были евреями по происхождению (К. Маркс, Ф. Лассаль, М. Гесс) или масонами (Гарибальди, Мадзини, Бакунин, Кропоткин), то есть иудеями по духу, последователями мессианской утопии построения «высшего общества» на началах иудейского учения об «избранном народе». Даже К. Маркс, открыто презиравший иудаизм и его последователей за «реакционный национализм», в своих социалистических теориях сохранил все антихристианские, богоборческие принципы иудаизма, лишь перефразировав их.

Его идеи создания справедливого коммунистического общества во всем мире представляли собой модификацию иудейских мессианских ожиданий. Хотя в теории Маркса ничего не говорилось о руководящей роли евреев в этом процессе, сам характер предполагаемой «работы» неминуемо требовал для ее исполнения людей определенного талмудического склада мысли. Социализм и коммунизм являлись как бы первым этапом к установлению господства иудаизма, то есть царства антихриста. Социализм превращался в орудие окончательного уничтожения христианства и формирования атеистического, антихристианского сознания.

Еврейское требование земного блаженства в социализме К. Маркса сказалось в новой форме и в совершенно другой исторической обстановке. «Учение Маркса внешне порывает с религиозными традициями еврейства и восстает против всякой святыни. Но мессианскую идею, которая была распространена на народ еврейский, как избранный народ Божий, Маркс переносит на класс, на пролетариат. Этот новый народ избранный – пролетариат под водительством "специфически еврейских пророков и освободителей" стремится осуществить исконное еврейское чаяние рая земного. И в современном социализме мы находим те же черты, что и в древнем иудаизме. Та же страстная нетерпимость к инаковерующим, то же пренебрежение судьбой человеческой личности во имя коллектива» (А. Меллер-Закомельский).

«Коммунистический манифест» К. Маркса формулировал цели создания сверхгосударства, все его члены подчиняются единой воле своих вождей и становятся бессловесными строителями (фактически рабами) «нового мирового порядка», из которого полностью исключалось христианство.

Талмудическую доктрину о неизбежности мирового господства «избранного народа» и построении всемирного иудейского царства Маркс трансформировал в теорию всемирной революции, установления диктатуры класса для создания высшего общества. Как и талмуди-

ческий иудаизм, социализм Маркса предполагал широкомасштабное насилие и террор против всех противников господствующего класса («избранного народа»).

В этом смысле более последовательным и честным, чем Маркс, был Мозес Гесс, подлинный создатель социализма с еврейским лицом.

Друзья называли Гесса «рабби-коммунист Мозес». Всемирная революция будет только тогда успешной, когда ее будут возглавлять иудеи-талмудисты. Окончательное спасение человечества, утверждал он, придет от евреев. Как писал видный современный сионист Г. Фиш, «для него (Гесса. – *О. П.*) сионизм (хотя тогда этого термина еще не было. – *О. П.*) был высшей точкой либеральных революций XIX века, но и в какой-то степени их антитезой. Сионизм объединит религию и историю; материальное и духовное сольются и образуют идеальное единство. Осуществятся национальные чаяния, поднявшись до уровня мирового спасения».

Главная цель всех революций, утверждал в середине XIX века Гесс, – возрождение Израиля на его земле. Когда Израиль вновь обретет свое истинное призвание в господстве «избранного народа» над человечеством, «исторический процесс завершится окончательным избавлением и будут достигнуты цели всех других революций» (Г. Фиш).

Гесс считал еврейскую революцию главной силой человеческого прогресса. Иудаизм представлялся ему не в качестве религии – отжившей, преодоленной высшим светом христианства, а в качестве ее преемника. Высшая фаза иудаизма еще не наступила, но именно она принесет избавление человечеству. Весь мир нуждается в возрождении Израиля. Христианство, по утверждению Гесса, никогда не вело человека к подлинному спасению, которое несет иудаизм. Эпоха христианства подходит к концу; после французской революции XVIII века оно перестало влиять на события в Европе. Победа еврейской революции в мире неизбежна.

Хотя дальнейший ход истории не подтвердил всех предсказаний Гесса, окончательные цели еврейской революции были достигнуты. Как констатировал К. Гарольд, «современный коммунизм развивался не по тому пути, который наметили для него Гесс и его друг Фердинанд Лассаль, а по программе, начертанной Марксом и Энгельсом. Однако диалектического процесса им оказалось достаточно, чтобы повести общество по заранее намеченному пути, проложенному исторической необходимостью…» За этой туманной фразой скрывается вполне ясная мысль иудея, торжествующего по поводу крушения христианства; по его мнению, это крушение явилось исторической необходимостью.

В работах Гесса – ключ к пониманию характера и конечных целей всех революций и социалистических движений, и прежде всего социализма в России.

Евреи в российском социалистическом движении играли роль катализатора и направляющей силы. Если на первых этапах революционной деятельности их немного, то к концу XIX – началу XX века они стали преобладающей силой.

В кружке будущего знаменитого масона и террориста Н. В. Чайковского (1869), пожалуй, наиболее заметны были Марк Натансон и Анна Эпштейн. Последняя способствовала возникновению в 1874-м в Вильно (духовном центре иудаизма, местопребывании Синедриона и виленского гаона) революционного кружка, во главе которого стояли Арон Либерман и Арон Зунделевич. От этого виленского кружка и от первого «Еврейского социалистического ферейна», основанного в 1876-м тем же Либерманом в Лондоне, и ведет свою родословную всемирное еврейское социалистическое рабочее движение.

В организациях, примыкавших к обществу «Земля и воля» (1876), участвовало несколько десятков евреев, игравших значительную роль, особенно в южнорусских кружках.

По делу народовольцев на «процессе пятидесяти» (1876) проходили две еврейки – Геся Гельфман и Бетя Каминская. На «процессе 193-х» (1877–1879) на скамье подсудимых оказались уже восемь евреев: Соломон Аронзон, М. Кац, И. Павловский, М. Рабинович, Л. Тетельман, С. Чудновский, М. Эдельштейн и Э. Пумпянская.

К числу наиболее выдающихся еврейских деятелей «Земли и воли» и «Народной воли» относились А. Арончик, О. Аптекман, П. Аксельрод, Г. Гольденберг, Г. Гельфман, Л. Дейч, А. Зунделевич, С. и Г. Златопольские, Вл. Иохельсон, Н. Утин, Ф. Морейнис, Г. Фриденсон, Л. Цукерман. Среди террористов-народовольцев, казненных русским правительством уже в 1870-х, известны два еврея – А. Гобет и С. Витенберг.

Цареубийство 1881-го – страшное преступление против русского народа, совершенное «народовольцами», – заставило русское правительство полностью разгромить эту подрывную организацию. Однако уже через несколько лет делается попытка восстановить преступное подполье под тем же названием. На этот раз инициаторами возрождения политического терроризма были преимущественно евреи. Имена и деятельность этих преступников кровавыми буквами вписаны в историю России: А. Бах, Р. Кранцфельд, Б. Оржих, Л. М. Залкинд, С. Гинзбург, М. Гоц, М. Фундаминский, О. Минор, Г. Добрускина, И. Дембо, М. Кроль, Л. Штернберг, В. Богораз-Тан, П. Богораз.

С конца XIX века социал-демократическое движение стало главной составляющей еврейской революции в России. Его инициаторами, начиная от группы «Освобождение труда» до «ленинской гвардии», выступили также евреи: Ю. Мартов (Цеденбаум), Ф. Дан (Гурвич), Л. Аксельрод-Ортодокс, Ю. Стеклов (Нахамкес), Д. Кольцов-Гинзбург, Э. Абрамович, А. Кремер, М. Ляховский, Б. Эйдельман, Д. Рязанов (Гольденбах), М. Винокур, Ф. Годлевский, А. Соколовская, Е. Гурвич, Д. Шхиз, Д. Розенблюм, Ц. Копельзон, Л. Иогихес-Тышко, Л. Айзенштадт-Левинсон, И. Айзенштадт-Юдин, П. Гордон, С. Гожанский-Лону, Н. Вигдорчик, П. Средницкая, В. Кассовский.

Главными задачами, которые ставили перед собой социалисты в России, были: уничтожение русского государственного порядка (монархии), ликвидация Русской Православной Церкви, террор против всех, кто не принимал социалистической доктрины, и, наконец, построение общества всеобщего благоденствия. В 1917-м социалистическая партия захватила власть. Лидером социалистического движения стала партия большевиков, возглавляемая В. И. Лениным (по матери Бланк), Л. Д. Троцким (Бронштейн), Г. Е. Зиновьевым (Радомысльский), Л. Б. Каменевым (Розенфельд).

Российским социалистам удалось выполнить разрушительную часть своей программы, а созидательная часть оказалась им не под силу. Семьдесят лет социалистического эксперимента привели к гибели десятков миллионов людей (казненных, убитых, умерших от голода и болезней) и подрыву экономического потенциала страны. Относительные экономические успехи достигались огромной ценой выматывания народных сил. Разрушение и расчленение страны под руководством деятелей КПСС М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина стало логическим завершением развития социалистической идеологии.

Впрочем, до разрушения России оставалось еще 15 лет. Все было предрешено и вместе с тем оставляло надежды на спасение России, задушенной социализмом. Противостояние социалистической идеологии означало неприятие сатаны. Борьба с социализмом – борьба против антихриста. Еще тогда, в середине 70-х, я понял, что бороться с социализмом в СССР можно только путем подмены его понятий христианскими идеями Святой Руси, не называя их источника, а предлагая их как якобы социалистические. В своих ранних статьях и первых книгах я говорю о «возвращении к народным основам, традициям и идеалам», призывая к культурно-историческому возрождению, кнакопленным поколениями нашихпредков духовно-нравственным ценностям добра, нестяжательства, справедливости. Конечно, я был наивен – нельзя обмануть князя Тьмы.

Глава 10

Прощание с ЦСУ. – Поиск новой работы. – Институт труда. – Имитация науки. – М. Г. Мошенский и евреи. – Совхоз «Заветы Ильича». – Исследование масонских гнезд. – П. И. Новиков и Авдотьино. – Граф Орлов-Давыдов в «Отраде»

В середине 70-х умер начальник ЦСУ СССР Старовский. Его преемником стал почти не скрывавший своих сионистских убеждений Лейба Володарский. Атмосфера в учреждении резко ухудшилась, оживилась «сионистская партия». Научная работа меня увлекала, но в стенах ЦСУ я не видел перспектив для своего развития как ученого. В конце 1976-го я начал искать новое место работы. По рекомендации друзей и знакомых посетил несколько исследовательских учреждений – Институт США и Канады, Институт международного рабочего движения, Экономический институт Министерства обороны (ГРУ), Экономический институт СЭВ и Институт труда.

В Институт США и Канады (о котором я расскажу подробнее в следующей главе) меня рекомендовал мой учитель Миндаров. Сюда я пришел к его знакомому В. М. Кудрову, с которым ранее встречался при работе над диссертацией. Это был один из ведущих специалистов в области экономики США, проживший в этой стране несколько лет. Принял Кудров меня приветливо, но с ходу огорошил откровением: «Наш институт «позвоночный», принимают только по большой протекции (по звонку) сверху. Наш шеф Арбатов проводит политику подбора кадров среди отпрысков советских государственных и партийных деятелей. Опираясь на отпрысков, директор обделывает свои личные делишки. Я в институте считаюсь оппозицией, поэтому вряд ли моя протекция вам поможет. Впрочем, если вы даже и устроитесь в нашу контору, то вам не дадут ходу. Заставят быть шестеркой при каком-либо отпрыске! То, что вы написали интересную диссертацию по США, здесь ничего не значит. Институт занимается больше политикой, чем наукой».[87]

Институт международного рабочего движения, куда я пришел тоже по протекции знакомых в присутственный день, поразил меня огромным количеством евреев. Казалось, ты находишься в другой стране. Непонятно, откуда возникла такая любовь «избранных» к рабочему движению, но за полтора часа, которые мне пришлось ожидать опоздавшего зав. отделом, я не услышал ни одного научного разговора. Шел обычный бытовой треп – об одежде, машинах, кто с кем спит, что можно купить в зарубежных командировках и т. п. Причем треп не русский, а какой-то иностранный, совершенно пустой и скучный. Немного поговорив с заведующим, который с ходу стал втягивать меня в какую-то интригу, я понял, что никогда не смогу работать с этой публикой. Сказав, что я подумаю, и вежливо попрощавшись, я ушел, чтобы никогда туда не вернуться.

Экономический институт СЭВ на Сухаревской площади в отличие от предыдущей конторы был пуст. На всем пути, начиная с вахты до кабинета на третьем этаже, где мне была назначена встреча, я не встретил ни одного живого человека. Около часа я пытался добиться у начальника отдела, миловидной женщины средних лет, ответа на вопрос – чем же все-таки реально занимается институт, и наконец понял – обтекаемыми экономическими фикциями. Институт, как и сам Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), был фикцией, созданной для того, чтобы скрыть ужасную правду. Правда же состояла в том, что СЭВ был создан как инструмент перекачки ресурсов России в восточноевропейские страны и Вьетнам. Это следо-

[87] Через несколько лет Кудрова убрали из Института США и Канады. Незадолго до этого у меня был с ним интересный, еще более откровенный разговор касательно «публики», составлявшей костяк института. В этих откровениях были боль и желчь.

вало из секретных документов, с которыми я познакомился еще в ЦСУ. Работа в Институте СЭВ показалась мне бесперспективной и неинтересной.

Экономический институт Министерства обороны размещался в купеческом особняке в районе Курского вокзала. Сразу же за автоматчиком на вахте бросалась в глаза написанная во всю стену картина с полуобнаженными женщинами. Любезный полковник рассказал мне, что институт занимается изучением экономического потенциала стран – главных противников СССР, к которым относятся США, Китай и ведущие страны Западной Европы. Рассказывал он про это с большой заинтересованностью и знанием дела. Характер и направление исследований мне понравились, однако сильно смутило то, что для служебного роста требовалось надеть погоны и фактически стать военнослужащим. Более того, работа в институте означала переход под полный контроль спецслужб. Последнее для меня было неприемлемо, так как я уже твердо решил продолжать свои подпольные исследования «Россия во времени и в пространстве» и сумел собрать в ЦСУ большое количество совершенно закрытых в то время материалов. Подумав две недели, я с грустью отказал любезному полковнику.

Наиболее подходящим вариантом для меня оказалось предложение из Института труда. Зав. отделом производительности труда этого института Алексей Павлович Костин, часто приходивший в ЦСУ на консультации, однажды предложил мне организовать в его отделе сектор международных сопоставлений. Русский человек, фронтовик, по своему духу он был похож на моего отца, и я, подумав несколько недель, согласился.

Мне казалось, что я смогу самостоятельно работать, используя результаты моих официальных занятий для подпольных исследований. На деле получилось иначе. Алексей Павлович перенес инсульт и не смог выполнить свое обещание о создании сектора. В качестве старшего научного сотрудника мне пришлось заниматься совершенно пустыми темами. Созданный в 20-е годы А. Гастевым Институт труда в свое время был известным научным учреждением, в котором работали видные ученые. Проводились серьезные исследования, выпускались солидные монографии. В институте была собрана богатая научная библиотека.

Но к моменту моего перехода в этот институт положение существенно изменилось. Самых видных специалистов здесь уже не было. Руководство института перешло в руки заурядных чиновников, не имевших серьезных научных заслуг и выпускавших монографии, больше походившие на коряво написанные производственные инструкции, чем на научные исследования. Директором при мне был Д. Н. Карпухин, полуеврей, державшийся с большим апломбом, очень похожий на самодовольного индюка. Если его предшественник Е. И. Капустин допускал продвижение русских кадров, то Карпухин делал ставку преимущественно на евреев. Они занимали все ключевые должности. После ухода по болезни Костина зав. отделом производительности труда был назначен сионист Я. М. Шагалов, человек малокомпетентный, но занимавший одно из первых мест в структуре сионистской партии института.

Эта партия в Институте труда была менее сплоченной, чем в ЦСУ Группу сионистов возглавляли Рысс, Шагалов, Коробчинский. Все они входили в партком института и считались самыми видными партийными активистами института. В конце 80-х два последних уехали в Израиль. Люди эти своей активностью буквально терроризировали институт, подавляли все проявления русских национальных чувств. Компартия для них была вроде дубины для расправы с инакомыслящими. Помню, как активисты сгоняли сотрудников института на общие собрания и устраивали чтения партийных документов и воспоминаний Брежнева. Тех, кто избегал этих собраний, по их инициативе прорабатывали, лишали премии. Вокруг сионистских активистов сплачивались их соплеменники, не имевшие ничего общего с наукой. При Шагалове большая часть его соратников год от года давала практически одни и те же отчеты со стереотипными выводами, добавляя только данные за последний период. Читать плоды их трудов было и скучно, и смешно. Редким исключением среди еврейской части Института труда были М. Г. Мошенский (зав. отделом капиталистических стран) и Слезингер. Это были серьез-

ные исследователи, пользовавшиеся заслуженным авторитетом и за стенами учреждения. С Мошенским, несмотря на его происхождение, у меня установились хорошие отношения – хотя ладить с ним было нелегко. Очень сложный человек, с частыми депрессиями и переменами настроения, он постоянно ругал «этих жидов» (его слова о Шагалове и Рыссе), от которых «не добьешься толку». В начале его выпады против «жидов» казались мне грубой провокацией, а затем я понял, что он, как серьезный ученый, действительно презирал их за некомпетентность и имитацию науки. Настроенный критически к советской власти, он, выходец из Одессы, поведал мне, как в этом городе расправлялись с белыми офицерами и членами русских патриотических организаций – Союза Русского Народа и др. Их привозили лодками на два больших корабля, стоявших на рейде в заливе, садистски мучили, а потом убивали и бросали в море. Иногда море выбрасывало на берег изуродованные трупы, а большевики объявляли их жертвами бандитов. За короткий срок еврейские чекисты уничтожили по списку всех членов местных русских патриотических организаций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.